

Буров В.А.

**ДОЛГИЙ ПУТЬ
В АРХЕОЛОГИЮ**

ДОЛГИЙ ПУТЬ В АРХЕОЛОГИЮ

В. А. Буров

**ДОЛГИЙ ПУТЬ
В АРХЕОЛОГИЮ**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2023

УДК 93
ББК 63.3(2)63
Б91

Буров В. А.

Б91 Долгий путь в археологию. — СПб. : Нестор-История, 2023. — 336 с., ил.

ISBN 978-5-4469-2093-8

Это автобиографическая повесть сотрудника Института археологии РАН о детстве, семье, школьных годах, первой археологической экспедиции, о службе в армии до поступления на исторический факультет МГУ. С 4-го класса автор мечтал стать археологом и неуклонно шел к цели вопреки желанию родителей, стремившихся направить его на иную стезю, и зигзагам судьбы. Одновременно это и путешествие историка в ушедшую социалистическую эпоху. Автор по ходу повествования разбирает артефакты домашнего архива. Охвачен период с 1948 по 1969 год. Данная работа, основанная на воспоминаниях и сделанных ранее записях, может представлять интерес с точки зрения изучения повседневности.

УДК 93
ББК 63.3(2)63

ISBN 978-5-4469-2093-8

© Буров В. А., 2023
© Издательство «Нестор-История»,
2023

Оглавление

От автора	7
Глава 1. Годы 1948–1962	12
Рожденный «в рубашке»	12
Предки с центра и юга России	16
Отец и его семья	18
Мать и ее родители	25
Знакомство Андрона и Валентины. Война и первые послевоенные годы ...	37
Моя Преображенка	44
Переезд в подмосковное Ховрино	47
«Амазонка» и «Чикаго». Историко-топографическое пояснение	53
Дошкольные годы	65
Школа 41 Октябрьской ж./д. 1–4-й классы	74
В гости на Преображенку	84
Летом в Радованье	91
Квадрат суммы двух чисел	97
Дела домашние и не только	113
Дворовое братство	119
Пионерлагерь и археологический кружок	126
Глава 2. Годы 1962–1967	131
Прощай, Ховрино!	131
Один день ученика 9-го класса 722-й школы	138
В кружке «Археология первобытного общества»	147
Археологическая экспедиция в Рязанскую Мещеру	151
Душой завладела археология	175
Снова Черная Гора	183
С Митяевым в МГУ на лекции	192
11-й класс. Что я здесь делаю?	196
Где же ты, истфак?	203
Глава 3. Годы 1967–1969. Армейские университеты (Осторожно, мат!)	209
Карантин	209
Рота связи	217
«Целина». Отъезд в Ростовскую область	232

Из армейских портретов. Сыч	240
Больница. Дядя Вася	249
Возвращение в лагерь. На погрузку	257
На Алтай	271
В Орловскую область. Самогонный край	287
После «целины»	298
«Слон без хобота»	306
Последние полгода	313
После армии	325
Весна 1970 года. В реставраторы	328
Вступительные экзамены в МГУ	330
Вместо эпилога	333
Об авторе	336

Пишу не для мгновенной славы:
Для развлечения, для забавы,
Для милых, искренних друзей,
Для памяти минувших дней.

Алексей Кольцов

От автора

В детстве я хотел быть военным моряком, как мой отец, а в юности возникло страстное желание стать археологом. Немного позже, на читавшись книг, мечтал написать увлекательную повесть. Если свою юношескую мечту сумел осуществить, несмотря на зигзаги судьбы, то на вторую давным-давно махнул рукой, хотя с подросткового возраста писал небольшие тексты, где моим литературным героем был некий Сергей, который бредил археологией. Но чтобы книга захватывала, нужно было располагать интересным жизненным материалом или открыть читателю какую-нибудь тайну.

Сейчас, на склоне лет, я понял, что книга назрела. Мне есть что сказать и о чем рассказать. Нехитрые повседневные записи, сделанные десятилетия назад о школе и армии, вдруг стали смотреться как бесценные свидетельства ушедшей эпохи, своеобразные репортажи из той далекой жизни, детали которой моя память, казалось, стерла навсегда. Неожиданно это прошлое вспомнилось в мелочах и всплыло отчетливо перед глазами. Перечитываю записи и удивляюсь, насколько порой подробно описано то, чему являлся сам свидетелем. После этого я понял, что владею двумя важными тайнами и ради чего необходимо написать повествование о жизни простого человека, не обремененного славой и известностью. Прожитая повседневная жизнь в определенный исторический период уже сама по себе должна представлять интерес. Она самоценна. А мы часто не понимаем этого, как динозавры не понимали, какую ценность их останки представляют для науки будущего.

Тайна №1. Машину времени изобретать не надо. Она создана давным-давно, существует и исправно действует столько, сколько лет человечеству. Называется эта машина времени — Память. Передвижение во времени у нее ограничено строгими хронологическими рамками жизни конкретного индивидуума. Она не может доставить нас в будущее, только в прожитое. При этом прошлое может всплывать настолько

реально, что, покажется, еще немного, и его можно потрогать рукой. Прошлое постепенно насыщается красками, запахом, движением, головами. Картинка начинает медленно и все отчетливее проявляться перед глазами с домами, улицами, из которых некоторые уже не существуют, сверстниками, которые замерли в своем юном и подростковом возрасте. И в этот момент тебя пронзает необыкновенная меткость каждого слова и образов четверостишья Беллы Ахмадулиной:

И вот тогда — из слез, из темноты,
из бедного невежества былого
друзей моих прекрасные черты
появятся и растворятся снова.

Благодаря данному повествованию я заново начинал проживать минувшее, осознавая ценность каждой черточки, каждого штриха исчезнувшей с исторического горизонта эпохи. С каждой новой строкой стал благодарить Творца за то, что он отправил меня, историка, в **качестве свидетеля во вторую половину XX века и в начало 3-го тысячелетия нашей эры.**

Не жалею также, что моя жизнь была, по сути, житием идеалиста, воспитанного на идеях справедливости, добра, честности и веры «в светлое коммунистическое будущее», хотя идеалы эти сталкивались порой с жесткой правдой «реального социализма» и самой жизни. Как очевидец, свидетельствую, что ушедший строй 1950-х — 1980-х годов был более справедливым и гуманным, нежели нынешний. Мы тогда жили в социальном государстве, хотя имелись проблемы, без которых не существует ни одно общество и государство. Но эти проблемы постепенно решались. Можно сказать, нашему поколению конца 1940-х — начала 1950-х годов была предоставлена возможность снять сливки социализма, ради которого было пролито чудовищное количество крови. Это была эпоха, где доминировал культ знаний и науки, дружбы народов. У меня тогда было ощущение, что СССР и соцстраны накрыты бронированным стеклянным колпаком, за которым в остальном мире происходят все ужасы военных конфликтов и царит несправедливость.

Тогда из-за цензуры и благодаря партийной печати (а вся пресса была партийная) многое от нас было скрыто. Но пришедший в 1990-е на смену банковско-олигархический капитализм российского образца оказался на деле еще более несправедливым, крайне жестоким, супер-бюрократическим, коррупционным с неизбежными элементами вожизма и автократии, хотя в материальном плане при наличии денежных средств он более комфортный, без очередей и дефицита товаров. И менее счастливым. Одновременно возник класс бедноты, миллионы

людей оказались за чертой бедности. К тому же трудно даже назвать цифру молодых парней, погибших в схватке «за металл», и пожилых людей, как мой отец, раньше ушедших, не сумевших сердцем пережить национальную катастрофу. Нынешнее государство, вопреки официальным громогласным убаюкивающим заявлениям, становится все менее и менее социальным. За все надо платить. С каждым днем разрастается пропасть между миллионерами, миллиардерами и простыми людьми. Исчез культ знаний и науки. Его заменил культ попсы и звездности, культ денег и славы, самолюбования. Это стало править миром. На таком фоне «достижений» реального капитализма с провалами экономики проклинать и ругать исчезнувший реальный социализм, создавший к 1980-м годам мощную индустриальную державу, мягко говоря, некорректно.

Приходится крепко задуматься, а какой же строй лучше? Такое впечатление, что я сравниваю бело-черное с черно-белым, что неперспективно. Эти две краски с разной степенью густоты в российской истории оказались просто неразъединимы. Они кажутся безнадежно вечными. Так стоило ли отказываться от социализма и преобразования его в социал-демократическое государство по типу благополучных с высочайшим уровнем дохода скандинавских стран или Австрии или, наконец, идти по линии экономических реформ Китая, чьи зашкальные темпы развития экономики несопоставимы с нашими черепашьими шагами осуществления зачастую бумажных программ, которые нереальны при нынешнем строе и при узурпированных кучкой людей недрах? Ответ для меня очевиден. Россия в очередной раз совершила глобальную катастрофическую ошибку. И **мы, дети «развитого социализма», — последние свидетели ушедшей эпохи, которые обязаны оставить о ней без прикрас честные воспоминания.**

Тайна № 2. Миллионы россиян, родившихся в СССР, своим рождением в прямом смысле обязаны Ленину и партии большевиков. Это не юмор, а чистейшая правда! Уже только поэтому я не стану проклинать эпоху социализма. Коммунистические вожди в своем фанатическом бескомпромиссном стремлении построить первое в мире бесклассовое общество, идеалистически справедливое государство (все это переплеталось с искусительным желанием повелевать массами и уничтожить противников) привели в движение такие мощные силы, которые вызвали такое гигантское социальное цунами, что сблизились люди, которые в прежней системе просто никогда не могли встретиться и зачать детей. Пример тому — поучительная судьба моих родителей. И таких судеб десятки миллионов, если не сотни. Нам просто повезло, что броуновское движение человеческой плоти, освященное Великой

Октябрьской Социалистической революцией (ВОСР) и озаренное ее светом, пошло в эгоистически удачном для нас направлении, и мы, счастливы, порожденные этим Хаосом, познали Свет Солнца, оказавшись на прекрасной планете Земля. Наши дети и внуки — неизбежное произвольное продолжение событий тех давних трагических лет.

В целом наше поколение второй половины 1940-х годов оказалось на порядок счастливее своих родителей, потому что мы были сверхжеланными детьми после четырех лет тяжелейших военных страданий, потому что вскоре наступила «Оттепель», отменившая тюрьмы и концлагеря сталинщины, потому что мы застали пик развития и построения социального государства под названием «реальный социализм» с его большими плюсами и большими минусами. Однако, если бы не события Великого Октября 1917 года, когда власть в свои руки взяли большевики, эти идеалисты-экстремисты, то ругать Сталина, Хрущева, Брежнева и прочих правителей СССР, вплоть до Горбачева с его знаменитыми неграмотными словами «начать», «мышление» (от слова «мышь»?) было бы из нас просто некому. Нас не существовало бы в природе, а по Российской земле ходили бы иные люди, и во главе ее стояли бы иные вожди.

Но если уж нам выпал данный жребий, то надо «благодарно принимать» не только погоду, как советовал поэт-кинорежиссер Эльдар Рязанов, но и свою судьбу, историю России со всей ее сложностью, противоречивостью, неоднозначностью, трагедиями, страданиями и многообразием. Не следует огульно охаивать социалистический строй, как это делают современные российские неолибералы, выдающие себя за светоч российской интеллигенции, преподносить его как исключительно черную, а объективно рассматривать его появление и развитие в контексте всей российской истории и государственности. Ведь именно многочисленные грубейшие ошибки, допущенные эгоистическим властным царским режимом во второй половине XIX — начале XX века, и привели к двум великим революционным смутам 1917 года — сначала февральской, а затем октябрьской. И ныне накопление ошибок нашими неолибералами, считающими себя во всем правыми, снова повторяется. Идеальных государств на свете никогда не существовало и никогда не будет. Но хочется надеяться, что благоразумие или инстинкт самосохранения у наших правителей восторжествует и Россия перейдет к подлинно социально-демократическому государству по западноевропейскому образцу. Для начала следует ввести прогрессивный налог на прибыль, постепенно до 50 %, а ставки банков, откровенно грабящих людей и тормозящих бизнес, снизить до 3%. Ну, а если не согласны, то провести национализацию. Иначе

Россия останется вечно нищей страной под управлением корпораций, и в какой-то момент обнищавший и одичавший в культурном, интеллектуальном плане народ по итогам оптимизационных реформ устроит очередную смуту «безумную и беспощадную». Даже не хочется думать о плохом.

Наше поколение застало долгожданную, обнадеживающую Перестройку, которая завершилась предательством, отчасти даже и государственной изменой стремившейся к власти, славе, деньгам прогнившей партийно-комсомольской элиты СССР, а вместе с ними всякого жулья и проходимцев. Это в свою очередь привело к краху нашей государственности — «великий, могучий Советский Союз» (из слов гимна, которых современная молодежь не знает) исчез с карты мира. И пока наше поколение живо, необходимо оставить как можно больше конкретных свидетельств очевидцев минувших эпох, не приукрашивая их и не оправдывая. Как же мы реально жили в минувшую социалистическую эпоху? Как ощущали ту эпоху? Какими черточками эпоха преломлялась сквозь нашу жизнь? С какими людьми сталкивала нас судьба? Как мы реализовывали свои детские и юношеские мечты, проходя через предначертанные нам испытания?

Ясно, что все семьи жили и живут по-разному. Потому не берусь говорить о жизни всех, буду говорить только от себя, о своей семье и о своем восприятии мира. Но у меня сложилось твердое убеждение, что в своем несчастье в жизни часто виноваты сами люди, словившиеся, изменившие себе и не выдержавшие испытаний, приуготовленных им за углом судьбой. Судьбу же определяет не только стечение обстоятельств, порой неоправданно суровых и трагических, которые человек не в силах отменить или преодолеть, но и характер человека.

Главное — не изменить своей мечте. Тогда и человек по итогам жизни будет счастлив. Подлинное Счастье нельзя измерить деньгами, «шмотками», славой, уровнем властвования, купленными иностранными спортивными клубами, личными самолетами, яхтами, машинами. Это совсем иная категория жизни на Земле. Счастье — это когда человек занят любимым и одновременно общепольным делом, когда он любит и любим.

Глава 1

Годы 1948–1962

Рожденный «в рубашке»

Детство, милое, беспечное, окутанное туманной дымкой, ушедшее неозвратно в бесконечную даль годов. Как не вспоминать эти дорогие сердцу годы? В определенном возрасте начинает щемить сердце, когда приходит осознание утраты чего-то прекрасного и светлого. Именно в таком душевном смятении и создавал первые очень личные повести Лев Толстой, а Сергей Аксаков писал воспоминания. Но возможно и другое, когда, как у Максима Пешкова, возникло желание написать трилогию, чтобы поделиться горьким жизненным опытом, а потом взять соответствующий псевдоним.

Человеку свойственно с вершин далекого далека — своего возраста — пытаться с помощью памяти посетить незабываемые уголки счастливого и печального, веселого и горестного, порой сурового, но в любом случае незабываемого ушедшего мира. А для младенческого беспмятного возраста приходится прибегать к фантазиям, как все происходило.

— Мамаша! Сын-то родился в рубашке! Счастливый будет! — и при этих услышанных в первые секунды жизни и не понятых мною словах, произнесенных медсестрой, я заорал во все горло. Я плакал, поскольку моя жизнь началась с того, что у меня отняли рубашку, впрочем, дали вдохнуть полной грудью воздух, оттого что внезапно куда-то исчез родной и взволнованный стук сердца матери, оттого что какая-то неведомая сила вытолкнула меня из теплой мягкой темноты в холод и на свет. Кто-то чужой и сильный хотел отнять меня у мамы. Он подхватил на руки и сделал больно, похлопав по спине и попе. Все мое существо заполонил страх. Я заорал еще громче. Но вот мягкие руки взяли мое тельце. И я понял: это — родное. Стал успокаиваться. Мать здесь, рядом. Я почувствовал ее дыхание и ритм ее доброго сердца. Что-то мягкое обернуло тельце. Стало вновь тепло. И, успокоившись, я заснул, вновь погрузившись в почти прежнюю и в то же время новую сладкую

тму. Вот так много лет спустя я попытался представить свое рождение под знаком девы 23 сентября 1948 года.

Я, конечно, не знал, в какой стране родился, не говоря уже о том, что не представлял, в какой точке Вселенной и на какой планете появился на свет. И потому 70 лет спустя, после отмеченного юбилея, мне показалось весьма забавным заказать в Исторической библиотеке подшивку газеты «Правда» за осень 1948 года и узнать с точки зрения исторического источника, как характеризует страну моего появления на свет № 267 (11008) этой газеты, вышедший в четверг 23 сентября.

Передовица «Навстречу 31-й годовщине Великого Октября» извещала, что я родился в СССР — родине Великого Октября. Эта статья явно приветствовала мое рождение, поскольку, как я уже писал, своим появлением обязан именно Октябрю 1917 года. Тут же сообщалось о 20-м томе сочинений В. И. Ленина и 34-миллионном тираже «Истории ВКП(б). Краткий курс». Все это по тогдашним идеологическим канонам обосновывало неизбежность и историческую закономерность моего явления в мире социализма.

Первая страница четко обозначила, кто в государстве главный. Подборка докладов из разных областей о выполнении и перевыполнении плана сдачи хлеба была адресована «Председателю Совета Министров Союза СССР товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину». На последней странице программа радиопередач предлагала прослушать вечером после работы в домашней уютной обстановке лекцию «Восьмой том сочинений Сталина».

Привлек мое внимание и некролог о смерти доктора исторических наук А. В. Мишулина, изучавшего античность и написавшего работу «Спартакское восстание». Это был символический знак смены поколений: ушел один историк, и сразу же народился другой. Символично упоминание Спартака: мой дед по материнской линии был фанатически предан футбольной команде «Спартак».

Читая далее «Правду», я ознакомился с публикациями, которые давали отчетливо понять, что за ближайшие 70 лет в мире мало что изменится, что в сфере политики государства, как слепые лошади, будут ходить по замкнутому кругу, из которого они никак не смогут выйти. Мир погрязнет в одних и тех же нерешаемых проблемах и стремлении первенствовать и командовать.

Действительно, союзники-враги СССР и США 23 сентября 1948 года пребывали вместе в Корее, где воевали против общего врага — милитаристской Японии. А сейчас, в 2018 и 2019 годах, наблюдается то же самое в Сирии, только воюют они против ИГИЛ, но при этом не доверяют друг другу. В опубликованном в «Правде» письме руководства Кореи

говорилось: «Корейский народ никогда не забудет, что из рук Советской Армии он получил освобождение от ненавистного многолетнего японского рабства и вместе с тем получил возможность строить жизнь на демократических началах <...> Сейчас уже у правительства США нет и не может быть даже чисто формального повода для дальнейшего содержания своих оккупационных войск на территории Кореи». Так и хочется слово «Корея» заменить на слово «Сирия», а «японское рабство» поменять на «ИГИЛ». Не осталось и у США «формального повода» не выводить свои войска из Сирийской арабской республики, но не выводят же.

В заметке о 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся в Париже, говорилось: «Предварительная повестка изобилует вопросами, постановка которых продиктована отнюдь не желанием укрепить международное сотрудничество, а, наоборот, стремлением усугубить раскол между объединенными нациями». Сообщалось и о послушном США большинстве, призванном обслуживать интересы внешней политики США, о начале «Американского века» после Второй мировой войны, о Трумане, Даллесе, которые начали холодную войну. Снова все знакомо.

День сегодняшний напоминала и ситуация, сложившаяся осенью 1948 года, во время кампании по выборам президента Соединенных Штатов Америки. Газета «Правда» опубликовала выступление по радио «кандидата прогрессивной партии» Генри Уоллеса, который заявил, что «сейчас Соединенные Штаты, как никогда раньше в истории страны, находятся в руках неспособных и беспечных людей; двухпартийная внешняя политика привела нас к кризису, чудовищному и опасному для Америки и всего мира». Как не вспомнить выборы Трампа и все то, что сейчас творится в США с президентом Джо Байденом?

Но не будем о грустном. Вернемся в роддом 1948 года. Я родился ближе к середине дня. Много лет спустя на мой вопрос, в каком часу это произошло, мама стала высчитывать. Получилось, что, когда отец уходил утром на работу, я еще находился в утробе, а когда он пришел на обед, то ему сообщили, что он уже дважды папа с учетом моей сестренки Али, родившейся двумя годами раньше. На этом формирование ограниченного контингента нашей семьи завершилось.

Родителям таких младенцев, как я, в то время через неделю при выписке выдавали документ с названием «Медицинский паспорт ребенка». Именно паспорт! То есть государство расценивало меня с момента появления на свет как полноценного гражданина СССР. Паспорт — это вам не справка под названием «Свидетельство о рождении»! Об этом историческом факте говорит теперь уже ценный

артефакт, отложившийся в культурном слое моего домашнего архива, — небольшая книжечка в желтой мягкой картонной обложке размером 9,6×14 см, сбереженная мамой. Сверху надпись: «Исполнительный комитет Московского городского совета депутатов трудящихся. Московский городской отдел здравоохранения». В центре название: «МЕДИЦИНСКИЙ ПАСПОРТ РЕБЕНКА». Ниже: «Москва. 1947». На обороте задней страницы желтой обложки — подчеркнутое слово «БЕСПЛАТНО». Внутри документа, выданного 1 октября 1948 года роддомом № 26, слегка выцветшими чернилами на белой бумаге в определенных графах сделаны записи о том, что моя фамилия Буров (ниже пояснено — мальчик), родился 23 сентября 1948 года. Адрес родителей — Черкизово, Страховская ул., дом 5, кв. 3. Роды прошли нормально. Вес при рождении 4050, рост 52. При выписке вес убыл на 20 грамм. Еще бы! Ведь через несколько страниц — в таблице отмечены три неприятные предохранительные прививки («иммунизация») — 25/IX, 27/IX, 29/IX. Почему-то не были указаны имена родителей — Андрон Андреевич Буров и Валентина Глебовна Бузова (Червоненко).

В этой книжке ценное то, что без всяких сомнений меня записали в мальчики. Сейчас, в первой четверти XXI века, в Западной Европе по «прогрессивным» гендерным меркам такое определение выглядит очень уж некорректно и нетолерантно. В возрасте семи лет рожденное европейское существо должно самостоятельно определить, мальчик оно или девочка, по ощущениям. Или уточнить у Родителя 1 или Родителя 2, а не у мамы или папы. Если бы в 1948 году врачи московского роддома узнали об этом, они бы долго смеялись до слез, указывая на маленький отросточек, свисавший у меня ниже пупка. При этом от смеха могли меня и уронить. Воистину, мир начал сходить с ума под напором агрессивных, обнаглевших, эгоистичных извращенцев и катится в пропасть неограниченной вседозволенности, или так называемых «общечеловеческих ценностей», которые в Библии обозначены вполне понятным термином — Содом и Гоморра. Стало побеждать набравшее неограниченных масштабов человеческое Эго, вообразившее, что личность — это всё, а общество — ничто, и потому ставшее кроить мир по своим лекалам, уводя его в суицидную пропасть. Но тогда, 1 октября 1948 года, при выписке из социалистического роддома и мыслей таких ни у кого не могло быть.

Имени я не имел, так как у родителей не было договоренности, как меня назвать, потому в «Медицинский паспорт» его и не вписали. А имя мне дала моя двухлетняя сестренка Аля. Она уже болтала всюю, несмотря на столь малый возраст. У нее во дворе был друг по имени Вова, а по фамилии Бурцев. Они вместе лепили куличи, вместе

качались на качелях в его саду. В тот день Алька находилась под наблюдением двоюродной сестры Гали, которую привлекала больше игра в волейбол, нежели хлопотные обязанности няньки. Завидев возвращающихся из роддома родителей с небольшим свертком, Алька закричала:

— Вову, Вову принесли!

Отец еще раньше сообщил ей о рождении братика. Решили оставить это имя. В тот день моя «крестная» бегала по двору, останавливала знакомых и незнакомых ей людей, дергала за одежду и радостно оповещала:

— А моя мама Вову принесла! А он маленький, во-о-от такой! — и показывала ручонками, насколько мал ее братик.

— Счастливый будет: по примете в рубашке родился! — говорили мои дед и бабушка, родители мамы. На смотрины приезжали родственники, приходили знакомые. Сестра отца Анфиса Андреевна, когда впервые увидела меня, охнула и сокрушенно покачала головой:

— Валя! Да какой же он у тебя страшный!

На что моя мама не обиделась, а только рассмеялась:

— Ну что ты! Он у меня самый симпатичный!

У меня была большая и белая, как лунь, голова, большие округлые глазенки, чернеющие густые брови и небольшой вздернутый носик. Вскоре меня крестили в церкви. Но я так и не знаю, произошло это тайно или открыто. Но что точно — церковь была старообрядческая. Моим крестным стал Александр Ермолаевич Глухов — муж Анфисы Андреевны.

Предки с центра и юга России

Физически и физиологически новорожденному многое передается от предков. Сейчас я четко представляю, от кого и что именно мне досталось. На ум приходит сравнение с пазлом, сложенным из трех деталей — двух русских геномов отца, мамы и одного украинца деда Глеба Борисовича по материнской линии.

Главная черта, свойственная всем им, — трудолюбие, в чем-то даже фанатическое, когда человек вообще не может сидеть без дела. О таких людях, составляющих 10% населения, социологи говорят, что они будут работать всегда, независимо от существующего строя. Труд — смысл и форма их жизни, существования.

Другая черта, унаследованная от всех, — честность. Конечно, живя в обществе, ее не всегда удастся сохранить из-за соблазнов или обстоятельств. Но отход от честности — это, как правило, исключение. До сих пор помню эпизод с игрушечной лодочкой, вырезанной из сосновой

коры. Она лежала в свободном доступе при входе в доме бабушки и дедушки на Преображенке и принадлежала взрослой девочке Тамаре, их соседке. Чтобы поиграть лодочкой, надо было спросить разрешения хозяйки. Тамара всегда разрешала. Но один раз я в чем-то провинился перед ней и получил отказ. Я так обиделся и разозлился, что тайком взял лодочку и выбросил. Ах, так? Вот тебе! Тамара сразу поняла, чьих это рук дело, но все попытки добиться от меня признания не удавались. Я твердил, что лодочку не брал, во что уверовали и родители. О, если бы вернуться в то время и положить лодочку на место. Прости меня, Тамара!

От мамы мне достались упертость и упрямство. Она говорила:

— Если я считаю себя правой, то не отступлюсь! Вы хоть режьте меня, буду отстаивать свое!

Данная черта, полученная от мамы, наложилась на упертость старообрядцев из рода отца. Сложенные вместе, они удвоились, что впоследствии сказалось на моем поведении в науке, да и в жизни. А вот упрямство — их сестра, не всегда шла на пользу, так как ей на помощь часто спешила капризность. Но приемы воспитания смогли разрушить данный временный союз, приглушить его. Приведу пример. Поставила меня, маленького, мама в угол — за дело. Мне не понравилось, и я стал головой стучать о стенку: бум, бум. Мама отреагировала сначала запрительно:

— Вова, перестань!

— А я буду! — бум, бум.

— Вова, перестань!

— А я буду! — бум, бум.

Наконец мама сказала спокойно:

— Ну, если ты дурак, то и стучи!

Я было стукнул раз — бум. Но потом прекратил: не считать же себя на самом деле дураком.

Мягкость и спокойность отца и одновременно вспыльчивость мамы как-то неожиданно сумели соединиться в моем характере. В принципе я довольно спокойный и покладистый. Однако не следует злоупотреблять этим, иначе могу психануть и стать довольно резким, вызвав тем самым удивление — как же так?! Не ожидали, не ожидали! Помню, как я, будучи школьником, после введливых наставлений мамы не выдержал и ударил кулаком по стеклу, лежавшему на письменном столе. В этот момент я занимался геометрией, и в руке у меня был угольник. Его острый край разбил сантиметровое стекло.

Что касается черт лица, то они оказались симбиозом черт отца и матери. В некоторые моменты я видел в себе чуть ли не копию мамы, но в основном преобладали черты отца.

Деда Глеб (Глебка) передал мне особенность строения скелета, за которую я был ему отнюдь не признателен, но не буду раскрывать подробности. А вот за одну унаследованную черту характера я ему премного благодарен. У деда было стремление к познанию, экспериментированию, столь необходимое научному работнику. На подмосковном дачном участке в 6 соток дед осуществлял опыты по выращиванию овощей, ведя аккуратно записи в самодельных сшитых тетрадках о пророщенных семенах, времени их высадки в почву, количестве внесенных удобрений, поливе и т.д. Составлял таблицы. Если погода позволяла, то урожаи были неплохие. Он ими гордился. Оставшиеся после его смерти пухлые сшитые записные книжки — свидетельство неординарных способностей Глеба Борисовича Червоненко к научному творчеству. Думаю, что он мог бы стать хорошим агрономом или даже ученым-экспериментатором.

А теперь подробнее о предках.

Отец и его семья

Я появился на свет в простой семье москвичей первого поколения. Мой отец Андрон Андреевич Буров родился в старообрядческой деревне Радованье Куровского района Московской области 25 октября 1918 года, в годовщину великого события (по старому стилю), когда в Петрограде выстрел «Авроры» оповестил мир о новой заре в истории человечества. Тогда еще не знали, насколько густо-красный цвет у этой зари.

Моего деда по отцовской линии звали Андрей Иванович. Я слышал, что его отец, мой прадед, Иван был старостой, пользовался большим уважением. По его инициативе была построена школа. У Ивана были еще дети. Одна дочь проживала в Александрове, другая, Феня — в Киржаче.

Бабушке при рождении дали по святцам весьма необычное имя. Моя мама, вспоминая, с сомнением назвала «Евписьевна», но такого в списке женских имен святых из месяцеслова Русской Православной Старообрядческой Церкви не оказалось. Единственно, что очень близко созвучно, так это Епистимия (по-гречески — знающая; празднование 5 ноября*). Однако данное с трудом выговариваемое имя не прижилось, и ее стали величать Марфа.

Мать моего отца была сиротой, ее воспитывала тетка, очень религиозная. По моим расчетам, исходя из даты рождения старшей

---

* Мищенко Е. В. Имена у старообрядцев // Список имен святых. РПСЦ. Ростов-на-Дону, 2015. URL: [1000names.ru>staraya_vera_spisok_svyatych_zhen_2](http://1000names.ru/staraya_vera_spisok_svyatych_zhen_2).

дочери Мартены (1901 год), дед Андрей Иванович должен был родиться в 1882 году. Бабушка была его на четыре года старше, следовательно, она 1878 года рождения.

Как и положено в дореволюционное время, крестьянская семья была многодетная. Андрей Иванович и Епистимия-Марфа нарожали мал-мала меньше, всего 11 детей. Эта цифра была на слуху постоянно. До свадьбы Андрей обманчиво казался щупленьким, а потом как вымахал... о чем маленькая и хрупкая на вид бабушка, производитель детей, говорила с сожалением:

— Да если бы я знала, не стала бы за него выходить замуж!

Самые простые подсчеты показывают, что 11 детей появлялись непрерывно один за другим. Марфа рожала с 23 до 40 лет. Но трое умерли в разном возрасте, в том числе один близнец. Среди умерших — самый старший сын, болезненный, Иван, из двойняшек. Он был призван в армию, но умер в госпитале (когда, не знаю). Мой отец вспоминал, что другого его брата с таким же именем все обожали. К сожалению, его судьба оказалась такой же несчастной, как у его тезки. Он задохнулся, подавившись колоском. В итоге у последнего ребенка — Андрона, осталось два старших брата — Панфил (1902 года рождения), Аника (1905 года рождения) и пять сестер: Анфиса, Васюша, Дарья, Матрена, Устюша. Все имена им также дали по святым. Почти все они дожили до преклонных лет.

В паспорте у отца годом рождения значился ошибочно 1917 год. Дело в том, что сведения для паспортов в деревне собирали путем опроса. Зашли в дом, а там оказался только один Панфил, которого стали расспрашивать. А поскольку семья большая — 15 человек, взрослые и дети, разве всех упомнишь, кто и когда родился, перечислил он необходимые сведения по памяти, которая его и подвела. Получилось так, что впоследствии одни на пенсию вышли раньше времени (как мой отец), а другие переработали год и даже два.

Родину отца — деревню с необычно жизнерадостным названием Радованье, до революции населяли крестьяне-старообрядцы. Подняв историю этого края, я узнал, что данная сравнительно небольшая часть восточного Подмосковья называлась Гуслицы (ударение на первом слоге). Она резко отличалась от прочих, имела самобытное, весьма интересное прошлое. Эту местность ныне краеведы именуют возвышенно, даже пафосно, но неоправданно «Старообрядческая Палестина». Ее центром было село Гуслицы (ныне село Ильинский Погост).

Волость Гуслица старинная. Впервые она упомянута в духовных грамотах 1328, 1339 годов Ивана Даниловича Калиты, согласно которым он завещал волость «Гуслицу», или «Гуслиця»

своей жене: «А се даю княгини своеи с меншими детми». Потом она перешла по наследству Дмитрию Ивановичу Донскому. Последующими владельцами Гуслиц были Иван III Васильевич, его сын Андрей, Владимир Андреевич Старицкий, Иван IV Васильевич Грозный. При Грозном Гуслицы насчитывали 40 деревень со 122 крестьянскими дворами. В XVII в. в Гуслицах было 48 деревень с 280 дворами.

В 1720 году Петр I отдал волость Александру Меншикову. Но затем бывший царский любимец попал в опалу, оказался в ссылке, и Гуслицы отошли в дворцовое ведомство, но ненадолго. До 1743 года волость принадлежала генералу-поручику С. В. Лопухину. После ссылки Лопухиных в Сибирь волость, в которой числилось 46 деревень и село с 871 крестьянским двором, вновь стала дворцовой. В 1760-х годах Лопухиным возвратили северную часть Гуслиц, а южную отдали горнозаводчику Н. Н. Демидову, полковнику И. П. Мусину-Пушкину, графу И. А. Зотову, князю П. А. Голицыну, княгине Н. Д. Шаховской и иным помещикам.

По состоянию на XVIII век к историческим Гуслицам относилось 44 населенных пункта помимо самого села Гуслицы (Ильинский Погост): Абрамовка (образована в XVIII столетии в результате слияния деревень Чанниково и Андреево), Авсюнино, Алексеевская, Ашерино, Барышево, Беззубово, Беливо, Богородское, Ботогово, Внуковская, Горшково, Гридино, Давыдовская, Дорхово, Заволинье, Заполицы, Зевнево, Иванищево, Игнатово, Костенево, Круглово, Куровская, Мисцево, Мосягино, Нареево, Новинки, Панкратовская, Петрушино, Печурино, Поминово, Понарино, Селиваниха, Сенькино, Слободищи, Старово, Степановка (из деревень Незденово и Ульянино), Столбуново, Титово, Устьяново, Цаплино, Челохово, Чичево, Шувоя, Юрятино.

В 1883 году в газете «Московский листок» была описана местность Запонорье по реке Понорь, включавшая деревни **Радованье**, Глебово, Стенинская, Дубровка, Загряжская, Смолево, Новое, Ненилово, Запруденье и само село Запонорье. Эти деревни, явно более поздние, также тяготели к Гуслицам.

В 1782 году волость Гуслицы перестала существовать как административная единица. Часть ее земель была включена в Бронницкий уезд, а часть — в новообразованный Богородский уезд. Следует напомнить, что городу Богородску предшествовало село Рогожи; в 1930 году он переименован в Ногинск.

В середине XIX столетия селения бывшей волости оказались разделенными между Дорховской, Беззубовской, Запонорской

и Ильинской волостями и сопредельными Заходом, или Заохотом, и местностью Запонорье (в ней находилась Радованье). В 1929 году раздел населенных пунктов произошел между новообразованными Куровским и Орехово-Зуевским районами. В итоге деревня Радованье оказалась в Куровском районе, в его крайней северной части, на границе с Орехово-Зуевским районом.

Местность волости Гуслицы лесная и болотистая, с лесными песчаными почвами. Она была мало пригодна для жилья и земледелия. В конце XVII века, по местной легенде, здесь укрылись после стрелецкого бунта сбежавшие стрельцы. Сюда же перебрались преследуемые за старую веру противники реформ патриарха Никона.

Старообрядческое население Гуслиц занималось в основном хлебопечением. Сорт хмеля даже именовался «гусляк». Но он не выдержал конкуренции с баварским и богемским сортами, его заменили на зарубежные. Хмель выращивали даже в советское время, до начала 1970-х годов.

В XIX веке в старообрядческом анклавном районе стало активно развиваться ткачество. Вообще не случайно неподалеку от деревни Радованье возник целый куст первых капиталистических предприятий, основанных именно старообрядцами — А. В. Смирновым (ткацкая фабрика в селе Ликино, 1870 год), братьями Руновыми (ткацкая фабрика в селе Новое, 1872 год), Я. В. Кузнецовым (фарфоровый завод в пустоши Дулёво, 1832 г.). Подъем текстильной промышленности в СССР привел к тому, что в этих местах на основе старообрядческих ткацких фабрик выросли целые города Орехово-Зуево, Куровское, Дрезна, Ликино-Дулёво. Все они — вблизи родины отца.

В дореволюционной России стали распространять мнение, что в Гуслицах жили нечестные на руку люди. П. И. Мельников-Печерский писал о массовом печатании здесь фальшивых денег. Ходил слух, что после оставления французами Москвы в 1812 году в руки гуслицев попали печатные станки, привезенные Наполеоном для печатания российских ассигнаций. Многочисленные фальшивки даже стали называть «гуслицкими». Называли гуслицев и конокрадами. Православное духовенство утверждало, что понятие «гусляк» означало человека без совести и чести. Однако за этим, как мне представляется, нетрудно разглядеть противостояние РПЦ со старообрядцами. В наши дни подобные утверждения следовало бы характеризовать как «черный пиар».

На самом деле Гуслицы (позже село Ильинский Погост) в XIX — начале XX века являлись значимым духовным центром

старообрядчества. Нечестные же на руку люди встречались и встречаются везде в России. Моленные были во всех гуслицких деревнях. Старообрядцы отличались начитанностью. Историки отмечают, что благодаря старообрядчеству практически все население Гуслиц, включая женщин, было грамотным. Здесь почти везде существовали «самородные» старообрядческие школы, где преподавалось древнее церковное пение, включая крюковую нотную грамоту, славянская азбука, церковное чтение. В конце XVIII — начале XIX столетия изготавливались гуслицкие певческие рукописные книги, украшенные пышным многоцветным орнаментом. В Абрамовке возникла старообрядческая типография Е. П. Пискунова. С 1730-х годов в семи деревнях действовал иконописный промысел, трудились десятки иконописцев. Гуслицкие старообрядческие иконы расходились по всей России. Местные литые иконки, складни, кресты и нательные крестики со священными изображениями изготавливались во многих гуслицких деревнях. Нисколько не сомневаюсь, что предки отца, жившие в Радованье, трудились честно, в поте лица, добывая свой нелегкий хлеб на скудных песчаных нивах, зажатых со всех сторон болотами и лесами.

По северу территории деревни Радованье протекала мелководная речушка, приток реки Понорь. Примерно в 1970-х годах по ее трассе прорыли траншею для мелиорации. Как сообщил мне отец, когда мы с ним стояли на южном правом берегу бывшей речонки, первоначально здесь и размещалась деревня Радованье. Когда? Этого уже никто не помнил. Как не помнят и то, в каком году она сгорела во время грозы от молнии. Деревню восстанавливать не стали, а перенесли в центр деревенской земли на высокое место, на поле, подальше от речной комариной низины. Старое кладбище в роще рядом с пожарищем так и осталось последним приютом общинников. На рубеже XIX–XX веков рядом с ним построили одноэтажную кирпичную школу, в которой в пяти начальных классах учились дети не только Радованья, но и ближайших деревень.

В новой деревне Радованье дворы поставили по обе стороны дороги, ведущей в Запонорье. Бывшая дорога стала улицей. Деревянную часовенку возвели на отшибе за дворами.

На карте 1860 года деревня Радованье показана на своем месте посреди белого пятна поля в окружении лесов. На север из ее центра отходит дорога в Коровино. На карте 1871 года белое пятно освоенной земли расплозлось во все стороны от дворов.

Устройство крестьянского мира до 1917 года и еще несколько лет спустя было общинное, т. е. **справедливое. Справедливость — черта**

русского самосознания. По словам отца, деревенская община имела свою территорию, граница которой была обозначена межевыми столбами. Он их застал. Столбы вкапывали основательно, глубоко. А чтобы их не смогли быстро выдернуть, к их нижней части прибивали поперек несколько дощечек. На боковых затесанных гранях сверху сокращенно буквами указывали названия соседних деревень: Глебово, Коровино, Запоторье, Запруденье.

Радованье напоминала чем-то космический корабль, хозяйственная жизнь на котором была замкнута и который находился на полном самообеспечении. Вокруг деревни, за полями располагались полосой общие луга с покосами, за ними также полосой шел общий березняк. К окраинам подступал общий лес. Все важные вопросы решали сообща по звону колокола и путем жеребьевки. Землю на наделы делили по едокам путем вытаскивания из шапки жребия. Перед началом посевной, жатвы, покоса, рубки березняка на дрова общий сход устраивал жеребьевку наделов. Никто не мог начать заниматься работой на своем наделе раньше положенного времени. Только по звону колокола все приступали к работе. Березняк, располагавшийся полукругом, был поделен на 12 частей. В течение 12 лет ежегодно вырубалась одна часть его. За это время деревья вырастали снова. Сход принимал решение о рубке сосен в лесу для построек. Зимой по снегу выбирали деревья и делали на них затесы со значками. Кому какая сосна достанется, решала опять-таки жеребьевка.

В период НЭПа, введенного в 1921 году на смену политике «военного коммунизма», Радованье воспрянуло. Народ впервые зажил сыто. Это было время резкого подъема страны после разрушительной Гражданской войны и голодных лет. Отец вспоминал, что деревня в условиях разрешенного рынка за несколько лет застроилась почти мгновенно. Семья Буровых переехала в новую просторную капитальную рубленую избу-пятистенку на кирпичном основании. Дом поставил Иван, мой прадед. С одной стороны дворового участка вдоль забора после свадьбы Андрея и Марфы были высажены в ряд дубы, которые, как и дом, стоят больше столетия. Отец любил вспоминать тот период, хотя тогда он был мальчишкой. Его глаза при этом всегда загорались каким-то особым радостным светом.

С конца 1920-х — начала 1930-х годов, с началом коллективизации, народ постепенно стал разбредаться из Радованья в поисках заработка и лучшей жизни. Андрей Иванович уехал в Москву, стал работать дворником в Мало-Кисельном переулке близ Неглинки. Жил в подвале с окном на улицу.

Панфил и Аника также пытались счастья в Москве. Со временем они стали бухгалтерами. У Панфила, женившегося в Москве на Агафье

(Гане), был один сын Анатолий и три дочери: Вера, Таисия и Лена. У Аники, женатом на Александре, — две дочери и два сына — Анатолий и Володя. Панфил и Аника участвовали в войне. Аника офицером служил несколько лет в Германии, потом бухгалтером даже при Президиуме Верховного Совета РСФСР.

Самая старшая, Матрена, осталась незамужней. Она жила при матери, работала продавцом в магазине в ближнем селе Новинки, куда ежедневно ходила пешком. Самая младшая, Дарья, также осталась в Радованье. Она устроилась ткачихой на ближайшей Новинской фабрике Рунова, вышла замуж за рабочего, родила двоих детей — Женю и Колю.

Маленьких ростом Устюшу и Васюшу такие же низкорослые мужья увезли в соседние деревни Коровино и Юркино. Все они проработали в колхозе до пенсии. Жизнь их детей сложилась по-разному. Два сына Васюши (имен не помню) остались в колхозе трактористами. Сыновья Устюши Николай и Сергей, закончив соответственно авиационный институт и техникум, обслуживали самолеты в Домодедово. Устиныя родила еще и двух дочек — Капу и Валю.

Красавица Анфиса со своим мужем-односельчанином Александром Ермолаевичем Глуховым (моим крестным) устроились в Москве, она — в сфере обслуживания, буфетчицей, а он — бухгалтером, на пенсию ушел, проработав в Научно-исследовательском институте микробиологии им. Гамалеи. Их единственная дочь Люба с отличием окончила школу, затем кафедру почвоведения МГУ, поехала на практику в Сибирь, где ее зажрали комары, что ей не понравилось, и она переобучилась на химика, устроилась на работу в институт к своему отцу. Люба была способная к музыке. В просторной квартире Глуховых на площади Курчатова стоял рояль, на котором она для гостей исполняла классические произведения.

Пять классов начальной школы мой будущий отец Андрон закончил в Радованье, а затем ездил в ткацкое училище в Дулево каждый день на паровозе, благо вплотную к деревне, за околицей пролегла железная дорога Большого Московского кольца. Вставал он очень рано. Но шум станков ему не понравился, и потому Андрон перебрался к своему отцу в Москву в подвал в Мало-Кисельном переулке. К этому времени Москва окончательно испортила его отца Андрея, заброшенного женой. Тот запил, «водил баб», сыновья собрались, «взяли под белые ручки» и отвезли Андрея Ивановича назад в деревню, словно в ссылку. Оттуда он выезжал в столицу уже крайне редко и только проведать детей. А мой отец Андрон поселился у брата Аники на Таганке. Так он стал москвичом. В 1934 году Андрон поступил на завод «Динамо», где

овладел специальностью токаря. Увлёкся футболом и даже играл в заводской команде; тогда не было профессиональных команд. Потому всю жизнь по старой памяти болел за футбольный клуб «Динамо».

В 1938 году, в возрасте 21 года по паспорту, а фактически в 20 лет, Пролетарский военкомат Москвы (в то время район протянулся от Коломенского до Яузы вдоль Москвы-реки) призвал Андрона по специальному набору в армию. Тогда призывали в 21 и 22 года. Его определили на Балтийский флот, в Кронштадт. 3 сентября 1938 г. по окончании электромеханической школы он получил свидетельство о получении квалификации рядового котельного машиниста. Он сдал 12 экзаменов, из которых только русский язык и мастерские на оценку хорошо, остальные на отлично. У отца была неплохая память, он был явно способным учащимся. Как он говорил, ему даже предлагали учебу в промакадемии, но эта стезя его не прельщала, и он отказался.

Неправильная дата рождения, указанная в паспорте, предопределила судьбу Андрона. И никто не знает, как бы сложилась его дальнейшая жизнь, будь он призван в соответствии с возрастом годом позже.

Накануне Великой Отечественной войны по Беломорско-Балтийскому каналу часть военных судов с Балтики была переведена на север для усиления флота, базировавшегося на Кольском полуострове. Отец принял участие в одном из таких переходов, позже вспоминал поразившие его острова Кузова на Белом море. Плавать на корабле он не смог, его укачивало. Его списали на берег на обслуживание кораблей. С 1941 по 1945 год он служил в Полярном, на Береговой базе в бригаде подводных лодок Северного флота. 3 апреля 1942 г. ему, находившемуся в звании старшего краснофлотца и занимавшему должность старшего специалиста котельного машиниста, была вручена Краснофлотская книжка. Для нашей семьи это **артефакт**, записи в который могут повредить о разных сторонах военной службы того времени.

Мать и ее родители

В отличие от отца, являвшегося по происхождению коренным подмосковным «вятичем», моя мама Валентина Глебовна, в девичестве носившая украинскую фамилию Червоненко, происходила с низовьев Волги. Она родилась 2 декабря 1921 года в слободе Владимировке на берегу реки Ахтуба, которая представляет собой рукав Волги, идущий параллельно.

У Владимировки была своя, тоже интересная история. Слобода была основана в 1768 году. Ее жители изначально занимались

хлебопашеством, соляным промыслом и извозом соли до пристани для погрузки ее на речные суда. Первыми поселенцами здесь были украинцы-малороссияне, переведенные из Воронежской губернии, что позволило восполнить недостаток рабочей силы на соляных промыслах на озерах Эльтон и Баскунчак. Жители слободы, приписанные к соляному делу, обязаны были направлять на озера ломщиков соли и перевозить установленное ее количество. Соль добывали в тяжелейших условиях.

Первоначальное название слободы — Владимировская Соляная Пристань — соответствовало ее главному предназначению. До 1882 года соль везли на быках, затем для ускорения и облегчения ее транспортировки с Баскунчака был проложен железный путь длиной 72 версты с конечной станцией «Ахтуба». Он пересекает крупную железную дорогу Царицыно — Астрахань. Вокруг станции постепенно стала формироваться своя застройка.

Название Владимировской слободе дала церковь в честь иконы Владимирской Божьей Матери. Вторая церковь в той же слободе называлась во имя Михаила Архангела. Она стояла на ее южной окраине, где жили наиболее зажиточные семьи. Потому она была богато украшена. Ее высота 75 метров, самый большой колокол имел высоту 6–7 метров. Стены храма были расписаны знаменитыми копиями, в частности здесь имелись копии картины «Явление Христа народу» Иванова и фрески «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи.

Поскольку со временем имеющаяся во Владимировке старая пристань перестала соответствовать техническим требованиям, в 1867 году южнее была создана новая Владимировская пристань. В 1887 году она была переименована в поселок Болящий, потом в Шумиловку (из-за шумных драк), а с 1910 года стала называться поселком Петропавловка по названию церкви Петра и Павла.

В 1892 году слобода Владимировка входила в состав Царевского уезда Астраханской губернии, будучи удаленной на 70 верст к юго-западу от уездного города. Здесь было 5 училищ, в том числе двухклассное мужское училище и киргизская школа, где учились 180 детей «обоюго пола». Имелось несколько лавок, сельская аптека, три хлебных магазина, четыре ярмарки, еженедельные базары, один кирпичный и три маслобойных завода, 118 ветряных мельниц, 11 кузниц. К этому следует добавить, что Владимировка являлась центром сельского волостного управления. Здесь были полицейские, урядник. К волости относились села Батаевка, Успенка, Петропавловка, Покровка, а также ближние хутора.

В советский период Владимировка несколько раз меняла свой административно-территориальный статус. Сначала это был центр района, от которого в 1947 году отъяли часть земли для создания военного полигона Капустин Яр. А в 1956 году Владимировский район был, наоборот, укрупнен за счет ликвидации соседнего Капустиноярского района и включения в его состав части земель Западно-Казахстанской области. С появлением новых производств, военных структур и ростом населения Владимировку, Петропавловку и Ахтубу 18 декабря 1959 года объединили в один город — Ахтубинск. В 1975 году он стал областным центром.

Приведенный краткий очерк истории родины моей мамы позволяет легче ориентироваться в том, где родился мой дед Глеб Червоненко, а где бабушка Мария Панжева и где они проживали.

Глеб Борисович Червоненко. Судя по фамилии, мой дед по материнской линии был украинцем, хотя в паспорте он записан как русский. Украинский язык дед не знал, но любил называть себя «хохлом». Его частая присказка: «Кабы был бы я хохол, то ел бы сало с маслом!». Полагаю, что появление его предков во Владимировке относится к концу XVIII столетия, когда для обслуживания соледобычи из Воронежской губернии на Ахтубу были переведены малороссы-украинцы.

По происхождению его родители относились к сословию крестьян. В моем первоначальном детском представлении Глеб рос в бедняцкой семье, вместе со своим отцом с раннего детства только и батрачил в степи на бахчах и ловил сусликов. Но вот я нашел свою старую записку. По воспоминаниям мамы, семья Глеба жила на хуторе, своим трудом добывая хлеб, работали с утра до вечера. Не голодали, было мясо, рыба, картофель, мука. Летом часто выезжали в степь охотиться на сайгаков, других животных. Помню, дед меня инструктировал, как надо добывать сусликов в степи: заливать воду в начало норки и ждать зверка на выходе с другого конца подземного хода. У родителей была своя бахча, арбузов ели вволю, а на зиму их засаливали. Меня всегда удивляло, как дед мог кушать приторно-сладкий ярко-алый арбуз, предварительно набросав на него крупинки белоснежной соли. Все это свидетельствовало лишь об одном — огромном трудолюбии Глеба с ранних лет.

О его крестьянском происхождении прямо говорит запись о рождении. Глеб Борисович Червоненко родился в 1895 году 31 августа, или 13 сентября по новому стилю. В семейном архиве сохранились две справки об этом. В поздней справке от 11 мая 1926 года указывается место крещения — церковь Михаила Архангела слободы Владимирской. Из чего следует, что именно Владимирская слобода была местом рождения деда и местом проживания его родителей: «Справка. Дана сия

в том, что в метрических книгах Михайло-Архангельской церкви слободы Владимирская, хранящихся при Владимировском Вол[остном] загсе за тысяча восемьсот девяносто пятый год (1895) год от 3-го сентября под № 101 значится записанный рожденный 31-го августа Глеб. Родители его: Борис Степанович и Александра Емельянова Червоненко, что и удостоверяется».

В другой выписке от 18 января 1926 года также удостоверяется, что родителями Глеба были крестьяне Борис Стефанович и Александра Емельяновна Червоненко. Крестными («восприемниками») указаны Петр Алексеевич Цирулин и явно сестра отца Анастасия Стефановна [Червоненко]. Говорится, что Глеб Борисович в это время проживал уже в Петропавловке.

Помимо Анастасии, у отца Глеба была еще одна сестра — Лидия. К ней в гости заходила моя мама, когда в 1960-е годы побывала в Астрахани. Но, скорее всего, родственников у Глеба во Владимировке было гораздо больше. Только в двух метриках за 1901 год церкви Петра и Павла я случайно обнаружил имя Николая Гавриловича Червоненко — «Запасной бомбардир из крестьян поселка Владимирской соляной пристани». Он был женат на Анне Константиновне, родившей сына Георгия 23 января 1901 г.

То, что семья Червоненко принадлежала к сословию крестьян, прямо записано и в двух свидетельствах об образовании. В 1905 году, в возрасте 10 лет, он поступил во Владимировское двухклассное сельское училище, которое относилось к Казанскому учебному округу. В то время это была типичная школа повышенного типа с пятилетним сроком обучения для детей крестьян, мелких торговцев и кустарей, наподобие нашей восьмилетки. Первые три года считались 1-м классом, что соответствовало курсу начальной школы, 4-й и 5-й классы составляли 2-й класс.

Училище Глеб закончил в 1910 году в возрасте 15 лет с двумя пятерками по Закону Божьему и истории и шестью четверками по остальным предметам. Свидетельство ему было выдано на следующий день после его дня рождения. Вот его текст: «Казанский Учебный округ. Свидетельство. Ученик Владимирского 2-х классного сельского М.Н.П. (Министерства народного просвещения. — В.Б.) училища *Червоненко Глеб Борисович, сын крестьянина слободы Владимировки Царевского уезда Астраханской губернии, родившийся 1895 года, августа 31-го дня, православного вероисповедания*, поступивший в училище *в сентябре месяце 1905 г.*, на испытании при окончании курса училища оказал успехи:

По Закону Божию	5
русскому и слав[янскому]	4

арифметике и геометрии	4
истории	5
географии	4
естествознанию	4
черчению	4
чистописанию и рисованию	4

А потому и выдано ему это СВИДЕТЕЛЬСТВО с правом на льготу, установленную пунктом 3 ст. 56 Устава о воинской повинности.

Сентября 14-го дня 1910 г.

Почетный блюститель (прочерк)

Заведывающий училищем (подпись)

Законоучитель (подпись)

(подпись)

Преподаватели: (подпись)

(подпись)».

Внизу слева круглая печать: на фиолетовом фоне изображен щит с двумя буквами М П (Министерство просвещения), поверх щита корона с крестом; внизу надпись в две строки: «СЕЛЬСКОЕ УЧИЛИЩЕ».

Второе свидетельство датируется апрелем 1917 года, т.е. вскоре после Февральской революции: «Дано сие свидетельство крестьянину слободы Владимировки Царевского уезда Астраханской губернии Глебу Борисовичу Червоненко, родившемуся тридцать первого августа тысяча восемьсот девяносто пятого года (1895), получившему предварительное образование (прочерк), предписанному для отбывания Воинской повинности к (прочерк) в том, что он подвергнут был испытанию в науках по программе, установленной для лиц, желающих поступить на службу вольноопределяющимся второго разряда, с 17-го по 20-е апреля тысяча девятьсот семнадцатого (1917) года в Педагогическом совете Астраханской первой гимназии, и, по своим успехам, получил следующие баллы:

Из закона Божия три (3).

Русского языка три (3).

Арифметики четыре (4).

Геометрии три (3).

Алгебры —

Геометрии четыре (4).

Истории три (3).

Сумма баллов двадцать (20).

Председатель комиссии (подпись).

На основании ст. 193 и 195, п. 2 устава о воинской повинности, изд. 1897 г., и правил для производства испытаний, вышепоименованный

Червоненко Глеб имеет право поступить на военную службу вольноопределяющимся на правах второго разряда апреля тысяча девятьсот семнадцатого (1917) года.

На экзаменах присутствовали:

Председатель (подпись).

Члены: (пропуск)

Экзамен производили:

Законоучитель (подпись).

Преподаватели:

Русского языка (подпись)

Арифметики (пропуск)

Геометрии (пропуск)

Алгебры (пропуск)

Географии (подпись)

Истории (подпись)».

Внизу справа круглая печать с выцветшей надписью.

То, что вольноопределяющийся Глеб был «подвергнут испытаниям наукам», как сказано в документе, вовсе не случайно. При всеобщей воинской повинности для него действовала льгота, поскольку ранее он закончил учебное заведение. Призвать его в обязательном порядке не могли, но он должен был сам добровольно выбрать обязательную сокращенную воинскую службу. Для чего и был установлен экзамен. Полученные слабенькие отметки вовсе не свидетельствуют о его способностях. Они говорят об отсутствии желания служить в армии в апреле 1917 года. По второму разряду его срок службы должен был составить 2 года, а потом 9 лет пребывания в запасе. Срок службы на общих основаниях составлял 3 года и 12 лет в запасе.

Как долго Глеб пребывал в армии, к сожалению, для меня осталось неясно. Когда я был школьником, дед только обмолвился, что в армейской казарме, лежа на койке, он горько плакал. А вскоре последовали события октября 1917 года. Дед стал работать писарчуком, т.е. писарем, в волостном центре, селе Владимировка. Исполнять такую должность мог только грамотный человек. У него был красивый, слегка витиеватый почерк, но с наклоном влево.

Мария Митрофановна Панжева, бабушка. Для всех стало неожиданным, что 24-летний писарчук Глеб Борисович Червоненко женился на 18-летней Марии Митрофановне Панжевой, дочери богатого владельца магазинов во Владимировке и Астрахани, который направлял своих коммивояжеров за товаром в Польшу, имел приказчика, проживал в большом двухэтажном доме с прислугой в поселке Петропавловка. Для меня же нет ничего удивительного,

достаточно взглянуть на фотографии в молодости Глеба и Марии. Оба красивые, умные, для своего времени образованные, достойные друг друга.

По семейной версии, Митрофан Андреевич Панжев был купцом 1-й гильдии, родом из Калуги. Дата рождения 1876 год (по архивным данным). Но после окончания торгового училища его друг уговорил поехать в Астрахань, откуда был родом. Так Митрофан осел на реке Ахтубе, женился, разбогател. Бабушка и мама говорили, что в Ахтубе сохранился дом, отданный затем под милицию.

То, что мой прадед владел до революции магазинами, сомнений нет. Но был ли он купцом 1-й гильдии в 1917 году? Это требует разыскания в архивах. Возможно, таковым он стал и не сразу. Во всяком случае, в архиве хранится документ 1901 года, где Митрофан отнесен к низшему сословию. Запись в Метрической книге Петропавловской церкви поселка Владимирки (Соляной пристани) свидетельствует, что 30 января (12 февраля по новому стилю) 1901 года у крестьянина Панжина Митрофана Андреевича и его жены Параскевы Спиридоновны [Лисиной] родилась дочь Мария.

Те же книги называют и других детей: Анна (1 февраля 1899 года), Антонина (25 февраля 1903 года), Александр (4 ноября 1906 года), Евгений (28 марта 1912 года), Михаил (28 октября 1913 года).

Деньги не испортили Митрофана, поскольку он был человеком добрым от природы. Панжев многим давал в долг. После революции все его магазины были национализированы. Но его авторитет был столь высок, что его же и поставили директором одного из магазинов и оставили проживать в своем доме со всем имуществом. Должники стали приходить к бывшему хозяину и просить прощения, что вернуть долги не смогут. На это Митрофан лишь махал рукой:

— Бог простит!

Мой прадед дожил до полета Гагарина. В это время он шутил, захватил ли космонавт с собой лишние трусы. Один раз Митрофан Андреевич приезжал в Москву. Я его помню мельком, как тень, как силуэт, исчезнувший в тумане памяти.

В Петропавловке у Митрофана явно были родственники. Иначе трудно объяснить проживание в этом небольшом поселке людей с такой же фамилией. Не копая глубоко, только в двух метрических книгах Петропавловской церкви я обнаружил имена крестьян Панжева Митрофана Владимировича (родился 17 мая 1900 года), Панжина Георгия Владимировича (родился 4 апреля 1901 года), Панжева Андрея Петровича (родился 15 октября 1901 года). У первых двух мать была Пелагея Дмитриевна, в девичестве Софонова, у последнего — Евдокия

Антоновна. Интересно, что саму фамилию в одном случае записали как Панжин, а в другом Панжев. Но правильно Панжев.

Глеб Борисович Червоненко и Мария Митрофановна Панжева поженились 23 мая 1919 года. Деду тогда было 24 года, бабушке 18 лет. Из повторного свидетельства о браке — архивной выписки, выданной 27 марта 1956 года, устанавливаются места их первоначального проживания. Глеб жил в слободе Владимировская Соляная Пристань, а Мария — в поселке Петропавловка. Брак же был зарегистрирован в Петропавловке. Глеб Червоненко вошел в семью Панжевых.

К моменту выхода замуж в биографии Марии Панжевой значились незаконченная гимназия в Астрахани, бухгалтерские или экономические курсы, работа в канторе отца, где она вела бухгалтерские книги. Она была девушкой с характером, строга к служащим, всё проверяла, следила за ними, чтобы те не таскали съестное, хотя сам Митрофан позволял своим работникам брать немножко. Те даже жаловались хозяину, что Мария слишком сурова и изо рта вынимает печенку или конфетку.

Мать Марии, моя прабабка — Параскева Спиридоновна Лисина, была очень набожным человеком и веру в Бога передала своей дочери. Но однажды произошел случай, который навсегда отвел Марию от церкви. Как-то в молодежной компании, в застолье оказался приходской батюшка. Он пил и курил, вел себя развязно по отношению к юным девицам, чем вызвал немалое удивление у Марии. Придя домой, она рассказала все своей матери, но та не только не поверила, но обвинила свою дочь во лжи. Произошла страшная ссора, после чего Мария перестала ходить в храм.

Любовь Глеба Червоненко и Марии Панжевой была взаимная, глубокая. Они прожили долгую и очень сложную жизнь неразлучно. Оба умерли в 1975 году с разницей в 43 дня. Раньше ушел из жизни дед, больной раком. У бабушки не выдержало сердце. Надо заметить, что при советской власти ей так и не довелось работать из-за своего социального происхождения. Несколько раз при устройстве на должность бухгалтера или кассира в Москве она намеренно неверно сообщала о себе сведения в анкете, но это помогало лишь на короткий срок, затем следовало увольнение. Так и осталась Мария Митрофановна домохозяйкой.

У бабушки было две сестры. Согласно записям метрических книг, Анна родилась 1 февраля 1899 года, Антонина — 25 февраля 1903 года. Анна стала учительницей, поехала в Среднюю Азию, родила девочек Галю и Милу, но там умерла от укуса тарантула. Бабушка ездила за племянницами. Галю она удочерила сама, а Милу взяла сестра Анастасия, одиноко проживавшая в Астрахани. Но снова случилась трагедия.

После войны Милу, когда она училась на 3-м курсе Медицинского института, сбита машина.

Были еще братья Александр (родился 4 ноября 1906 года), Евгений (родился 28 марта 1912 года) и Георгий (дата рождения мне неизвестна). О них мало что известно. Бабушка упоминала вскользь только Георгия. Говорила, что он во время Великой Отечественной войны, на фронте сошелся с медсестрой, которая от него родила девочку Галю. Но с полевой женой не расписался. После войны у его официальной жены на работе произошла крупная растрата. Всю вину он взял на себя и угодил за решетку в сибирскую тюрьму на длительный срок. Внебрачная дочка Галя его разыскала, но он ее не признал, хотя она была на него очень похожа. Не захотел даже с ней встречаться. Однако бабушка и дедушка ее сразу приняли, всегда тепло к ней относились, признали кровной родственницей, принимали, когда та приезжала в Москву из Лазаревского (поселок близ Сочи). А Георгий остаток жизни провел в Астрахани.

В годы безжалостной Гражданской войны Глеб Червоненко не любил ни красных, ни белых, для которых жизнь человека ничего не стоила. Те и другие намеревались его расстрелять. Он рассказывал: приходит в село Владимировка под Астраханью отряд красных и первым делом ищут того, кто умеет писать. Волостной писарь Червоненко пишет под диктовку приказы, заполняет какие-то бумаги.

— Слишком много знаешь! Шлепнуть бы тебя! — задумчиво говорит командир. Ночью Глеб с Марией тайком убегают в степь и прячутся на бахчах во времянке.

Несколько дней спустя пришли белые. Снова понадобился писарчук. Полагаю, что Глебу могли поставить в вину сотрудничество с красными. Ему говорят:

— Глеб, определись: ты — за красных или белых?

Доброжелатели-односельчане советовали «тикать». Снова молодая семья прячется на бахче. Но проходит время и все повторяется. Внезапно врываются красные, которым требуется писарь и которому грозят расстрелом. Сложное и страшное было время.

Занимаясь прошлым своего рода, мне захотелось узнать, насколько данный рассказ соответствует действительности. Пришлось поднять историю Гражданской войны. И я установил точные даты тех давних событий. Они произошли в 1919 году.

Установление советской власти в Астраханской губернии состоялось в конце 1917 — феврале 1918 года. Тогда создавались волостные и сельские советы, местные комиссариаты, комитеты народных депутатов и другие органы народной власти. В апреле

1918 года первым комиссаром Владимировки назначен Павел Шубин, позже растерзанный бандитами. Между тем еще в конце февраля 1918 года под натиском английских войск и белогвардейцев с Северного Кавказа к Волге отступила 11-я армия красных. В начале 1919 года положение Астрахани резко ухудшилось. 11-я армия полностью разложилась, край оказался в кольце белогвардейских частей, поддерживаемых английскими интервентами. 25 февраля 1919 года в Астрахани был создан Временный военно-революционный комитет, который возглавил С. М. Киров. Началась подготовка обороны Астраханского края с привлечением всех ресурсов, была возрождена 11-я Особая армия. В июле белогвардейцы предприняли наступление на железнодорожную линию Астрахань — Саратов в районе Владимировка — Верхний Баскунчак — Эльтон. Ставилась стратегическая задача прорваться на восток и соединиться с уральскими частями, образовать сплошной фронт.

21 или 22 июля белыми была захвачена Владимировка, но примерно 27 июля части 315-го полка красных при поддержке бронепоездов ее вернули. В сентябре — октябре 1919 года ударами сухопутных войск и моряков военной флотилии белые были разгромлены в районе Владимировки и Черного яра. Особо сильные бои развернулись у Черного яра. Об этом рассказано в издании «История Астраханского края: Монография» (Астрахань, 2000) и в журнале «Военный вестник» (1935. № 4). Таким образом, в 1919 году в июле — октябре Владимировка действительно оказалась на передовой, и за нее шли ожесточенные бои. **С 21/22 по 27 июля 1919 года Владимировка была в руках белых.** Из этого определенно следует, что ужасные события прились через два месяца после свадьбы, когда Мария была беременна первой дочкой Галиной.

Потом у Марии и Глеба началась вполне спокойная мирная жизнь в Петропавловке. Мария нянчила первую дочку Галю, а в 1921 году 2 декабря с разницей в два года она родила еще одну девочку — Валентину, мою маму. Молодая семья жила в доме Митрофана Андреевича Панжева, имущество которого советская власть не конфисковала. Жили в достатке, хорошо одевали себя и дочек. Мама вспоминала, что их детство с Галей было очень хорошее, обеспеченное. О детях больше всех заботился любящий их дед Митрофан Андреевич. На фотографии, сделанной в Астрахани в 1927 году, мама стоит рядом с сестрой. Галя на голову выше. Обе в одинаковой зимней одежде — черных сапожках, меховых белых шубках, черных шапках с белой оторочкой. На обороте надпись: «Снимались в Астрахани. Гале 9 лет, Вале 7 лет».

Но прошло несколько лет, и мой дед оставил Владимировку с Петропавловкой. Раньше я думал, что он скрывался от белых и красных, или что жизнь в доме тестя перестала устраивать энергичного молодого честолюбивого мужчину. Однако архивные документы дали совершенно иную картину.

Оказалось, с 1924 по 1927 год Червоненко Глеб Борисович был в Петропавловке торговцем мануфактурой, то есть после революции он стал также владельцем магазина, как и тесть. В результате вместе с Панжевым Митрофаном Андреевичем Глеб попал в список лишенных избирательских прав по Петропавловскому сельсовету, утвержденный 3 декабря 1928 года (Госархив Астраханской области. Р. 1865. Оп. 1. Д. 12. Л. 185, 186, 227, 268 об., 491, 492). Иными словами, как частные торговцы мой дед и прадед были вместе причислены к эксплуататорскому классу и оказались поражены в правах. Очевидно, это послужило причиной, чтобы все покинули Петропавловку.

Согласно другому документу, в 1930 году Червоненко Глеб Борисович, Панжев Митрофан Андреевич и Панжева Параскева Спиридоновна, иждивенка, проживали уже в Астрахани (ГААО. Ф. 1865. Оп. 1. Д. 36. Л. 6). Им повезло, поскольку 14 июня во Владимировском райисполкоме состоялось внеочередное заседание членов президиума и особой комиссии по раскулачиванию. Их имена фигурировали в списке лиц, лишенных избирательных прав, но с пометкой о местопребывании в Астрахани, без адреса.

Тогда понятно, почему Глеб Червоненко решил покинуть пенаты. Не попадать же в опалу. Но при этом он поставил цель перебраться в Москву, хотя и не сразу, а постепенно. Запряг лошадь, погрузил часть имущества и отправился с молодой семьей вверх по Волге с остановками в селах на короткий срок. Всюду он работал счетоводом. Это был достаточно мудрый поступок, так как восстановиться в правах в то время можно было при условии занятия «производительным и общественно-полезным трудом» и демонстрации лояльности советской власти. Мама вспоминала, что они начали «кочевать» по Волге, когда она уже училась в школе. По времени это совпадает. Валентине было 9 лет. Потом было подмосковное Орудьево под Дмитровом, затем город Клин.

В Клину дед едва не лишился накопленных сбережений для приобретения жилья в Москве. Он устроился работать при тюрьме, и как всегда, бухгалтером. Однажды попросил начальника тюрьмы дать ему заключенного для колки дров. Мама рассказывала, что вся семья в сборе сидела за столом, когда стук топора прекратился. Дед занервничал и со словами «Пойду проведу» направился в дровяной сарай. Там он застал рабочего, судорожно запихивающего ассигнации за пазуху.

Оказывается, свои накопления Глеб Червоненко опасался держать дома и прятал под дровами в банке, которую случайно нашел зэк. Рассвирепев, дед схватил топор:

— Зарублю! Выкладывай деньги! Если не положишь, живым не уйдешь! Проболтаешься, скажу начальнику, тебе еще срок добавят!

Точно не знаю, но полагаю, что именно это событие заставило деда срочно купить маленькую комнату в Черкизово на улице Хромова в доме 21. Мама говорила, что приобрели жилье у жены капитана. И хотя до войны военные были самыми богатыми людьми, жилье было грязное, с клопами. Обои тут же отодрали и сожгли. А уже после войны перебрались на соседнюю Страховскую улицу в комнату большей площади.

В столице не обошлось без неприятностей. Но это темная для меня история, о которой в семье не было принято вспоминать. По словам мамы, Глеб Червоненко отсидел около двух лет. Домысливать можно разное. Например, предположить, что горячее желание деда приобрести нормальное жилье в Москве вошло в противоречие с законом, и он пересчитал что-то в свою пользу. Возможен и иной вариант. Как-то дед рассказал одну байку. На предприятии, где он работал, один бухгалтер по фамилии Аскерка подписывал все листки, не глядя. Его решили прочесть и составили смету, которую тот лихо подмахнул. А смета за определенную сумму расписывала: отрубить Аскерке руку — столько-то рублей, отрубить Аскерке ногу — столько-то рублей и т. д. Может быть, Глеб Борисович оплошно подписал какую-то бумагу? О бухгалтерском деле дед говорил с юмором: хороший бухгалтер на вопрос начальника, сколько будет дважды два, должен отвечать: «А сколько вам надо?»

В результате Червоненко оказался на строительстве канала Москва — Волга. Так, во всяком случае, утверждала мама (или я уже домысливаю?). В связи с успешным завершением данного объекта, а это 1937 год, его выпустили на свободу досрочно. Данный эпизод оставил рубец в его душе. Воспитывая меня, дед поучал:

— Жить надо честно, чтобы ты, когда видишь милиционера, не боялся и не думал, что он идет за тобой!

Я было попытался восстановить страницу неясного содержания из биографии деда. Сначала сделал запрос в архив МВД РФ, ответ получил отрицательный. Никакого дела там не оказалось. Тогда послал запрос на Лубянку. Но оттуда пришел аналогичный ответ.

Когда дед принудительно присутствовал на стройке социализма, семья жила очень скудно. Бабушка решила продать сервиз (наследие царизма) и повезла его в комиссионный магазин. Но по дороге в битком набитом людьми трамвае сумку с посудой украли. Бабушка,

в отличие от мамы, перенесла это стойко, приняла как свершившийся факт. И точка!

Полукочевая жизнь не пошла на пользу дочери Валентине. Мама переходила из одной сельской школы в другую, не задерживаясь долго. Однажды она заболела полиомиелитом, после которого у нее возникла проблема с ногами. Но более-менее обошлось, осталась почти незаметная хромота. В отличие от неженки сестры Гали мама была работающая, считала себя рабочей лошадкой — стирала, гладила, носила воду. Бабушка говорила ей:

— Валентина, у тебя руки как у мужика!

Уже в Москве Валентина стала учиться на чертежника, но нудная работа с карандашом не соответствовала ее энергичному характеру, да и зарплата была небольшая. Потому она, совсем еще девчонка, пошла работать на Московский электроламповый завод (МЭЛЗ) откачницей-вакуумщицей. Работа вредная, связанная с ртутью, но хорошо оплачиваемая.

Мама по натуре была оптимист — энергичная, жизнерадостная. До войны «бегала по театрам», как она говорила, много читала. Свою любовь к литературе старалась передать нам с сестрой. (Отступление. Временами от нее исходили упреки по поводу книг, которые я брал в библиотеке. Один раз, когда я учился классе в пятом, она купила роман Дюма «Три мушкетера». Пришла домой довольная. Я начал читать, но после первых страниц мне стало скучно, были непонятные термины, и книгу отложил, заявив, что прочту позже, в старшем классе. Мама все же настояла, чтобы я прочитал еще несколько страниц, что я нехотя сделал, а потом меня не могли оторвать от знаменитого романа.)

Знакомство Андрона и Валентины. Война и первые послевоенные годы

В Черкизове в конце 1930-х годов, перед войной, в одной из молодежных компаний мои родители случайно познакомились. Косвенно в том была виновата жена папиного брата Аники — Шура, которая хотела сосватать Андрона за свою племянницу. Но вышло все иначе. В молодежной компании Андрон увидел подругу племянницы — Валентину Червоненко — и в нее влюбился. Позже Шура высказывала недовольство, что Валентина отбила жениха у родственницы.

Отец тогда работал слесарем на заводе «Динамо». Оттуда его в 1938 г. забрали в армию. Он продолжил встречаться с Валентиной урывками, когда приезжал в отпуск из Кронштадта. Обменивались они и фотографиями с трогательными надписями: «Дарю другу жизни.

От Андрона, снято вместе с братом. 40 г.» — «На память Андроше от дружбы Нади, Вали. №/XI-40 г. Москва». Маме тогда было 19 лет.

Наступил ужасный 1941 год. Враг рвался к Москве. В начале октября работниц МЭЛЗа направили рыть противотанковые рвы. Мама была среди них. Копали землю женщины, многие мужчины уже были отправлены на фронт. Поля с капустой стояли необработанные. Грязь. Ближе к середине месяца прибегает мужик:

— Девки, немец подходит к Москве!

А в Москве в это время уже началась паника. Ходили слухи, что столицу сдадут немцам, началось бегство, штурм поездов. Глеб Борисович, не подлежащий срочной мобилизации, собрал семейный совет, что делать? И он решил остаться в Москве, сказал уверенно, твердо:

— Сталин в Москве! Москву не сдадут!

Это воспоминание мамы лучше всяких исторических документов передает огромную моральную мобилизующую роль Иосифа Сталина в разгроме немцев под Москвой.

По данным архива Министерства обороны 45-летний Глеб Борисович Червоненко оставался военнообязанным. Его ВУС 134, т.е. ограниченно годный (обученный). Он работал главным бухгалтером в артели «Котлопострой», которая наряду с другими 1500 предприятиями занималась инженерным обеспечением Красной армии. Общее руководство этой деятельностью осуществлял тогда лично А. Н. Косыгин. Согласно архивным документам, хранящимся в Подольске, Червоненко как незаменимому работнику по ходатайству Мосгорметпромкоопсоюза была предоставлена персональная отсрочка до 31 декабря 1943 года. Несмотря на это, 10 февраля 1943 года рядовой, беспартийный Г. Б. Червоненко 1895 года рождения был призван в Красную армию Сталинским райвоенкоматом и направлен на сборный пункт городского военкомата для определения «в нестроевые взамен молодых возрастов в тыловых частях» в звании рядового. В учетной карточке была указана его должность — главный бухгалтер, а также место жительства — Хромова улица, дом 21, квартира 2. На сборном пункте его назначили писарем. Предварительно Глеб Червоненко был подвергнут санобработке, после которой он получил заключение на листочке фиолетового цвета о том, что «при проверке санитарно-гигиенического состояния... вшивости не обнаружено». Однако 4 апреля его персональная отсрочка была восстановлена, и он вернулся назад в районный военкомат, а затем на прежнюю работу. Больше его не трогали.

Во время войны дед получал продовольственную карточку. Карточка была и у мамы, которая продолжала трудиться на электроламповом заводе, изготавливать лампочки для самолетов. Это был ее прямой конкретный

вклад в уничтожение фашистской нечисти. Заводских мужчин забрали на фронт, огромные цеха стояли пустые. (Потом на завод мало кто вернулся. Многие погибли при защите Москвы. Некоторые попали в плен, затем отсидели с клеймом «за измену» в сталинских лагерях.)

Чтобы попасть в свой отдел, маме приходилось порой в темноте проходить через пустующие цеха. Иногда она вынуждена была ночевать прямо на производстве. Уже после войны Валентине Глебовне Червоненко вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Признанием заслуг была и вторая медаль, выпущенная в связи с 800-летием Москвы в 1947 года. Забегая вперед, отмечу, что мама проработала на МЭЛЗ большую часть жизни, была передовиком производства. Ее фотография висела на доске почета. Нынешние неолиберальные реформаторы оставили от знаменитого МЭЛЗ только название торгового центра. Герой Ильфа и Петрова Остап Бендер произносит: «Заграница нам поможет!» Его слова сбылись: заграница нам действительно помогает... лампочками и не только ими на руинах собственного производства.

Мамина сестра Галя Червоненко еще до войны в школе стала активной комсомолкой. Окончив специальные курсы, ушла добровольцем на фронт. 4 марта 1942 года она прибыла на место призыва в Сокольнический РВК, откуда выбыла в тот же день на сборный пункт Московского городского военкомата. Ее ВУС 122 (медицинская сестра), как следует из документов архива Министерства обороны в Подольске. На войне она встретила офицера, но пожениться они не успели, да и не то было время. Ей пришлось вернуться в Москву. Родившуюся девочку назвала Алей.

Уже из Москвы Галина вознамерилась отправить любимому свою фотографию, снятую 22 января 1941 года. На обороте она привела первую строку известного в то время стиха «Вспомни порою, если я этого стою». Но передумала и густо замазала строки чернилами. Это фото хранила мама, потом оно перешло сестре. При увеличении прочиталось: «На память мужу от Гали. “Вспомни порою, если я этого стою”. Мужу от Червоненко Гали».

В интернете я нашел полный текст стихотворения, авторство которого приписал себе некто Михаил Пчёлка, якобы создавший его в 2009 году. Но уже по первому четверостишью стало ясно, что это женская лирика:

Вспомни порою, если этого стою,
Если не стою, не вспоминай,
Может быть, ты запоздалой слезою
Смочишь моей фотокарточки край.

К сожалению, две последние строки оказались пророческими. В 1943 году Галя и дочка умерли. Оказалось, что у Гали было белокровие, о чем она не подозревала и кормила грудным молоком малютку. Дед и бабушка потом переживали: если бы они знали о белокровии, могли бы спасти крошку. Обоих похоронили на Преображенском кладбище. После войны бабушку разыскал полевой супруг Галины. Они поминали Галю на кухне, и оба, не стыдясь, плакали. Неслучайно позже дед, словно возмещая утрату, назвал родившуюся вторую внучку, мою сестру, Алей.

Бабушка оставалась дома, пораженная в гражданских правах. Продо-вольственную карточку она не получала. Когда деда в 1943 году при-звали в армию, где он пробыл почти два месяца, стало совсем туго. Жили плохо, впроголодь. Приходилось ездить в ближайшие деревни и менять вещи на продукты. Так ушли золотые сережки с камушками, покрывала, скатерть — наследие «проклятого» царизма.

— Жизнь человеческая дороже, чем барахло, — спокойно рассужда-ла бабуля, ни капли не жалея о вещах.

Мечтой бабули было наесться черного хлеба. Она так и говорила, что, когда отменят карточки, то купит целый батон и его съест. После войны обещания так и не выполнила.

Избранник Валентины Червоненко Андрон Буров встретил войну в составе Северного флота, в Заполярье на главной базе подводных ло-док в Полярном. Пять лет под обстрелом старший краснофлотец вое-вал в составе бригады подводных лодок, готовил их в поход. У них был приказ базу не сдавать, в случае ее захвата немцами полностью взо-рвать вместе с собой, стоять до последнего. Его три медали — «За от-вагу», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Медаль «За оборону Советского Заполярья» Андрону Бурову была присвоена 5 декабря 1944 года (на День Конституции), а вручена толь-ко 30 апреля 1945 года. Медаль «За победу над Германией» присвоена 9 мая 1945 года, вручена 4 октября 1945 года.

Медаль «За боевые заслуги» с номером 2804008 была присвоена отцу 30 мая 1945 года. В наградном листке, хранящемся в архиве Ми-нистерства обороны, указана должность А. А. Бурова — котельный ма-шинист 3-го класса, отмечено, что он член ВКП(б) с 1945 г., социаль-ное происхождение — колхозник из крестьян, «в буржуазных армиях не служил, в плену не был». Приведена и мотивировка присуждения этой награды с заголовком «Описание подвига или заслуг»: «Тов. Бу-ров находится на береговой базе с первых дней Отечественной войны в должности котельного машиниста, за весь этот период он отдавал все

свои силы и знания на лучшее обеспечение подводных лодок дистиллированной водой. Существующий в котельной дистиллятор по своей производительности не мог обеспечить потребное количество дистиллированной воды подводными лодками. С целью получения большего количества воды и экономии топлива тов. Буров предложил весьма оригинальный способ получения дистиллированной воды и в большом количестве. Он предложил использовать конденсат отработанного пара отопительного бойлера. Полученный анализ полученной дистиллированной воды таким образом дал отличный результат. Реализуя предложение тов. Булова, получили возможность ежедневно получать дистиллированную воду в количестве 15 тонн. Это мероприятие дало также большую экономию топлива, выразившуюся в 147 тонн. По инициативе подогрева воды, питающей котлы, что также сократило ежедневный расход топлива от 600–700 кг. Вся рационализаторская мысль тов. Булова была направлена на лучшее и быстрое обеспечение подводных лодок и экономию дорогостоящего топлива. Всей своей работой тов. Буров способствовал боевым успехам нашей бригады.

Данные сведения оказались полностью неожиданными для меня. О своей изобретательской деятельности отец ничего не рассказывал. Явно из своей природной скромности. Гриф «Секретно» был снят с этих документов только в 2007 году, по сути, к 90-летию отца.

После войны Андрону Андреевичу Бурову, как и многим другим ветеранам войны, постоянно вручали вполне заслуженные юбилейные медали, значки, а в 1985 году — орден Отечественной войны II степени.

Кстати, награды получили и два брата Андрона. Аника Андреевич Буров был призван 21 июня 1941 года, демобилизован 6 июня 1945 года. Он был в звании гвардии лейтенанта интендантской службы, воевал на Западном и 2-м Белорусском фронтах. Его награды: медали «За оборону Москвы» и «За взятие Берлина», орден Красной Звезды. Панфил Андреевич Буров воевал с 9 сентября 1941 по май 1945 года также на Западном и 2-м Белорусском фронтах в звании рядового, затем сержанта, награжден медалью «За освобождение Варшавы» и орденом Красной Звезды.

Судьба хранила братьев Буровых, наверное, молитвами их матери. Однажды в выходной Андрон с другом решил куда-то не ходить, а выспаться. Но планы почему-то менялись, и они все же пошли на природу, в сопки. Внезапно произошел налет немецкой авиации. Базу бомбили. Когда друзья вернулись в казарму, койка отца была пробита по центру залетевшим осколком снаряда.

Во время войны переписка Валентины и Андрона продолжилась. (Жаль, что мама никогда вообще не хранила писем, оставляла только

фотокарточки.) В начале 1942 года со стороны отца последовало признание в любви, сделанное своеобразно на оборотной стороне очередной фотокарточки: «Дарю на память своей любимой Вале фото. Снято 1942 года с другом по службе с Сеней. 21/2 42 года». И незамедлительный ответ: «На память любимому Андрону от Вали Червоненко. Москва. 19/III-42 г.». То, что это объяснение в любви, я понял, рассматривая фотодокументы как исторический источник, еще один артефакт.

23 июля 1944 года во время побывки Андрон Буров и Валентина Червоненко поженились. Расписались не в Москве, а на родине отца в Юркинском сельском совете депутатов трудящихся Орехово-Зуевского района Московской области. С таким штампом сохранилось ветхое свидетельство о браке. Маме было 22,5 года, отцу — менее 26 лет. При этом они еще и обвенчались в старообрядческой церкви. Само свидетельство добыл брат Панфил, в то время находившийся в Москве. С паспортами жениха и невесты он сходил в Юркино и без их присутствия оформил акт гражданского состояния. Венчание также устроил Панфил со своей супругой Агафьей, но уже в столице в старообрядческом храме. Отец был в форме, мама — в нарядном платье. Ганя приготовила скромный обед — вот и все застолье военного времени. Вскоре Андрон поехал дослуживать.

Я рассматриваю совместную свадебную фотографию моих родителей и люблюсь их открытыми чистыми лицами. Какие же они замечательные, красивые! Отец в морской форме, в тельняшке, на голове лихой чуб. Мама с модной прической, тонкими выщипанными бровями, накрашенными губами, в модном платье. И это работница Электралампного завода! Да она дала бы фору любой популярной актрисе, той же Любви Орловой! Это фото мама позже отправила отцу на фронт, на обороте написав: «Москва. 1.10.1944 года. Помни эти первые дни совместной жизни».

Андрона демобилизовали 18 октября 1945 года — после семи лет и шести месяцев службы, включая войну. Но до этого ему пришлось некоторое время лечиться в госпитале, о чем поведал документ оттуда. В марте у отца внезапно появились боли в груди, сухой кашель, «ночные поты». Рентгенография выявила туберкулез легких. В июле состояние отца ухудшилось: появилась одышка, стала нарастать слабость, по вечерам повышалась температура. 31 августа он был госпитализирован в Главный военно-медицинский госпиталь Северного флота, где диагноз подтвердился — «фиброзно-очаговый туберкулез легких в фазе инфильтративной вспышки БК (-)». Он прошел первичный курс лечения. 24 сентября военно-врачебная комиссия признала его негодным к военной службе, присвоила «инвалидность вне

группы» с исключением учета и направила в распоряжение Сталинского РВК г. Москвы.

Лечился Андрон долго, пять лет восстанавливал здоровье. Какое-то время не работал. Родители даже консультировались у врача, когда можно заводить детей.

Он долго ходил в морской форме. К нему часто обращались: «Морячок!» Папа был очень красивым. Однажды он пошел в магазин и, когда подошла его очередь, попросил килограмм гречки (после отмены карточек?). Продавщица, преобразившаяся в абсолютную любезность, отмерила кило, но тут подошла мама и испортила ей настроение. Та буркнула: «Жена сварит!»

В армии во время войны Андрон получал денежное довольствие, но оправлял деньги в деревню. Мама подчеркивала, что отец очень заботился о родителях, но при этом сетовала, что мог бы и ей присылать, чтобы отложить, а то в 1945 году, когда демобилизовался, был гол как сокол, хотя и привез немного денег.

Молодые поселились на Преображенке на улице Хромова. На кровать деньги дала сестра Матрена. Родители мамы приняли отца уважительно. Активной разговорчивой теще Марии не нравилось, что отец часто молчал. Она звала его за глаза молчуном — все молчит и молчит. У деда — украинца по фамилии и сущности, но русскому по паспорту, проявилось внутреннее, редко выходившее наружу, извечное противостояние хохлов и русских, которых хохлы обзывали «кацапами». Внешне же внутрисемейные отношения были спокойными.

Тесть, Глеб Борисович, устроил отца работать к себе в ОКБ с опытным заводом на должность кладовщика-товароведа. Об этом свидетельствовала запись в трудовой книжке отца от 5 мая 1947 года: «Общий производственный стаж до поступления в ОКБ составляет 11 лет и 10 месяцев, из них служба в В.М. Флоте 7 лет 6 месяцев, с 1938 г. IV месяца по 18/X 1945 г.». На поле приписка: «Подтверждено военным билетом».

Впрочем, с этой работой пришлось вскоре расстаться. Его обманул еврей, втершийся в знакомые. В самом конце рабочего дня отец выдал ему приборы для аппаратуры без расписки. Тот расписку не оставил, поскольку, якобы, очень спешил, сославшись на крайнюю важность и крайнюю срочность задания. Обещал все сделать завтра. Но на следующий день, когда он пришел на склад и отец попросил его расписаться в ведомости о полученных приборах, тот ответил, что ничего не получал. Приборы были очень дорогие, стоили несколько тысяч рублей.

— Андрон! — выговорил ему тесть. — Ну нельзя же быть таким доверчивым!

Состоялся суд. Доказать отец ничего не смог. Судья стоял перед выбором: осудить отца за растрату на несколько лет, присудив реальный срок с отбыванием наказания в тюрьме, или обязать выплачивать в течение определенного времени приличную сумму. Женщина-судья выбрала второе, учитывая, что в семье был ребенок, а отец — участник войны. Этот огромный долг тяжелейшим бременем лежал на нашей семье в течение нескольких лет. Нужно ли обвинять или осуждать отца за то, что после случившегося у него возникло полупрезрительное отношение к лицам еврейской национальности — «мойшам», как он говорил. Но проявлялось это изредка в его отдельных репликах. Так уж получилось в его жизни, хотя проходимцы национальности не имеют. К тому же лучшая подруга мамы тетя Тося была замужем за евреем, и мама дружила с ее супругом Изей Ямпольским. Нас родители не воспитывали в духе каких-либо национальных предпочтений. Да и не принято это было в то время.

Отец ушел с прежней работы. Выбрать новую специальность в чем-то помогла болезнь, туберкулез, которым он заболел на севере во время войны. Лечился вполне удачно, но врачи посоветовали работать на свежем воздухе. Так отец выбрал профессию строителя. Как следует из записи в его трудовой книжке, 12 марта 1948 года он перешел работать в Государственный строительно-монтажный трест № 1, сначала на короткий срок инструктором производственных работ, а затем старшим десятником. Я в это время уже находился в утробе матери.

Моя Преображенка

14 сентября 1946 года на свет появилась моя сестра Аля — Алевтина Андроновна, а через два года в этот мир пожаловал и я, будущий историк и археолог. Семья в это время переехала с улицы Хромова ближе к Преображенской площади на Страховскую улицу по адресу дом 5, кв. 3.

Первое отрывочное воспоминание об этом мире связано именно с Преображенской площадью, словно открылась шторка, и я увидел уходящую далеко-далеко огромную, мощеную булыжником мостовую и какие-то неясные бегающие силуэты, наверно, машины. Шторка закрылась.

Я рос крепким пухлым мальчуганом. Еще бы, ведь меня долго кормила своим молоком мама. Однажды молока мне не досталось. Мама сцедила его в стакан и оставила на столе. Пришел отец с работы, увидел стакан и выпил его содержимое. При этом поморщился:

— Что за чертовщина! Почему молоко сладкое?

Уже в первые полтора года беспамятной для меня жизни я проявил капризно-упрямый норов, давший основание бабуле говорить обо мне «внучо́к — говнючо́к» — в прямом и переносном смысле. Капризы возникали из-за непонимания меня как личности. Четко говорить начал сравнительно поздно, а до этого — только односложно: бом, ням, сям и т. д. Мой лингвистический словарь освоила только мама. Остальные — ни отец, ни бабуля, ни дедуля — не могли дешифровать мой тарабарский язык, кроме слова «мама», которое изначально произносил четко. Прошу по-хорошему пом-пом (компот) или бом-бом. Так не дают же! Естественно, в слезы! Однажды, когда мама была на работе, от моих требований особо досталось бабушке. Я дернул ее за юбку и сказал вполне понятно:

— Хóчу боб-бом!

Бабуля нагибается, гладит по головке и переспрашивает:

— Что тебе?

— Хóчу боб-бом!

А она не понимает. Я так уж очень хочу мой любимый бом-бом, что начинаю приставать к ней и реветь, захлебываясь:

— Хóчу боб-бом! Хóчу боб-бом!

Бабуля приносит погремушку (бум-бум), чтобы успокоить меня, но тщетно. Видимо, уже с младых ногтей я стал пытаться в жизни добиваться своего. Не выдержав рева, пытки слезами своего «внучка-говнючка», она шлепает меня по заднице и скрывается на кухне. Когда же возвращается с работы мама-переводчица, бабушка рада, что появился тот, кто может меня успокоить и прекратить поток слез.

— Валя! — чуть ли не с порога кричит бабушка. — Наконец-то ты пришла! Не могу понять, что он просит. Кричит: «Хóчу бом-бом! Хóчу бом-бом!» Ну что ты смеешься?! Что же означает этот проклятый «бом-бом»?

— Мяч!

— О! — взывает бабушка. — Если бы я знала, мне не пришлось бы слушать его ужасный крик целый час! Немтырём он у тебя растет!

Самостоятельным я стал очень рано, отвергая чьи-либо попытки подчинить меня своей воле. На них неизменно отвечал: «Сям!» вместо «сам». Я «сям» ел ложкой, хотя дело часто не обходилось без курьезов. После еды мое лицо тщательно отмывали. Но стоило только взять из моей руки ложку и начать кормить, как я поднимал ор, мотал из стороны в сторону головой, цеплялся за ложку с криком: «Сям!» Оставалось только следить, как ребенок пытается попасть ложкой в рот, но тычет чаще ею в нос, щеки, даже умудряется попасть в уши.

Когда кормление подходило к концу, надо было проявлять бдительность, ибо у меня стал прорезаться музыкальный слух. Чтобы услышать приятное для уха звучание, я стал сбрасывать со столика фарфоровые тарелки. Они летели одна за другой. Но мои музыкальные наклонности были пресечены на корню путем замены фарфоровой посуды на металлическую.

Однажды во мне заговорил путешественник. Бабушка пекла блины и испеченную горку относила в буфет, ставила на нижнюю полку, прикрываемую дверками. Долгое время она находилась на кухне, а когда вернулась с очередной порцией, то от неожиданности застыла на месте. Ее драгоценный внук вышагивал босиком по разложенным на полу теплым блинам. Кушать эти блины она отказалась. Но маму истоптанные мною блины не смутили. Она их промыла и повторно обжарила.

Была еще одна проделка, автор которой предпочел остаться в тени. Никто так и не узнал, кто напроказничал — я или моя сестренка Аля. Все произошло вечером, когда семья была в сборе, а племянница Галя поспешно переодевалась, чтобы успеть на танцы. Однако ее резинки, применявшиеся в то время для крепления чулок, бесследно исчезли.

— Где мои резинки? Куда их дели? — шумела она. — Ничего в доме нельзя найти!

Несмотря на тщательные поиски, предпринятые всеми, пропажа так и не обнаружилась. Галя убежала рассерженная и злая. Поужинав, начали чаепитие. Отец первым сделал из чашки глоток и сказал:

— Резиной пахнет!

Бабушка (теща) чуть не вспылила, что зять чем-то недоволен. Но вкус чая ее смутил:

— Не может быть! — сделала она второй глоток, потом сняла с чайника крышку. И о ужас!!! На дне чайника лежали злополучные резинки. Кто бы мог предположить, что в тот момент, когда заплаканная Галка в их поиске бегала по комнате, резинки преспокойно стерилизовались в чайнике.

Герой не был выявлен и во второй раз, когда в гости к бабушке приехал родственник из Астрахани и принес арбуз. Фрукт спокойно лежал на полу в комнате, а когда на него решили обратить внимание, то обнаружили пропажу. Арбуз исчез! Испарился. Дверь на общую кухню была закрыта. В комнату из взрослых никто не входил, а арбуз пропал! Правда, возле стола крутилась мошкара — я и Алька. Стали искать арбуз, но не находили, пока не догадались заглянуть в соседнюю маленькую темную комнатку, где стояла деревянная кровать. Под ней арбуз и оказался.

Я рос и, ничего не подозревая, носил девчачьи платьица, которые ко мне переходили от сестры. В то послевоенное время достать вещи было трудно, да и стоили они дорого. Как рассказывала мама, в этих платьицах незнакомые люди принимали меня за создание противоположного пола. Они говорили маме, гулявшей с нами вечером в скверике на Преображенке:

— Какие у вас чудные девчурки!

Но я был слишком мал, чтобы осознать вызов своему самолюбию и чтобы во мне заговорила мужская гордость — в отличие от Михаила Лермонтова, которого тоже в очень раннем детстве одевали в платья, но, когда он это осознал, то порезал бывшее на нем платье на куски.

Однажды сестре купили новые туфельки. А мне нет. Я закатил такой скандал, что дед не выдержал, взял меня в магазин к Красным воротам и тоже купил красные сандалики с дырочками. Они привели меня в дикий восторг. Впрочем, модником в будущем я так и не стал. Я открыл дверь на общую кухню и стал вертеть ногой, демонстрируя соседке тете Марусе обновку, причмокивая и приговаривая:

— Ц-а... Глебка! Ц-а... Глебка!

Тетя Маруся сначала ничего не замечала, но, поняв, в чем дело, спросила:

— Вовочка, кто же купил тебе такие красивые сандалики?

Но меня заклинило. Я вертел ногой и твердил лишь одно:

— Ц-а... Глебка! Ц-а... Глебка!

Потом по вечерам я дежурил у окна и ждал возвращения деда с работы. При его появлении радостно оповещал всех громко, кто идет:

— Глебка! Глебка дёт! (Вместо «идет»).

Переезд в подмосковное Ховрино

Со старой Преображенкой нашей семье пришлось расстаться. В октябре 1950 года отцу дали квартиру в ближнем Подмосковье, в Ховрино, в поселке Краснооктябрьский. Буквально рядом проходила граница Москвы. В поселке обустраивались работники московского строительного треста и молодые рабочие. В столице разворачивалось мощное строительство, которое надо было обеспечить кадрами. Отцу сказали, что в будущем Ховрино войдет в состав Москвы.

К этому времени отец уже освоил строительное дело и успел прекрасно себя зарекомендовать, работая десятником в Стройконтроле Главгорстроя СССР. Он был умным, дисциплинированным, аккуратным, исполнительным, инициативным, непьющим и некурящим, а главное честным, словом, ценным работником. Попутно замечу, что

отец был человеком, знающим свое дело, а не болтуном. Впоследствии уважавшие его рабочие ему говорили: «Андрон Андреевич! Да если бы у тебя был подвешенный язык, ты бы уже давно был бы начальником треста!» Это не следует принимать за истину, поскольку у отца не было высшего специального образования, а всего 5 классов начальной школы. Потом уже, когда мы с сестрой учились в начальном классе, он навестывал, участь в вечернем строительном техникуме.

— Да, мама, ты нас ругаешь за тройку, а папа тройку сегодня принес! — высказывали мы с Алькой свое недовольство. Мы не могли понять, что папина тройка равноценна нашим четверкам, если не пятеркам. Как ему было трудно днем работать, а вечерами учиться!

Когда отец написал заявление на получение жилплощади, ему отказали. Об этом узнал начальник Стройконторы Разумовский и возмутился. Он лично отдал распоряжение предоставить семье Андрона Андреевича Бурова из четырех человек жилплощадь. Было два варианта: комната в Измайлово в коммунальной квартире, зато в Москве, либо однокомнатная квартира, но в подмосковном Ховрино. Во втором случае терялась московская прописка. Мама даже не раздумывала:

— Конечно, квартира!

Подробности получения жилплощади и переезда я узнал из рассказа матери много лет спустя. Поскольку для нее это было эпохальное событие, она запомнила его во всех деталях. Еще бы! Мы ютились семеро в двух комнатенках в деревянном доме с печным отоплением, холодным туалетом в коридоре. Многие москвичи вообще жили в бараках и многолюдных коммуналках — «клоповниках». А в Ховрино — подарок судьбы, однокомнатная квартира! Со всеми удобствами! Радиаторным отоплением! Это что-то нереальное! Неземное! Надо ли говорить, что в послевоенное время благоустроенная однокомнатная квартира в Москве была редкостью и воспринималась как чудо из чудес. Недаром к маме с завода приезжали в гости ее подруги и знакомые увидеть эту диковинку.

Когда отец пришел домой и первый раз сообщил, что в тресте дают жилплощадь и он написал заявление, Глеб Борисович Червоненко, знающий, что и почем стоит в этом непростом мире, признававший справедливость пословицы «где хохол прошел, там еврею делать нечего», но при этом сумевший заполучить только две небольшие комнатки в коммунальной квартире с холодным туалетом в деревянном доме, не поверил отцу:

— Шутишь, Андрон. Да кто даст тебе квартиру-то. Сейчас, тебе так и дали!

— Андрощ, перестань шутить! — поддержала тогда своего отца недовольным тоном мама.

Неожиданно встретив такое недоверие, папа сразу утратил желание что-либо рассказывать или доказывать. Но тесть оказался прав. Отцу по первому разу действительно отказали. И только с подачи Разумовского жилье было получено.

Несколько дней спустя папа, придя вечером с работы, протянул маме небольшой листок бумаги. Прочитав, что в нем написано, и рассмотрев печать, она несколько растерянно и все же неуверенно спросила:

— Так что же нам с собой брать?

— Кровать и детей! — радостно ответил отец. Это было единственное ценное, что они нажили за шесть послевоенных лет.

— Что, и правда дают квартиру? — уже с некоторой неуверенностью в голосе спросил дед.

Смотреть квартиру мама отказалась: только время терять. Она была согласна на любую площадь, лишь бы не было тесноты, узких проходов, соседей и опостылевших перегородок. Зато моя сестра, четырехлетняя Аля, с удовольствием поехала с отцом на смотрины. Вернулись они поздно. Алька была в восторге. Она нескончаемо произносила одну и ту же фразу:

— Там такой красивый белевский диванчик!

— Аля, что за диванчик? — пытались выяснить у нее все, включая отца. Но Аля только делала взмахи ручонками в стороны, объясняла:

— Он вот такой и во-о-от такой! — отец мог только предположить, что это или кирпичная белевая печка на кухне, или эмалированная ванна.

Переезд отмечали застольем, последний раз в деревянном доме на Преображенке. Дед купил на дорогу два спелых арбуза. Ярко-красных с черными-пречерными семечками. Арбузы больше всего понравились мне (и до сих пор их обожаю!). Я лопал их с аппетитом. Потом пришла машина. Хорошо, что крытая: пока пировали, собрался дождь. Перевозить-то было особо нечего. В кузов быстро погрузили скарб: взрослую кровать, мою коляску с вырезом для отросших ног (в ней я спал), два узла — с бельем и одеждой. Даже стола не было. Напоследок дед с бабкой отдали старый гардероб, целое сокровище! Вслед за гардеробом прибавился ковер. Глеб Борисович расщедрился. Отец с Алькой уселись в кузове, а мама разместилась в кабине со мной, двухлетним, взяв на колени. Она с опаской посматривала на меня, и, держа на руках, словно неразорвавшуюся бомбу, выговаривала деду:

— Папа, ты тоже догадался — на дорогу арбуз купил. Что мне с Вовой делать? Он же меня с ног до головы обдунит!

— Ну что ты волнуешься? Вот тебе клеенка. Все обойдется, — отмахнулся дед.

Машина тронулась в дальний путь с Преображенки в Ховрино. Самые худшие опасения матери сбылись и даже не в тех масштабах, которые она предполагала.

— Ой! — только вскрикнула она в пути, когда горячий напористый и нескончаемый ручеек стал заливать ее платье.

— Твоя машина сейчас утонет! — пожаловалась она засмеявшемуся водителю. Но когда тот хотел остановиться, возразила:

— Чего уж там! Теперь поздно! Поехали! Вон как спит, даже ничего не чувствует!

В Ховрино прибыли в одиннадцатом часу ночи. Разгрузались в темноте. Ни одного светящегося окна в новом доме. Вокруг темень, хоть выколи глаза. Дом небольшой, трехподъездный. Неподалеку виднелись какие-то глухие заборы с непонятными нагромождениями. Там светил какой-то прожектор. Квартира была в первом подъезде, с самым высоким крыльцом. Еще три ступеньки в коридоре, поворот ключом в правой двери с номером «2», щелчок выключателя и — перед ночными странниками открылся сказочно прекрасный уют, впусивший их на 7 лет.

По сравнению с закутками и темными углами дома на Преображенке это были царские хоромы. Просторная комната, коридор с небольшим закутком. Ванная! Теплый туалет!! Кухня!!! И никакой соседки — тети Маруси, мелькающей со своими гремящими и источающими странные запахи кастрюлями и сковородками. Мать была в восторге. Гнездышко! Уютное, симпатичное гнездышко, о котором могла только мечтать женщина-мать, жена.

Между тем два сонных, нахохлившихся, уставших от дальней дороги птенца, осознавая с каждой секундой, что эти царские чертоги принадлежат им, постепенно стали расправлять крылышки. Нас явно поразили высокие белые потолки, но особенно — казавшиеся бескрайними размеры пустой квартиры. Здесь не было узких проходов, где не разойтись двоим. Простор и воля! Меня в доме сразу переделали в сухое.

— Ура-а-а-а!!!! — Алька вместе со мной с криком стала носиться-летать по комнате. — Ура-а-а-а!!! — с жутким криком и топотом мы, точно два новоявленных дьяволенка, забежали из комнаты в коридор, из коридора на кухню, из кухни в коридор и снова в комнату.

— Да тише вы! — бесполезно строго окрикивала нас мама. — Соседей разбудите!

Но отец, довольный эффектом, который произвела на всех квартиранта, счастливый и снисходительный, возразил:

— Никого пока нет! Мы первые. Пусть бегают.

И мы бегали до изнеможения, радуясь простору и, видя смеющиеся лица родителей, старались рассмешить их еще больше.

Утром отец, уже на пороге, закрывая дверь, как-то загадочно сказал маме:

— Валентина, ты, когда выйдешь на улицу, ничему не удивляйся, — и ничего не объясняя, он сбежал по ступенькам к выходу подъезда. Умчался на работу.

Мама даже не успела осмыслить эту фразу. На улице светило солнце. Через просторное не занавешенное окно, выходявшее на юг, открывался живописный вид на дальний мокрый низкий пустынный берег речки Лихоборки, делавшей петлю как раз напротив дома. На противоположном берегу был лужок, за ним — огороды с садами, обнесенными почерневшими покосившимися заборами. Сквозь кроны уже начинавших набирать желтизну садовых деревьев выглядывали крыши частных домов и отрезок автомобильной дороги, обсаженной с двух сторон ветвистыми старыми ивами.

После завтрака, собрав нас с сестрой на прогулку, мама отворила дверь на крыльцо.

— Мать моя родная! — единственное, что сумела произнести никогда не ругавшаяся мама, увидев прямо напротив дома глухой забор, обтянутый сверху колючей проволокой, и сторожевую вышку. На вышке маячила фигура солдата с автоматом. Только тогда она поняла, что Андрон утром не хотел ей ничего объяснять потому, что боялся погасить остатки того бурного, восторженного счастья, которое светилось в ее глазах, счастья, которое посещает человека не столь часто и память о котором остается в душе на всю жизнь. Отец не мог сказать о лагере военнопленных, держал все в полном секрете до последнего момента. Да мама и не расспрашивала, куда они едут и какую квартиру дали. Действительно — «сама увидишь». С неприятным ощущением она отвела нас домой.

— Да нормальные это люди! — пытался внушить маме вечером отец. — Ну, немцы, пленные. Спокойные. Работают лучше наших. Что ни скажешь, все выполняют. Среди них много молодых парней. Они и наш дом построили по своему проекту. Обратила внимание: центральная часть трехэтажная, как башня, а боковые крылья двухэтажные? У себя в Германии такие дома они кроют черепицей. У нас черепицы нет. Крышу сделали из железа. Война закончилась! Не волнуйся. Скоро этот лагерь ликвидируют. Вот увидишь!

Много лет позже этот услышанный рассказ меня удивил и озадачил. Отец, воевавший с этими «молодыми парнями», относился к ним почему-то снисходительно, как к проигравшей футбольной команде,

которая, правда, не мяч гоняла, а гоняла танки, самоходки, пушки, бомбила, стреляла, убивала людей, превращала в руины наши города и селения... Я не злопамятный, но смог бы я на месте отца простить эту сволочь, нечисть, принесшую на мою землю столько горя и страданий? А может быть, причина в том, что отец всю войну провел в Полярном, пусть даже под бомбежками, знал о не вернувшихся из похода подводных лодках с товарищами. Но он все же не шел по следам отступающего врага через головни сожженных, испепеленных, разрушенных сел и городов... Не знаю, не знаю...

Как сказал отец, так и произошло. Вскоре забор ликвидировали. На образовавшемся пустыре после упразднения лагеря для военнопленных образовался дворик, освободивший вид на соседнее двухэтажное здание тоже желтого цвета.

На следующий, 1951 год отца направили в командировку на юг в Хосту строить санаторий. Вслед за ним вскоре туда же с детьми выехала и мама. Поезд помчал нас в совершенно незнакомый, но красивый мир гор и растений, который, в отличие от сестры, я помню в разрозненных отрывках.

Отец встречал нас вечером на станции. Шторка памяти открылась. Потом была какая-то чужая комната в общежитии, тусклый цвет лампочки, матрацы. Мы с Алькой заскучали. Отец посадил нас напротив друг друга и показал игру «пилу». Она заключалась в том, чтобы, взявшись руками крест-накрест, перетягивать их. Сразу стало смешно и приятно — такое же ощущение, когда падаешь лицом в подушку.

На комнату, в которой мы проживали, претендовали тараканы. Их было много. Мы с сестрой этих тварей боялись. Отец, стараясь нас успокоить, показал действенный метод борьбы с этими тварями. К ноге таракана привязывается нитка, после чего он убегает и уводит за собой остальных. Но количество тварей почему-то не уменьшалось. В конце концов мы перебрались дальше от моря, ближе к горам, но в чистый дом.

Воспоминания того лета смутные. У хозяев дома, где мы жили, была огромная черная собака, приводившая нас с сестрой в содрогание не только своими размерами, но и надрывным лаем. Запомнилось, как я бегал по ступенькам, поднимавшимся вверх в гору, которым не было конца. Запомнились островерхие деревья — кипарисы, раскидистые пальмы. На фоне пальм нас с Алькой фотографировали. Были фруктовые деревья, с которых мама срывала плоды и не давала их есть, пока они не были помыты водой. Повторяла:

— Никогда не ешьте немывтое! — шторка памяти закрылась.

Дополняют эти воспоминания блеклые фотографии. На одной из них мама с отцом стоят на кипарисовой аллее. На худенькой маме

шелковое платье, сшитое по последней моде тех лет — длинное, висящее на ней, словно мешок. Отец в пиджаке, сшитом не по его фигуре. Когда эта карточка спустя лет двадцать попала им в руки, они рассмеялись, а потом с грустью — как быстро летит время.

Была еще одна фотокарточка, отправленная по почте бабушке и дедушке. На ней запечатлен фонтан. Обнаженный мальчик держит пойманную большую рыбу, из пасти которой струей бьет вода. На обороте, как свидетельство моей любознательности, карандашом выведена едва читаемая надпись: «А Вовик целый день спрашивал меня, почему мальчик без штанишек и льет водичку?»

«Амазонка» и «Чикаго».

Историко-топографическое пояснение

Двенадцать последующих лет, с 1950 по 1962 год, моя жизнь была тесно связана с этим дорогим моему сердцу уголком Подмосковья. Тогда это было ближайшее Подмосковье. За полчаса можно было доехать на поезде до трех вокзалов на Комсомольской площади. Или минут сорок занимала поездка на автобусе до станции метро «Сокол».

О Ховрино в то время я мало что знал, кроме того, что рядом проходила Октябрьская железная дорога со станциями «Ховрино» и «2-й Пост» (позже «Моссельмаш»), что здесь протекала речка Лихоборка, которую мы называли по-американски Амазонкой, что наш поселок строителей за его пределами называли «Чикаго», что выше по течению Лихоборки находилась Грачёвка — старая усадьба с красивым барским домом и полуразрушенной краснокирпичной почерневшей церковью, что, если на автобусе проехать по мощеному булыжником Лихоборскому шоссе, то попадешь в Михалково — в парк имени рабочего-революционера Петра Алексея, рядом с которым за забором стоит одноименная мрачная, вечно гудящая ткацкая фабрика. Что в Михалковском, утопавшем в зелени парке, наряду с детскими игровыми площадками находилась старая усадьба с красивыми замысловатыми из красного кирпича башнями с белым окаймлением и таким же зданием, а рядом был большой пруд, из которого по каналам с двумя водопадами вода сбрасывалась в Лихоборку. Пешком вместе с родителями можно было прогуляться до Ленинградского шоссе, за которым стояло здание Северного порта с островерхим шпилем, и оказаться на берегу канала Москва — Волга. У его причалов стояли манящие белоснежные прогулочные теплоходы и катера.

И только в наступивший XXI век интернета, паутина которого глобально опутала недоступные ранее информационные сферы, я взглянул

переосмысленно на уголок моего детства и отрочества, осознав многое в историческом и топографическом плане.

Во многом мне помогла по счастливой случайности попавшаяся в интернете карта Москвы и ближайшего Подмосковья 1952 года. Она издана в сотом масштабе, т. е. в 1 сантиметре — 100 метров. Гриф «Совсекретно» долгое время скрывал ее не только от врагов, но и от нашего любопытства.

1952 год составления карты Мосгеотрестом почти совпадает с переездом нашей семьи в Ховрино. Однако я могу свидетельствовать, что она составлялась раньше, потому что наш кирпичный дом, как и другие первые дома поселка строителей, возведенные военнопленными немцами, здесь не показаны. Я стал внимательно разглядывать карту, словно воспарил над старым Ховрино. Меня одолели воспоминания о пространстве между двумя знаковыми историческими усадьбами — Грачёвкой и Михáлково.

Вот она — основная родная географическая ось координат моего детства — узкая, извивающаяся синей змейкой речка Лихоборка, ныне заточенная в зловонный коллектор. А здесь она почти семидесятилетней давности, показанная на бумаге, еще на свободе — живая, чистая, вьется среди цветочных лугов, едва приближаясь к задворкам частных усадеб, составляя замысловатые петельки.

В верхней части карты ниже станции «Ховрино» по берегам Лихоборки изображены два зеленых пятна. На правом берегу — бывшая усадьба Грачёвка с бывшей церковью, а на левом, немного ниже, начерчен пятиугольник небольшого кладбища. Последнее уже давно перестало существовать, стертое застройкой. Но я хорошо помню эти поросшие травой и незабудками холмики с крестами, на один из которых, не заметив, наступил в возрасте 6–7 лет. Тогда меня с головы до пят пронзил холод ужаса, словно наступил на лежащего мертвеца. Говаривали, что здесь было даже несколько могил немцев.

Узкая вытянутая пойма Лихоборки напротив усадьбы Грачёвка, представленная на карте 1952 года, хранит следы старого длинного пруда. Он существовал до революции, образовался после того, как Лихоборку перегородила плотина-запруда. Эту дамбу в преобразованном виде я застал еще в 1960-е годы. Теперь вообще здесь мало что можно узнать. Русло речки взято в подземный коллектор, а пойма полностью засыпана землей. Контуры старого обширного пруда с небольшим островком, где мы мальчишками временами гоняли футбольный мяч, исчезли. Все засажено деревьями парка. Вонь, временами вырывающаяся из отдельных люков, выдает трассу Лихоборки, превращенной в сточную канаву. Исторический ландшафт

моего детства варварски навсегда уничтожен, будучи загнан под землю.

Рядом с церковью проложили северо-западную хорду транспортной развязки. Чтобы перейти магистраль, надо ждать, когда светофор подарит зеленый цвет, прервет непрерывный поток машин. Хорошо, что еще сохранились названия — Ховрино и Грачёвка.

Первое наименование наиболее древнее. Оно восходит к старинной деревеньке, которой в самом начале владел богатый купец Григорий Степанович, неприглядно прозванный Ховра, т. е. неопрятный, нечистоплотный. Вместе с отцом Стефаном Васильевичем в конце XIV века он перебрался в Москву из Крыма — Сурожа (Судака) и Кафы (Феодосии). В Подмосковье у них появились большие вотчины, в том числе наша деревня, которая перешла по наследству к сыну Ховры Василию, а тот продал ее дворянину Третьякову. В годы правления царя Ивана Грозного деревня перестала существовать. Можно догадываться, что, как и сотни других пунктов, она была разорена в опричнину. Писцовая книга 1584 года свидетельствовала: «...за стольником Васильем Третьяковым старинная отца его вотчина: пустошь, что была деревня Ховрина, на речке Лихоборке». Далее это владение сменило множество хозяев исключительно знатных родов, получавших отсюда от крестьян свой доход: Шереметьевых, Голицыных, Пожарских, Головиных, Оболенских, Столыпиных. Данная местность была давным-давно обезлесена и распахана, что просматривается на картах XVIII — начала XIX века.

В 1859 году Ховрино купил миллионер Е. В. Молчанов. Новый хозяин полностью преобразил неказистую деревеньку: разбил парк с кедрами, пихтами, лиственницами, устроил цветники, поставил беседки, гроты, выстроил трехэтажный дом и несколько флигелей. В 1868–1870 годах по проекту модного архитектора М. Д. Быковского была построена каменная церковь Знамения Богородицы, на которую было опущено 50 тысяч рублей. Е. В. Молчанов, имевший предпринимательскую жилку, построил рядом с усадьбой несколько дач и стал сдавать их в аренду. В 1879 году вдова Е. И. Молчанова продала усадьбу скандальному С. Е. Панову, разбогатевшему на подрядах для железных дорог. Наконец, в 1895 году Ховрино приобрел купец первой гильдии М. С. Грачев. Он полностью перестроил свое владение — заново разбил парк, а в 1900 году по проекту известного архитектора Л. Н. Кекушева выстроил вычурный усадебный дом, сохранившийся до наших дней.

Со второй половины XIX века Ховрино постепенно превратилось в дачный поселок, который стали посещать художники, писатели, поэты, композиторы. Здесь побывали В. А. Гиляровский, А. Н. Толстой, П. И. Чайковский. Поэт В. Я. Брюсов даже венчался в местной церкви. В начале XX века здесь строится земская школа, земская больница. В 1918 году в усадебных постройках разместили рабфак Тимирязевской сельскохозяйственной академии, с 1928 года — санаторий. Наименование «Санаторий» осталось на карте 1951 года. Во время Великой Отечественной войны в бывшем барском доме заработал военный госпиталь, переоборудованный в мирное время в Московскую областную физиотерапевтическую больницу, которая действует в наши дни.

В память о скончавшихся от ран в госпитале советских солдатах и офицерах — защитниках Москвы, в грачевском парке установлен мемориал. Но помнит ли кто, что ему изначально предшествовал скромный обелиск первой половины 1960-х годов? Он был поставлен по инициативе нашей пионерской организации школы № 41 Октябрьской железной дороги, которая, собственно, и провела разыскания и установила позабытый факт нахождения военного госпиталя в Грачёвке. Было волнующее, торжественное открытие этого простого памятника в присутствии нас, пионеров, и участников войны. В каких архивах искать документы?

Что касается Знаменской церкви, то она была закрыта только в 1939 году и постепенно была доведена перекасти-поле — хозяевами до почти руинированного состояния. В ней находился сначала склад, потом разные мастерские. Я помню ее всегда обезглавленной. Сейчас храм реставрирован, с 1991 года в нем идет служба.

Неподалеку от Грачёвки, на правом берегу Лихоборки, уже за кладбищем, в 1952 году находился большой луг, ограниченный низиной на подступах к нашему поселку. На карте 1878 года вместо луга изображено поле с низиной. Поля тогда простирались по обеим берегам реки. В начале лета этот луг покрывался сплошным ковром золотисто-желтых одуванчиков, золотое море которых колыхалось под порывами ветра. Такой красоты я потом нигде не встречал. Луг на глазах стал исчезать, сужаясь в границах. В первые годы нашего переезда на его окраине у нового поселка возникли стихийные огороды. Отец даже сажал там картошку. Но вскоре на месте огородов быстро построили пятиэтажный дом из серого кирпича. За ним — еще несколько подобных домов. В глубине луга, на отшибе, вырос новенький дом культуры с просторным кинозалом. Его обнесли забором, подвели дорогу. Ныне это культурный центр «Онежский» — конечная остановка автобуса

№ 70, идущего от станции метро «Водный стадион». А когда я учился в 4-м или 5-м классе, по слегка заболоченной луговой низине была вырыта огромная длинная траншея, в которую затем стали укладывать железные трубы большого диаметра, так что мы могли ходить по ним согнувшись. Эта канава оставила в прямом смысле рубец не только в моей памяти, но и на теле. Преодолевая канаву с одного края на другой по вертикально поставленной на дно лестнице, я пропорол ржавым гвоздем ногу, да так сильно, что хлынула кровь. Дома это вызвало ужас у бабушки, которая тут же потащила меня в поликлинику делать срочно укол от столбняка. Потом трубы засыпали и все заровняли. А следом исчезла и сама речка, заключенная в другую трубу. Затем местность быстро застроили блочными домами. Сейчас даже невозможно точно определить прежнюю трассу Лихоборки. А «понаехавшие тут» и слышать не слыхивали о моей родной Амазонке.

Золотой же луг из одуванчиков стоит перед моими глазами до сих пор как наваждение или давний сон. Память зримо сохранила наши прогулки на него. В солнечный день мама стелила одеяло на берегу Лихоборки, снимала с нас с сестрой верхнюю одежду, и мы загорали, слушая детские стихи, сказки. Берега речки были низкие, заросшие травой. В прозрачнейшей воде на небольшой глубине под напором течения развевались узкие длинные ленты темно-зеленых водорослей, прикрывавших песчаное дно. Но купаться в Лихоборке было не принято. Она все же считалась грязной, хотя вода в ней была чистая, прозрачная.

На противоположной стороне Лихоборки виднелись покосившиеся тыльные заборы усадеб частной застройки, утопавшей в зелени садов. Там жили не только русские, но и армяне, азербайджанцы, грузины, евреи. Временами из этих зеленых чащ доносились звуки национальной музыки — играли свадьбы.

Еще ниже по течению Лихоборки напротив одной из петель на карте 1952 года просматривается пустое поле. Его зажимает каре дворов с деревянными домами по улицам Льва Толстого и Дзержинского (ныне Сенежской и Солнечногорской). Именно на этом клочке земли, с видом на излучину, несколько удаленно от речки и был поставлен наш желтый дом с тремя подъездами.

Изначала все дома на свободном поле были желтого цвета. Правее нашего дома, перпендикулярно, стояло двухэтажное Г-образное здание, в подвалах которого первоначально размещались библиотека, сберкасса и, кажется, милиция. Мне же всего дороже воспоминание о здешнем буфете, в котором после полочки отец покупал нам с сестрой неповторимо хрустящие, посыпанные сладкой нежной ванильной пудрой кукурузные хлопья в пергаментной упаковке, вложенной в невзрачную

серую картонную коробочку. Рядом с этим домом была небольшая горка, с которой мы любили скатываться на трехколесных велосипедах.

В том доме проживал комендант поселка Петр Францевич Ружичкий, приложивший руку к благоустройству поселения. И годы спустя, не без нашего участия, поселок стал зеленым, чистым, с цветочными газонами, клумбами, скверами и даже с фонтаном, где в прозрачной воде плавали золотые рыбки. Все улочки были асфальтированы. Перед окнами нашей квартиры мы с отцом посадили три тополя, которые постепенно стали расти вместе с нами.

В поселке имелось еще одно пятиэтажное Г-образное здание, два небольших двухэтажных двухподъездных барака и два одиноких коттеджа с лоджиями. Все желтые строения заселяли молодые семьи рабочих и служащих, имевшие детей.

Противореча нарядному желтому семейному колеру немецкой застройки, как грибы, возникли мрачноватые пятиэтажки молодежных общежитий из серого кирпича. Их появление было связано с тем, что в Москве шла сталинская реконструкция, которая нуждалась в рабочей силе. В одном таком доме размещался клуб, вход в который располагался со стороны ул. Дзержинского. Его небольшой зал всегда был забит до отказа, особенно когда крутили трофейные фильмы, например «Тарзан». Честно признаюсь: я был тогда совсем маленьким, и при виде лохматого черного громадного чудовища на экране в темном зале задал такой рев, что маме почти сразу пришлось со мной покинуть «кинотеатр», о чем она потом неоднократно с сожалением вспоминала.

В этом клубе с примитивными откидными легкими деревянно-фанерными и громко стучавшими крышками кресел, уставленных плотными рядами, чаще показывали отечественные патриотические ленты, которые мы, пацаны, просто обожали, разбирая их на цитаты. А после во дворе взахлеб друг дружке пересказывали эпизоды из фильмов «Крейсер “Варяг”», «Молодая гвардия», «Чапаев», «Котовский», «Щорс», «Ленин в Октябре». Чего стоила только одна фраза царского шпика, отдававшего команду душить большевика, узнавшего, что готовится покушение на Ленина: «За яблочко его! За яблочко!»

В том же клубе устраивались новогодние представления с елкой и незамысловатыми подарками в красочных бумажных пакетах с обязательными мандаринами от Деда Мороза. Проходили здесь и выборы. Сохранилась фотография, ныне это уже история, — где мы, точно в рекламе счастливой жизни, голосуем вместе с родителями на фоне бюста Ленина и знамени, на котором читается: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Точнее, мама и папа опускают бюллетени в урну с печатью и гербом СССР.

Для полноты картины: в подвале того же общежития работала частная парикмахерская, где я был постоянным клиентом у старого лысоватого, услужливого и хитроватого картавого еврея. По заявке мамы он стриг меня за 10 копеек машинкой наголо, «под Котовского», временами опрыскивал дешевым зеленоватым одеколоном, резкими движениями пальцев сжимая оранжевую резиновую грушу.

В другой соседний серый дом общежития перевели милицию.

Слова родителей о том, что в первый год переезда в Ховрино прямо напротив крыльца нашего дома находился лагерь военнопленных, вполне совпадали с обозначенным на карте 1952 года значительным пространством поля на месте будущего поселка. Это заставило меня попытаться проверить данную информацию в интернете. И действительно, в списке советских лагерей для военнопленных Второй мировой войны я нашел сообщение, что лагерное управление № 435 размещалось в Ховрино (ru.wikipedia.org). Также я узнал, что все лагерные отделения имели по четыре вышки для часовых, что на каждой из них имелся прожектор для освещения зоны ночью. Естественно, все было огорожено. Лагерь военнопленных напротив нашего дома оказался правдой.

Одновременно неожиданно для меня выяснилось, что в Ховрино существовал еще один лагерь. Его даже упоминал А. И. Солженицын в книге «Архипелаг ГУЛАГ»: «Под самой Москвой, почти в черте, в Ховрине был захудалый заводик хозяйственного управления НКВД и при нем режимный лагерь, где командовал Мамулов — всевластный потому, что родной брат его был начальником секретариата у Берии <...> Этот милый лагерь находился в пятнадцати минутах электричкой от Ленинградского вокзала. Сторона недалняя, да печальная».

Лагерь действовал в 1938–1939 годах и с осени 1942 по апрель 1953 года. Первоначально он назывался «Исправительно-трудовая колония (ИТК) при заводе № 2 ХОЗУ (административно-хозяйственное управление) НКВД». После повторного открытия он определялся как «Ховринский ОЛП № 1 (отдельный лагерный пункт) при заводе № 2 “Стройдеталь”». В 1950 году здесь трудилось 900 заключенных.

Во имя исторической справедливости я бы не стал относить все лагеря к ГУЛАГУ, поскольку они были смешанные. В них трудились не только безвинно осужденные, но и те, кто получил свой срок за вполне конкретное уголовное дело. Объективно ГУЛАГ-то был тощее, чем он был представлен в описаниях борцов за справедливость — диссидентов. Все же нельзя было так откровенно исказить исторические факты.

Упомянутый «заводик» оказался ничем иным, как современным заводом «Моссельмаш», по названию которого была переименована

станция «2-й Пост». Въездные ворота «Моссельмаша» справа от деревянного моста через Лихоборку я хорошо помню. По некоторым сведениям, сам лагерь размещался неподалеку от проходной самого завода, в начале нынешней Солнечногорской улицы — бывшей ул. Дзержинского. Имя «железного Феликса» в данном случае примечательно, но одновременно двусмысленно!

По сути, на протяжении полутора лет я оказался современником и соседом двух ховринских лагерей. В мои 4,5 года они исчезли. Вот так живешь-живешь, а потом оказывается, что часть твоей жизни, пусть даже крохотная, прошла в неведении бед и кошмаров, творившихся всего в нескольких шагах от твоего дома.

Профиль заводика неоднократно менялся. До 1951 года здесь выпускали скобы, механизмы и литые для строившихся высотных зданий, грузовые и пассажирские лифты, металлические кровати, ремонтировали грузовые и легковые автомобили всех типов. В 1951–1953 годах завод выпускал автомобили специального назначения. С 1950-х годов предприятие было переориентировано на производство картофеле- и капустоуборочных машин, зерносушильных установок. В 1968 году «Моссельмаш» стал также изготавливать редукторы для сельскохозяйственной техники для всех предприятий СССР. В 1992 году завод был акционирован и перепрофилирован на востребованную продукцию — вентиляционное оборудование, инструмент, металлоконструкции и т. д.

«Моссельмаш», находившийся на правой стороне улицы Дзержинского, был явно засекречен, потому на карте 1952 года он никак не обозначен. Здесь показана деревянная и кирпичная застройка, обозначенная как поселок Краснооктябрьский. Собственно, в состав данного поселка вошли и наши новые дома левой стороны улицы, они стали его составной частью, однако все у нас на бытовом уровне считали, что живут в Ховрино.

Наш поселок в народе прозвали «Чикаго». Вне его ходили рассказы о частом криминале, имевшем здесь место из-за пестрого контингента строительных общежитий — ограблениях, поножовщине. Думаю, что данные слухи имели подоснову, тем более что отделение милиции разместили в центре «Чикаго» явно не без основания. Моя сестра вспоминала, что в общежитиях действительно были частые драки. Но, с другой стороны, где криминала не было в послевоенное время? Во всяком случае какого-либо чувства постоянной опасности мы, ребята, никогда не испытывали и спокойно разгуливали по поселку. Правда, существовали некоторые ограничения передвижения в дни полочки у строителей. Им на потребу был поставлен ларек за мостом

через Лихоборку, при въезде с Лихачевского шоссе. Тогда на поселковых улицах появлялось много пьяных, и родители оставляли нас с сестрой с вечера сидеть дома.

Вспомнилось несколько нехороших случаев в «Чикаго». Один раз я с ребятами на берегу Лихоборки наблюдал издали схватку двух парней, причем один в руке держал финку. Но его противник ловко выбил ее из рук нападавшего, забросил в воду и, как говорится, набил противнику морду. При этом все остались живы.

В другой раз мы, дошкольники, были свидетелями настоящего побоища, когда в нескольких десятках метров от нас врукопашную сошлись две большие толпы молодых парней на нашем левобережном берегу Лихоборки. Ребята-строители и молодежь с разноэтничных дворов противоположной стороны дрались жестоко, упорно, не уступая друг другу. Это было театрально завораживающее, но страшное зрелище с раздирающе громкими воплями. Пыль стояла столбом. Однако все закончилось так же внезапно, как и началось. С ревом подъехал темно-синий милицейский «воронок» с красной полосой, из которого высыпали милиционеры. Они сделали несколько предупредительных выстрелов в воздух, и все мгновенно рассеялись. Пыль улеглась. Представление окончилось.

Когда я учился в классе пятом или шестом, Женька Григорьев нашел на берегу Лихоборки, на свалке, труп мужчины. Тот был присыпан картонными коробками, которые вместе с прочим мусором стали активно выбрасывать на речной склон из ближайшего продуктового магазина. Памятно было и ограбление сберкассы, когда бандиты на наших глазах выскочили из помещения, запрыгнули в машину «Победа» и нажали на газ, а детвора, улюлюкая, бежала следом.

Были и драмы. Мама много лет спустя рассказывала, что в соседней квартире № 3 вначале проживала, очевидно временно, молодая девушка. К ней приходил парень. Потом они расстались, но он по-прежнему приходил, стучал в дверь, а она не открывала. Потом она повесилась, так как была беременна, считала себя опозоренной.

Но вернемся к карте 1952 года. На углу улиц Льва Толстого и Дзержинского по северной стороне красным прямоугольником обозначен кирпичный дом. В нем проживала моя одноклассница Кулешова — толстая, малоподвижная улыбчивая девочка, средне учившаяся. Она всех нас смешила на физкультуре, так как вообще не могла бегать и прыгать. Ее прыжок в длину ныне можно было бы записать в книгу рекордов Гиннеса. Кулешова разбежалась, если можно так сказать, а затем без всякой надежды преодолеть хотя бы на сантиметр земное тяготение делала маленький шажок, от чего все покатывались со смеху. Безобидно

смеялась и сама девочка. Ее дом, весь в зелени, простоял долго. Я помню его и в начале 1960-х годов.

Далее, на той же стороне улицы размещалась военная часть — стройбат, явное и закономерное дополнение к комплексу строительных общежитий. На трубе котельной части после полета Гагарина установили для украшения небольшую модель пузатой ракеты. Этого уродца приходилось созерцать каждый день по дороге в школу и обратно.

Напротив дома Кулешовой — вытянутый прямоугольник кирпичного клуба «Моссельмаш». Это был важный центр всеобщего притяжения. Сюда мы бегали по выходным на утренний и дневной сеансы смотреть кино. Порой было обидно, когда все дешевые билеты за 10 и 20 копеек заканчивались, а на более дорогой билет не хватало денег. Тогда приходилось бежать домой и выклянчивать недостающий гривенник у родителей. Иногда получалось, иногда нет. Но родители могли взять нас с сестрой и на ранний вечерний сеанс, если фильм не был помечен «До 16». Уже в классе седьмом после учебы мы с друзьями во дворе клуба резались в настольный теннис, азартно гоня через сетку белый пластмассовый шарик. Я не подавал больших надежд и часто вылетал из игры раньше времени.

Чуть было не забыл указать на другие мероприятия, связанные с клубом «Моссельмаш». Здесь проходили школьные утренники начальных классов, на которых мы выступали с разученными номерами. Мой дебют на местной сцене состоялся в 1-м классе. Я, будучи малого роста, читал известный детский назидательный стишок со словами о второгоднике: «А куда да пока дорастет до потолка». В конце каждого учебного года в фойе организовывалась выставка наших самоделок. Из своих поделок помню примитивный письменный стол с двумя тумбочками, набранный и склеенный из спичечных коробков. Был еще макет с домиком. Девочки выставляли вышивание.

Один раз меня направили в клуб от пионерской организации на торжественное собрание работников завода «Моссельмаш». Под звуки горна, маршируя, мы вместе с другой пионеркой, горнистом и барабанщиком вышли на сцену вслед за пионером-знаменосцем. Остановившись у края сцены, на призыв «Юные пионеры! В борьбе за дело великого Ленина и Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!» мы дружно, взмахнув правой рукой, громко и привычно ответили: «Всегда готовы!» Затем под аплодисменты зала проследовали в соседнюю комнату, где нам неожиданно выдали шоколадные конфеты. Правда, руководительница самодеятельности сначала мне не хотела дать конфеты, поскольку на предшествующую репетицию я не пришел. Но затем, скривив физиономию, все же передумала.

Далее вверх по той же улице Дзержинского в сторону станции обозначено еще одно каменное строение школы, план которой напоминает самолет. В 1953 году в нее не зачислили мою семилетнюю сестру. Накануне летних каникул мама с нами зашла сюда узнать о предстоящей записи в первый класс. Но завуч отговорила, поскольку школа оказалась переполнена. Для наглядности она подвела нас к одному из классных помещений, где шел урок, и распахнула дверь. Мы увидели, что учеников в нем было набито в прямом смысле, как сельдей в бочке. Маме пришлось согласиться, тем более что Альке формально на 1 сентября 1953 года не исполнилось бы семи лет (не дотягивала она всего-то 14 дней), а на следующий год должны открыть новую школу. И ее действительно построили и открыли в 1954 году на противоположной стороне улицы Дзержинского, присвоив № 41 по ведомству Октябрьской железной дороги. Теперь это колледж.

Рассматривая карту, я мысленно вернулся в начало улицы Дзержинского, перешел через деревянный мост на правый берег Лихоборки и вышел на Октябрьское шоссе. По сути, это была часть Лихоборского шоссе, только переименованная, словно для симметрии с названием железной дороги.

Длительное время шоссе было мощено булыжным камнем. С двух сторон его окружали ряды мощных старых заскорузлых развесистых ив. Их корявые размашистые ветви нависали над дорогой, пряча ее в тени. От них в настоящий момент остались всего два дерева. По краям шоссе были протоптаны узенькие пешеходные дорожки, ограниченные глубокими канавами, заросшими несменяемыми лопухами, покрытыми вечной придорожной пылью. Движение грузовых машин было небольшим. Их попутчиками являлись редкие автобусы, перевозившие народ к метро «Сокол» и обратно.

Октябрьское шоссе — ныне широченная Онежская улица, две половины которой разделены бульваром. Ее северная сторона со стороны Лихоборки совпадает с трассой старого Лихоборского шоссе. На обочине, словно напоминание о былой роскоши, растут кое-где молодые ивы. Старых уже практически не осталось. Бульвар и южная сторона улицы появились за счет ранее находившихся здесь дворов поселка Ново-Ховрино, питомника деревьев и оранжерей.

Питомник деревьев, выращиваемых для озеленения Москвы, обозначен на карте 1952 года зеленым пятном с маленькими кружочками. Если не ошибаюсь, это были тополя, пух от которых ковром укрывает всю Москву. Их ровные ряды виднелись за металлической сеткой, как со стороны шоссе, так и со стороны прохода в сторону пруда Михалково, куда мы постоянно ходили летом купаться. С левой стороны

того же прохода располагались земли овощного совхоза «Лихоборы». По соседству с ними, уже близ шоссе, стояли ряды застекленных теплиц, где выращивали цветы и цветочную рассаду. Один раз, в классе четвертом, мы здесь даже поработали.

Представленный на карте поселок Ново-Ховрино был очень большим и состоял сплошь из дворов с деревянными домами. Его современные координаты — между улицами Зеленоградской, Флотской, Лавочкина. Туда мы практически не заходили за ненадобностью. Я вычитал, что он был образован в середине 1930-х годов переселенцами из центра столицы в связи с начавшейся реконструкцией и сносом домов. Жившим в тесных коммуналках у Крымского моста, на Арбате, улице Горького давали участок земли и сумму денег на строительство собственного деревянного дома. К 1965 году, когда здесь началась массовая застройка, в поселке проживали около 12 тысяч человек. Он был плохо благоустроен. Электричество сюда провели только в 1950 году.

И в заключение нельзя не упомянуть старинную усадьбу Михалково с ее парком, обширным прудом и отведенным из пруда каналом. Это было приятное место наших прогулок и купаний. Символом Михалкова с детства для меня была круглая беседка на берегу пруда. Мы тогда и не подозревали, что данная земля удивительная в географическом и историческом смысле. Прежде всего, здесь, на высоте 160 метров над уровнем моря, проходит водораздел двух рек — Москвы и Яузы. В Москву-реку впадала речка, перегороженная и превращенная в часть Химкинского водохранилища. А в Яузу впадает Лихоборка — самая крупная из малых рек Подмосковья, получающая сток из Михалковского и соседнего Головинского прудов.

Михалково, как и Грачёвка, восходит к деревне и пустоши конца XVI века — части ховринской вотчины дворянина Третьякова. Потом владельцем земли стал Загоскин, следом князь И.И. Дашков, начальник Разбойного приказа, потомок ветви Рюриковичей. Во второй половине XVIII столетия самой известной хозяйкой Михалкова была знаменитая Екатерина Романовна Воронцова-Дашкова, подруга и помощница будущей императрицы Екатерины II. Впоследствии она стала директором Петербургской академии наук (1783–1794 годы). В молодости Дашкова прожила по соседству с Ховрино пять лет, с 1764 по 1769 год.

Уезжая в 1769 году, Дашкова подарила Михалково своему дяде, графу Никите Панину, дипломату, государственному деятелю. А тот передал подмосковное владение своему брату, генерал-аншефу Петру Панину, при котором и преобразилась усадьба.

В 1780–1784 годах по проекту знаменитого архитектора Василия Баженова в Михáлково был выстроен великолепный ансамбль, включавший полукруглый парадный двор с башнями проездных ворот и флигелями в стиле псевдоготики. Одной из характерных черт данного направления в зодчестве являлось сочетание красного кирпича с белокаменными деталями. За домом был разбит партер, а рядом на берегу пруда, образовавшегося после запруды Головинского ручья, пейзажный парк с малыми прудами.

При двух других предприимчивых владельцах усадьбы — Иване Алонкине и Дмитриии Грачёве — наступил упадок, поскольку постройки стали использовать под производство ситца. Разруху начал преодолевать промышленник Василий Йокиш. При нем производство было выведено за территорию усадьбы, а ее строения начали реставрировать. В 1871 году для своей семьи Йокиш построил двухэтажный дом, эклектический стиль которого вписался в архитектуру ансамбля.

В 1916 году на фабрике, принадлежавшей миллионерам Н. Второву и Н. Каштанову, трудилось полторы тысячи рабочих. В 1919 году фабрика была национализирована и названа в честь одного из первых рабочих-революционеров Петра Алексева. В 1877 году он произнес пламенную речь, предсказав неизбежность революции и победу «рабочего люда».

В 1952 году Михáлково относилось к Москве, границу с которой мы часто, не осознавая, «нарушали». Гляжу на карту и осознаю, что, загорающая на левом берегу канала, мы пребывали в Подмосковье, а переплыв на другой берег, оказывались сразу в Москве. Всего в сотне метров от канала мы ныряли в пруд, т. е. погружались в московские воды. Вот так мы постоянно и перемещались между подмосковным Ховрино и Москвой.

Дошкольные годы

Для моих родителей это было очень трудное время. После переезда в Ховрино бабушка уже не могла выполнять обязанности няньки. И мама два года не работала, сидела с нами. Ни детских садов, ни ясель тогда в нашем поселке не было. Мама стала ходить на курсы кройки и шитья, чтобы шить самой одежду, так было дешевле. Все платьица для Али, рубашки и штанишки вышли из-под иглы ее швейной машинки «Зингер». Она даже сшила распашонку и трусики для моего игрушечного мишки. Этим плюшевым мишкой, набитым опилками, играла когда-то она сама, а потом он достался мне. Я засыпал, только крепко обнимая его.

В доме постоянно строчила машинка. Это мама брала заказы на пошивку рукавиц для строителей или одежды. Так она подзарабатывала, но денег все же не хватало. Двое маленьких детей, жизнь от зарплаты до зарплаты, обязательная выплата по суду за приборы. Были дни, когда отец уходил на работу перед получкой голодный. А на работе проводилась еще и обязательная подписка на государственный заем — «со слезами на глазах», часто не в переносном смысле слова. И в какой-то момент отец не выдержал. Однажды он принес маме деньги. Она все поняла и устроила ему разнос:

— Не возьму! Ты, что, хочешь, чтобы я осталась одна с двумя детьми?! Посадят тебя в тюрьму, а не твоих дружков. Они-то выгородятся! Первый и последний раз! Иначе мы разводимся!

Это было произнесено так жестко, что отец, зная мамин твердый характер, понял: жена говорит сущую правду. И он, будучи от старобрядческой природы и воспитания честным человеком, более не занимался подобными делами, хотя всю жизнь имел дело с так называемыми материальными ценностями — дефицитными строительными отделочными материалами. У мамы на работе даже не верили. Как? Твой муж прораб (с 1956 года), и у вас в доме ничего нет? Да не может быть! Еще бы поверить, если у маминой подруги Анастасии муж работал снабженцем, и у них в доме с Изей Ямпольским был и хрусталь, фарфор, и полный достаток, и дети были жирные — откормленные.

Один раз, в 1960-е годы, дошло даже до грустно-смешного. Тогда у нас близ подмосковного города Дедовска появился садовый участок в шесть соток, и отец из списанного материала (официально купленных щитов и досок от довоенных бараков) поставил домик, а какой-то недоброжелатель написал на него донос, что якобы Буров выстроил себе дачу. На письма тогда реагировали быстро. Приехала с проверкой партийная комиссия и, окинув оком возвышавшиеся на бывшем колхозном поле дома, тогда еще не скрытые зеленью садов, стала указывать на самые крепкие:

— Вот этот?

— Нет! Это дом крановщика.

— Вот этот?

— Это дом шофера.

— Ну а где же дача Бурова?!

— Да вот он! — и указали на маленький домик, правда, ладно скроенный.

— Вот этот?! — комиссия с возмущением развернулась и уехала, при этом не озадачив себя, а откуда ладные дома у рабочих — «самого передового и сознательного класса».

В то послевоенное трудное для родителей время мы с сестрой и не знали, что родители себе во всем отказывали ради нас. Своим любимым внукам помогал, конечно, и дед. Он заявил родителям, что дети не будут нуждаться в еде и фруктах. Нам покупали и колбасу, и сыр, и яблоки, овощи. Отпуская на улицу и давая бутерброд с колбасой, мама говорила:

— Если не съешь, не выбрасывай, принеси домой.

Однажды я крепко подвел маму, выдав ее небольшую тайну. Это произошло, когда мы были на дне рождения одного из братьев отца. Мать, как обычно, очистила яблоко от кожуры и подала его мне. Я же удивленно спросил ее:

— Mam, а кожурки ты не будешь?

Мать засмушалась, покраснела. Яблоки она не ела, отдавая их только нам.

Время от времени мы ездили на рынок в Коптево. Это было целое путешествие. Сначала шли на Лихоборское шоссе и там ждали автобус. И вот он появлялся, голубой, грохочущий по булыжникам. У женщины-кондуктора мама покупала билет, мы садились у окна и ехали до трамвайного круга, а затем сквозь зеленый коридор деревьев на звенящем красно-желтом трамвае до Коптевского рынка, где шла бойкая торговля овощами, фруктами, молоком. Возвращались обратно с полной сумкой. На углу рядом с трамвайной остановкой обязательно подходили к передвижному книжному киоску. Там покупались книги. На стихи Пушкина, Маршака, Барто денег не жалели. Продавец, знавший нас, специально откладывал все детские новинки. Уже дома книги читали вслух, разучивали стишки.

Мне книг не хватало, хотелось большего. Я доставал отцовские книги по строительству, листал их, разглядывая рисунки. Когда это повторялось не в первый раз, мама делала вид, что сердится, и выговаривала:

— Зачем ты их берешь? Там ничего для тебя интересного нет.

Полистав скучные страницы с непонятными чертежами, я клал книги на место в тумбочку и переключался на игрушки. Их было у меня много. Это были складные кубики, заводные машинки, подаренные бабушкой и дедушкой. С ними я уходил играть во двор. Они же были предметом спора с сестрой Алей. Были слезы и драки. Мы вечно с ней ссорились вплоть до школьных времен. Но однажды Альку положили в больницу, я заскучал и стал часто спрашивать, когда же она вернется. Через несколько дней сестра вернулась, и воцарившаяся было в доме мирная тишина оказалась временным перемирием и вновь была нарушена.

Игрушки лежали в ящике-чемодане с круглыми дырочками. В этом ящике отец привез с юга виноград. Ящик стоял на кухне у стены под

полкой, на которую родители складывали вещи не первой необходимости. Туда же они прятали конфеты. Один раз я проявил нечестность и попытался, встав на стул, достать вожделенную сладость. Взял конфетку, а пакет поставил на место. Вечером пришел с работы отец и стал что-то чинить, стучать молотком. Я в этот момент сидел у ящика, разбирая игрушки. После очередного удара вдруг с верхней полки сорвалась лежавшая там электрическая плитка с четырьмя торчащими ножками и упала на меня, прямо на голову. Хлынула кровь. Я реву, мать в ужасе, вся в слезах бросилась к соседке врачу Вере Карпухиной из квартиры 3. Та пришла, осмотрела, промыла рану, остановила кровь и успокоила родителей. Удар по голове по касательной нанес край ножки, оказалась содрана только кожа. Ничего страшного. Так я был наказан за свой нечестный поступок. А небольшой шрам так и остался на долгие годы. Правда, сестра Аля излагает совсем иную версию событий. Родители ушли в кино, а плитка упала накануне их прихода. Аля сама вызвала тетю Веру.

У отца было мало времени заниматься нами. Он был вечно занят на работе, приходил поздно. Но его прихода мы с Алькой ждали с нетерпением, а когда он появлялся в дверях, встречали с воплями: «Папа, покатай!» И садились ему на ботинки, и он, подобно шагающему экскаватору, чинно вышагивал по комнате.

Иногда отец устраивал со мной соревнования по боксу, обычно на кухне. Я надевал зимние варежки и яростно атаковал его, при этом усиленно портя воздух от напряжения, что вызывало смех у мамы с сестрой. По этой причине, но в основном из-за того, что «встреча» заканчивалась моими слезами проигравшего, мать часто была против «бокса». Но несколько «состязаний» все же состоялось.

Отец любил задавать нам загадки, обычно традиционные: висит груша — нельзя скушать. Что это такое? Моего воображения не хватало, чтобы понять, что речь идет о лампочке. Или — без окон, без дверей, полна горница людей. Оказывается, огурец с семенами. И вообще не хватило воображения, когда отец один раз загадал:

— Стоит поп на мосту, кричит: «Всех обоссу!»

— Андроша! Чему ты учишь детей! — послышался в этот момент гневный голос мамы из кухни.

Ответ оказался прост — самовар. Надо сказать, отец не позволял цензурных выражений. Он вообще не ругался, в крайнем случае мог сказать: «Кипит твое молоко на примусе!»

Во дворе было полно мальшних. Появились друзья — мои одноклассники Женя Воронин, Боря Артемьев и старшие на год или два Слава Жидков, Павлик Белокуров, Коля Сорокин. Все шестеро были

из одного дома, из двух крайних подъездов. Мы часто играли во дворе вместе. Дворовым заводилой у нас, мальчишек 5–6 лет, был двенадцатилетний Андрей Карпухин, сын от первого брака соседки тети Веры. Он был непревзойденный выдумщик. Его идеи, воплощаемые в жизнь, нас постоянно удивляли. То внутри обширного деревянного сарая он сколотит из досок терем-теремок — небольшой домишко, установленный на вертикальные стойки. В нем он иногда даже ночевал. То наделает для всех ребят луки и стрелы и устроит игру в охотников.

Один раз Андрей смастерил из фанеры небольшой «броневик», поставленный на четыре подшипника, затем стал комплектовать экипаж — гоняться за нами по двору, хватать за рубашку или штаны и насильно запихивать в открытый люк. После того как крышка закрывалась, он катал нас по городку, пока сам не уставал или ему не надоедало это занятие. Карпухин явно испытывал удовольствие от наших криков, раздававшихся изнутри. Еще бы — там было темно, тесно для троих или четверых ребят, нам не хватало воздуха, охватывал панический страх. Наши руки и ноги переплетались самым причудливым образом: кто-то был запихнут туда вниз головой, кто-то боком. Ор стоял невообразимый, пока мучитель не выпускал нас на свет божий. Но через какое-то время он мог снова начать отлов.

Потом у Андрея появилось еще одно занятие. Он стал копать пещеру на берегу Амазонки, но почему-то забросил, иначе сидеть бы нам впотьмах в этой яме.

Тот же Андрей научил нас дворовому стишку:

Здорóво!
Ты — бык, а я — корова.
Бык корову тык.
Спасибо, милый бык.

В этот момент я увидел отца, возвращающего с работы, и с чувством гордости продекламировал новый стишок. Мне так хотелось, чтобы папа меня похвалил, но вместо этого он нахмурил брови:

— Фу, какая гадость! Не смей больше его произносить.

Мой радужный взгляд на мир сразу угас. Я был обижен и озадачен, почему это гадость? Ну, бык боднул рогами корову. Ей, конечно, больно. Да и вообще мне не было понятно, за что она тогда сказала спасибо быку.

Как-то сенью выпал снег, а затем грянула оттепель. Снежно-водяная масса покрыла улицы и газоны. В эту отвратительную погоду Андрей стал строить крепость. Мы все дружно принялись ему помогать, катая снежные комки. Я скатал большой ком, который даже Андрей

с трудом сдвинул с места, но все же поднял и с помощью всей компании установил на стенку. Крепость выросла быстро, после чего Андрей в роли старшего поделил всех на две группы — нападающих и защитников. Началась бешеная перестрелка снежками. Комья тяжелого снега летели в обе стороны. Возглавляющий оборону Андрей явно не рассчитывал силу. Один комок впивается в мою щеку колючим огнем. Так больно! Щека горит, на глазах навертываются слезы, приходится терпеть. К обеду «война» прекращается, и я весь в мокром пальто и в облепленных снегом валенках иду домой. По привычке стучу в дверь носком валенка. Дверь открывает мама и, увидев снеговика, задает словесную нахлобучку:

— Ты посмотри, на кого похож?! Весь в снегу! Промокший! Что сделал с пальто?! Раздевайся немедленно, снимай мокрые рейтузы и носки!

Но после того, как я переоделся в сухое белье, мама снисходительным голосом зовет:

— Идем обедать!

И окончательно она примиряется со мной, когда я, еще пышущий жаром от игры на свежем морозном воздухе, энергично съедаю все, что она мне наливает и накладывает.

— Ну, вот теперь я вижу, что ты у меня просто молодец. Спать хочешь?

— Нет. Я хочу гулять!

— Нельзя. Пальто мокрое, валенки тоже. Простудишься.

И мне приходится играть в игрушки. Остальным, наверное, тоже влетело от родителей. На следующее утро все вновь собираются в скверике недалеко от кучи снега — развалин вчерашней крепости, и мы начинаем разбор военных действий: кто в кого кинул, кто в кого удачно попал.

Мне было пять лет, когда я впервые у дома встал на лыжи. Остальные мальчишки уже ловко катались на них. Было морозное утро. Я неловко передвигал ноги и постоянно падал. Было чувство отчаяния, что безнадежно отстал. Уже слишком стар, чтобы нагнать сверстников. Тогда же впервые скатился с горки на берегу Лихоборки в одиночестве. Упал на живот и ударился о землю. Перехватило дыхание. Круги перед глазами. Не было воздуха. Первый раз в жизни почувствовал приближение смерти и сильно испугался. Не знал, что удар пришелся на солнечное сплетение.

В то время слово «война» не сходило с наших детских уст, но глаза у всех светились жизнелюбивым жаром. Мы бегали по поселку с деревянными самодельными автоматами и «стреляли» друг в друга,

разделившись на русских и фрицев. Стены домов были разрисованы углем звездами и свастикой. Многие из нас хотели быть военными, особенно летчиками, так как летчикам давали шоколад.

Павлик Белокуров, старше нас на два года, пользующийся авторитетом, начинает рассказывать о своем отце, который был партизаном, дрался с фрицами. Я бегу домой и приношу книжку, большую такую, с черно-белыми картинками. На одной из них нарисован летчик, на другой партизаны в засаде, готовые к штурму села. Читать я не умею, но запомнил, что прочитала мне мама, и пересказываю, как сражались бородатые люди с картинки:

— Они замерзли, холодно было лежать на снегу, но Михеич говорит: «Вот возьмем село, выйдем немцев и согреемся!» После боя они грелись в избе.

На другой картинке показан горящий огромный немецкий транспортный корабль, перевозивший фашистские танки и пушки. Они летят в воду. И тут я с эффектом произношу, что мой отец был моряком и дрался с немцами. На этом мои сведения об отце исчерпаны, ничего не могу добавить и пересказываю, что написано в книге.

Вечером, когда отец приходит с работы, начинаю расспрашивать его о том, как он воевал. Но его рассказ меня разочаровывает. Оказывается, он всю войну был на базе подводных лодок где-то далеко-далеко на севере, где — я даже не могу себе представить. И готовил лодку к боевому походу. А еще отец поведал, что до войны их кормили зеленым горошком, который так надоел, что его перестали есть, а ящики с банками горошка выбросили в море рядом с причалом. Во время войны о банках вспомнили, отец указал водолазу место, где на дне лежал ценный продукт, и их подняли.

Зимой в выходной отец мог посадить меня и сестру на санки и повезти кататься по всему Ховрино. Это могла быть просто прогулка, а могла быть прогулка за керосином. Керосиновая лавка стояла обособленно от домов, недалеко от станции «2-й Пост». Она размещалась под землей, а сверху ее накрывала земляная невысокая насыпь, из которой торчала вытяжная труба. Внутрь можно было спуститься по ступенькам. Там стоял специфический запах, который почему-то нравился моей сестре Але.

У станции можно было наблюдать, как зимой формировали высокий ледник — пирамиду. Заливку водой из шланга осуществляли слоями, которые с боков и сверху каждый раз закрывали слоем опилок. Гора росла, постепенно достигая максимума. Уже летом опилки послойно разгребали, откалывали крупные куски льда, грузили в кузова машин и куда-то увозили.

В воскресенье зимой в поселок из ближайших деревень привозили картошку. Катаясь на санках, мы могли увидеть лошадь, запряженную в сани. Пахло навозом, из ноздрей лошадки шел пар. Приобретя картошку, везли ее сразу домой.

Самым желанным и радостным праздником был, конечно, Новый год. Накануне отец в один из вечеров обязательно приносил домой большую пушистую елку, купленную у станции. Она отогревалась до следующего дня на кухне, источая неповторимый аромат хвои, а потом мы все вместе ее наряжали. Игрушек много — бумажные цветные рыбки, зверушки, шары.

В эти дни могли приехать родственники из подмосковного Радованья — тетя Мотя или тетя Даша с мужем Виктором. Мама всегда радушно встречала гостей. Новый год они отмечали за столом до часу ночи с включенным приобретенным радиоприемником. Постель гостям стелили на полу из-за неимения иного спального места, на матрасе. Немного став старше, мы с Алей тоже стали ложиться на Новый год позже. Все ждали прихода Деда Мороза с подарками. Но сон брал свое, и лишь наутро вожделенные пакеты находили под елкой рядом с игрушечным Морозом.

На Новый год отец крутил ручку патефона, ставил по очереди пластинки, опускал иглу на них, и мы слушали так нравившиеся нам песни, звучавшие под легкое шипение иголки, гулявшей по многочисленным бороздкам. Исполнителями были Утёсов, Бернес, Шульженко. «Темная ночь. Только пули свистят в тишине...»

А потом приходит весна. Она, как всегда, приближается медленно, зато потом неожиданно дружно заливает дворы поселка веселым солнечным светом, искрясь и переливаясь тысячами бликов в первых лужах. Дворники усиленно начинали колоть лед, освобождая асфальт из-под ледникового плена. И его черная поверхность мгновенно покрывалась решетками классиков, смешными человечками, выписанными мелом. Девочки скакали с клетки на клетку. А на всех крупных лужах и ручьях мальчишки открывали сезон навигации. Воды сначала бороздили спички, которые в наших глазах были лодками, а затем им на подмогу приходили самодельные корабли, выструганные из досок ближайшего штакетника.

Когда воды весенние отошли, на свет появлялись трехколесные велосипеды. Они были примитивные, склепанные из нескольких простых железных полос, с жесткими сиденьями. У нас с сестрой было по своему личному транспортному средству. Я так усиленно гонял на своем велике, что в один прекрасный момент он развалился на две части. Руль с передним колесом застыл в моих руках, а сиденье и два задних колеса

оказались на земле. Отец отнес обломки сварщику, которому пришлось чинить велосипед дважды, потому что, сгорая от нетерпения, я уселся на еще не остывшую конструкцию. И она снова развалилась.

Забавой мальчишек была ловля воробьев на свалке у Лихоборки. Для этого сооружалось нехитрое устройство из пяти кирпичей. Из четырех, приставленных углами друг к другу, выстраивали саму ловушку, а пятый кирпич ставился сверху под углом на две перпендикулярные тоненькие щепочки, на краю одной из которых над ловушкой лежал хлеб. Воробьев потом отпускали.

Мы знали слово «пасха», но абсолютно не понимали его смысл и значение. Ни родители, ни бабушка с дедушкой в этом вопросе не просвещали. Пасха буквально для всех дворовых ребят — это праздник, игра в крашенные яйца, которыми можно было стучать друг о друга и забирать яйцо с проломанной скорлупой. А еще дома можно было съесть вкусный, сладкий кулич с изюмом.

Праздник 1 Мая нам доставлял особую радость. Дома устраивалось вкусное застолье с лимонадом, было празднично и весело. День трудящихся праздновал весь поселок. От одного стола к другому по квартирам перемещались папины знакомые по работе и друзья, поздравляя друг друга, раздавали ребятам вкусности. А на домах накануне вывешивали флаги. Делал это обычно техник котельной молодой парень Витка Крючков, за свой возраст насмешливо прозванный «дедом». Он появлялся с грудой флагов и раздавал по одному из них мальчишкам. А мы с гордостью шествовали за ним с красивыми красными развевающимися знаменами. Это было что-то наподобие демонстрации, которая постепенно таяла по мере того, как очередной флаг вставлялся в специальный рожок на углу дома. Уж очень не хотелось расставаться со знаменем.

Один раз Крючков напился, правда, не на праздник. Ни с того ни с сего он погнался за нами с ножом, крича:

— Яйца всем отрежу!

Мы же в страхе врассыпную, как птенцы от налетевшего с неба коршуна. Ни один «цыпленок» не пострадал.

Летом мы часто до сумерек азартно играли в казаки-разбойники, с воплями носясь друг за другом по поселку. Цель игры состояла в том, чтобы у пойманного противника вызнать пароль путем небольших пыток. На традиционный вопрос: «Пароль?» обычно отвечали: «На горшке сидит король». В конце концов настолько к этому все привыкли, что мы взяли этот ответ в качестве пароля. Получалось, что ты, не таясь, говоришь правду, а тебе не верят.

Изредка на нашем дворе появлялся небритый дядька с холщовым мешком. Он доставал из мешка цветастые веера, мячики размером

с малое яблоко на тонкой резинке, свистульки, бумажные очки и еще какие-то безделушки-самоделки, которые он щедро раздавал в обмен на пустые бутылки. Мы быстро разбирали эти примитивные поделки, я в основном мячики, которые подпрыгивали на резинке, правда, недолго; они почему-то быстро разваливались, и из-под их хрупкой бумажной обертки высыпались мелкие опилки. Но проходило время, и дядька появлялся вновь, чтобы за безделушки выманить у нас более ценную стеклотару, детям ненужную.

Незаметно-незаметно подкралось время идти в школу.

Школа 41 Октябрьской ж./д. 1–4-й классы

1 сентября 1955 года я пошел в 1-й класс. До этого мама переживала, что меня не возьмут, поскольку до семи лет доставало 23 дня. Но ее волнения оказались напрасны. Со мной побеседовали учителя, набравшие первые классы, и завуч. Стишки я знал, стеснительно ответил на какие-то вопросы. Заминка произошла при определении, в какой класс меня отдать. Дело в том, что наша соседка врачиха Вера Карпухина, проживавшая вместе с мужем майором и тремя детьми в квартире № 3, очень хотела, чтобы я учился вместе с ее дочкой Машей, и потому усиленно «сватала» меня в Машин класс. Но Маша мне не нравилась, вовсе не хотелось сидеть с ней за одной партой. Впервые я проявил характер, заупрямился и выбрал другую учительницу, заявив, что хочу учиться у нее. К тому же эта учительница мне понравилась. Так на четыре года я оказался в классе Серафимы Степановны Померанцевой.

Первый учебный день выдался солнечным, что документирует фотография, которую сделал отец Маши, седовласый майор Карпухин. Он у меня ассоциировался с тем, что у него дома над кожаным диваном на стене в золоченой раме висела огромная картина (очевидно, копия) Ильи Репина, написанная маслом — «Казачи пишут письмо турецкому султану». Утром перед школой он решил запечатлеть нас вместе. Но в кадр вклинились моя сестра Аля и Тома Скубенко. Центром композиции была, конечно, монументальная Маша Карпухина, на полголовы выше нас с сестрой и почти в полтора раза шире. У нас с Машей в руках были портфели, но она держала еще и букет цветов. Сестра встала рядом со мной в качестве буфера, а сбоку к Маше присоединилась Тома. Эта девочка с нашего двора была прирожденной гимнасткой. Она, легко сгибаясь пополам и делая шпагат, восхищала всех своей необыкновенной гибкостью и пластикой. Казалось, у нее не было костей, одним словом, гуттаперчевая девочка. На фото Тамара, одетая в помятое с дырками платье и непричесанная, хотя и с белым

поникшим бантом на голове, производит впечатление беспризорницы. И в самом деле, она проживала со своей неряшливой бабкой Мартиной, которая о внучке не заботилась. Мать Тома уехала в ГДР, где служил ее муж, и на моей памяти появилась в Ховрине всего пару раз. После ее визитов Тамара выносила во двор показать незатейливые картонные картинки с непонятными буквами.

В тот же день старший Карпухин сделал еще одну фотографию, запечатлев меня со своим пятилетним сынишкой — Юрой, крепким и рослым не по возрасту мальчиком. Рядом с ним я выгляжу явно мельче. На Юрке подвернутые штаны, небрежно подпоясанные ремешком. Юрка был паренек активный, часто испытывавший тягу к воде. Уже будучи школьником, он один раз, бросая большой камень в Лихоборку с кручи, вслед за ним свалился в речку, которая, как назло, в том месте была расширена и углублена экскаватором под звено коллектора. Его спас проходивший мимо солдат стройбата, не раздумывая тут же бросившийся в воду. Потом о его поступке писала газета, а майор Карпухин его лично благодарил. В другой раз мы с Юркой, лежа животами на выпуклой внешней стенке фонтана, рассматривали плавающих золотых рыбок. Внезапно Юра замедленно сполз на самый край отполированной животами стенки, а затем плавно исчез в воде, почти не оставив брызг. Так чисто, наверное, даже спортсмены-олимпийцы не входят в воду при прыжке с трамплина. Я перепугался, не зная, что делать, как вдруг на поверхности воды появилась мокрая голова друга, и раздался ее дикий рев. Ему повезло, что в фонтане было мелко.

После этих отступлений следует перейти к школе. Серафима Степановна на четыре года стала для нас второй мамой, у которой появилось много детей. Кажется, она была одинокой, потому относилась к нам с особым вниманием и заботой, но строго. Ей было лет 40. Мы уверенно осваивали букварь, чистописание. Скольких усилий, мук, нервов стоило выведение перьевыми ручками каллиграфических букв с легким наклоном! Но результат был налицо. Контрольный диктант был написан неплохо. Текстом 1955 года о ежике можно гордиться даже сейчас. Его долгие годы хранила мама и вручила мне после окончания университета в качестве первой в моей жизни успешной школьной работы. Думаю, что такой предмет, как чистописание, был введен в школе не напрасно. Он воспитывал терпение, усидчивость, старательность, аккуратность — все эти качества многим потом пригодились в жизни.

Букварь меня разочаровал. И все потому, что, прочитав его весь к концу учебного года, я не обнаружил в нем стишка, который накануне школы в этом букваре ранее зачитал отец. Тот стишок я схватил тогда мгновенно на лету:

Старушка не спеша
Дорожку перешла,
Ее остановил милиционер:
«Свисток не слушала,
Закон нарушила!
Платите штраф вы три рубля!»

«О, боже, боже мой!
Я спешу домой,
Сегодня мой Абраша выходной.
Несу я в сумочке
Четыре булочки
И три соленых огурца...»

Много позже я понял, что отец таким образом пошутил надо мной. Это были слова шлагера, а вовсе не стихок, предназначенный для школьного учебника.

В социальном плане состав нашего класса 1Б/4Б был пестрым. В нем вместе учились дети рабочих, инженеров, служащих, преподавателей техникумов. Ученики 41-й школы Октябрьской железной дороги проживали не только в нашем поселке строителей, но в жилых кварталах при заводе «Моссельмаш» и сортировочной железнодорожной станции «2-й Пост». К нам ходили также ребята даже из Грачёвки и Дегунина.

Из моих дворовых друзей в одном со мной классе оказался непоседливый, суперактивный Женя Воронин — конопатый «вождь краснокожих». Один раз мой отец, возвращаясь с работы, проходил мимо оставленной строителями включенной в сеть, но не работавшей бетономешалки и узрел внутри нее Женьку. Он перепугался:

— Женечка, сиди тихо! Не шевелись! — с этими словами папа выдернул шнур из розетки. Потом извлек и самого бедолагу.

Воронин-старший работал шофером на стройке, часто приезжал домой на самосвале ЗИЛ. Мы с Женькой залезали в кабину, пропахшую бензином и, подпрыгивая на мягком сиденье, библикая, с восторгом по очереди крутили баранку, воображая себя водителями этого грузовика. У Женьки было много прекрасных игрушек, которыми его снабжал дед-еврей. Он время от времени приезжал навестить своего внука. Но Женька его почему-то недолюбливал. Они все время конфликтовали. Дед был миниатюрным, сухопарым, словно подросток, и очень нервным. Из его носа торчали волосы.

Шофером был также отец самого способного в классе Коли Бобкова, отличника; его мать работала в поселке простой уборщицей

подъездов. У Мишки Сочина отец трудился инженером на железной дороге. Кажется, отец-инженер был и у Сашки Сокола.

Сережа Горелов, невысокий, хилый, в черном вельветовом костюмчике мальчик, приходил в школу из деревни Дегунино, находившейся по другую сторону железной дороги. Учился он очень слабо, едва дотягивая до тройки. Вернее, его на эту отметку тянула сама Серафима Степановна, которая более всех по-матерински жалела этого несчастного забитого мальчишку из семьи пропойцы и несчастной женщины.

Родители Галямшина работали, если не ошибаюсь, на «Моссельмаше». Во всяком случае, рядом с заводом на самом берегу Лихоборки несколько скрытно размещался их татарский поселок. Когда я очутился в нем впервые, то был поражен деревянными домами в виде круглых юрт, сделанных из закругленных досок. В юрту вела дверь, имелись небольшие окна. Труба на крыше указывала на печь в центре помещения. И в этих домах жили! Галямшин числился хорошистом, в классе пятом или шестом хвастался, что перечитал все книги в библиотеке, чему можно было и позавидовать.

На ближайшей ко мне парте сидели две круглые отличницы девочки-евреечки — Таня и Люда Асс. Они были двойняшками, но не близнецами, абсолютно не походили друг на друга. Их отец преподавал в авиационном техникуме в Коптево. О родителях остальных одноклассников ничего, к сожалению, сказать не могу.

Симпатичная стройная кареглазая Таня Асс мне очень нравилась с самого первого класса. Но, как все поселковые мальчишки, я вообще дичился общаться с девчонками, включая Таню. А в классе четвертом я ей «изменил». Мне стала нравиться светловолосая и голубоглазая Люда Полшкова, с которой меня посадили за одну парту. Она была невысокого роста, с приятными чертами лица, очень скромная, тихая, училась хорошо. В школу она приходила с неизменно большим белым бантом, с любовью устроенном на ее голове мамой. Однажды на уроке Люда слепила из пластилина какую-то незамысловатую фигурку. Эту фигурку я у нее мягко отобрал, заигрывая. И в этот момент в наш класс пришел фотограф, чтобы сделать коллективный снимок. Нас всех, 36 учеников, повели в другой класс и рассадили, расставили у классной доски в четыре ряда.

Мы с Людой оказались в первом ряду на скамейке по центру, перед Серафимой Степановной. Во время съемки я зажимал в руке пластилиновую фигурку, которую Людмила хотела у меня отобрать. При этом мы усиленно сдерживали улыбки. Такими счастливыми нас 12 мая 1959 года и запечатлела фотография. Лица же большинства учеников оказались какими-то сосредоточенно грустными. Кокетливый взгляд выделял лишь Кулешову, стоявшую в последнем ряду справа.

Три года спустя я уехал из Ховрино, но позже всякий раз, когда мне на глаза попадался этот снимок, я с теплотой вспоминал одиннадцатилетнюю Люду. Жизнь показала, что эта невысокая тихая, скромная, умная девочка-блондинка с голубыми глазами и пышным бантом стала для меня эталоном любимой женщины, жены.

Серафима Степановна всегда была серьезная и грустная, хотя порой замечанием могла рассмешить класс. Так, однажды Пашка Мухин (последний ряд, крайний слева), высокий нескладный худой парень, с вечно заложенным носом, устроил войну с мухой, донимавшей его во время урока. Он так активно широко размахивал длинными руками, ловя крылатую тварь, что учительница попыталась его урезонить: «Мухин! Не лови мух!»

На протяжении четырех лет мы с Серафимой Степановной учились по учебникам, познавая мир. Память у меня была в то время неплохая. Несложный стишок я мог запомнить если не с первого раза, то со второго уже наверняка, а с третьего раза — более сложное стихотворение. Тоже было и с фактическим материалом... до поры до времени. Но в 4-м классе, возможно, после ранее перенесенной скарлатины произошел сбой. Моя память сломалась на разделе не помню какого учебника, приводившем многочисленные сведения о республиках СССР с перечнем того, где и что производилось — троллейбусы, тракторы, автомашины и т. д. Осилить этот калейдоскоп я никак не мог, вечно путался. Голова разболелась от напряжения. Память отказывалась записывать в свой файл успехи социализма, хотя они были вполне реальные.

Кстати, о скарлатине. Как-то зимой мы с сестрой Алей заболели. На скорой в виде автобуса нас отвезли в больницу, располагавшуюся в Черной Грязи на Ленинградском шоссе. Мама нас временами навещала, добираясь пешком долгим путем от станции Сходня. Однажды, когда она шла по снежному полю, на дороге впереди появился лось. Мама испугалась, остановилась. Лось тоже остановился, смотрел на нее. Мама мирно стала его уговаривать уйти со словами: «Уйди! Я к детям иду. У тебя же тоже есть детки». Лось постоял-постоял и ушел.

Родителям прямое посещение было запрещено. Чтобы не возбудить детей, мамы подходили к окнам, заклеенным газетой (это был первый этаж), и через проделанные дырочки для глаз молча всматривались в своих детей. Передаваемые гостинцы делили по всей палате. Кроме больных, на яства претендовали местные твари: мыши порой вели себя нагло. Дома нам с сестрой пришлось нагонять пропущенные уроки. Задания из школы приносила мама. В больнице Алю постригли наголо. Для нее это была трагедия. Она плакала и после больницы отказывалась идти в школу. С трудом уговорили носить косынку.

Серафима Степановна не читала нам открыто нравочений, а вела разъяснительную работу. Почему-то врезались в память ее слова о том, что курить не надо. Аргумент был железный: во время войны тому, кто не курил, было легче, к тому же можно было обменять махорку на еду или шоколадку. Курение разрушает здоровье. Это было мною воспринято тревожно, так, что скоро будет война и к ней надо готовиться. Она наставляла нас не сорить, и что возле колонки с водой нельзя оставлять грязь, и т. д.

Учительница готовила с нами номера самодеятельности. Девочки разучивали танцы, а один раз я вместе с четырьмя одноклассниками в специально сшитых родителями костюмах из белой ткани готовил танец зайцев (но не «в темно-сером лесу, где трепещут осины»). Меня огорчало, что наши заячьи уши на белых шапочках упорно не желали стоять торчком.

В то время в начальных классах было установлено, чтобы перед уроками нас осматривали девочки-санитары, назначенные в каждом ряду. Мы им показывали руки, они заглядывали в наши уши, которые должны были быть обязательно чистыми. Если что, нам делалось неприятное замечание.

Всех мальчишек стригли коротко, однако волосы имели свойство отрастать незаметно быстро. Однажды в школу из района нагрянула с проверкой внешнего вида учащихся комиссия, которая учинила над заросшими учениками экзекуцию. Под ее злобную руку попал и я. Провинившимся с точки зрения проверяющих выстригли на макушке кресты. Сейчас у меня возникло подозрение, что некоторые из членов этой комиссии ранее имели дело с бесправными заключенными ГУЛАГа. Когда я вернулся домой со своеобразной шевелюрой, моя мама пришла в такой гнев, который трудно описать. Она ринулась в школу и устроила там жуткий скандал! Если бы это произошло года на два или на три раньше, ее точно бы посадили. Срочно пришлось стричься под полный ноль, ликвидируя изображение креста.

Наиболее глубоко в мою душу запал один урок в 4-м классе, зимой. Тогда мы ходили во вторую смену. Незадолго до конца занятий внезапно погас свет. Гул одновременно пронесся по всей школе, словно во время футбольного матча вратарь пропустил мяч в свои ворота. Серафима Степановна попросила не шуметь. Наступившая темнота вскоре перешла в полумрак, так как лежавший во дворе белый снег не позволил установиться абсолютной тьме. Свет погас и в домах поселка. Это надолго. Все оживились, почувствовав желанный конец занятий. Но учительница достала из шкафа толстую свечу. Яркий язычок пламени заиграл и отразился в окне. Серафима Степановна сказала:

— Мы будем читать с вами книгу.

Она достала ее из своего портфеля, положила перед собой на столе и в тишине замершего класса раскрыла на первой странице. От слабого потока воздуха пламя свечи слегка заколебалось. Отражение желтого язычка заплясало и в оконных стеклах.

— Сергей Аксаков. «Детские годы Багрова-внука», — прочитала Серафима Степановна. И далее равномерным голосом, без нарочитого выражения чтеца, а так, словно каждая строчка этой книги была написана и пережита ею, она начала удивительное повествование:

— Самые первые предметы, уцелевшие на ветхой картине давно прошедшего, картине, сильно полинявшей в иных местах от времени и потока шестидесятых годов, предметы и образы, которые еще носят в моей памяти, — кормилица, маленькая сестрица и мать.

Класс стал внимательно слушать, затаив дыхание от нахлынувшей музыки слов, гармонии звуков и мягких задушевных образов. Я уже видел и сестрицу, и матушку писателя, которых любил автор. Они словно выходили из темноты, слегка освещенные пламенем свечи. Пройдет много лет, и окажется, что тот урок в зимний вечер я запомню на всю жизнь в мелочах. Перед глазами не один раз будет вставать полумрак класса, пламя свечи, колеблющееся при переворачивании очередной страницы. Будет слышен завораживающий голос моей первой любимой учительницы, повествующий об истории чужой жизни. А за окнами в темноте будет лежать белый пушистый тревожный снег.

В начальных классах у нас был единственный предмет, который вел иной, усатый преподаватель — Михал Михалыч, учитель музыки. Он был старым, седым, мягким, добрым и каким-то одиноким. Его голубые глаза излучали любовь к нам, детям, на которую нельзя было не ответить взаимностью. Мы все его обожали, вместе разучивали песни, а потом хором исполняли под аккомпанемент его душевной скрипки песню, в которой не ощущалось фальши:

То березка, то рябина,
Куст ракиты над рекой:
Край родной, навек любимый,
Где найдешь еще такой?!

Край родной, навек любимый,
Где найдешь еще такой?!

Где найдешь еще такой?!

От морей до гор высоких,
Посреди родных широт,
Всё бегут, бегут дороги,

И зовут они вперед.
Всё бегут, бегут дороги,
И зовут они вперед.
И зовут они вперед.

Солнцем залиты долины,
И куда ни бросишь взгляд,
Край родной, навек любимый,
Весь цветет, как вешний сад.
Край родной, навек любимый,
Весь цветет, как вешний сад.
Весь цветет, как вешний сад.

Детство наше золотое
Всё светлее с каждым днем,
Под счастливою звездой
Мы живем в краю родном!
Под счастливою звездой
Мы живем в краю родном!
Мы живем в краю родном!

Михал Михалыч рассчитывал время и наверняка договаривался с уборщицей, которая давала звонок на перемену в тот момент, когда в классе начинали звучать слова оптимистичной песни:

Звонит звонок веселый
Детей торопит в класс.
Открыты двери школы
Теперь всегда для нас...

Трезвон звонка вызывал у нас такой восторг и такой прилив сил, что песня исполнялась уже во все горло, радостно и с огромным вдохновением. Голос и слух прорезался даже у тех, у кого были с этим проблемы.

Михал Михалыч пытался привить нам азы нотной грамотности. На доске он чертил нотную линейку со скрипичным ключом и ноты, которые мы потом под его взмахи дирижерских рук пытались воспроизвести: соль соль ми фа соль ля фа соль си...

Потом он заболел. Занятия музыки отменили. А однажды Серафима Степановна вошла в класс с каким-то бледным и осунувшимся лицом и сообщила, что Михала Михалыча не стало... Это была для меня первая ощутимая потеря.

В начальных классах каждый из нас мечтал о будущей профессии. Девочки, например, обычно высказывали намерения стать доктором,

учительницей. Правда, моя сестра, любившая играть в куклы, определилась еще в детстве: «Хочу быть мамой!» Многие мои друзья-мальчишки по двору хотели стать летчиками, так как летчику в пайке полагался шоколад, другие — танкистом, а я, как отец, — моряком. Словом, у мальчишек преобладала послевоенная героическая романтика. Мы с увлечением рассматривали разного рода военные пособия, например, как маскироваться. Помню картинку, меня особенно поразившую, на которой был нарисован солдат, расположившийся с ружьем в яме, вырытой под могильным холмиком. Брали в школьной библиотеке книги о суворовцах и нахимовцах. Я даже просил отца написать своему другу в Ленинград в нахимовское училище. Он «писал письма», но ответ не приходил: свое домашнее чадо родители не намеревались никуда отпускать. Впрочем, как оказалось, такое училище было лишь в Севастополе.

Мне нравилась форма моряка. Ее я видел на фото отца, и когда был совсем маленький, мне купили или мама сшила матросский костюмчик, отчего я был на седьмом небе от счастья. Тайком от родителей доставал из шкафа бескозырку отца с надписью «Подводные силы» и примерял ее, вертелся перед зеркалом, за что неоднократно получал нагоняй от мамы.

В сентябре 1958 года я пошел в 4-й класс. Мне исполнилось 10 лет. Мы начали изучать историю своей страны по учебнику «История СССР» С. П. Алексеева и В. Г. Карпова. На эти фамилии я, конечно, тогда не обратил внимания, их смог восстановить лишь недавно, сделал запрос в интернете. И наконец-то нашел в этом учебнике строки, тогда меня ошеломившие и определившие мою судьбу.

Я всегда отлично помнил, что первое желание стать археологом возникло при чтении школьного учебника истории, где рассказывалось об ученых, которые раскапывали крепость Тейшебаини государства Урарту и находили в земле старинные вещи. Особенно меня поразила фраза об извлеченных мечах и шлемах. Она просто ударила по нервам и поразила меня. Как? Неужели такое возможно? В земле лежат древние вещи и их можно найти, хотя прошли тысячелетия, и потрогать руками?! И это делают археологи!

Спустя многие годы, вспоминая об этом, я почему-то подумал, что о раскопках, впервые меня поразивших, прочитал в учебнике истории Древнего мира за 5-й класс. Даже нашел его в интернете. В нем тоже говорилось об археологах, но знаковая фраза не находилась. Тогда я решил, что меня подвела память. Но странное чувство неустроенности не проходило. Я же читал о мечах. И в один день вдруг четко осознал, что это должен быть учебник СССР за 4-й класс. На целый год раньше!

Каким-то неведомым путем нервный импульс разблокировал забитый и почти умерщвленный файл моей памяти. Я уверенно отыскал в интернете тот учебник и в первом же разделе «Наша Родина» прочитал до боли знакомый текст о тайне, которую можно раскрыть:

Как же ученые-историки узнают о жизни людей в прошлом? Тайна Красного холма. На Кавказе, близ города Еревана, столицы советской Армении, возвышается большой Красный холм. Окрестные жители добывали здесь камень. Нередко в земле находили черепки от старинной посуды, железные и бронзовые наконечники стрел, кости животных. Как все это попало в землю? На Красный холм приехали ученые. Они решили узнать его тайну. Для этого нужно было холм раскопать. Ученые начали раскопки и открыли древнюю крепость. В ее комнатах нашли железные мечи и медные шлемы, много другого оружия и разных вещей. Обнаружили громадные глиняные сосуды, в которых в древности хранили зерно и вино. Около двери нашли обломок запора с надписью: «Крепость города Тейшебаини». За стенами этой крепости люди жили около трех тысяч лет назад. Но почему они перестали в ней жить? Ученые нашли ответ и на этот вопрос: одни из ворот крепости оказались разрушенными. Здесь в стене застряло много стрел. Город был взят и разрушен нападшими на него врагами. Прошли тысячи лет. Заброшенную крепость затянуло землей. Люди забыли о ней. Но ученые раскопали Красный холм и узнали его тайну.

Древние мечи и шлемы — чудо и тайна! Это было одно из первых занятий в сентябре до моего дня рождения. Выходит, вирус под названием «Археология» поразил меня, когда мне и 10 лет не исполнилось. Но поразил, видимо, слабо, потому что не погасил до конца желание стать моряком. Последующие годы показали, что от археологического вируса прививки не существует.

После окончания каждого класса всех школьников массово вывозили в зоопарк или музеи. Мы были в Государственном историческом музее на Красной площади. Центр Москвы был заполнен гудящими толпами учеников чуть ли не изо всех школ. Все были весело настроены, предвкушая летние каникулы.

Все четыре года учился на хорошо и отлично. По окончании 4-го класса, в конце мая, мне наряду с моими одноклассниками вручили похвальную грамоту со стандартной формулировкой «За отличные успехи и примерное поведение». Теперь рассматриваю ее исключительно как типичный артефакт минувшей эпохи. На желтом фоне вверху изображен герб СССР с серпом и молотом на фоне голубого

земного шара в окружении двух снопов, перевитых красными лентами с перечнем 15 союзных республик. В левом углу стоит порядковый номер 091888. Огромное количество учеников с 1957 года могли получить подобную грамоту по Главному управлению учебными заведениями Министерства путей сообщения СССР, к которому относилась наша 41-я школа Октябрьской железной дороги.

В гости на Преображенку

В годы учебы в начальных классах мы семьей по воскресеньям часто ездили на Преображенку в гости к маминим родителям. Поездки были вроде бы и однообразные, но я и Аля ждали их с нетерпением, так как знали, что бабушка и дедушка непременно будут нас «баловать» — по недовольному замечанию непонимающей мамы.

Первое время до Москвы, до Ленинградского вокзала ходил паровоз с вагонами. В них, по воспоминаниям мамы, каждый день ездившей на работу на Московский электроламповый завод, мужчины курили напропалую. Потом участок Октябрьской железной дороги электрифицировали до города Химки, пустили электричку. В ее составе был детский вагон с цветными картинками на темы русских сказок. Он казался нам наиболее уютным.

На Ленинградском вокзале нас встречали вечно спешащие толпы людей и темный, тошнотворно пахнущий туалет, в который обязательно надо сходить после поезда. Затем — свежий воздух, его можно вдыхать, не зажимая нос. Потом многолюдная площадь трех вокзалов, где можно выпить стакан вкусной газированной воды с сиропом, восполнив утраченную жидкость. Наконец, посадка в битком набитый дребезжащий красно-желтый трамвай, на крыше которого, над кабиной белый кружок с цифрой маршрута. Едем в сторону Сокольников.

После парка Сокольники народу уже мало. Теперь можно сесть, и через окно разглядывать машины, дома, широкую речку Яузу; здесь она шире Лихоборки. Трамвай взбирается на крутой левый берег. Еще немного и Преображенская площадь. Она кажется огромной. По краям теснятся невысокие каменные дома. А сама площадь испещрена сеточкой из мощеного булыжника.

Мы выходим обязательно на Преображенской площади, хотя можно проехать еще одну остановку. Но это как ритуал: надо обязательно зайти в игрушечный магазин — угловое деревянное одноэтажное строение, неказистое с виду, с невысоким крылечком. Внутри деревянные полы зашарканы от сотен посетителей. Вдоль стен стеллажи с сидящими и стоящими мишками, зайцами, куклами. В витринах — машинки

и всякая всячина, от которой разбегаются глаза. Запах в этом магазине особый — игрушечный. Стоит гвалт ребячьих голосов. Ребятишки указывают мамам и папам на понравившуюся игрушку и просят ее купить. Здесь и радость, и слезы, и послушание, и капризы.

Но мои родители, как правило, неумолимы, и в магазин заходим с одним условием: ничего покупать не будем, так как все дорого, а денег нет. Только посмотрим. Иногда обязательство нарушается. Тогда в моем домашнем ящике-сокровищнице появляется заводная техника: железный паровоз, машинка или стреляющий на ходу танк, изрыгающий сноп искр, высекаемых кремнем. Венец счастья — черный автоматический пистолет, заправляемый белой лентой с выпуклыми кругляшками серы, по которой бьет боек. Один за другим раздаются хлопки, появляются струйки дыма, одновременно с ними в воздухе распространяется специфический серный запах. От магазина игрушек до бабушки рукой подать.

Я помню деревянный двухэтажный дом на песчаной Страховской улице, обшитый почерневшими некрашеными досками. Сама улица усажена с двух сторон мощными раскидистыми ивами, скрывающими дома. Мы входим в маленький дворик, слева ограниченный глухой стенкой краснокирпичной одноэтажной ткацкой фабрики. У ее глухого торца сразу располагалась волейбольная площадка. Рядом облезлый помойный ящик с поднимавшейся крышкой. Потом шли ряды почерневших от времени деревянных дровяных сараев с ржавыми крышами. У сараев росла огромная ветвистая ива. Далее короткий проход к дому сужала низкая жилая постройка в окружении высокого штакетника.

Квартира маминых родителей размещалась на втором этаже, куда вела крутая деревянная лестница с перилами. Она завершалась неотапливаемой площадкой с воздушным туалетом. Тот функционировал, соблюдая законы земного тяготения, установленные еще Исааком Ньютоном, который, правда, имел дело только с яблоком, упавшим ему на голову. Внутри небольшой кабинки на невысоком постаменте располагалось традиционное круглое отверстие, закрываемое крышкой; ну а выгребная яма, прикрытая щитом, была уже на первом этаже, во дворе. Такие незамысловатые удобства в то время имелись во всей деревянной Москве, которую недаром называли «Большая деревня».

С площадки хорошо утепленная и плотно прикрываемая дверь вела на общую кухню. Свет сюда проникал через небольшое тусклое окно. С потолка одиноко свисала экономно-тусклая лампочка. В кухне стояли два стола с керосинками. Хозяйкой одного стола была моя бабушка, а другого — ее соседка, почтальон тетя Маруся. Пожилой добросердечной тете Марусе для счастья были даны хорошие правильные, взрослые

дети — Анатолий и Тамара, а в наказание за что-то — муж-выпивоха, который к тому же не ладил с моей бабушкой. Однажды из вредности он плеснул в бабулину кастрюлю с супом керосин. Как вспоминали потом со смехом, моя дородная бабуля схватила его за шкурку и едва не подняла в воздух, приложила прилично. После этого сосед старался вообще не показываться на кухне. Потому я его видел только мельком — маленького, тщедушного, лысоватого. Словом, обычная кухонная разборка в послевоенной коммунальной Москве.

Из кухни в две квартиры вели опять тяжелые, обитые войлоком, утепленные двери. Бабушка и дедушка занимали две смежные уютные крохотные комнатки, обогреваемые общей круглой голландской печью, облицованной прямоугольными белыми кафельными плитками. В передней комнате размером примерно 2×2 метра после темного тамбура с вешалкой помещались только бабушкина кровать и гардероб, разделенные узким проходом. Под кроватью — обязательная ночная ваза зеленого цвета. Во второй комнате площадью около 11 квадратных метров в центре стоял стол с серебряной вазой-конфетницей, всегда наполненной заветными сладостями и всегда закрытой крышкой. Слева при входе у стены расположился сине-фиолетовой расцветки диван с двумя вертикальными подушками и двумя боковыми лежачими валиками. За диваном у бокового окна — две одинаковые симметрично поставленные этажерки на гнутых ножках, с круглыми фанерными крышками, предназначенными для установки невысоких ветвистых пальм. Прямо напротив дивана — тумбочка под телевизор «Ленинград» с выдвижной коричневой шторкой, закрывающей экран. В ее средней секции был установлен трансформатор со стрелкой, указывающей напряжение, которое имело обыкновение скакать, для чего деду приходилось постоянно поглядывать на прибор и время от времени подкручивать круглую ручку, чтобы добавить или убавить шалившее напряжение. Нижняя часть тумбочки имела две распашные дверки. Рядом с телевизором поперек тумбочки стоял сервант, предназначенный для посуды и продуктов. Он был прислонен к перегородке, смежной с малой комнатой. С одной стороны, обстановка скромная. А с другой... Мало кто мог позволить себе тогда иметь телевизор.

После отъезда нашей семьи в Ховрино в этой квартире стало непривычно просторно. Тем более что и племянница Галя, окончившая институт и работавшая инженером в авиационном конструкторском бюро в Жуковском, скоро выскочила замуж и переехала к мужу Георгию Ванееву, осетину по национальности, в поселок Малаховка. Тот преподавал историю КПСС в московском Институте физкультуры. Жора оказался замечательным человеком и семьянином, очень добрым,

отзывчивым, веселым, обожал детей. Свадьбу играли на Преображенке в этих комнатухах. Дядя Жора был по-кавказски щедрым. Он подарил нам с Алькой большую жестяную коробку печенья, расписанную цветными картинками на тему сказок Пушкина. Бабушка с дедом сразу приняли и полюбили Георгия. Мы с Алькой тоже его обожали.

У меня до сих пор не уместается в голове, как на крохотной жилплощади могли раньше разместиться семеро (дед, бабушка, папа, мама, моя сестра Аля, я и племянница бабушки Галина). Действительно, просто уму непостижимо!

На Преображенке после одной из поездок мне приобрели замечательную обновку — резиновые сапоги, о которых я мечтал давно. Но мать с отцом долго их не покупали, поскольку не было лишних денег. Наконец свершилось! Выцыганил! Весенним вечером, возвращаясь от бабушки, родители вместе с нами зашли в магазин на Преображенке. Я с придыханием, не веря до конца в свершающееся счастье, примерил пару черных блестящих, самое главное — непромокаемых сапог. Их завернули и привезли в Ховрино.

Всю дорогу домой только и думал о покупке, как надену эти сапоги, как выйду в них на улицу, на зависть ребятам. Это родители думают, что сапоги нужны, чтобы ноги были сухие. На самом деле главное назначение резиновых сапог — измерение глубины луж. А их в Ховрино было великое множество. Это ведь так волнительно — брести по луже, когда вода едва не доходит до самого верхнего края сапог. Ты чувствуешь себя покорителем водной стихии. Тот, кто в детстве не мерил лужи до дна, став потом взрослым, вряд ли имел шанс стать первопроходцем.

В тот же вечер, надев новые сапоги и обещав немного погулять («Ну чуть-чуть, мам!») и не по лужам, счастливый, я устремился на уличные просторы. Ребят во дворе не было. Я направился за дом, где за деревянной продовольственной вино-водочной палаткой была одна из самых длинных и загадочных луж, выбитая в рыхлом талом снегу колесами машин. Снег на дорогах в то время в поселке не убирали. Глубины моей лужи никто не мерил. Главное, ее закрывала палатка, и из окон нашей квартиры меня не было видно. Здесь-то и должны были состояться измерения. Я осторожно встал одним сапогом в лужу. Подозрительная зеленоватая вода доходила до щиколотки. Не так и глубоко. Поставил вторую ногу. Теперь можно брести по воде. Но не прошел и пяти шагов, как поскользнулся на льдистых выбоинах, плюхнувшись задом в воду, и оказался сидящим в ней по пояс. При этом еще ударился о неровный лед. Сапоги заполнились холодной водой, а моя душа — непередаваемым ужасом. Я промок, как оказалось, вовсе не в чистой воде. Лужа отдавала каким-то мерзким запахом. Это был огуречный рассол, вылитый

из бочек продавщицей палатки. Он оставался от любимой хрустящей закуски местных пьяниц, раскупавших водку, и его просто выливали на проезжую часть. Глубоко осознав суть предстоящей расплаты, я разревелся чистыми солеными слезами. Холод давал о себе знать. Он же гнал домой.

Увидев перед собой поникшего, мокрого, ревающего сына, мать стала на меня кричать, при этом стараясь быстрее стащить промокшую одежду. Снимая сапоги, она, к своему удивлению, определила состав лужи: — Фу! Да это же рассол!

Отец не стал слушать оправдательные лепетания своего отпрыска и, схватив свой ношенный, прошедший через войну кожаный флотский ремень, твердой рукой непедагогично предался моему воспитанию. Мои жалкие попытки вырваться и убежать были тщетны. В тот вечер я долго плакал от боли и от обиды. Моя охлажденная и просоленная отнюдь не морской водой попа покрылась багровым, как закат солнца, румянцем, частично осознав свои ошибки.

В каникулы, чтобы нас занять, дед покупал карандаши, раскраски. Из домино я складывал домики. Потом появился сборный конструктор из железных деталей с дырочками, куда входили узкие и квадратные пластины, колеса, набор винтиков и гаек, гаечный ключик. Надо было смотреть на картинки альбома и собирать машину, башенный кран, бульдозер, телегу. При сборке отверткой или ключом постоянно травмировал до крови пальцы. Часто ездили на трамвае в парк Сокольники, где были аттракционы, а самое главное — мороженое.

Вечером дед выпивал маленькую дозу кагора — для здоровья и даже временами угощал нас несколькими каплями этого красного лечебного вина (под очередное ворчание бабушки), считая, что это пойдет на пользу.

Показанный как-то по телевизору фильм с участием Чарли Чаплина довел меня почти до полной истерики в прямом смысле слова. От смеха я упал на пол и, дрыгая руками и ногами, долго не мог остановиться.

На Преображенке по тому же черно-белому телевизору «Ленинград» с малым экраном я любил смотреть с дедом не только фильмы, но и балет, и классические пьесы, обставленные примитивной фанерной декорацией. Дед знал всех актеров, называя их по фамилиям. Один спектакль меня поразил. Его я смотрел не отрываясь, схватившись ручонками за сиденье стула. Отец убил своего сына, который полюбил панночку. Дед изредка с интересом посматривал на меня. По окончании спектакля он назидательно произнес:

— Вот так с предателями и поступают!

На это я непонимающе пропищал:

— Так он же любил ее!

Дед весьма удивился и возразил:

— Понимал бы еще что-нибудь в любви!

О! Я понимал! Мне так нравилась Таня Асс!

В дни школьных каникул дед, отстояв с утра очередь в кассу кинотеатра «Орион», что на Преображенской площади, приобрел для нас с Алькой билеты на захватывающий двухсерийный фильм «Тайна двух океанов» про моряков-подводников и шпионов (фильм вышел в 1956 году).

В третьем или четвертом классе дед купил мне велосипед «Школьник». Его привезли в Ховрино с Преображенки, и на нем я гонял по поселку до предельной длины быстро отраставших ног.

Глеб Борисович Червоненко ушел на пенсию в 1956 году, будучи чуть ли не главным бухгалтером 311-го номерного завода. Отметил он этот день весьма своеобразно, принеся для нас с сестрой маленький чемодан, наполненный конфетами невероятного количества сортов. Этим он вызвал негодование бабули, неверно считавшей, что такое количество сладкого нам не пойдет на пользу:

— Глеб, ты с ума сошел!

Тем же летом родители на несколько недель передали нас с Алькой бабушке и дедушке не на Преображенку, а в Кратово. В этом дачном поселке обосновался на лето троюродный брат бабушки Лисин (имя не помню). Моей сестре он не понравился. Она считала его жадным, поскольку тот ни разу не угостил нас клубникой, растущей на его половине.

На сосновом участке Лисин построил большой двухэтажный дом, состоящий из трех секций: центральной части и двух боковин. Для одной семьи явно многовато. Расчет был сделан на сдачу излишков площади квартирантам. Мы жили в правом крыле на втором этаже. В одной стене были ниши, обитые фанерой. В них размещались наши спальные места. Дом оказался уж слишком летним: из щелей между досками и листами фанеры проглядывала улица. Но бабушка утеплила стенки коврами. И стало уютно.

Во время однажды разразившейся грозы деревянный дачный дом показался всем нам карточным домиком. Все дрожало и ходило ходуном от раскатов грома, следовавших один за другим. Бабушка была сильно напугана и стала молиться, взывая к Господу. Помню, я очень удивился:

— Так Бога же нет!

Бабуля на меня мельком взглянула, но ничего не ответила.

Дед увлекся огородничеством. Он вскопал несколько грядок и посеял семена овощей. Их надо было поливать и удобрять. Вечерами я составлял ему компанию по сбору коровьих лепешек, беспечно лежавших на дороге после прохода мимо участка стада коров.

Родители навещали нас по воскресеньям. И тогда вечером начинался наш общий рев с сестрой. Мы отчаянно просились домой. Но напрасно. После их отъезда слезы высыхали и жизнь возвращалась в прежнюю колею.

Бабушку временами навещала тетя Лида, жена Лисина. У нее на носу была большая коричневая бородавка. Ей почему-то нравился я. Она сажала меня к себе на коленки и приговаривала:

— Мужчинка! Мужчинка!

А я оказался точно мужчинкой. Центральное помещение снимала семья с нашими одноклассниками — мальчиком и девочкой. В один из жарких солнечных дней соседка с детьми пошла купаться на речку и захватила меня. То, что произошло дальше, запало в мою восьмилетнюю душу столь прочно, что я позже, как в кинематографе, воспроизводил этот «фильм».

Придя на речку, женщина построила нас в цепочку и развернула лицом от берега. Скомандовала не смотреть. Повернуться можно будет только с ее разрешения. Я не утерпел и через минуты три все же повернул голову. Над гладкой поверхностью чистой воды двигалась ее голова, оставляя после себя небольшие волны. На другом берегу над речкой нависала большая ветвистая ива, вдоль берега проехал медленно мотоциклист. Голова продолжала перемещаться по середине речки, а потом направилась к берегу. Женщина стала медленно выходить из воды. На ней ничего не было... Встретив мой взгляд, она недобро сказала:

— Вова, отвернись!

Но я окаменел от увиденной красоты, от которой у меня перехватило дыхание. На солнце поблескивало мокрое точеное тело с округлыми грудями с красными кружками сосков и черным треугольником в паху.

— Вова, отвернись! — снова послышался ее оклик.

Но не было сил оторвать глаз от этой неземной красоты. Мне было всего восемь лет, и я не был обременен знаниями о противоположном поле, его земной сути и назначении. Разум затмил восхищение от впервые увиденного прекрасного женского тела.

— Ты плохой мальчик! — ругала меня соседка по дороге домой. — Придем, я все бабушке расскажу!

Я плелся, как нашкодивший вислоухий, волочащий по земле уши и хвост щенка, которого хозяин непременно отлупит. Осталось только ждать расплаты.

На дачном участке нас встречала бабушка. Она на удивление спокойно выслушала жалобу и предъявленные ее внуку обвинения, а потом неожиданно посоветовала соседке:

— А ты не купайся голый!

И повела меня обедать. Но с тех пор у меня осталось восхищение женщиной как неземным существом, достойным поклонения. Какая могла быть эротика в восемь лет?!

Летом в Радованье

Много лет подряд наша семья ежегодно летом выезжала на несколько недель на родину отца, к его родителям, в подмосковную деревню. Поездке предшествовало хождение отца со мной по магазинам и закупка продуктов, водки, но главное — качественной селедки. Надо сказать, что отец ненавидел стоять в очередях, потому мы переходили из одного магазина в другой. Так один раз мы с отцом пешком в поисках селедки и пустого магазина из Ховрино прошли сначала до Михалково, оттуда в Коптево, а затем к Соколу. И найдя пустой магазин, отец обрадовался, что наконец-то можно заняться и покупкой.

Деревня, где родился отец, носила миловидное и необычное название — Радованье. Само значение слова, как я теперь знаю, заглянув в словарь, звучит — радость, удовольствие, утешение. В эпоху детства, в 1950-х годах, задумываться об этом не имело смысла, поскольку сама радость и удовольствие в этом небольшом уголке Подмосковья были для нас, детей, реальностью.

Чтобы добраться до деревни, хватало полдня: сначала до станций Куровская или Орехово-Зуево на поезде (позже стала ходить электричка), далее автобусом. В зависимости от выбранного маршрута мы подходили к Радованью с разных сторон. Если с юга, то от Куровской доезжали до села Новинка. Там под грохот краснокирпичной ткацкой фабрики пересекали грязную многоцветную речушку Понорь, издававшую зловонный запах сероводорода, далее, минуя деревню Запрудино, шли по лесной дорожке через лес, а потом тропка по слегка заболоченному лугу выводила нас к Радованью.

Из расположенного на севере Орехово-Зуево автобус довозил нас до поворота на грунтовую разбитую дорогу, ведущую в деревню Глебово. Миновав ее, мы переходили по мостку через заросшую болотистую низину с ручьем. Сразу слева появлялась роща с одноэтажной кирпичной сельской школой и расположенным рядом кладбищем, а потом впереди раскидывался простор ржаного поля. И уже в его конце на некотором возвышении появлялись дома долгожданной деревни.

Радованье состояла из двух рядов рубленых, от времени почерневших домов, укрытых зеленью палисадников; только один дом был построен из красного кирпича. Постройки располагались по обе стороны широкой, заросшей невысокой травой улицы, по центру которой пролегла колея от машин. Сама песчаная местность исключала здесь глубокую колею и грязь. По улице вольготно расхаживали гуси и куры, что-то разыскивая в траве.

Дом Буровых стоял в центре Радованья. Это была удлиненная изба-пятистенок на две семьи с общими сенями со стороны крытого двора. На задней половине проживала сестра отца Дарья Андреевна с мужем Виктором Гурским, дочкой Женей и сыном Колей, нашими одногодками. На передней половине, окнами на улицу, жили родители отца и самая старшая незамужняя сестра — Матрена Андреевна. Каждая часть дома отапливалась своей печью.

Вход в комнату родителей был смещен к бревенчатой перегородке, отделявшей комнату Дарьи. Сразу при входе слева в углу, вдоль перегородки стоял гардероб с тусклым зеркалом, за ним также вдоль перегородки — железная с периной кровать матери. Под углом к ней у противоположной стены — такая же кровать Матрены. Далее расположился комод с выдвижными ящиками, а еще далее, в углу со стороны улицы — домашний узкий, как пенал, под стеклом иконостас с лампадкой. По обе стороны его, уже под потолком на двух верхних полочках из обычных досок были выставлены многочисленные небольшие иконы-пядницы с разнообразными цветными ликами. Их было много, потому что в семье был обычай дарить каждому новорожденному свою икону. На золотистом фоне иконки отца был нарисован всадник с копьём, пронзающим змия, — Георгий Победоносец в красном плаще. На подоконниках с улицы стояли цветы в горшках, вдоль стены — лавка и стулья.

Справа от входной двери, сразу при входе, размещался рукомойник с тазом для грязной воды. Тут же беленая, почти в рост человека большая печь — спальное место моего деда. Печь стоит обособленно, между нею и стеной узкий проход. По другую сторону печи — отделенный перегородкой от комнаты закуток кухни с рабочим столиком, навесным шкафом с посудой, помойным ведром, а сверху в углу — икона Богородицы и лампадка. На полу — блюдо для кошки, часто заполняемое молоком. Здесь всегда пахло чем-то кислым.

В центре комнаты стол, накрытый скатертью; на столе самовар. Временно на ночь рядом со столом на пол из крашенных досок укладывалась большая перина — наше традиционное спальное место. Мама всегда привозила с собой белые простыни, пододеяльники, наволочки.

На перине мы располагались все вчетвером. Иногда по утрам компанию нам составляла кошка, которая один раз едва не села мне на голову.

Сени освещаются окном с улицы. Здесь стоит большой сундук, из которого Матрена временами, приподняв громоздкую крышку, извлекала куски просоленного сала, завернутые в материю. Поджаренная на нем только что вырытая на огороде картошка была просто объеденье.

Из сеней лестница спускается на небольшой двор, крытый от стены дома наклонной кровлей. Охранник двора — беспородная длинношерстная лохматая собака по кличке Пушок. Она вечно сидит на железной цепи в углу при двери, при входе с улицы, и при моем появлении издает громкий лай. Я ее побаивался. За все годы она лишь один раз позволила себя погладить.

Дворовая крыша с тыльной стороны дома накрывает загончик для двух коз и курятник. Ночью куры сидят сверху на шестах. Тут же их спокойствие охраняет петух. Пол здесь устлан сеном. Стоит непонятный и неприятный запах. Напротив козлятника и курятника — выгоженный сеновал.

С этой стороны дворика имеется дверь, открывающаяся в небольшой сад-огород; поблизости — красный дощатый туалет в форме скворечника. От двери на задворки идет узкая дорожка, поросшая травой, по обе стороны которой возвышаются серопесчаные картофельные грядки с зеленой ботвой. На ближайшей грядке растут огурцы. Разрежая грядки, стоят четыре яблони с заманчиво висящими зелеными и красноватыми плодами. Весь участок огорожен забором из тонких серых жердей, сквозь которые виднеется колосящееся желтое поле, обрамленное вдали зеленой кромкой леса, придавленной кудлатыми облаками бесконечного неба.

Мне было лет пять, когда впервые привезли в Радованье. Моя сестра побывала здесь гораздо раньше. Дело в том, что она сильно болела, и ее отправили к бабушке, которая вылечила травками. Алька так привязалась к матери отца, что не хотела уезжать. Когда ее забирали в Москву, плакала, кричала: «Верните меня любимой бабушке!»

Мы ехали в плацкартном вагоне поезда с приоткрытым окном. Мелькали поля, леса, речки, полустанки с низкими платформами. Пейзаж временами заслонял дым, исходящий от паровоза. Все было ново и захватывающе интересно.

В деревне меня поразили две вещи, вызвавшие смех у родителей. Первая — самовар, увидев который, я воскликнул, изобретая неологизм: «У, какой кирогазник!» Второе удивление — полное отсутствие соленых огурцов на грядке. Я их почему-то никак не мог найти, росли только зеленые.

Для родителей отца мы оказались внуками инородными что ли — чистенькие, умытые, опрятно одетые, словом, городские. И близких, душевных контактов, какие были у нас с мамиными родителями, не состоялось. Так сложилось на многие годы.

Бабушка была маленького роста, худенькая, с заостренным носиком, молчаливая, тихая и покорная. В ее добрых голубых глазах всегда читались скорбь и усталость. Молчаливый дед Андрей, обросший густой бородой и лохматой шевелюрой, походил на лесовика. Утром и вечером, крестясь двумя пальцами, он твердил одно и то же: «Господи, помилуй! Господи, помилуй! Господи, помилуй!», — и постоянно бил поклоны. Также его можно было видеть сидящим за толстенной старопечатной книгой в кожаном переплете — Псалтырю. Он часто ходил в лес с плетеной корзиной за грибами и ягодами.

Главной хозяйкой в доме была Матрена Андреевна — старшая сестра отца, 1901 года рождения. Она была некрасивая, с низким лбом, с мужскими чертами лица, потому и оставшаяся незамужней. Тетя Мотя повелевала своей матерью, которая суежилась вокруг нее, стараясь во всем угодить. Но на ней, а не на престарелых родителях держался дом, огород, козы. Не знаю почему, но мне на всю жизнь запомнились ее мужские грубые натруженные с прожилками руки.

Утром Матрена уходила в село Новинка, где работала в магазине продавцом, а по вечерам после ужина она садилась у окна, надевала очки и читала газеты, которые приносила почтальон. Тогда ни телевизора, ни радио в доме не было. Единственным развлечением в деревне являлось лото, в которое мы временами вечерами играли на копейки.

В отличие от отца, тетя Мотя была глубоко верующей, постоянно крестилась на иконы. Как-то раз мой отец несправедливо, до слез, ее обидел, начав ненужный спор о вере, и, держа в руке лампадку, сравнил ее с чаркой.

Моя работающая мама вставала в 6 утра, чтобы помочь свекрови приготовить завтрак, обед, а то и ужин, перебрать крупу, нарезать овощи. Вся еда готовилась в печи, в чугунах и на чугунных сковородках. Могу сказать, что и вкус у еды из-за этого был особый.

Ели всем семейством за столом. Из дышащего жаром самовара разливали по чашкам кипяток. После того как чай бывал выпит, надо было сразу перевернуть чашку дном вверх, поставив ее на блюдце, иначе тетка поучительно снова нальет тебе в чашку заварку и заправит ее кипятком.

Отец, приезжавший на отпуск на родину, выглядел абсолютно счастливым человеком. Я видел, как светились его глаза, с каким наслаждением полной грудью вдыхал он свежайший воздух, как жадно пил чистойшую прозрачную воду из колодца.

Едва ли не каждый раз после приезда отец брал скрипучий велосипед и вез нас с сестрою катать по окрестностям. Аля садилась сзади на багажник, меня он усаживал перед собой на жесткую раму, предварительно положив на нее подушку для мягкости, и мы направлялись за деревню ездить по узким тропинкам вдоль железной дороги в сторону Дулёво.

Отец был любитель собирать грибы, хорошо зная, где они растут. Мы никогда не заглоблялись в лес. В этом плане исключение составлял соседний Коровинский лес, даже в глубине наполненный лисичками. Белые, боровики, подберезовики искали при дорогах, на опушках в траве и зарослях папоротника. Папа всегда находил больше грибов, чем я. Но когда мне доводилось набрести на грибную поляну, тут уж я своим восторженным возгласам давал волю. Азарт грибника выгонял нас с отцом и сестрой даже в дождь. Могли промокнуть насквозь, зато конкурентов у нас в лесу не было. Возвращались домой с полными корзинками. Потом грибы чистили, резали, жарили на большой чугунной сковороде в печи. Вкуснейший ужин был обеспечен.

Поход за грибами чем-то походил на ритуал. Мы брали корзины, на дно клали ножи и выходили в сад-огород. Там срывали с дерева или поднимали с песчаной земли на дорогу несколько яблок (конечно, немтытые!), а потом выходили через заднюю калитку.

Сбор черники и голубики был для нас с отцом менее интересным, занудным, по ягодке, хотя ягоды щедро покрывали многочисленные кусты на болоте за железной дорогой недалеко от деревни. Но с мамой не побалуешь. Из ягод она варила варенье на зиму. Один раз мы с отцом пошли во второй половине дня в ягодник. Немного отведав черники, собирать ее не стали. Домой же вернулись с добычей: отец просто купил ягоды у девочки прямо в черничнике. Просил не говорить об этом.

Мама для укрепления здоровья давала нам чернику с домашним козьим молоком. Коз доила тетя Мотя. Отведав его первый раз, я скривил рот — мол, козой пахнет! И, закапризничав, запросил коровье молоко. Через некоторое время его мне принесли.

— Ну как? — спросила мама.

— Вкусно! — ответил ей.

Позже оказалось, что это было то же самое козье молоко. Просто родители не поддались моим капризам и обманули, сказав, что купили коровье молоко у соседки.

В деревне нам с сестрой иногда разрешали бегать босиком возле дома, благо кругом был песок. Только нога порой неприятно вляпывалась в куриный помет или козью горюшину и требовала помывки.

Постепенно, с каждым годом, жесткий контроль над чистотой со стороны мамы ослабевал. В итоге нам даже позволяли купаться в пруду (по-местному — прудке), вырытом на окраине деревни. Он был мелким — не более метра в центре, небольшим — диаметром около десяти метров, и более походил на лужу в обрамлении белых песчаных берегов. Ноге, ступающей в его вязкое илистое дно, было некомфортно. Свою прозрачность вода сохраняла недолго, до первого погружения в нее. Потом появлялась муть. Зато в жару прудка спасала, и не только нас. Утром и вечером к ней направлялось стадо коров на водопой, оставляя на прибрежном песке не только отпечатки копыт, но и лепешки. Стебельки травы, не переваренные коровьими желудками, со временем оказывались в воде и плавали у берега вместе со стаями мальков карасей. По современным меркам это принято считать полной антисанитарией. Но жирные караси, обосновавшиеся в большом количестве в пруду, своим присутствием свидетельствовали об обратном. Во всем этом замесе мутной воды с частицами навоза и карасями, на которых иногда натывались на наши ноги, мы купались и были счастливы, а главное для родителей — здоровы.

В Радованье я впервые в жизни, в возрасте пяти лет, закурил... Как-то вечером, перед сном я стоял у забора с мужем тети Даши — дядей Виктором, дымившим беломориной. Поймав мой заинтересованный взгляд, он спросил:

— Ну что? Хочешь попробовать закурить?

Я с радостью кивнул. Виктор вынул папироску изо рта и вставил ее в мой рот. Я с воодушевлением затаился... От гадкого дыма у меня перехватило дыхание, полились слезы, глаза вылезли из орбит. Я стал усиленно ловить воздух, который вообще вдруг пропал. Я понял: еще минута и умру. Меня охватил дикий ужас. Это был прекрасный наглядный урок по борьбе с курением. Будучи взрослым, на традиционную просьбу на улице дать закурить я неизменно отвечал: «Курить бросил в пять лет!», что было истинной правдой. В некоторых случаях это даже помогало уйти от подозрительных личностей, которые получив нетрадиционный ответ, впадали в ступор, а я в этот момент от них уже удалялся.

Дядя Виктор мне нравился. Он был родом с Украины, но после службы в армии его друг из села Новинки уговорил остаться в Подмосковье. Виктор устроился разнорабочим на Новинской ткацкой фабрике, подносил в цех пряжу, жил в общежитии. Познакомился с Дарьей Буровой, работавшей там же, женился на ней. У них родились двое — девочка и мальчик. Женя и Коля были нашими с Алей ровесниками. Мы с ними играли. Молодоженам отдали пустовавшую половину дома.

Виктор оказался хозяйственным и работающим: отремонтировал дом и двор, крышу, перестелил полы. Он косил для скотины сено, колдовал дрова. Однажды в привезенном сене оказалась змея, напугавшая нас, детей.

Со временем Виктор сменил работу. Он стал ездить на велосипеде в Дулёво на фарфоровую фабрику. В доме появилась фарфоровая посуда с клеймом Дулёва — чашки, бокалы, тарелки. Это были бракованные изделия, подлежащие утилизации, но вполне пригодные для домашнего пользования.

Я ездил летом на родину отца до 1964 года. Мне там очень нравилось. Нравилось ходить в лес за грибами, купаться в прудке, нравился простор полей вокруг деревни, густые чистые леса. Радованье... Радованье! Это был земной рай! Спасибо, тебе отец, что ты родился в Радованье!

Мы еще успели застать чудное время первозданной подмосковной природы.

Квадрат суммы двух чисел

1 сентября 1959 года наступила совершенно новая жизнь. От нашей дорогой и любимой учительницы начальных классов Серафимы Степановны Померанцевой мы перешли под начало нескольких преподавателей, каждый из которых вел свой предмет. Три года — с пятый по седьмой класс были насыщены многими событиями. Большинство из них не поддается точной датировке. Память о том времени оставили прежде всего учителя, которые оказались совершенно разными людьми и педагогами, личностями разной величины. Но самой яркой из них был, конечно, Леонид Федорович Шалаев, или попросту Лёня.

Математик Лёня. В 5Б классе нас ждала неприятная новость: к нам пришло солидное пополнение из второгодников. На самом первом же уроке их нам представил математик по имени Лёня.

Математика... При одном этом слове у всех впоследствии начинало колотиться сердце и перехватывать дыхание. Старшеклассники страшили Лёней, который, по их словам, был всегда суров и строг. Не дай бог не выучить урок. Но одновременно они говорили, что все же лучше учиться у него, так как математику он вдавливал настолько прочно, что многие уверенно сдавали по этому предмету экзамены в техникумы и вузы. Впрочем, тогда об этом никто из нас не задумывался.

1 сентября учитель математики переступил порог классной комнаты. Он не вошел, а ворвался в притихший класс, энергично распахнув дверь. В руке у него был небольшой потертый чемоданчик. Это был

мужчина среднего роста, коренастый, с толстым курносом носом, уже пепельно-седой шевелюрой, хотя ему было лет сорок, и выразительными светло-серыми глазами. Небольшая щетина на щеках и подбородке указывала на то, что брился он явно не сегодня. Коричневый поношенный пиджак, висевший на нем как мешок, был местами запачкан мелом. Широкие брюки, слегка помятые, с пузырями на коленях, свободно болтались, как шаровары.

Математик плюхнулся на стул, положил чемоданчик на край стола, насупил брови. Он был явно чем-то недоволен. Большим и указательным пальцами правой руки провел сверху вниз по своему крупному носу, словно вытирая его или лишний раз убеждаясь в его сухости. Окинув сурово притихших и затаивших дыхание учеников, учитель заговорил хриловатым голосом. Интонации не предвещали ничего хорошего. Представился. Оказывается, его звали Леонидом Федоровичем Шалаевым. Мутноватый взгляд и речь свидетельствовали, что Лёня уже отметил праздник — начало учебного года.

— Второгодники! К доске! — резко скомандовал Лёня.

Захлопали крышки парт. С разных сторон по проходам к учительскому столу вышли несмело семеро. Лёня окинул их испепеляющим взглядом, ткнул в их сторону, словно протыкая, указательным пальцем и, повышая голос, обратился к классу:

— Вы знаете, кто перед вами? Не знаете? Я вам скажу! Это — паразиты! Они как клопы. Человек спит-спит, а клоп ползет-ползет и внезапно, как лев, нападает на человека и начинает сосать его кровь. Чужую кровь! — голос Лёни уже громыхал.

Такое сравнение учеников с клопами развеселило. Раздалось хмыканье. Кто-то, осмелев, хихикнул на последней парте. Еще несколько человек заерзали, сдерживая смешинки. Мутные гневные глаза Лёни заматались по классу, отыскивая зарвавшихся весельчаков. Душа у всех ушла в пятки, в груди похолодело. В классе воцарилась неизменная, казалось, вечная тишина.

— У меня на уроке всегда должно быть тихо! — после паузы, чуть ли не по слогам, внятно разъяснил Лёня, подняв вверх указательный палец, как грозную указку. — И чтобы ни одного звука, иначе вышвырну за дверь. И никто не поможет: ни папа, ни мама, ни директор!

Тут всем стало ясно, что это истинная правда.

— На моих уроках должна быть тишина. Все внимание — только на предмете. Думать только о математике, а не об арбузах, дынях. Арбузы и дыни будете кушать дома. У некоторых, как я заметил, появились на руке часы, чтобы поглядывать за окончанием урока. Забудьте о них! Если кто взглянет на часы, у того я их отберу и разобью об пол.

Вот они, — с этими словами Лёня вновь обратился к стоявшим у доски семерым второгодникам, — вам подтвердят.

Ни живые ни мертвые, белые от испуга второгодники, семеро «клопов», как личные пленники математика, молчали.

— А теперь начинаем урок!

Лёня встал, подошел к доске и, взяв мел, начал писать. В моей жизни, наверное, это был самый длинный урок. Он просто казался бесконечным. Но вот раздался спасительный звонок, отозвавшийся в классе эхом облегченных вздохов. Лёня тут же остудил наши порывы одним только взглядом. И снова все затихли, ожидая его команды.

А на перемене весь класс буйствовал, отводил душу. Смех и хохот.

— Человек спит, а клоп ползет-ползет и, как лев, нападает на него! — с усиленным ударением на слове «лев» мы набрасывались друг на друга, инсценируя Лёнину фразу. Так, наверное, веселятся расхрабренные не в меру мышата, когда кот на минутку выходит из дома погулять.

Назначение Лёниного потертого чемодана прояснилось уже на другой день. Лёня также энергично распахнул сразу после звонка дверь, сел на стул и положил чемодан на край стола. На этот раз он был трезв, выбрит. Костюм очищен от мела. Голубые глаза — ясные, буравящие, пронизательные и по-прежнему строгие.

Надо сказать, что в наш класс Леонид Федорович пришел подвыпившим только 1 сентября, и это был первый и единственный случай за все три года, в течение которых я обучался в Ховрино, в 41-й школе Октябрьской железной дороги. Говаривали, что после работы Лёня иногда попивал. Но это было редкостью. Говорили также, что он одно время даже являлся директором школы, но из-за пристрастия к напиткам его отстранили от должности. Все признавали талант Леонида Федоровича как учителя, хотя и не одобряли его излишнюю строгость. На каждом уроке в течение трех лет повторялось одно и то же.

— Дневники на стол! — с этой фразы начинался любой его урок. Затем он приступал к проверке домашнего задания. И так все три года. Не помню, в каком году мне пришлось отвечать одно домашнее задание, зато формулу запомнил на всю жизнь.

— Вопрос первый: квадрат суммы двух чисел! — но по интонации это, скорее всего, походило не на вопрос, а на допрос с предстоящим пристрастием.

Почти все ученики подняли вверх правую руку. Лёня прошелся по классу и забрал дневники у тех, кто сидел с опущенной рукой. После обхода он вернулся к столу и сложил дневники в чемоданчик. Тут же в журнале против нескольких фамилий закрасовались двойки. Оглядывая лес застывших в трепете рук, Лёня приподнялся и пошел

по классу, словно лесоруб, выбирая дерево, которое он должен срубить. Я знал формулу, но волнение мешало сосредоточиться. Лёня прошел один ряд, другой, вглядываясь в глаза учеников, и... подошел ко мне.

— Отвечай! — сказал Лёня и с высоты своего роста наклонил ухо, которое должно было услышать ответ.

Глядя во внезапно возникшее перед собой сероватое, испачканное мелом ухо, из которого торчали завитки седых волос, я отчеканил не совсем твердым голосом, но уверенно:

— Квадрат суммы двух чисел равен квадрату первого числа, плюс удвоенное произведение первого числа на второе, плюс квадрат второго числа, — сердце бешено колотилось, готовое выпрыгнуть из груди вслед за выпорхнувшей из меня формулой.

— Молодец! Пять! Садись! — и Лёня пошел к столу, вывел цифру в классном журнале против моей фамилии.

Опрос продолжался:

— Вопрос второй: квадрат разницы двух чисел! — Лёня вновь устремился по проходам между партами. — Алешин! — его палец указывал на новую жертву. Бледный Алешин опустил поднятую руку, покусывая губы, морща лоб, начал неуверенно бубнить:

— Квадрат разницы двух чисел... равен квадрату первого числа... Квадрату первого числа... — Алешин замолчал.

— Ах ты, мерзавец! Негодай! — громыхнул Лёня. — Не знаешь ответ и поднимаешь руку! Ноль тебе! — и учитель бросился к журналу, где у Алешина уже красовалась пара за первый вопрос, ответ на который он не знал, и потому не поднял руки. Лёня расчертил клеточку в журнале по диагонали и рядом с двойкой вывел ноль.

После ответа на первый вопрос мое волнение прошло, я почувствовал некоторое облегчение. Вторую формулу я знал тоже хорошо. И мысль моя постепенно стала удаляться из класса на улицу. Но неожиданно Лёня снова подошел ко мне:

— Буров!

Я вздрогнул от неожиданности, нервно вскочил, собираясь на ходу с мыслями:

— Квадрат разности двух чисел равен... квадрату первого числа... минус удвоенное произведение первого числа на второе и... плюс квадрат второго числа.

Лёня с хитрецей взглянул на меня и, чуть выждав, объявил:

— Четыре! — он пошел делить клеточку по диагонали на две части для второй отметки. Я забыл, что зевать на математике нельзя.

После урока все дневники, оказавшиеся в Лёнином чемодане, отнесли в учительскую и там во время перемены заполнялись двойками,

единицами и нолями, а на полях дневников у наиболее «отличившихся» учеников Лёня делал строгие надписи, в которых просил родителей обратить внимание на свое чадо или даже прийти в школу.

Учитель математики оказался фанатически предан своей дисциплине. Объясняя, он с силой вдавливал в ученические головы формулы, теоремы, как плотник вколачивает в твердую доску неподдающиеся гвозди. Если уж он взялся за дело, то гвоздь будет вбит, даже если его придется вынимать клещами, распрямлять молотком и снова забивать по несколько раз.

Были очень трудные для нас темы. И тогда после уроков Лёня объединял два класса и проводил дополнительные уроки. Парты сдвигали, ученики уплотнялись, тесно прижавшись локтями. А Лёня энергично ходил по классу, чертил на доске схемы, объясняя наглядно, откуда что выливается и куда что втекает, где точка А и где точка В, откуда начнет движение один поезд, чтобы встретиться с другим. Он развивал в учениках не только логику, но и образное мышление. В такой момент в глазах его был азарт. Они излучали какой-то необыкновенный свет открывающейся великой математической истины, подлежащей обязательной передаче новому поколению.

Когда начали проходить проценты, Леонид Федорович пришел в новом пиджаке. Назвав сумму, какую он заплатил за обновку, он тут же сообщил, что остаток на его сберкнижке составил семь рублей после покупки. И вместе с нами Лёня принялся считать проценты, которые нарастут на его сберкнижке за год. Мысленно ученики уже были вместе с ним в магазине, приобрели пиджак, который продавец завернул в бумагу, а затем мы всем классом направились в сберкассау получать заветные проценты.

Лёня постоянно пылал гневом на нерадивых учеников в течение обучения у него в 5-м, 6-м и 7-м классах. К этой манере постепенно все привыкли. И хотя перед его уроками весь класс, словно ошалелый, не сговариваясь, зубрил домашнее задание до первой трели звонка, Лёнин глас и раздражение уже не вызывали того панического ужаса, как в его самый первый урок. Иногда, упиваясь логикой и красотой доказательства решения задачи, особенно по геометрии, глаза Лёни начинали светиться добротой. Он словно радовался самому процессу передачи величия человеческой мысли ученикам, которым предстояло еще многое узнать в этой жизни. Это был настоящий педагог, что бы о нем ни говорили.

Кирилл-литератор. Классным руководителем у нас был литератор Кирилл, средних лет, с пышными черными кудрявящимися, но начинающими уже местами покрываться сединой волосами. Судя по тонким

надувавшимся ноздрям его прямого носа, в нем было нечто утонченное и скрыто-нервное. Ростом и плечами он не выдался. По сравнению с массивной фигурой Лёни он казался учеником старшего класса. Мне не нравился его голос, низкий и неприятно пронзительный.

Кирилл оказался образцом опрятности. Синий костюм с галстуком сидели на нем идеально. Брюки всегда отутюжены, ботинки блестели. Носовой платок, который он временами вынимал, был идеально чист и отутюжен. Выслушивая наши простодушные ответы по литературе, Кирилл ходил по классу сосредоточенно, слегка кивая головой и потирая руки, словно сначала намыливал их, а затем ополаскивал водой из-под крана. Говорил Кирилл не очень громко, иногда ему приходилось надрывно напрягать голос. При этом он как-то странно немного кривил рот, как бы говорил в сторону. Кирилл не был преподавателем по специальности. Поговаривали, что он несостоявшийся актер, которому не нашлось места на сцене. В силу каких обстоятельств это произошло, никто не знал. Но свою мечту о театре Кирилл однажды попытался передать ученикам.

Будучи классным руководителем, он решил организовать школьный театральный кружок, набрав в него десяток учеников, которые неплохо учились. Кружок мало походил на добровольное содружество наставника с учениками. Просто Кирилл воспользовался своим правом классного наставника. Однажды после уроков, когда наши мысли и чаяния устремлялись домой, преподаватель русского языка и литературы задержал класс и сообщил нам свое решение поставить спектакль. Среди будущих актеров оказался и я.

Данная весть была встречена мною без энтузиазма, как некое дополнительное задание. Потом состоялась читка пьесы. Действие происходило на границе. Естественно, ее норовили пересечь шпионы. Пионеры были помощниками пограничников, приглаждаясь ко всем подозрительным людям. И вот однажды в селе появился незнакомец, в котором бдительное око ребят разглядело диверсанта. Мне выпала роль особо бдительного пионера. В кульминационной сцене я должен был играть на баяне, а затем, портя дорогуший инструмент, выпарапать на нем сообщение о том, куда я пошел наблюдать за шпионом, и просить срочно прислать подмогу из пограничников.

Пьеса никого из нас не захватила. Репетиция так и не состоялась. Почему, не помню: то ли не нашли баяна, то ли мы не вдохновились, и, как актеры, оказались потенциально никудышными, то ли иссяк энтузиазм самого постановщика. До премьеры дело не дошло, о чем никто не жалел. А вскоре из школы ушел и сам Кирилл. Роковую роль в его судьбе сыграла одна из юных учениц нашего 5Б класса...

В тот день Кирилл пришел разъяренный. Лицо было багровое. Таким мы его никогда не видели. Он особо старательно кривил рот в сторону, надрывал свои голосовые связки, срываясь в фальцет. Правой рукой Кирилл потрясал письмом, написанным двоєчницей Протопоповой:

— Как ты посмела обратиться к самому Никите Сергеевичу Хрущеву?! — кричал Кирилл. — С таким пустяковым вопросом: прислать адрес для переписки с болгарскими пионерами? Это же Никита Сергеевич! Руководитель государства!!! Разве у него много времени, чтобы отвечать на такие письма?! Почему не пойти сначала в школьную пионерскую организацию?! Да вы все Хрущеву в подметки не годитесь! — лицо Кирилла покрылось пятнами от ярости.

— Это такой человек!!! А как ты написала фамилию? — негодовал далее Кирилл. — Хрущов! Три ошибки в одном слове! Ты что, не могла в газете посмотреть, как пишется эта фамилия? В школу из райкома партии прислали письмо, чему мы учим своих учеников в школе, если они не умеют писать грамотно?

На бедную девчонку было страшно смотреть. Но Кирилл, повторяя одно и то же, все обрушивал и обрушивал на нее свои тирады. Справедливости ради следует сказать, что Протопопова обращалась за адресом в совет дружины. Но там ей отказали, поскольку она плохо училась. Переписку могли вести только хорошисты и отличники. Я тоже переписывался с одной болгарской девочкой, судя по фото, весьма симпатичной. Мы обменивались открытками, фотографиями. Но переписка продлилась менее года и как-то сама собой заглохла.

Вскоре Кирилл исчез из школы, о чем никто не жалел, особенно я. До сих пор вспоминаю одну неприятную историю в пятом классе, когда Вальку Дементьева исключили из пионеров, инициатором чего являлся лично Кирилл. В то время в классе меня выбрали (считай, назначили) председателем пионерского отряда.

Второгодник Валька Дементьев, среднего роста, широкий в плечах, но слегка полноватый и какой-то рыхлый, был, в общем-то, неплохим парнем — незлобивым, добродушным, и потому быстро прижился в классе. По характеру Валька был флегма. Он не мог быстро бегать на физкультуре и вообще что-либо быстро делать. С очками не расставался из-за сильной близорукости, а когда их снимал, то сильно щурил глаза, становясь абсолютно беспомощным. Однажды на уроке физкультуры под общий хохот Валька Дементьев с разбегу снес козла, так как без очков не рассчитал расстояние до него. Дикция его была нечеткая. О таких обычно говорят, что во рту у них каша. Мне же казалось, что говорить ему мешает непослушный язык и полный рот слюней.

Возможно, все его физические недостатки явились следствием запоев отца, когда тот зачинал ребенка.

Семья Дементьевых жила в соседнем четырехэтажном доме. Из случайно брошенных фраз разговора моих родителей (не предназначенного для наших ушей) я знал, что отец Вальки постоянно скандалил и избивал жену. Она и умерла, оставив своему «суженому» двоих непростых мальчишек. Ему на выручку и на свою беду приехала из глухой провинции тетка Вальки — мамина сестра, быстро вышедшая замуж за вдовца.

Валька настолько плохо учился, что из двоек не вылезал. На уроках он крайне редко и притом еле-еле дотягивал до тройки. Кириллу как классному руководителю это, видимо, надоело, и он предложил на предстоящем пионерском собрании класса исключить Вальку из пионеров за неуспеваемость:

— Разве двоечник может быть пионером? — резонно поставил учитель вопрос перед классом. Вальку исключили.

А после собрания я по расписанию остался убирать класс вместе с Валькой, который походил на беспомощного ребенка. Мне было его очень жалко, хотя я считал, что Кирилл в общем-то прав. Но само давление, которое Кирилл оказал на всех нас, ощущалось тягостно. Мы с Валькой убрали бумажки, вымыли тряпкой пол, выправили в строгие ряды парты, затем распахнули окно перед доской напротив учительского стола, чтобы проветрить помещение. Осталось немного подождать, когда пол станет сухим, и разойтись по домам. И здесь Валька выкинул номер. Он вскочил на подоконник и, держась неуверенной рукой за раму, стал смотреть вниз наружу со второго этажа.

— Валька, ты что? — не своим голосом пролепетал я, не до конца осознавая его поступок. Но Дементьев посмотрел на меня таким отчаянным близоруким взглядом сквозь свои круглые очки, что до меня дошел весь ужас того, что мы натворили и что может сейчас произойти.

— А что мне теперь остается делать? Как я буду жить? — захлопал он наполненным «кашей» ртом, держась одной рукой за оконную раму.

Не помню, что мог говорить ему я, двенадцатилетний незрелыш, наполовину парализованный ужасом. Но что-то говорил, уговаривал. А Валька стоял на подоконнике у раскрытого окна и размазывал свободной рукой по лицу слезы. Потом все же он спрыгнул внутрь классной комнаты и пошел домой. Я никому ничего не рассказал. Никогда. На душе было тяжело и мерзко, поскольку до меня дошло осознание своей прямой причастности к случившемуся, к той трагедии, которая могла произойти.

Быть председателем пионерского отряда мне было в тягость и противно с самого первого момента. Для меня это была большая обуза. Я не хотел занимать никакой должности, потому что требовалось постоянно выполнять какие-то распоряжения совета дружины, делать объявления, проводить какую-то работу и отчитываться за нее. То надо было собрать книжки для целинников, то деньги для помощи кому-то. Один раз совет дружины объявил конкурс на лучший рисунок. В классе, как всегда, никто ничего не хотел делать. Только один Вова Желтобрюхов, низкорослый, болезненно худенький мальчик, проявил к этому интерес и принес несколько иллюстраций к сказке о русских богатырях. Он вообще любил рисовать. Я ему был очень благодарен, что выручил. И так постоянно. Природа не вложила в мою спираль ДНК ген руководителя, отсутствовало и до сих пор отсутствует желание кем-либо или чем-либо руководить.

Как-то раз Кирилл на школьной пионерской линейке протянул мне список плохо учившихся, чтобы я в отчете о работе отряда зачем-то перечислил их фамилии. Перед всей школой! Я этого не сделал, язык не повернулся. Интуитивно понял, что это просто неуместно. Когда я встал в строй с недобрыми предчувствиями, Кирилл недовольно протянул руку за своей бумажкой, которая тут же исчезла во внутреннем кармане его идеального пиджака. Он ничего мне не сказал. Но было неприятно.

Когда же Кирилл вскоре ушел из школы, я вздохнул облегченно.

Лидия Богатырёва — литератор. Кирилла скоро сменила новая учительница по фамилии Богатырёва, невысокого роста, суховатая с точеными чертами лица. Она была вызывающе интеллигентной, совсем из другого мира, словно красивая птичка из тропиков, случайно залетевшая в глухой лес средней полосы. Ее прическа была, как бы я теперь сказал, под Мэрилин Монро. Лидия была одета безупречно, носила строгий костюм, а не простую юбку с кофтой, как многие женщины-учителя. На нас она смотрела сквозь очки с золотистой оправой. И эта непохожесть на остальных вызвала с первого дня у большинства класса несправедливое отторжение.

Второгодники и подбиваемая ими часть учеников не приняли ее сразу. Один раз кто-то даже намазал доску мелом, сорвав занятие. В классе установилась нездоровая атмосфера. И это притом, что Лидия не повышала голос, со всеми обращалась ровно, была справедлива в оценках, которые никогда и никому не завышала и не занижала. Она сразу взялась подтягивать наши знания по русскому языку, доходчиво разъясняла правила, тщательно проверяла домашние задания, прорабатывала ошибки. На срочном созванном родительском собрании

разбирался случай с классной доской и сорванным уроком. Вернувшись с него моя мама начала выговаривать о недопустимости безобразного поведения учеников. Лидия ей понравилась. Очевидно, и другие родители провели разъяснительную беседу со своими детьми. Постепенно ситуация выправилась.

Но смешки стал вызывать ее сын-подросток, учившийся в параллельном классе. Оказывается, он занимался в балетной студии и однажды на утреннике в клубе «Моссельмаша» исполнил партию под аккомпанемент рояля. Его появление на сцене в облегающем белом трико произвело фурор в зале. Диковатая школьная публика зароптала, стали раздаваться приглушенные смешки, недоуменные и в то же время восторженные возгласы:

— Он же в кальсонах!

Между тем Лидия постепенно завоевывала авторитет. После Нового года она объявила, что мы должны написать сочинение о том, как провели каникулы. При этом попросила сложить листочки в почтовый конверт с указанием ее адреса, но не отправлять, а принести в школу. Я подробно описал новогоднее представление (по сути политический спектакль, как я сейчас понимаю) «Трубка мира», который шел в цирке на Цветном бульваре. Помимо Деда Мороза и Снегурочки, там фигурировали индейский мальчик, негритенок, американский плантатор, похитивший у индейцев «трубку мира» и, конечно, друзья из Советского Союза, к которым прибыли американские дети. Наши незамысловатые сочинения из коротких рубленых фраз Лидия оценила в основном положительно. Но ей понравился текст одного безнадежного троечника, побывавшего с отцом на зимней рыбалке. Сочинение содержало сложные конструкции, необычные сравнения, описание природы. И мы начали осознавать, как надо писать сочинение.

Лидия пожурела нас за неправильно оформленный адрес на конверте. Мы никогда не писали письма, а тут выяснилось, что все составные части адреса надо обязательно отделять запятой. Это оказалось весьма полезное знание, позже пригодившееся.

Лидия своей мягкостью и тактичностью заметно отличалась от самодурки-учительницы литературы и русского языка, которая преподавала в классе, где училась моя сестра Аля. Фамилия ее была Шалаева, она была женой нашего математика Лёни. В классе сестры стояла такая же нервная атмосфера, как у нас на математике. Шалаева требовала знать все правила наизусть, и не дай бог ошибиться или не выучить урок. За не поставленную в домашнем задании запятую она могла разорвать тетрадь и выгнать из класса, а после проверки тетрадки или листка с сочинениями со злостью клала их на стол.

Еще она любила читать нотации. В клубе кто-то из старшеклас-ников положил руку на плечо рядом сидевшей девушки. Из этого был устроен грандиозный шум со словами к ученицам: «Как вы позволяете себя лапать?! У вас нет гордости!» Ее не любили, и, в отличие от Лёни, ее между собой не звали по имени. У Шалаевой было прозвище, о кото-ром она сама узнала случайно.

Колька Сорокин последним влетел в класс почти перед носом учи-тельницы и ничего умного не придумал, как крикнуть:

— Атаc! Жаба на палубе ползет!

Появившаяся следом Шалаева с указкой в руке клокотала от гнева:

— Это я жаба?! Это я лягушка?!

По методам преподавания Шалаевы были достойны друг друга. У Али сочувствие вызывала учившаяся в том же классе дочь Шалае-вых — Наташа, постоянно попадавшая под перекрестный огонь своих родителей и часто плакавшая. Она была ребенком, не обласканным дес-потическими родителями.

Думаю, неслучайно с 7-го класса у моей сестры со слабыми нервами начались головные боли, временами ее даже трясло.

Вениамин-физрук. Невысокого худого преподавателя физкуль-туры в синем тренировочном легкоатлетическом костюмчике зва-ли необычно — Вениамин. Ему еще до нас придумали созвучное про-звище Витамин. Как-то раз появившейся в школе новенькой ученице надо было обратиться к физруку. На ее вопрос, как зовут учителя, ей по-свойски ответили: «Витамин». Она так его и назвала. Что было?! Хотя представить багровое лицо Витамина в общем-то нетрудно, по-скольку Витамин был по натуре психом и мог взорваться по любому поводу. Однажды на наших глазах Витамин устроил сумасшедшую гонку за каким-то учеником-старшеклассником. Сначала они пере-секли большой зал на втором этаже, где у нас проходила физкультура, потом несколько раз один за другим проскакали по сцене у противо-положного запасного входа и исчезли на лестнице. Похоже, пареньку удалось выбежать на улицу.

Только теперь, много лет спустя, начинаю осознать, насколько же наши мужчины-учителя, прошедшие через военные годы, были нервными. От Лёни мы дрожали, Кирилл своим пронзительным голо-сом часто высказывал недовольство, преподаватель слесарного дела Иосиф, носивший военный китель, строжил за рассыпанные металли-ческие опилки или плохо сделанный угольник. А о Витамине и гово-рить не приходится.

Другой физрук. Но нам повезло, пришел новый учитель физ-культуры, бывший военный, который разительно отличался от своего

предшественника. Сравнительно молодой, энергичный, жизнерадостный, он впервые взглянул на нас без укоризны и оптимистично — как на будущее страны. Уже на первом уроке физрук заявил, что постарается сделать из нас стройных подтянутых, физически крепких молодых людей, что надо самим заниматься физзарядкой, упражнениями, следить за своим внешним видом. Надо быть широкоплечим, а не подкладывать в пиджак под хилые плечи вату.

Мы перешли к занятиям на свежем воздухе, на стадион возле школы. А когда настала зима, физрук поставил весь класс на лыжи. Тогда лыжи у нас были дешевые, примитивные. Это были две удлиненные узкие тонкие дощечки с загнутыми передними концами. В центре имелся небольшой поперечный паз, через который продевалась кожаная петля из ремня. В петлю вставлялся валенок, притягивавшийся к ней резинкой. Нога при этом немного вихляла, но кататься можно было, балансируя с помощью бамбуковых палок.

Мы вставали на лыжи у школы и шли по протоптанной лыжне в Грачёвку, к станции «1-й Пост». Лыжня пролежала по улочке, по обе стороны которой за штакетником чернели дома, плотно укрытые голыми ветвями садовых деревьев. Наше появление постоянно вызывало недовольство у нескольких собак, которые начинали метаться за забором и издавать пронзительный лай. Особенно грозной казалась немецкая овчарка у дома Бояринова. Она с грозным рыком и надрывным лаем высоко подпрыгивала, для острастки делая вид, что вот-вот перескочит через забор. У некоторых девочек сдавали нервы, и они падали на снег прямо напротив разъяренного пса. В конце улицы миновали небольшое кладбище, располагавшееся слева на берегу речки Лихоборки. Переходили через плотину, некогда запруживавшую речку, и спускались к низкому берегу по высокому склону.

В самую старинную усадьбу Грачёвку мы не заходили. Наш маршрут проходил вдоль левого берега замерзшей реки. На противоположной, правобережной стороне различались вычурное здание с примыкавшим к нему обширным парком и мрачный краснокирпичный контур заброшенной церкви.

Теперь здесь мало что можно узнать. Лихоборка взята в трубу, сверху присыпана землей, все заросло деревьями. Варварски уничтожен исторический ландшафт. Исчезли даже контуры большого пруда с небольшим островком, где мы мальчишками играли в футбол. Улочка, по которой мы тянулись гуськом на лыжах, исчезла еще лет 30 назад, будучи застроенной хаотично расставленными панельными домами. Но она до сих пор, как мираж, стоит перед моими глазами.

На школьном стадионе при новом физруке стали заливать каток, лед которого по вечерам блестел в ярких лучах прожекторов. Мы с охотой приходили сюда кататься. Было многолюдно, весело. Я любил очищать лед от снега. Один ледовый вечер оказался для меня неудачным. Перед моим возвращением домой сестра Аля подъехала ко мне и попросила поменяться коньками, поскольку ее ботинки оказались велики. Я согласился, надел ее коньки и тут же пожалел. Мне они оказались уж совсем слишком велики. Ноги выворачивались в разные стороны, невозможно было стоять. Повторному обмену сестра воспротивилась. Пройдя метров десять, вынужден был снять коньки, так как ноги жутко болели. В одних зимних шерстяных носках я добежал до дома. Вернувшаяся довольная, раскрасневшаяся от мороза и свежего воздуха сестра получила дома приличный нагоняй.

Трудовики Морозов и Иосиф. У нас было два преподавателя по трудовому воспитанию. Один — Владимир Морозов — учил нас столярному делу, второй — Иосиф — слесарному. Занятия проходили в мастерских, размещавшихся в подвалах серого общежития у сквера с фонтаном. Мы бегали туда под предводительством компании второгодников во главе с Александром Невским — с шумом, лихо, не надевая пальто, независимо от погоды. Так повелось. Врывались в коридор, бросали портфели на длинную лавочку и занимали места. Морозов, помимо труда, преподавал математику в других классах. Это был мужчина лет сорока с абсолютно лысым и к тому же с необычно ярко блестящим, словно отполированным, черепом. Он был спокойный, рассудительный и пытался донести до нас азы столярного дела. Мы пилили, строга-ли, работали стамеской с помощью киянки. И эта работа многим из нас нравилась, тем более что в мастерской стоял необычайно приятный запах свежего смоляного дерева. К тому же мы занимались полезным делом — выстругивали ножки табуреток, которые потом куда-то отправляли. Морозов следил за нами, помогал, подправлял, исправлял, чтобы уж совсем не заporоли деталь.

Иосиф, слесарная мастерская которого находилась в другом конце, был полной противоположностью Морозову. Ему было лет пятьдесят, ни одной проплешины, с густыми волосами, коротко причесанными. На нем был не черный халат, как у преподавателя столярного дела, а неизменный военный зеленый китель без погон, но с ощутимой колодкой орденских планок, свидетельствующих о полученных в войну многочисленных боевых наградах. Один глаз его был слегка прищурен, что придавало его лицу некую недоверчивость в отношении учеников. Голос его был более строгий. Временами он мог резко отругать за нерадивость.

На его занятиях мы обрабатывали металл, изготавливали нехитрые крепежные железные уголки для окон и дверей. Для этого надо было выпилить из пластины болванку уголка, отработать каждый ее край напильником, отпилить углы, просверлить на сверлильном станке дырочки и снять фаску в отверстиях. Вроде бы и нехитрое занятие, но не у всех это получалось гладко. За работу нам ставили отметки — чаще четверки, реже пятерки.

В коридоре при слесарной мастерской на полочке стояла модель локомотива. Мы ею всегда любовались. Она была выполнена с такой тщательностью и так подробно, что от нее нельзя было оторвать глаз. Но Иосиф нам запрещал ее трогать. Однажды локомотив пропал. Первым спохватился преподаватель, остановил занятие и устроил допрос. Никто ничего не сказал. Тогда он приказал открыть свои портфели. И тепловоз нашелся в толстом портфеле второгодника Епифанова. Это было воровство. Дальше провинившегося отвели к директору, вызвали родителей. Но после длительных мытарств делу не дали ход, остановившись на том, что Епифанов взял макет, чтобы им поиграть. Иосиф в данном случае проявил милосердие, что, судя по жесткому лицу, ему было не свойственно. Просто пожалел парня.

Англичанин. Его имя, к сожалению, моя память не сохранила. Он был средних лет, худощав, блондин с голубыми глазами. Теперь я определил бы его внешность как чисто арийскую, «характер нордический». Ему бы в фильмах играть немцев, а он преподавал нам английский. От него исходила энергия. Тот факт, что временами он исчезал в заграничные командировки, говорил о его прекрасном знании языка. После одной из поездок наш учитель пришел в школу загорелым и с красивым портфелем из крокодиловой кожи — всем на зависть.

Англичанин очень следил за произношением учеников, пытаясь его поставить всем без исключения. Алешину оно никак не удавалось, хотя он очень старался и на листочках записывал звучание по-русски. Однажды учитель нашел у Алешина листок, где было записано звучание цифры три — «сри».

Преподаватель английского для нашего класса создал кружок с целью более углубленного изучения языка. В него он отобрал только отличниц обеих девочек Асс и хорошистов, включая меня. Мы играли в домино с картинками, которое способствовало запоминанию слов, их написанию и произношению. Но это продолжалось недолго. Он провел сначала школьную олимпиаду по языку. По ее результатам мне и другим вручил книжки. Затем несколько человек от класса были

направлены на районную олимпиаду, где я особых успехов не показал.

В седьмом классе мы стали читать адаптированный текст книги А. Кронина «Цитадель», что заметно пошло на пользу всему классу.

Ботаничка. Это была своеобразная учительница. Старшеклассники сразу предупредили, что осенью уже на первых уроках ботаничка будет проводить практические занятия с овощами, которые каждый ученик должен принести с собой. Начнется все с картофеля. Надо будет сделать небольшой надрез на картофелине, она капнет йодом, чтобы посмотреть, как синее крахмал. После этого все картофелины она сложит в свою сумку и отнесет домой. Потом понадобится морковка и лук. Действо напоминало сбор осеннего урожая.

Когда мы проходили, как растение качает по капиллярам влагу, ботаничка дала домашнее задание срезать какую-нибудь ветку дерева и поставить ее в воду с чернилами. Принести ее надо было на другой урок. Я сделал, как было сказано, но у меня получилось плохо. Чернил налил мало в воду, и ветка посинела только в самом основании. У отличниц Тани и Людмилы Асс все вышло блестяще: их ветки внутри оказались окрашены в густой фиолетовый цвет. Те, кто вообще забыл об этом задании, стали просить у них откусить кусочек веточки. Девочки отрезали небольшие «чурбанчики», которые потом стали предьявлять учительнице, сильно засомневавшейся в происхождении таких обрезков.

Химик Петр Федорович. Директор школы — бывший фронтовик, калека с одной правой рукой. Его левая рука была ампутирована по локоть. Человек выдержанный, спокойный, доходчиво преподававший свой предмет. Когда мы начали проходить валентность, он сразу предупредил, что мы сначала ничего не поймем. Так оно и оказалось. Но Аля, моя сестра, сказала, что это не так сложно, и стала упорно разъяснять, что такое валентность. Я никак не мог понять, но она продолжала втолковывать. Наконец, когда я понял, мне почему-то даже стало обидно, что я понял, и не хотелось признаваться в этом. Упрямец, сидевший во мне, испытал странное чувство.

На уроке на вопрос Петра Федоровича я чуть ли не единственный из ребят, кроме обеих Асс, поднял руку и был вызван к доске. Моя самоуверенность подвела, в какой-то момент я зашнулся и замедлил с ответом. В итоге получил четверку вместо пятерки, на которую претендовал.

После полета в космос Юрия Гагарина и запусков спутников Петр Федорович разглядел в Мише Сочине будущую гордость нашей школы. Мишка, сын железнодорожного инженера, соорудил небольшую ракету, начиненную сухим топливом. О ней он явно вычитал в каком-то

журнале (надо было еще достать и реактивы, недоступные простым смертным). Директор школы организовал торжественный запуск этой ракеты на спортивной площадке, собрав полшколы на торжественное построение. Он произнес пафосно речь о том, что сейчас будет запущена маленькая ракета, но в будущем ученик Михаил Сочин может запустить и большие ракеты. Затем все мы наблюдали, как ракета взметнулась ввысь на достаточно приличную высоту, а потом упала на землю.

Историчка. В пятом классе историю СССР вела молодая женщина, которая лояльно ставила отметки, поощряя словами даже отстающих учеников. В результате Женя Воронин, учившийся с ленцой, стал серьезно готовиться к истории СССР и получать одни пятерки. Когда мы проходили каменный век, учительница сказала, что была в археологической экспедиции, и даже обещала свозить нас в Подмоскowie на раскопки стоянки. Но обещание свое не исполнила. Потом она забеременела, и в поселке ее можно было встретить уже с детской коляской. Возможно, ее слова раздражили меня побывать в экспедиции на раскопках. Но все это были только мечты.

Географичка Тамара Ивановна. Учительницу Тамару Ивановну, выпускницу географического факультета МГУ, я вспоминал неоднократно, повзрослев. Она была ярким лучом в школьной жизни Ховрина. Благодаря ей появился географический кружок. Раз в неделю после уроков мы собирались, чтобы играть в географические названия, загадывать придуманные нами же географические кроссворды. Преподаватель даже свозила наш класс в высотное здание на Ленинские горы. На геофаке, как помню, мы прослушали небольшую лекцию о трансгрессии и регрессии Каспийского моря. Побывали в музее факультета и на смотровой площадке, откуда открывался вид на Москву. Кружок перерос в туристический клуб. Мы стали ездить с Тамарой Ивановной по Подмоскowie, в основном по Ярославской дороге, посещать карьеры, озера, водохранилища. Затем нас стали готовить инструкторами по туризму. Все кружковцы успешно сдали на значок «Юный турист». Потом последовал школьный туристический слет с ночевкой в палатках и разными конкурсами. Кружковцы выступили инструкторами, проведя пятые классы по дальнему маршруту по проселкам с использованием компаса и карт-схем. На торжественном собрании в клубе состоялось вручение значка «Турист СССР». Мне вручили самому последнему, поскольку Тамара Ивановна назначила меня председателем туристического кружка и я сам цеплял ребятам этот значок, и чуть не остался без него.

Но здесь и настало время покинуть Ховрино, что произошло осенью 1962 года.

Единственная фотография всего класса того времени была сделана 23 мая 1960 года, по окончании 5-го класса. Мы, 40 учеников, вместе с Серафимой Степановной Померанцевой и Леонидом Федоровичем Шалаевым выстроились на ступеньках школы. Все одеты по-разному, абсолютное большинство без школьной формы. Я — в последнем ряду, четвертый слева, словно спрятался, может быть, из-за нелюбви к фотографированию, уже тогда возникшей? Лица ребят мне нравятся. Взгляд практически у всех ясный, умненькие ребята. Рассматриваю фото и осознаю, что с 1962 года почти всех своих одноклассников не видел. Они и остались в памяти в таком возрасте. Фото выхватывает неотреставрированные ступени и отбитую штукатурку стен и тумбы — то, на что раньше не обращал внимания.

Дела домашние и не только

В конце июня 1957 года бабушка и дедушка переехали в Ховрино, и мы стали жить вместе в новой двухкомнатной квартире номер 76 со всеми удобствами на третьем этаже дома номер 5 по улице Дзержинского. Инициатором съезда была мама. Она полагала, что так будет лучше для всех нас. Мы подрастали, и за нами требовался пригляд. Да и бабушка вовремя могла накормить и в школу отправить. Квартира была больше по площади, с небольшим холлом, кладовкой и тамбуром при входе. В ванной стояла газовая колонка, всегда под рукой была горячая вода. Нашу комнату площадью 22 квадратных метра в форме пенала отец поделил пополам легкой перегородкой, в результате образовались две уютные комнатки. Для меня купили отдельный письменный стол, очень удобный для занятий.

Мамины родители тоже были довольны. Деревянный дом ушел в прошлое. Теперь у них не было проблем с печным отоплением, дровами, водой из колонки, чадящими керосинками, коммунальной полутемной кухней. Можно было забыть и про холодный туалет. К тому же их квадратная комната площадью 13 квадратных метров, выходившая на солнечную сторону, имела балкон.

Разгрузить машину, прибывшую с Преображенки с вещами, помогали мои дворовые друзья. В награду за труды дед попросил меня на другой день выдать каждому по рублю и дал десять купюр, в том числе и мне. Обещал проверить. Мой честности хватило только на девять рублей. Семь рублей я действительно раздал ребятам, на два рубля мы с моим новым другом Витей Ардвеньевым купили по законному мороженому. Оставался соблазнительный неотданный рубль, кому предназначенный, не помню. И тут Витька предложил на этот рубль тоже

купить мороженое, но на нас двоих. Искушение победило, и мы слопали по незаконной половине пачки. Я стал переживать, что дед узнает об этом и рассердится. На его вопрос о деньгах я соврал. Он же поверил. Но врать мне не понравилось. Мысленно я ругал себя, что поддался Витьке.

Бабуля и дедуля перевезли всю свою немногочисленную старую мебель, включая пружинный диван, диван-кровать, сервант, гардероб, стол, тумбочки на гнутых ножках — под пальмы и сами пальмы. Эти пальмы дед вырастил сам из финиковых косточек. Бабушке было неудобно спать на старой кровати, и в один день дед, ничего не говоря, отправился в мебельный магазин и привез новый диван-кровать. Бабушка, имевшая обыкновение ворчать на деда, затынула знакомое всем причитание:

— Глеб, ты с ума сошел! Зачем ты купил эту кровать? Глеб, кто тебя просил? — и все в таком духе.

Но, раз попав на ней, она на следующий день смягчилась:

— Глеб, и спасибо тебе за кровать. На ней так удобно спать!

Дед Глеб Борисович Червоненко не мог сидеть без дела. Он установил для себя в меру четкий распорядок дня. Утром после завтрака шел на прогулку в магазин, по Лихачевскому шоссе, в сторону Михалково, т. е. в Москву, где было лучше с продуктами, а в киоске покупал газеты, чаще «Правду». С продавцами был обходителен, но несправедливости и обвешивания не терпел. Один раз, стоя в очереди за покупкой помидор, он заметил, как продавщица, перекладывая овощи в сумку покупателя, одновременно легким движением мизинца тайком сбрасывала под прилавок один помидор. Когда дошла очередь деда, то он сказал:

— Мне, пожалуйста, один килограмм, но без этого! — и сделал загибающее движение мизинца правой руки. Продавщица сильно покраснела и попыталась завесить помидор больше одного килограмма, на что принципиальный Глеб Борисович отрезал: — Мне лишнего не надо!

Дед любил готовить и часто в этом помогал бабушке. Но порой его любопытство к готовящейся еде становилось невыносимым для бабули. Один раз он явно перебрал свой лимит появлений на кухне и, когда возник снова, то бабушка уже стояла с половником в руке и гаркнула:

— Да пошел ты! — далее неожиданно выдала трехэтажную конструкцию.

На это Глеб Борисович спокойно ответил:

— Марусенька! Я знаю, что ты интеллигентная женщина, но выражаешься как сапожник, — и ушел.

Готовил дед сам вкусно, обязательно тушил мясо с морковью, луком. Заглядывал и в кулинарную книгу, не боясь эксперимента. Один

раз приготовил турецкую халву. В его исполнении это оказалась такая гадость, что потом слово «турецкая халва» стало в семье притчей во языцех. Но в основном обедом и ужином занималась бабуля.

Когда же дед начинал делать, по мнению бабушки, что-то сомнительное, она начинала снова повышать голос:

— Глеб! Ты с ума сошел!

Этот же крик можно было услышать, когда Глеб Борисович однажды взял чугунный пест и стал в чугунной ступке дореволюционного производства толочь осколки стекла. Оказалось, что накануне он прочитал в отрывном календаре удивительный рассказ. Один мужчина шел по полю, и ему бросились в глаза пучки сочной густой травы, расположенные в цепочку и не совсем по прямой. Трава же рядом была низкорослая и чахлая. Он заинтересовался и решил проследить, где кончается хорошая трава. Вскоре перед ним возник забор, а в заборе лаз. На территории завода лежала шихта, из которой изготавливали стекло. Дед решил превратить стекло в исходный продукт для удобрения цветов. Он стал посыпать полученным порошком домашние цветы, но реального результата этот опыт не дал.

Глеб Борисович любил читать книги и брал их постоянно в библиотеке, расположенной в нашем же доме, где являлся постоянным читателем. Вечером они читали книги с бабушкой. Его увлекали детективы. Во время обеда дед мне и сестре Але мог временами с упоением и интригой пересказывать прочитанное, а нам только и оставалось ждать продолжения до следующего обеденного дня.

Свою любовь к чтению книг он привил Але, которую очень любил (я не в обиде). И уделял ей гораздо больше внимания, нежели мне, ершистому внуку. В классах шестом и седьмом она уже увлеченно прочитала Золя, Мопассана, Диккенса. Обеспокоенная учительница вызвала в школу маму. Но мама ответила, что дочка правильно понимает прочитанное. К слову сказать, у Альки было очень раннее развитие, в отличие от меня. Она и говорить стала осмысленно чуть ли не в полтора года, но за это в школьные годы расплачивалась жуткими головными болями. Говорила, что, по ощущениям, в ее голову гвоздь заколачивают.

В какой-то момент у деда появилось увлечение рыбалкой. К ней дед готовился основательно. Купил капитальную бамбуковую удочку, леску, крючки, имитацию наживки в виде бабочек и еще чего-то и стал ходить на Михалковский (Головинский) пруд. Так он просидел недолго — несколько дней, так и не поймав ни одной рыбешки.

Его истинной любовью и болезнью был футбол. Болея за «Спартак», Глеб Борисович переживал почти смертельно за каждый пропущенный или забитый гол. Это было целое действо, которое проходило

примерно так. Он включал телевизор и сразу начинал волноваться. Комментатор в это время голосом, берущим болельщиков за потроха, рассказывал о том, что происходило на поле. Вот мяч на поле, в игре. Атака пошла в сторону ворот «Спартака»... Щелкает выключатель. Тишина. Дед берет флакончик с валерьянкой, накапывает несколько капель валерьянки в рюмочку с водой, выпивает. Выжидает некоторое время, затем снова включает телевизор. Лицо его сосредоточенно-нервное. А здесь уже команда «Спартака» начинает атаку в ворота противника. Пас следует одному, потом мяч переходит к другому. Сейчас последует удар... Снова щелчок телевизора. Трансляция прерывается. Дед опять протягивает руку за валерьянкой, капают несколько капель в рюмку с водой, выпивает. Ждет, через некоторое время включает... И всё повторяется снова, пока он с очередными словами «Ой, не могу, не могу!» не гасит окончательно экран.

Дед не был религиозным человеком, в Бога не верил, о чем могут свидетельствовать две бумажки, выявленные после смерти. Это ходившие в свое время по рукам фривольные по отношению к церкви анекдоты. Приведу их как памятник ушедшей эпохи.

Анекдот 1. «В 1877 году в небольшом городе Тамбовской губернии староста пригласил маляра Багинова произвести малярные работы внутри церкви с целью обновления. По окончании работ староста предложил написать отчет о проделанной работе. Маляр не знал, как написать, и написал следующее:

День 16 марта 1877 года. Счет.

1. Увеселение небес — 1 руб.
2. Обгрунтовал мудрую деву и покрыл ее 2 раза — 10 руб.
3. Сделал деве Марии нового младенца — 10 руб.
4. Обновил великомученице Варваре залапанные места — 2 руб.
5. Поправил одежду Адаму и Еве после искушения — 5 руб.
6. Покрыл матом всех святых мироносцев — 5 руб.
7. Покрыл месторождение Ариста — 3 руб.
8. Вставил перо святому духу — 1 руб.
9. Архангелу Гавриилу поправил обсосанные места — 5 руб.
10. Святым девам полностью отремонтировал между ногами — 6 руб.
11. Зашпаклевал и покрасил потрескавшуюся жопу Николаю угоднику — 2 руб.

Резолюция архиерея: Заплатить дураку деньги, пока весь храм не запоганил».

Анекдот 2, ходивший в разных списках. «Одному товарищу предложили написать сочинение, в котором все слова начинались исключительно на букву — о. Он написал: “Однажды отец Онуфрий, обходя

отдаленные окрестности Онежского озера, обозрел обнаженную Ольгу. «Ольга, отдайся, озолочу!» Ольга отдалась. Отец Онуфрий обманул опозоренную Ольгу».

Причиной деда была боязнь зубного врача. С безнадежно больными зубами он поступал просто: брал прочную шелковую нить, один конец которой привязывал к причинявшему боль зубу, а другой — к дверной ручке. После этого просил резко с другой стороны закрыть дверь...

Однажды Глеб Борисович выступил своеобразным критиком моей рукодельной работы. Мне понравилось вышивать крестиком. В промтоварном магазине продавали куски ткани с рисунком в клеточку. Надо было заполнить крестики цветными нитками. Девчонки повально увлекались вышивкой на пальцах. Материю вставляли в два кружка разного диаметра и зажимали. Ткань натягивалась. Использовали многоцветные нитки мулине. Мне нравились яркие цвета. Я тоже увлекся вслед за сестрой и, набравшись терпения, вышел полностью рисунок на подушку — весна, снег, береза и елки. Было красиво. Я был горд. Однако дед из моего шедевра сделал мешок, а не подушку и приспособил его в туалете для газетной бумаги, которую он жег после посещения этой комнаты для устранения неприятного запаха. Словом, мое произведение искусства он отправил по нужному назначению. Туалет, конечно, не зал Третьяковской галереи, но зато теперь вся семья могла ежедневно любоваться моей вышивкой.

У деда была любимая присказка, которую он мог произнести совсем неожиданно, как бы невзначай. Она вроде ни к чему не относилась, но явно была созвучна каким-то его думам: «Так! — сказал бедняк. — Хороша советская власть». Сел и горько заплакал».

— Дедуль, а дедуль! — тербил я в такие минуты деда. — А почему он заплакал-то?

Я действительно не понимал: власть хороша, чего же мужик плачет? У нас все бесплатное. Государство заботится обо всех. Дает квартиры. Все общее, принадлежит народу. Все трудятся, как мои родители. Никто не голодает. В ответ дед только довольно хмыкал, бросал на меня лукавый взгляд и уходил на кухню или в свою комнату. Иногда вместо ответа на мой традиционный вопрос дед, точно в насмешку, повторял присказку.

Бабушка никогда так напрямую не высказывала свое отношение к существующему строю, который для меня, пионера, был действительно самым передовым и самым лучшим в мире. Она не любила ворошить прошлое, а тем более вспоминать о нем вслух. И только один-единственный раз как-то, стоя у окна в нашей комнате и глядя на улицу каким-то пустым взглядом, обмолвилась:

— Да... Дом у нас в Ахтубе под Астраханью был большой каменный двухэтажный. Много комнат. В центре — гостиная, застланная ковром. А посередине большой круглый стол. Сейчас там расположилась милиция. Когда я была маленькой, у меня были нарядные платьица и, как сейчас помню, удивительно красивые туфельки. А прадед твой — купец, Митрофан Андреевич Панжев. Его все знали. Уважали очень. Коммивояжеров своих имел, в Польшу те ездили за товаром. А как советская власть пришла, все отобрали. А дед, впрочем, даже не сопротивлялся. Сам все отдал. Его даже назначили директором в его же магазине. Знали, что человек он честнейший. Там он и проработал до пенсии. А платьица с кружевами, оборочками забыть не могу...

Все, что рассказала бабуля, для меня было внове. Более всего мне было непонятно, о чем она, собственно, жалела. Подумаешь, какие-то платьица, туфельки! Зато сейчас все народу принадлежит! Я вслух не возражал. Но мой укор советского пионера она все же прочла в глазах. И, поняв это, спохватилась:

— Ты уж маме не говори, что я тебе сказала. А не то она меня ругать будет. Через десять минут обедать будем, — и бабушка быстро ушла на кухню.

Открытие, что я правнук купца, не доставило мне радости. Какое-то странное чувство неловкости за так подкачавшего предка охватило меня. Воспитанный школой, учебниками, я не сомневался, что советская власть хорошая, народная, самая лучшая. Она столько дала всем: бесплатную учебу в школе, бесплатных врачей. Вся земля принадлежит народу. Все наше. Все общее. А здесь какие-то туфельки, кружева, ботиночки... Было бы о чем жалеть!

В школе меня постоянно куда-то назначали, даже председателем пионерского отряда, я входил в совет дружины. Повторюсь: мне не нравилось командовать ребятами. Это меня тяготило. Надо было вести работу, выполнять поручения, спускаемые сверху, — сбор макулатуры, шефство над пожилыми людьми (в нашем классе этим с охотой занималась Таня Бикина) и еще что-то, забывшееся. Бесспорно, важным делом было открытие в Грачёвке памятника защитникам Москвы, умершим от ран в госпитале там в 1941 году.

В конце 7-го класса, напоследок перед вступлением в комсомол, меня от пионерской организации 1160-й школы города Москвы (с вхождением Ховрино в состав столицы 41-я школа Октябрьской железной дороги изменила свой номер) направили вместе с еще одной девочкой из другой ховринской школы на праздничный концерт, посвященный 40-летию Всесоюзной пионерской организации. Он состоялся 18 мая 1962 года во Дворе Съездов. Тогда же к знамени пионерии был

прикреплен орден Ленина. Самое удивительное, что данный важнейший политический момент я не запомнил, а в памяти осталось лишь, что перед началом торжества в зал вошел сам Юрий Гагарин. Он встал в низу нашего правого бокового спускающегося под наклоном ряда, и весь зал, выражая свою огромную неподдельную любовь к первому в мире космонавту, приветствовал его громом аплодисментов. А он стоял всего-то через 10–15 рядов от меня, так близко! Я видел его! Потом Гагарин сел рядом с пионерами там же, на одном из первых рядов.

На память о том дне и об этой встрече сохранилась обложка программы праздничного концерта. Сейчас, разглядывая ее, обратил внимание, что на ней символично присутствуют три цвета: торжественно-радостный красный, нейтрально чистый белый и тревожно-траурный черный.

Дворовое братство

Мы были счастливыми и желанными детьми послевоенной поры. Передаю это по своим ощущениям жившего в то время обычного советского ребенка. И потому воспоминания о середине 1950-х — начале 1960-х годов, эпохи социализма, которую принято ныне ругать, у меня, напротив, ассоциируются с беззаботным солнечным летним днем, прохладным чистым ховринским подмосковным воздухом и многочисленными друзьями по двору. Это были Женя Воронин, Коля Бобков, Коля Сорокин, Боря Артемьев, Слава Жидков, Павлик Белокуров. Мы учились в разных классах, но двор нас спланивал.

Надо отметить, что в нашем дворе и в школе не было отъявленных хулиганов, которые бы всех терроризировали, а были просто озорники и непоседливые мальчишки, не знавшие, куда деть свою энергию. Никто не приставал к нам, нам некого было опасаться или бояться. Никто из нас, как ныне говорят, не выпендривался. Все были равны. Это было настоящее дворовое детское братство.

Родители одевали нас просто, скромно и одинаково — как братьев. Летом это были удобные легкие синие или черные сатиновые легко рвущиеся о гвозди забора угольником шаровары, цветная клетчатая рубашка. На голове простая или расшитая тюбетейка. Получался какой-то азиатский наряд, к которому добавились китайские кеды.

Вечерами дворы поселка в прямом смысле кишели разновозрастной детворой и кормящими мамами. Сам поселок был благоустроен. Газоны ухожены, огорожены разноцветным штакетником и засажены разнообразными цветами (весной мы под присмотром взрослых сами копали землю, едва справляясь с лопатами). В соседнем дворе

у общежития строителей был и фонтан, в котором плавали золотые рыбки; их никто не вылавливал. А в нашем дворе крутилась самодельная разноцветная карусель. Она порой использовалась нами как центрифуга, в которой надо было удержаться, когда ее раскручивали до бешеной скорости. Другое ужасное испытание — лежать на земле, не поднимая головы, под проносимыми сиденьями. Зимой — катание на картонках от коробок с горки на берегу речки Лихоборки.

После уроков мы играли в бесконечные игры: расчерченные на асфальте классики, лапту, прятки, выбивалы, садовника, войну, партизаны, расшибалку (на копейки), ножечки, почту, нóсики. Последняя игра была довольно жесткая. Ее смысл состоял в том, чтобы небольшим мячиком попасть в пролеты ступенек пожарной лестницы пятиэтажного дома. В зависимости от расположения ступеней начислялось разное количество очков. Набравшему наименьшее количество очков «набивали свечи». Это когда все игроки по очереди бросали мяч в проемы лестницы, набирая по возможности наибольшее количество очков. Одно очко соответствовало одному касанию мячика носом, чтобы катнуть мяч по асфальту. Я обычно выигрывал. Но счастье оказалось не вечно. И для меня мои друзья постарались набить такое количество очков, что под их веселый гам я прокатил носом мяч через весь поселок. Последний мяч прикатился прямиком к ногам моей мамы, возвращавшейся с работы. Дома после того, как отмыл свой грязный нос, меня ждала взбучка.

Своеобразным развлечением было хождение мальчишек и девочек по подвалам в пятиэтажных кирпичных домах. Там, в узких петляющих проходах между самодельными деревянными сарайчиками было темно и страшно. Игра состояла в том, что где-то в абсолютной темноте идущую цепочку ребят поджидало «страшилище». Специально подстерегавшие нас старшеклассники внезапно фонарем, приставленным к подбородку, высвечивали свое лицо, при этом рыча и строя рожи, вращая глазами. Вместо фонаря могли поджечь спичками листки бумаги, зажатые по обе стороны рта. Тогда подсветка лица производила еще более жуткое впечатление. С диким визгом и отчаянными криками толпа ребятни, объятая ужасом, в крошечной тьме устремлялась назад ко входу. Самое сильное и неизгладимое впечатление произвела, конечно, первая игра, когда еще никто не знал о засаде.

В начале 1960-х годов мы проводили вечернее время в дворовой беседке, пересказывая прочитанные книги; некоторые ребята сами придумывали рассказы. Особенно складно это получалось у Коли Бобкова, а у меня не хватало фантазии. Мы обменивались книгами, травили глупые анекдоты о двух деревенских друзьях — Вантё и Мантё. Помню лишь один из них. «Ночью по дороге едет огромный самосвал, освещающий путь

двумя боковыми фарами. А навстречу ему на мотоцикле мчатся Вантё и Мантё. Увидали они две фары в темноте, и один говорит другому: «Смотри, два мотоцикла едут с двух краев дороги. Гони посередине!»»

Ходили и переделанные пушкинские стихи:

У Лукоморья дуб спилили,
Златую цепь в амбар снесли,
Кота на мясо порубили,
Русалку в море утопили...

Временами мы ходили в книжный магазин в «Серые дома» — в Москву. На имевшиеся копейки покупали открытки. Больше всего в магазине нравился необыкновенно приятный запах клея, который использовался при переплете книг.

В летние каникулы купались в пруду, расположенном в двух километрах при усадьбе Михалково, подолгу загорали на берегу канала, отходящего от Головинского пруда, купались в нем. Время от времени родители разлучали дворовых детей, отправляя их в пионерские лагеря. Меня с сестрой дважды помещали в лагерь близ станции Полушкино по Белорусской дороге. Лагерь размещался на левом крутом склоне Москвы-реки. Жили в одноэтажных деревянных домиках, в комнатах с большим количеством незнакомых ребят. Довольно быстро начинали надоедать ежедневные построения на утренних и вечерних линейках, начинало тянуть домой. Были походы, военные и другие игры, чтения книг, купания в чистой реке с быстрым течением. С ребятами, в основном из заводских семей, подружиться не удавалось. Среди них было много матерящихся. Мат мне не нравился. Один раз я, положив руку на шар, которым был украшен парпет лестницы при входе в расположение отряда, дал если не клятву, то обещание не произносить матерных слов. Я был доволен, когда мама забирала меня из лагеря до окончания срока.

Вспоминаются и забавные моменты в Ховрино. Ребята из нашего двора стали ходить к Речному вокзалу на Фестивальные пруды ловить рыбу, коей было там великое множество, но, правда, исключительно мелкая. Азартно мы вытаскивали из воды одну за другой рыбку, которая купилась на комочек хлеба, насаженный на крючок. По окончании ловли рыбешки насаживались на нитку, и с этой гирляндой мы победно возвращались домой, увлекая за собой мяукающих кошек. Дома мама категорически отказывалась чистить и потрошить «кильку». Она бросала всю эту массу на горячую сковородку с маслом, обжаривала ее, предварительно посолив. Надо ли говорить, с каким аппетитом и хрустом мы с сестрой поедали спекшуюся лепешку со всеми костями и головами!

На тех же Фестивальных прудах в мутной глинистой воде мы заодно и купались. У берега было мелко, что меня, не умеющего плавать, вполне устраивало. Один раз к берегу подошел весьма нетрезвый мужик. Его внимание привлекла плавающая большая деревянная катушка из-под кабеля. Мы уже было собирались вылезать на берег, когда он пьяным голосом скомандовал;

— А ну! Тащите к берегу катушку! Я с нее ноги буду мыть!

Делать нечего. Наша компания облепила катушку, как саранча, но она — ни с места. Очень уж тяжелая. Потолкали ее, потолкали и собрались выходить. Но мужик стал нам угрожать, если мы катушку не подтянем к нему, и даже стал быстро раздеваться. Мои друзья, видя это, бросили катушку и поплыли к противоположному берегу. А я-то не умею плавать. Стою один. Пьянчуга уже стал спускаться к воде на расправу. От страха я бросился вслед за ребятами. Но как плавать? И тогда на подсознательном уровне решение нашлось. Я заглатывал порцию воздуха и шел ко дну. Затем сильно отталкивался ногами от глинистого вязкого дна и делал отчаянно двумя руками сильные гребки, чтобы всплыть не только вверх, но и вперед. Так, абсолютно не ведая о предстоящей глубине, я добрался до середины пруда, где было мне весьма с головой. Потом глубина снова стала постепенно уменьшаться. Запыхавшийся, сильно дыша, я оказался на противоположной стороне пруда, на безопасной глубине. К этому моменту понял, что вода немного стала держать мое тело. Похоже, плавать почти научился. Выждали, когда мужик уйдет, оделись и пошли домой.

Можно сказать, что в Ховрино я провел свои первые «раскопки», учась еще в начальных классах. Во дворе стоял турник, на котором молодые парни из ближнего общежития строителей «крутили солнышко». Из их брючных карманов в песок неминуемо начинали сыпаться деньги. Монеты они подбирали, но явно не все. После ухода парней мы перебирали песок и находили желанную мелочь, на которую можно было купить вождеденный горячий, сочащийся маслом пирожок с вкуснейшим яблочным повидлом. К сожалению, это случалось редко.

Увлечением стал сбор спичечных этикеток. Он осуществлялся во время обхода территории поселка утром во время прогулки, благо мы учились во вторую смену. Пустые коробки бросал курящий люд, спешивший на работу. Иногда попадались уникальные трофеи — цветные яркие иностранные этикетки с необычными сюжетами. По приходе домой коробок разламывался, одна его стенка погружалась в воду, затем размоченная этикетка легко снималась и сушилась на оконном стекле. Целые наборы спичечных этикеток продавались в магазине «Детский мир» на площади Дзержинского. Позже я стал приклеивать

этикетки по сюжетам на определенные страницы специального альбома. Это была первая классификация собранных мною неархеологических находок.

Другое увлечение — марки. Началось с того, что первые марки я увидел у деда на Преображенке. Он приносил их домой с работы, предварительно вырезав из конверта. Мне нравилось разглядывать на них сюжеты. Но в 1962 году я стал владельцем собственной марки. Как-то на Войковской по дороге домой в Ховрино мы с мамой зашли в книжный магазин. И там, в витрине я увидел большую красивейшую марку и обомлел. На ней был изображен герб СССР. Она завораживала, притягивала взгляд, но стоила для меня баснословно дорого — целый рубль! Сначала мама не хотела ее покупать, но, похоже, марка и ей понравилась. Видимо, потому и не пришлось выцыганивать очень долго. Потом я приобретал сам наборы разных марок в том же «Детском мире». Потом и дед отдал мне свое сокровище. Я купил специальный альбом и распределил в нем марки по тематике.

Увлечение коллекционированием марок во дворе было почти повальным. Иногда мы обменивались ими. Особо ценными считались марки колоний. Старшие ребята предлагали их купить.

Порой мне кажется, что картинки, всплывающие в памяти, во многом идеалистические. Но так было в действительности, так мы жили, во многом воспринимая мир беззаботно, благодаря своим родителям, любившим нас. Все плохое забывается. Наверное, это и к лучшему. Но одну плохую историю я забыть все же никак не могу.

Классе в шестом мы играли в войну. У нас во дворе была даже сформирована военная организация. Во главе ее стоял Павлик Белокуров, пользовавшийся среди ребят авторитетом как самый смелый, честный, справедливый, сильный. Штаб расположился на чердаке моего первого подъезда, над квартирой Павлика. Попасть на чердак можно было по вертикальной лестнице, если приподнять крышку люка. Здесь царили полумрак и прохлада. В штабе мы собирались с ручными деревянными автоматами. Сделали пулемет. Павлик присваивал всем звания, давал какие-то (не помню) задания. Устроили шифрованную переписку со своим кодом. Стали переписываться даже на уроках, что мне не нравилось, так как отвлекало от занятий.

Наше появление на чердаке не осталось незамеченным. Перекрытия были деревянные, поверх них лежал утепляющий слой шлака. При ходьбе шлак хрустел, и в верхних квартирах был слышен не только хруст, но и топот ног. Нас стали гонять, закрывать чердак. Но это помогало ненадолго. Тогда для разгона был призван сантехник Витька Крючков, наша дворовая гроза, особенно когда он напивался.

В тот день шел мелкий дождь, намочивший крыши. Появление Витькиной головы в квадрате люка чердака оказалось для нас полной неожиданностью. Путь к отступлению был отрезан. Мы все устремились к слуховому окну и полезли через него на крышу. Витька — за нами. Убежать можно было только по соседней крыше и через чердачное окно центральной части здания. Но средняя часть дома была выше двух его боковин, а его окошко располагалось у самого края крыши. Чтобы попасть в него, надо было залезть на конек дома и с него спуститься вниз. Но намоченная дождем крыша стала уже скользкой. Оказавшись первым на коньке, Славка Жидков присел на корточки, обхватил обеими руками ноги и... поехал вниз по скату. Поравнявшись с чердачным окном, он ловко ухватился левой рукой за его край, остановился, подтянулся и залез внутрь. Следом поехал на корточках Коля Бобков. А мы все столпились на верху крыши нашей части дома в очереди, дрожа от страха, что Витька вот-вот нас настигнет, и мы окажемся в его чудовищных лапах.

В тот момент, когда Бобков заскользил вниз по мокрой крыше к ее самому краю, появился сантехник. Увиденное его настолько впечатлило и ошеломило, что он в ужасе махнул рукой, произнеся всего одну фразу: «Да ну вас к черту!» — и ушел восвояси. Оставшиеся не рискнули повторить «подвиг» наших товарищей. До сих пор я задаю себе один и тот же вопрос: а хватило ли у меня духу сделать это? Впрочем, от страха человек способен на многое, неожиданное для самого себя и остальных.

В какой-то момент бессмысленное лазание по чердакам, шифровки во время уроков мне стали надоедать. К тому же наш отряд из своих стал неожиданно обрастать малознакомыми ребятами из других дворов. Чашу моего недовольства переполнил один случай. При входе в скверик, в узком проходе, словно на боевом посту с деревянным автоматом, стоял Женька Воронин. К проходу подходила женщина, и тут «боец» обратился к Павлику Белокурову: «Пропустить?» На что тот ответил с некоторым сомнением: «Пропусти!» В этот момент я осознал, что игра перерастает во что-то более серьезное и недопустимое. Потому на следующий день объявил ребятам, что я больше в войну не играю и из игры выхожу.

Это сообщение вызвало бурю негодования у моих друзей. Меня обозвали предателем, а потом началось нечто невообразимое. Когда же я направился к себе домой, толпа «бойцов» заулюлюкала, стали плевать в мою сторону. Я не побежал, а пошел нормальным шагом. Мне было обидно за своих друзей. Слезы навернулись на глаза от несправедливости. Я шел и размазывал их. Этот вопль продолжался до самых дверей квартиры. Мы учились во вторую смену, и у школы было продолжение обструкции.

Будучи уверенным в своей правоте, я не намеревался возвращаться в игру, и потому противостояние двору продолжалось еще несколько дней. Но самое интересное произошло потом. Самый справедливый, самый честный, самый смелый — мой кумир и авторитет двора — Павлик Белокуров неожиданно для всех сам объявил о роспуске отряда. И ему никто не возразил. Так игра в войну внезапно закончилась. Только еще некоторое время не смирившиеся с роспуском отряда Женька Воронин и Борька Артемьев, самостоятельно продолжая игру, лазили по чердакам соседних домов. Но эти шалости прекратились после того, как они случайно заделали трубу отопления и прорвали ее. Однако вышли ребята из этой истории героями. Сняв пальто, Женька и Борька заткнули щель, не допустив широкомасштабной аварии, и даже вызвали слесаря. За это вместо приличного ремня они удостоились благодарности от коммунальной службы.

Дворовое братство старого дома дало серьезную трещину. Вскоре семья Белокуровых получила квартиру в Царицыно, Павлик уехал. В классе я сдружился с Володей Гришиным, Витей Поздняком, а в новом дворе — с Витей Ардвеньевым. С Гришиным и Поздняком мы увлеклись собиранием детекторного приемника по схеме. Часто ездили в «Детский мир» на площадь Дзержинского за дефицитными радиодеталями — сопротивлениями, конденсаторами, ферритовым стержнем для антенны, переключателями каналов, проводами. Но собрать полный комплект деталей длительное время не удавалось. А когда собрал на фанерке «портативный» приемник и его динамик вдруг заговорил, счастьем не было предела.

Витя Поздняк жил рядом со станцией «1-й Пост» в частном доме-полуразвалюхе. Мы с Володькой ходили к нему и играли в футбол на островке в пойме Лихоборки напротив усадьбы Грачёвка. Витька щедро угощал нас яблоками не из своего, а из соседского сада. Для этого он загонял в будку охранявшую сад беззлобную собаку, чтобы она нам не мешала набрать за пазуху плодов с обильно усыпанных яблонь.

Зимой при школе был ярко освещенный каток. А по воскресеньям мы ездили на станцию «Планерная» или «Подрезково» кататься на лыжах с гор. Электрички тогда были забиты лыжниками. Втиснуться бы. Словом, жизнь бурлила... И до чего же был вкусный борщ в столовой на Планерной, который мы улетали после катания! До сих пор помню.

Мои друзья увлеклись боксом, и я вместе с ними поехал на Плотину, к Тимирязевке записаться в секцию. Взяли только Гришина, меня же, хилого и малорослого, забраковали сразу. Однако Вовка в боксерах проходил недолго. Ему быстро свернули нос, и он оставил секцию.

С Витей Ардвеньевым мы занимались изготовлением моделей планеров, катались на велосипедах по поселку, фантазировали на разные темы, сидя на берегу Лихоборки, играли до седьмого пота в настольный теннис в спортзале, открывшемся в нашем доме. Когда я после тенниса вечером, весь абсолютно насквозь мокрый приходил домой, мама удивилась: «Чем это вы там занимаетесь?»

В школе нас изредка вывозили в театр, были коллективные походы в музеи, кино. Ежегодный сбор металлолома превращался в захватывающий поиск бесхозного, почему-то всюду валявшегося металла и азартное соревнование между классами, кто соберет больше.

Но вскоре в моей жизни произошли серьезные перемены, положившие конец всем детским забавам.

Пионерлагерь и археологический кружок

Желание стать археологом укоренялось в сознании постепенно, вытеснив морскую романтику. И уже к 7-му классу я четко знал, что буду археологом.

Практически все лето с июля по август 1962 года я провел в пионерском лагере «Голубое» под Крюково. Туда меня устроил брат отца Аника Андреевич, работавший бухгалтером в Верховном Совете РСФСР. Мне там понравилось. Отряд был дружный, но все старше и выше меня. По сравнению с ними я выглядел юнцом. Один пионер выделялся своей странной птичьей фамилией — Чайка. Его младший брат находился в соседнем отряде.

Мы ходили купаться на пруд, читали книги, взятые в библиотеке, смотрели вечером фильмы («Человек-амфибия»), играли в теннис, а еще в горку с шарами. За грубое нарушение правил последней игры и шум меня в свой черный список занес директор лагеря по фамилии Косицкий. Он постоянно ходил по территории лагеря с блокнотиком и вписывал туда особо «отличившихся». Ему не понравилось, как мы играли с одним мальчиком. Надо было катать по очереди с двух противоположных сторон шар вверх по наклонной плоскости в горку, заканчивавшейся лункой, откуда шар выкатывался к противнику. Шел круговорот шаров. Побеждал тот, у кого на счастливый момент не останется вообще шаров. Играя, мы вошли в такой раж, что вместо того, чтобы катать шары, для скорости стали их просто забрасывать в лунку. Мой дядя Аника Андреевич был недоволен, когда ему сообщили о моем плохом поведении в пионерлагере Верховного Совета.

А еще я занимался в кружке моделирования, делал планер и даже участвовал в художественной самодеятельности. Один самодеятельный

концерт мне запомнился надолго. Его давали для родителей, приехавших проведать своих чад. Вначале были патриотические номера — песни о революционной Кубе. Ребята маршировали на сцене с автоматами и пели зажигательно: «Пылает вся Куба. Народ ее изранен и измучен!»

В концерте я также принял участие, исполнив танец одного из маленьких лебедей под музыку Чайковского. У нас были две неканоничные мужские «лебединые» стаи. Первыми на сцену, держась за руки, как положено в классическом балете, выплыли в белых пачках, не перекрывавших волосатость ног, четверо пионервожатых. Они честно под гениальную музыку балета и смех зала протопали свою партию. Следом запустили нашу стайку. На мне была тоже белая пачка, как и у напарников-мальчишек. Но она почему-то оказалась плохо закреплена. И ее приходилось постоянно нервно поддегивать под музыку, чтобы не оказаться в одних трусах. А балетная пачка, как назло, никак не хотела закрепиться, все время норовила упасть на пол. Сидевшая в зале бабушка, приехавшая проведать меня, потом со слезами на глазах пересказывала эту сцену. Зал неистовствовал. Таких аплодисментов я никогда в жизни более не получал.

В конце августа 1962 года, когда я вернулся домой из пионерлагеря, пробыв там с удовольствием две смены, мама сообщила мне важную новость. В Государственном историческом музее на Красной площади работает археологический кружок. О нем она узнала из передачи по радио, в которой рассказывалось о работе кружков, о поездке их участников на археологическую практику. В кружки приглашались школьники старших классов. Мама записала адрес, по которому можно было написать письмо. Я несколько раз переспрашивал об этой передаче, но ничего нового не узнал. Сел писать письмо. Писал его несколько раз, комкая и выбрасывая написанное. Я рассказал о себе, что меня интересует археология, что занимаюсь в школьном географическом кружке, ходил в походы и просил записать меня в археологический кружок. Ответа ждать пришлось недолго. Мне предлагали приехать в музей и обратиться в Кабинет школьника. Там меня и запишут. Трудно передать волнение и радость, испытанные при прочтении ответа.

В один из сентябрьских дней после школы я сел на автобус, идущий до Сокола, затем на метро доехал до станции «Площадь Свердлова». Вход в музей со стороны Красной площади закрывали массивные двери с медными ручками в виде головы льва. Нужно было приложить усилие, чтобы дернуть за кольцо, торчавшее в пасти льва. Тяжелая дверь открылась, и я вошел в музей, определив свою будущую профессиональную судьбу.

Надо признаться: я был застенчивым мальчиком, и сделать такой шаг для меня было непросто. Сильно волновался и потому, отдаляя

предстоящее испытание, обошел залы первого этажа. И только потом направился в Кабинет школьника, который располагался при входе с Красной площади слева, в полуподвальном этаже по другую сторону от гардероба.

На высоких узких дверях кабинета висело объявление: «Все, кто любит историю, археологию, кто интересуется прошлым своей Родины, может записаться в кружки». Далее шел их длинный перечень. Их было почти двадцать, четыре из них археологические: археология первобытного общества, археология скифов, археология славян, археология СССР (для учащихся пятых классов). «Запись производится с 1 сентября. Начало занятий 15 октября».

Целых три кружка! Это оказалось так неожиданно, что я даже растерялся. Мне представлялось, что археология едина и неделима, а археолог изучает одновременно и скифов, и славян, и каменный век. И потому хотелось оказаться сразу во всех трех кружках, но вовремя одумался и выбрал славян. Утешил себя тем, что на следующий год можно перейти и в другой кружок.

Робко, с колотящимся сердцем я постучал в дверь, открыл ее, вошел и поздоровался, но, наверное, слишком тихо. Посредине небольшой комнаты с высоким потолком стоял огромный многогранный стол, за которым одновременно могли бы уместиться человек 15–20. Стены были заставлены шкафами, как потом оказалось, с моделями работ кружковцев — замками, башнями, мастерской ремесленника, сценой охоты на мамонта и прочим. У окна за небольшим столом сидела пожилая женщина и что-то писала.

— Здравствуй! — повторил еще раз громче и подошел ней. За окном виднелась кремлевская стена, на Красную площадь и к Мавзолею шли люди.

— Здравствуй! — приветливо ответила женщина и взглянула на меня внимательнее. — Ты, наверное, пришел в кружок записаться?

Наступил ответственный, волнительный момент.

— Да. Я хочу заниматься в кружке археологии славян.

В ее лице прочиталось сомнение.

— Тебе еще пока рано в этот кружок. Он для восьмиклассников.

— Так я же учусь в восьмом классе.

Предательский комок обиды подступил к горлу. Вот так всегда. Из-за моего роста и хилого сложения не хотят верить, что я восьмиклассник.

— Хорошо! Приходи во второй четверг октября к 16 часам на первое занятие. Как твоя фамилия? — она записала. — А меня зовут Валентина Васильевна Краснова.

Домой я вернулся радостный и возбужденный. С этого дня стал усерднее готовить уроки истории, решив, что по этому предмету у меня должны быть только пятерки. Физика, химия, математика отнимали много времени. Но забрасывать их было нельзя. По окончании 8-го класса предстояли экзамены.

Первого занятия в кружке ожидал с нетерпением. На него пришли человек 20, хотя изначально записалось 30 школьников. Все уселись за огромным черным столом посреди кабинета. В ожидании руководителя листали разложенные Валентиной Васильевной журналы, из которых запомнился только «Вокруг света».

Но вот вошла невысокая худенькая женщина средних лет с выразительными чертами лица, тонким носиком, карими глазами. На ходу поправила прическу. Все встали, приветствуя руководителя кружка. Она поздоровалась.

— Меня зовут Антонина Владимировна Успенская, — представилась она. — Я буду вести кружок «Археология славян». Вы узнаете, кто были восточные славяне, познакомитесь с их бытом, жизнью, культурой. Все это, несомненно, принесет вам огромную пользу, расширит ваши знания, позволит лучше понять историю нашей страны. План занятий на сегодня следующий. Сначала мы заслушаем доклад ребят, моих старых знакомых, ездивших этим летом со мною в археологическую экспедицию под Дубну на Волгу, где мы копали славянское городище XII века. После этого каждый из вас выберет тему для своего доклада. И на каждом занятии вы будете заслушивать своих товарищей, дополнять, задавать вопросы, исправлять. В конце марта мы соберемся последний раз. Кружок завершит свою работу, староста отчитывается на утреннике, который состоится в первых числах мая. А в июне месяце наиболее отличившихся я возьму на раскопки под Дубну.

Далее после фразы «Приступаем к первой части нашего занятия» Антонина Владимировна обратилась к трем юношам, сидевшим слева от нее. Двое — коренастые, широкоплечие. Третий сухоощавый, высокого роста. Перед ними лежали бумаги и пакетики, очевидно, с фотографиями. С места поднялся самый высокий парень. Из его рассказа мы узнали, как готовилась экспедиция, как проходили первые дни раскопок. В заключение он сказал:

— Приходили посмотреть на наши раскопки местные жители. Были и непрошенные гости, — показал на фотографию, как стадо коров приближается к раскопу. — Но с ними мы быстро справились, — на другой фотокарточке один из сидевших за столом удирает от быка. Шутка была встречена смехом. — Контакты с населением были хорошие. Правда, в начале нашей работы среди местного населения прошел слух,

что мы ищем золото, и по вечерам, когда мы ложились спать, к дому, где мы жили, прибегали пацаны, стучали в ведра и кричали: «Отдайте золото! Отдай золото!» Антонине Владимировне пришлось в колхозном клубе читать лекцию о культуре славян и значении наших раскопок. Результаты не замедлили сказаться.

Второй докладчик продолжил первого и подробно остановился на предметах быта, ремесленных изделиях, встречавшихся при раскопках. Я слушал внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова. Но многое было непонятно — что такое пряслице, скань, филигрань, а хотелось узнать непременно.

Третий докладчик продолжал рассказывать о том же. И в конце он произнес с грустью в голосе:

— Но пришло время проститься с раскопками. В конце июля мы уезжали в Москву. Возвращались на комфортабельном автобусе.

— Что-что? — удивленно переспросила Антонина Владимировна и увидела снимок, на котором трое с рюкзаками, вещевыми мешками стоят у междугороднего автобуса. Но докладчик, смеясь, оправдался:

— Я перепутал снимки! — он достал из пакетика другую фотографию, где лошадь, понуря голову, тянет по проселочной дороге телегу с экспедиционным имуществом. За ней, точно за катафалком, бредут археологи.

Антонина Владимировна улыбнулась и пояснила, что было плохо с транспортом.

— Скажем спасибо ребятам за доклад. А теперь я скажу несколько слов о городище, — и далее она стала рассказывать более подробно о находках и как по ним можно судить о хозяйстве населения.

Стали выбирать темы докладов. Я не знал, что взять: язычество, торговлю, хозяйство? В конце концов, решил взять язычество славян, но опередил сосед. Пришлось выбрать торговлю Руси и торговые пути.

На Сокол ехал не один. Моему соседу, как и его товарищу, оказалось со мной по пути. В вагоне метро мы познакомились. Павлик Митяев, добродушный, широкоплечий, был старше на год. Он учился в 9-м классе. Володя Стогов, мой ровесник, выглядел старше меня и держался очень уверенно. Мы легко сошлись на почве, я бы сказал, пламенной страсти к археологии, и неделю спустя перед следующим занятием встретились уже возле входа в метро «Сокол». С того дня это стало нашей традицией. Нас привыкли видеть втроем. Валентина Васильевна, отмечавшая присутствующих крестиками в своем журнале (один раз я пошутил, что мы — «крестоносцы»), стала называть нас неразлучной троицей. Когда из-за болезни одного мы появлялись вдвоем, она обеспокоенно спрашивала: «А где же ваш товарищ?»

Глава 2

Годы 1962–1967

Прощай, Ховрино!

В самом начале ноября 1962 года отец получил от работы новую квартиру, и мы разъехались с родителями мамы. Они остались в Ховрино, заняв нашу бывшую большую комнату, а наша семья переехала в Москву на 2-й Щукинский проезд (ныне улица Маршала Новикова) неподалеку от Института атомной энергии им. Курчатова. Дом 2, квартира 170. Пятый этаж без лифта гарантировал нашему семейству ежедневные физические тренировки, с которыми мы, впрочем, неплохо справлялись.

Смена места жительства была вызвана рядом причин. Во-первых, отцу и маме само Ховрино не нравилось, в отличие от меня. Поселок в последние годы стал грязным, так как вокруг началась массовая застройка и все соседние улицы утонули в прямом смысле в грязи. В школу мы вынуждены были ходить в калошах, так как приходилось преодолевать соседние улицы, до краев заполненные глинистым месивом, которое разносили из ближних строек машины. Глину с обуви все старательно отмывали в специальной ванночке, установленной перед школьным крыльцом. Строго следили, чтобы грязь не заносили в здание. Летом в Ховрино стало пыльно. Во-вторых, мы выросли, мама с тревогой просчитывала нашу судьбу в неблагоприятном, как она считала, рабочем поселке. Ей не нравились мои выросшие друзья. В-третьих, и самое главное, разезд с ее родителями назрел по закону: чем дальше — тем роднее. Да и мы с Алей, наверное, стали для пожилых маминих родителей нагрузкой.

После нашего отъезда ховринская квартира стала коммунальной, и в освободившуюся комнату заселили семью из трех человек — молодую женщину с маленьким ребенком и ее мужем, пьянчугой и дебоширом, временами избивавшим и связывавшим жену. Эти сцены сменялись поцелуями, а затем новыми криками и побоями. Так что бабуле и дедуле пришлось в течение шести лет хлебнуть на старости. Когда

им переносить чужие семейные сцены стало невмоготу, мама энергично стала искать обмен и подыскала отличный вариант — однокомнатную квартиру на ближайшей Онежской улице, дом 51. Переезд состоялся в сентябре 1968 года. Наконец-то наши дорогие и любимые Глеб Борисович и Мария Митрофановна Червоненко в конце жизни стали заслуженно проживать в достойных комфортных условиях.

Мама вспоминала трогательный эпизод отъезда нашей семьи из Ховрино. Тогда все было просто: вещи грузили в открытый кузов грузовика, где можно было сидеть людям. Милиция никого не останавливала. Это считалось нормой. Мы сидели в кузове с вещами. Когда машина тронулась, появился внезапно Женька Воронин. Он побежал вслед и тревожно закричал:

— Вовочка, ты куда?

— Женька! На новую квартиру. Я еще заеду!

Потом я действительно приезжал к своим ребятам, в основном в воскресенье. Но эти встречи становились все реже и реже, пока окончательно не прервались из-за разности появлявшихся интересов. Да и друзья стали разъезжаться по разным районам Москвы в более благоустроенные квартиры.

Новый район мне сразу понравился. Он был очень ухоженным и зеленым. Правда, квартира находилась на пятом этаже кирпичного дома без лифта, а комнаты были смежными. Зато балкон выходил на внутренний тихий двор, утопавший в листве многочисленных деревьев. Впрочем, пятый этаж оказался хорошим тренажером для наших ног и сердец.

В первый же день я отправился познавать район с чувством путешественника и первооткрывателя. Дошел до крутого песчаного берега Москва-реки, откуда открывался чудный вид на подмосковные просторы и Тушино.

Неказистые и примитивные обои маму стали раздражать, и она, как всегда, стала энергично действовать. Новые бумажные обои клеили всей семьей до позднего вечера. Легли спать, а наутро проснулись с голыми стенами: все обои, высохнув, отвалились от стен из-за слабого самодельного мучного клея и упали на пол. Это только всех расшемило.

Мою кровать решили заменить на диван-кровать, а старую отвезти на дачу. Пришли мы с мамой в мебельный магазин и увидели, что стоит то, что нам и надо. Подошли к женщине-продавцу. Вопрос, сколько стоит диван, та пропустила мимо ушей, даже вида не подала, что к ней обращаются. И лишь на повторно заданный тот же вопрос она неприветливо произнесла:

— Продано!

Мы подошли к дивану, а на нем лежит чек, на котором что-то напачкано карандашом. Мама снова возвращается к продавщице и открыто говорит:

— Девушка, я отблагодарю вас!

Та мгновенно стала приветливой, что меня пренеприятно поразило. Повела нас в другой отдел, на склад. А там таких диванов оказалось штук десять.

— Выбирайте!

Пятерка возымела действие. Такой же эпизод был и со стульями. При этом мама, вздыхая, признавалась в безвыходности ситуации. У нее нет времени ездить по магазинам после работы, чтобы найти то, что нужно. На такие разъезды ту же пятерку потратишь, а деньги продавцу сверху все равно придется заплатить.

Моей сестре нравилась школа в Михáлково, и потому она ежедневно стала ездить туда «за тридевять земель». Я же поступил учиться в 8Б класс школы № 722, которая была видна из моего окна. Сильно волновался — новый класс, новые ребята, новые учителя.

Новый класс резко отличался от ховринского по всем параметрам. Ребята даже внешне выглядели взрослее и объемнее, долговязее, лучше учились. Все же сказывалось, что это были в основном дети инженеров и научных работников, прежде всего Курчатовского института атомной энергии. На их фоне я выглядел малолеткой, что потом констатировала фотография выпускного 8-го класса.

Большинство учеников были хорошисты, приближавшиеся по оценкам к отличникам: Саша Савинов, Турисхи, Ёсик Лещинер, Гена Севастьянов, Володя Кисляков, Витя Гаврилов, Ира Головина (дочка академика-атомщика), Оля Орлова, Таня Пайс, Лариса Панфилова, Таня Богданова и другие. Поэтому с первых дней мне пришлось не расслабляться, а основательно готовиться ко всем урокам. Спектр моих оценок был различным — от редкой тройки до устойчивой четверки и пятерки.

Все они учились чуть ли не с первого класса, потому дружественные связи между учениками были устойчиво замкнутыми, компании давно сложившимися. По-настоящему я мало с кем подружился, только с Геной Севастьяновым и Володей Кисляковым, которые оказались также вне элитной верхушки. Я ближе был к простым ребятам, даже к толстяку зубриле-одиночке Вите Гаврилову.

Отрадно было, что меня наконец-то никуда не выбирали и никуда не включали, никем не назначали. Как ховринский «первый парень на деревне» я оказался здесь не нужен. Было много своих желающих.

При моей нелюбви к разным обременительным должностям и поручениям я был этим очень доволен!

Учебу в восьмом классе помню смутно, может быть потому, что шли обычные пресные уроки, которые вели спокойные без надрыва учителя. Все это было несопоставимо с «вулканом» ховринской школы.

Я увлекся лыжами. Мне даже купили настоящие лыжи с ботинками и железным креплением! Зимой почти каждый день после уроков с упоением наматывал круги по периметру ближайшего соснового лесопарка. При этом не было скучно, потому что важное место в жизни все больше и больше начинала занимать археология, мечта о которой стала смыслом существования. Посещение археологического кружка каждый четверг воспринималось мною как великий праздник.

Путь в исторический музей по-прежнему проходил через станцию метро «Сокол», куда со 2-го Щукинского проезда я добирался уже на другом автобусе. Доклады мы делали в основном в музейном зале, посвященном Древней Руси, у витрин с находками, рядом с огромной картиной во всю стену «Похороны руса». Павлик Митяев свой материал доложил одним из первых. К подготовке своего доклада о торговле я приступил за месяц, получив от Антонины Владимировны Успенской несколько книг. Читал, делал выписки. Перед выступлением очень волновался, но все прошло хорошо, как на очередном школьном уроке.

После занятий в кружке мы втроем направлялись на улицу Горького, первым делом в букинистический магазин рядом с театром Ермоловой, а затем в магазин «Наука» близ памятника Юрию Долгорукому на ловлю книг по археологии и истории. Однажды Павлик Митяев высказал мечту собрать все книги по археологии. Его юношеское максималистское стремление можно было понять. Я тоже стал собирать свою домашнюю библиотечку начинающего археолога. Во время учебы в старших классов выходили замечательные книги: «Что такое археология» А. С. Амальрика и А. Л. Монгайта, «Шлиман (Мечта о Трое)» Г. Штоля, «Боги, гробницы, ученые. Роман археологии» К. Керама, «Первые века русской истории» Б. А. Рыбакова, «По бесовым следам» Я. В. Доманского и А. Д. Столяра, «Человек заселяет свою планету» А. А. Зубова и другие.

Мама, которая направила меня в кружок, преследовала лишь одну практическую цель — чтобы ее сын не болтался по улицам Ховрино и не попал в дурную компанию. Она не верила в серьезность моих намерений и временами начинала наставлять на путь истинный. В ее представлении мне была уготована незавидная работа в музее:

— Вова! Пойми, научный сотрудник музея получает слишком мало. А ты — мужчина, будущий глава семьи! Тебе надо будет не только обуть, одеть, прокормить себя, но и семью. Все это — детство, детские мечты!

Мама даже не представляла, в какую невозвратную воронку и как уже глубоко затянула меня археология. Ее речи меня раздражали, я начинал грубить, возражать, отговариваться. К тому же еще переходный возраст! Детские мечты?! Когда археология стала уже смыслом, целью в жизни! Хорошее дите в 14–15 лет! На какое-то время мама вынуждена была прекратить бесполезные наставления и возникающие при этом споры. Но приближались экзамены за 8-й класс. И она, прожившая сложную и нелегкую жизнь, снова попыталась возобновить разговор:

— Вова! Послушай нас, родителей! Может быть, после 8-го класса ты пойдешь по стопам отца, поступишь в строительный техникум. Ты же парень! Исполнится 19 лет, пойдешь служить в армию. Вернешься — специальности нет. Куда пойдешь — подсобным рабочим? А после техникума у тебя уже есть специальность, перспектива...

— Я хочу учиться дальше! — твердо и непреклонно сказал я. — Потом буду поступать на исторический факультет МГУ!

— Если хочешь учиться — учись. Я не возражаю, — все же сдалась мама, тем более что в старших классах 722-й школы было введено производственное обучение на радиомонтажника. Вот и специальность.

Поменять вектор моей жизни однажды попытался и отец. Он как-то взял меня к себе на работу и, представив своему начальнику, с сожалением произнес: «Вот ОН хочет быть археологом!» Это прозвучало почти как «Не проходите мимо!» Тот смерил меня оценивающим взглядом:

— А ты не будешь археологом!

— Почему?

— Потому, что археологи должны писать книги, а ты не сможешь!

Такая аргументация застала меня врасплох, поскольку тогда я вообще не думал о своем археологическом будущем. Просто хотелось ездить в экспедиции и вести раскопки, без которых я уже никак не представлял свою будущность. Мне осталось только беспомощно огрызнуться:

— А почему вы решили, что я не смогу писать книги?

Однако пришлось задуматься.

После всех безнадежных попыток к данной теме длительное время не возвращались. А в мае 1963 года я даже пригласил маму в музей на собрание всех кружковцев. Сначала отчитались старосты, затем премировали ребят за лучшие доклады. Вся наша троица — Митяев, Стогов и я — получили книги. Но при этом было обидно, что мне досталась книга не по археологии, а о собаках «Мои друзья», автор Б. Рябинин.

Единственным утешением была надпись «За хороший доклад “Торговля и торговые пути славян”».

После торжественной части все с интересом прослушали рассказ вернувшегося из Египта молодого археолога Николая Яковлевича Мерперта. Он с увлечением при полной тишине небольшого зала исторического музея рассказал о новом и древнем Египте, о древнейших памятниках египетского искусства. На экране возникали величественные пирамиды и храмы. Мама со всеми внимательно выслушала археологическое повествование, а потом шепнула мне на ухо, как я понял, примирительно:

— Действительно интересно!

Самое главное было переманить родителей на свою сторону.

Экзамены за 8-й класс в 1963 году я сдал вполне успешно.

На следующий день после выпускного вечера заказной автобус повез весь класс в Ясную Поляну. На меня произвел впечатление музейный комплекс, старинный сад, могила Льва Толстого, знаменитая комната под сводами.... Не знаю, почему, но мне там стало плохо, не хватало воздуха, и я понял, что теряю сознание. Такое в моей жизни произошло впервые! Пришлось срочно покинуть группу с экскурсоводом и выбраться на свежий воздух, отдышаться. Самое интересное заключается в том, что Ясную Поляну я посещал еще два раза во второй половине 1970-х годов, и каждый раз в комнате под сводами мне становилось плохо. Какая-то мистика!

Могу назвать точную дату нашей школьной поездки. Когда мы поздним вечером возвращались по Калининскому проспекту (почему ехали там?), на экране одного из зданий бегущая строка сообщала о полете космического корабля «Восток-6», пилотируемого впервые в мире советской женщиной-космонавтом Валентиной Терешковой. Автобус огласился радостным возгласом «УРА!!!». Это было 16 июня.

Думая об экспедиции, мы с Пашей Митяевым приехали в музей к Антонине Владимировне. Стогова с нами не было. Вовка уехал отдыхать на Дон к деду.

— Нет, мальчики! — огорчила она нас. — В этом году я никуда не еду, — но, заметив на наших лицах глубокое разочарование, добавила: — Хочу устроить вас в Бахчисарай к Давыду Львовичу Талису, научному сотруднику отдела археологии. Правда, он сегодня с утра занят. Я говорила насчет вас. Он не против. Просил приехать завтра к 10 часам в музей вместе с кем-нибудь из родителей.

— Павлик! Едем!

Не веря своему счастью, мы стали мечтать вслух о будущей поездке.

— Представляешь, — говорил Митяев, — вернемся из экспедиции и будем писать сочинение «Как я провел лето»!

— А план сочинения будет такой, — поддержал я друга. — Первое — как мы попали в экспедицию. Второе — дорога в Бахчисарай. Третье... — наша фантазия была ключом.

Паша приехал в ГИМ со своей мамой, моя же не смогла отпроситься с работы на заводе. Коренастого и старшего по возрасту Павлика Талис взял сразу, а меня забраковал. Мое худое тело с тонкими руками не внушило ему доверия, что перед ним надежный землекоп. Давид Львович напрасно пытался меня вразумить, что работа в экспедиции крайне тяжелая и мне не по силам. Обидно было до слез. Это было горе!

Павел уехал, а я остался в Москве. Планов на лето не было. Неожиданно в июле мама со мною и сестрой собралась на Черное море в Сочи. Оказывается, у бабушки в Лазаревском проживали родственники. Как я уже отмечал, ее брат Георгий во время войны встретил женщину, которая потом родила ему дочь Галину. Но они так и не поженились, и, хотя Георгий помнил о внебрачной девочке, но ее не признал.

Дед Глеб Борисович списался с неофициальной родственницей, обстоятельно попросил нас встретить и устроить. После получения положительного ответа мама, героически отстояв огромную очередь на Курском вокзале, добыла три заветных билета на юг. В начале августа мы приехали в Лазаревское. Свое археологическое горе я довольно быстро утопил в Черном море. Впервые в жизни хлебнув небольшую порцию морской воды, с восхищением крикнул маме, сидевшей на берегу:

— Вода соленая! — наверное, такой восторг открытия испытал лишь моряк Колумба, увидавший вдали землю.

— Да тише ты! — недовольно осадила меня мать. Ей явно было неловко и стыдно за своего наивного отпрыска-«первооткрывателя».

Это была замечательная поездка. Солнце, море, купание, недалекие походы в горы, вечерние прогулки по тихому шоссе, пересекавшему поселок Лазаревское, состоявший из зеленых уютных дворов. Одноэтажный дом, в котором мы проживали, утопал в зелени сада. Под большой грушей стоял длинный обеденный стол. За ним мы столовались на свежем воздухе. Один раз спелая груша точно угодила в мою миску с супом. Не Лазаревское, а рай. Поездка на юг пошла мне на пользу. После нее я перестал болеть и почти не болел вообще лет 20. А самое главное, после юга стал заметными темпами подрастать, вытягиваясь вверх и догонять сверстников.

55 лет спустя, в 2018 году, проезжая через Лазаревское, я не узнал этот некогда тихий благословенный уголок. Лавина полуголых загорелых людей впритирку друг к другу заполняла узкие тротуары по обе

стороны узкого шоссе, наполненного бесконечным потоком автомобилей. Вдоль улицы — многочисленные магазинчики, лавки, кафе. Здесь же развлекательные центры, даже дельфинарий. Кругом — плотнейшая застройка, уничтожившая прежние обширные зеленые сады, чтобы разместить за немалые деньги в своем чреве курортников. Цивилизация пришла в рай и погубила его. Как вообще можно здесь сегодня отдышаться?!

Один день ученика 9-го класса 722-й школы

Раннее утро. Сквозь чуткий сон слышу, как в динамике, стоящем на полочке в соседней комнате, звучит монотонное пиканье — проверка времени — и знакомый голос диктора произносит также стандартную ежедневную фразу:

— С добрым утром, товарищи! В Москве семь часов утра. Послушайте, пожалуйста, последние новости.

Я уже не сплю, продолжаю дремать. Как не хочется вставать! Единственное желание — отдалить тот момент, когда подойдет мать и начнет будить. Вот все же скрипнула дверь кухни, где о чем-то говорит отец с сестрой Алей, и мамины тихие шаги приближаются к дивану.

— Вова, вставай! Слышишь? — мягкие пальцы коснулись моего плеча. — Проснись!

— Угу! — я сладко потягиваюсь, не открывая глаз. Чуть приподнимаю голову и снова роняю ее на подушку.

— Больше будить не буду! — мамины шаги удалились.

Вот так почти каждое утро, по два, а то и три раза мама будит сына, постоянно беспокоясь о том, чтобы тот не опоздал в школу.

— Да встану я, встану! — мой раздраженный голос явно огорчает ее. Времени уже двадцать минут восьмого. Из радио доносится счастливо бодрый голос радиофизкультурника — пианиста Родионова:

— Свободнее, свободнее дышите... Вот та-а-а-к!.. Хорошо! А теперь встали... вдохнули... поглубже... поглубже вдыхайте, товарищи!.. Молодцы! Четвертое упражнение начнем с...

Да, теперь пора вставать. Это четко осознаю сам без подсказок — внутри работают какие-то свои часы.

— Сейчас досчитаю до тридцати и встану! — даю себе отсрочку. — Один... два... десять, — и, не закончив счет, резко сбрасываю с себя одеяло, спрыгиваю с дивана. Все! Надеваю спортивные брюки и бегу в ванную умываться. Через две минуты выхожу оттуда освеженный с мокрой, плохо вытертой головой, беру гантели и начинаю наскоро делать зарядку.

— У тебя все не как у людей! — говорит мать. — Сначала умываешься, а потом делаешь зарядку. Иди завтракать!

— С добрым утром! — приветствую всех на кухне. Отец уже встает из-за стола и собирается уходить.

— Я пойду! — говорит он маме. — Куплю все, что ты сказала.

— Андрон! Не забудь надеть плащ! — кричит ему вслед из кухни заботливая мама.

— Мам, я сегодня в музей еду на кружок. Оставь деньги на дорогу, — я вяло работаю ложкой.

— Я помню. Книжечки на метро и автобус — на столе, под вазой. Ну, до свидания! — говорит мама и наклоняется, чтобы меня поцеловать.

— Не надо! — я отворачиваю голову в сторону.

— Как хочешь. Еще чуть не забыла: обед в холодильнике. На первое суп, он в большой кастрюле. Весь не разогревай. Налей, сколько хочешь, в миску и разогрей. На второе картошка жареная — разогревай на медленном огне.

— Хорошо, хорошо! Я понял! — недовольно бурчу ей в ответ.

— До свидания! Я побежала на автобус, а то долго простоя в очереди и опоздаю на завод.

Поцеловав сестру, которая вышла в коридор ее проводить, мать ушла.

— И как тебе не стыдно! — начала раздраженно прорабатывать меня старшая сестра, как только закрылась входная дверь. — Мама все делает для тебя. А ты? Какой же ты невнимательный!

— Что я, маленький? А потом, сколько раз можно говорить каждое утро одно и то же. Первое — там-то, второе там-то. Неужели я не найду, если захочу есть?

— Ну тебя! Что с тобой разговаривать, — хлопнув дверью, Алька вышла из кухни.

После завтрака я помыл за собой посуду, навел порядок на кухне, пошел переодеться в школьную форму. Сестра причесывалась перед зеркалом, старательно проводя по волосам расческой.

— А ты сама не собираешься уходить? — удивился я и, подойдя к письменному столу, стал укладывать учебники в папку. — Смотри, опоздаешь!

— У нас нет первого урока. Историк заболел, — Алька продолжила причесываться, даже не посмотрев в мою сторону.

До начала занятий оставалось еще двадцать минут. До школы быстрым шагом минут семь. Спешить некуда. Я вышел на балкон, где меня обдала приятная прохлада наступающей осени. Облокотившись на перила, с высоты пятиэтажного дома посмотрел вниз на тротуар, по которому

спешили люди. Хорошо, что дом стоит внутри квартала. Не слышно шума машин. Тишина, сосновый парк рядом. В Москве ли ты?

У входа в 722-ю школу собралась толпа учащихся. Она, медленно рассасываясь, исчезала в дверях.

— Салют! — приветствовал я знакомых ребят. — Почему не пускают?

— Нет сменной обуви. Может, по домам? Придем на второй урок.

Но предложение не прошло. Раздался первый звонок, и техничка Марья Петровна, окруженная дежурными с красными повязками на левых руках, позвала всех оставшихся у порога:

— Ладно уж! Проходите, но учтите — в последний раз! Чтобы завтра у всех были тапочки!

В классе царило возбужденное шумное настроение, какое обычно бывает перед началом урока до прихода учителя. Девчонки собрались у раскрытого окна и листали журнал «Мода». Ребята в другом конце класса образовали свой кружок, откуда доносился смех. Остальные по двое или по трое разместились за своими партами и о чем-то разговаривали. Только толстый Витька Гаврилов сидел в одиночку за первой партой и читал, не отрываясь, учебник химии, повторял старательно выученный дома урок. Его массивная фигура с гладко прилизанными волосами выделялась среди всех. Через парту от него Сергей Скобелев, придерживая растопыренными пальцами свою тетрадь, безбоязненно сдирал с другой распростертой тетрадки задачу по математике, которую он и не пытался решить дома.

Я сел за свою третью парту с конца в правом ряду у стены, за которой расположился мой товарищ Гена Севастьянов, выложивший на край стола учебник химии и тетрадку.

— Привет! Опаздываем, молодой человек! — встретил он меня назидательно. — Тапочки не взяли? Надо действовать умеючи! — Севастьянов продемонстрировал под партой пыльные ботинки. — Проскмыльзнул — никто не заметил! — выпучив большие серые глаза и поджав нижнюю губу, сказал Геныч, явно подражая Аркадию Райкину.

Неожиданно входная дверь резко отворилась, и в нее с шумом влетел опоздавший Володька Кузнецов с важным сообщением:

— Идет! — выпалил он и поправил рукой выпадавшую из-под мышки толстую папку, набитую учебниками. Все направились к своим партам занимать места. Учительница химии вошла в кабинет. Класс приветствовал ее вставанием и грохотом откидных крышек. Невысокая, хрупкая, с прической в виде копны сена она была похожа на повзрослевшую ученицу старшего класса. Ее молодое белое, слегка плоское с курносым носиком лицо никак не говорило, что ей 25 лет.

— Здравствуйте! Садитесь! — Нина Петровна села за стол и, раскрыв журнал, проверила список класса. Недоставало пятерых учеников. — Плохо же вы посещаете мои уроки, — с напускной холодностью сказала она. — И это в начале учебного года в девятом классе! Весь материал, который мы сейчас проходим, записываем, войдет в вопросы экзаменационных билетов. Выпускных экзаменов. Неужели вы не можете это понять?.. А теперь я хочу проверить, как вы усвоили пройденный материал. К доске пойдет...

Ох, уж это затянувшееся «чудное мгновенье»! Необычайная тишина наполнила класс. Стало даже слышно, как в коридоре уборщица звенела ведром, что-то недовольно бормоча себе под нос, а в соседнем кабинете шел какой-то урок — дверь, очевидно, была открыта, и через нее слышался ровный вдумчивый голос преподавателя. Нине Петровне явно доставляло удовольствие выдерживать паузу. Сдерживая улыбку, она посмотрела на тридцать голов — лохматых и причесанных, обращенных к ней макушками, ибо все шестьдесят глаз сверлили учебник химии. Наконец, она произнесла медленно, четко:

— Скобелев! — вздох облегчения прошел по классу.

Долговязая тень Сергея в сером темном пиджаке выросла перед учительницей:

— Я вообще-то учил! — говорил он, растягивая фразу и цокая почти после каждого слова (это его дурная привычка), — но вообще-то времени было мало...

— Скобелев! Я еще не задала тебе вопрос, а ты отказываешься. Иди к доске, подумай над вопросом, если ты «вообще-то учил», — с добродушной усмешкой, слегка передразнивая, прервала его учительница.

Скобелев, получив задание, уныло побрел к доске походкой, какой в былые времена шли на плаху; он не знал урок.

— На второй вопрос нам ответит... — и снова перо ее ручки стало перемещаться по списку учеников сверху вниз, затем снизу вверх. — ...Гаврилов.

Полный Витька Гаврилов, витринный образец дисциплинированного ученика, вышел из-за парты, оправил гимнастерку, подпоясанную ремнем, и стал правильно отвечать на вопрос Нины Петровны. Я смотрел на прилизанный затылок Гаврилова, на его массивные ноги, смешно обутые в тапочки, и слушал, как тот без запинки отвечал выученный параграф учебника. На ум пришла грибоедовская фраза «умеренность и аккуратность». Но тут же поймал себя на неприятной мысли, что в чем-то мы с Гавриловым схожи. Ведь недаром же год назад классный руководитель назвала меня «совестью класса», что было крайне неприятно и вызвало внутренний протест. Начинаю краснеть, вспоминая это.

Да, я честно готовил уроки по химии, математике, физике — предметам, к которым абсолютно равнодушен. А как иначе? Учиться же надо. Но я не прилизан, и не зубрю до одурения, а стараюсь понять суть вопроса. Часто это бывает трудно. Но мозги мои не технические...

Пока Гаврилов уверенно отвечал, Скобелев «плавал» у доски, демонстрируя другую крайность. Все же стыдно выглядеть балбесом перед классом. Наверное, поэтому я и учу уроки. Сергей стоял вполборота к классу и языком мимики и жестов восстанавливал пробелы в знаниях. Это получалось у него весьма удачно, ибо на гладкой коричневой доске одно за другим появлялись уравнения химических реакций.

— Хорошо, Витя, садись. Пять! — учительница встала и подошла к Скобелеву:

— Ну, что тебе успели подсказать всем классом, показывай!

— При чем тут класс, я сам все написал! — откровенно стал врать Серега. Путаясь и запинаясь, он сумел все-таки «выгрести к берегу».

— Садись, Скобелев! — вздохнула Нина Петровна. — Тройку с минусом поставлю... за старания, за то, что немножко пришлось поработать головой.

Но Сергея уже не устраивала эта отметка. Он рассчитывал на твердую тройку, однако возражать не стал и, поморщившись, побрел облегченно к парте. Все же пронесло. Далее Нина Петровна стала объяснять новый материал.

После прозвеневшего звонка под стук открывающихся в коридоре дверей кабинетов записывалось домашнее задание.

— Киса, давай быстрее! Пойдем в кабинет физики, — торопил Севастьянов Володю Кислякова, медленно укладывающего учебник химии. Мы направились на третий этаж.

— Я вчера такую запись на маге слышал у одного парниши, — говорил с восторгом Кисляков, спускаясь по лестнице. — Песни Высоцкого, почти все новые. Записал парнишка на вечере в институте.

— Ладно! — прервал его Геняч. — Ты лучше скажи, как решил задачу по физике. У меня получается... — и дальше он углубился в тонкости решения, какие меня, равнодушного к этому предмету, не интересовали. Севастьянов с Кисляковым спорили, когда в класс вошел учитель физики.

Высокий, худощавый, с коротким ежиком (остального в нем не было ничего примечательного), он появился в школе недавно. Тогда завуч представила его классу кратко:

— Познакомьтесь! Это ваш новый учитель физики Николай Павлович, — и ушла. Новоиспеченному преподавателю пришлось объяснять свое появление в школе, даже слегка оправдываясь:

— Я, собственно говоря, не учитель, а инженер. Работаю в Курчатовском институте, который является вашим шефом. Комсомольская организация откликнулась на просьбу директора школы выделить вам преподавателя физики, поскольку его у вас нет. Еще неизвестно, сколько времени я проработаю в школе — может быть, месяц, может быть, два. В общем, прошу любить и жаловать.

И его первое время любили и жаловали. Он совсем недавно окончил институт, совсем недавно распрощился с друзьями-однокурсниками. Может быть, поэтому в школе ему все было знакомо, и он понимал ребят, сидевших перед ним. Понимал, что за окном светит солнышко, а разделы учебника кажутся неинтересными, скучными. Однако он сумел поддерживать и вызвать интерес класса к тому, что объяснял, делая при этом небольшие лирические отступления. Его коньком был рассказ о шефе — декане, который слыл страшным чудачком, приезжал в институт на мотоцикле, ходил в спортивных кедах, никогда не надевал головной убор, будь то на улице дождь, жара или мороз, и вообще слыл человеком незаурядным, о чудачестве которого ходили легенды. Однажды на экзамене шеф задал студенту вопрос:

— Молодой человек! Предположим, вы лежите на дне водоема и смотрите вверх на поверхность. В воду над вами бросают камень. Что вы наблюдаете? — За оригинальный ответ студента он поставил пятерку. Шеф был мастером задавать каверзные вопросы, ставя студентов в тупик. Например, сколько поверхностей имеет обыкновенный мыльный пузырь?

— Одну.

— Молодой человек, вы имеете в виду внешнюю поверхность, о внутренней поверхности забыли? — и еще, и еще в таком роде.

Обычно после лирических отступлений Николай Павлович выдерживал паузу и произносил:

— А теперь поговорим о физике. Мы остановились... — и он чертил на доске схемы, выводил, разъясняя, формулы. В нем была энергия. Если он ничего не писал, а только объяснял, то невозможно было его заставить стоять на месте. Преподаватель ходил перед классом, монотонно вымеряя расстояние от одной стены до другой. Говорил медленно, точно обдумывая каждую фразу, взвешивая каждое слово. Объяснял причину такого хождения словами: «Человеку необходимо освобождать запасенную в нем энергию». Давал на дом много, требовал жестко, ставя двойки, тройки, реже четверки и пятерки. Некоторых учеников его хождение из угла в угол сильно раздражало. Они даже жаловались родителям и завучу. Но остановить этот маятник никому не было по силам. Урок физики прошел, как всегда, незаметно. Но от

таких уроков в моей голове почему-то оставались не формулы и законы физики, а рассказы и лирические отступления.

Литературу преподавала Галина Михайловна, еще один молодой учитель. Два года назад она окончила в Москве факультет журналистики, но ей пришлось не работать сразу в столице, а вести уроки литературы где-то на Алтае, очевидно, по распределению. С первых уроков Галина Михайловна сумела быстро войти в доверительные отношения с классом, вызвав у всех симпатию. Она была завидно начитана, умела интересно вести свой предмет. С классом держалась свободно, точно все были ее сверстники. Но требовательность была одной из основных ее черт.

Рассказывая, Галина Михайловна обычно становилась в проход между партами и, слегка наклонившись, опиралась на их края кистями рук. Она смотрела на класс большими близорукими светлыми глазами, временами поправляя ниспадавшую на лоб рыжую челку. Одевалась она скромно. Любила голубую неяркую кофту, рукава которой имела привычку поднимать до локтей.

— Пошумели, поговорили. Теперь можно начать урок. Сегодня мы приступаем к изучению романа в стихах Пушкина «Евгений Онегин», — непринужденно начала она. — Вдумайтесь в слова — «роман в стихах», — она замолчала, поправила рукой наползающую на глаза челку и снова медленно, точно раздумывая, повторила: — Роман в стихах. Он явился огромным событием в литературной жизни России. Белинский с горечью признавал: «До Пушкина у нас не было литературы...»

Я слушал внимательно, но мне стал мешать Генка, начавший тихо разговаривать с Межиной за соседней партой. Пришлось высказаться:

— Ты на математике и физике просишь, чтобы тебе никто не мешал, так не мешай мне на литературе.

— Все, все! — Севастьянов жеманно отмахнулся руками от сидевшей впереди Межиной, достал из сумки задачник по физике, тетрадку и стал что-то писать, не слушая преподавателя. Впрочем, Галина Михайловна говорила недолго, затем раскрыла томик Пушкина и, стоя у раскрытого окна, стала читать сам роман. Незадолго до конца урока она прервала чтение и попросила записать домашнее задание: составить план к первым главам, прочитанным в классе.

Урока биологии откровенно побаивались. Поэтому, как только пришли на второй этаж и сложили у стены портфели перед закрытым кабинетом, все разбрелись кто куда с учебниками в руках. Знали: здесь поблажек и скидок не будет. Схватить пару так же легко, как раскрыть сам учебник по общей биологии. Как же мало времени до начала урока!

Звонок. Дверь кабинета открылась. На пороге появилась его хозяйка — строгая, полноватая женщина средних лет в черном платье, в круглых очках с золотой оправой. Окинула всех, правда, нестрогим взглядом:

— Входите!

— Ой-ой-ой! — инсценируя дрожь, Севастьянов под хихиканье девчонок взял портфель, стоявший у стены. — Прощайте, товарищи!

Лучи солнца были редкими гостями в этом помещении, поскольку его окна выходили на тeneвую сторону. Сумрачность придавали и шкафы с препаратами, скрывавшие стены до самого потолка. Посреди кабинета теснились два ряда столов, покрытых темным пластиком. Все окна были закрыты, не пуская свежий осенний воздух. Места занимали медленно, оттягивая начало урока.

— Здравствуйте! Садитесь! — произнесла Мария Николаевна со своего пьедестала. Ее стол стоял перед доской на заметном возвышении наподобие сцены, так что весь класс был как на ладони под зорким оком преподавателя. Приветствуя, она протерла свой стол влажной тряпкой, взятой с доски. Потом аккуратно поставила на чистый край стола невысокую вазочку с цветами. Все знали, что она сейчас скажет:

— Учебники можете убрать. Они вам пока не нужны.

Учебники исчезли со столов, у некоторых они переместились на колени. Кто-то жадным взглядом пытался пополнить полупустую копилку знаний. Начался допрос, извините, ошибся — опрос. Первым Мария Николаевна назвала почему-то меня. Поскольку это было начало темы, отвечал последовательно, достаточно полно. Но учитель меня прервала на полуслове.

— Хорошо, можешь садиться. Продолжит Межина.

Татьяна поднялась из-за стола и, от неожиданности запинаясь, сказала то, что не успел я. Подобная система опроса была любимым занятием Марии Николаевны. Это позволяла ей за 10–20 минут выяснить у значительной части класса, кто и как подготовился к уроку. Она поднимала с места одного, затем другого, заставляла продолжить третьего, потом четвертого. Класс держала в постоянном напряжении и внимании. Стыдила тех, кто не знал, да так стыдила, что у виновных уши становились пунцовыми. Знаю по себе. Попал один раз под раздачу. Биологию в целом знали неплохо.

— Ну, девочки, девочки! — с горечью в голосе воззвала учительница черчения и рисования на последнем уроке к женской половине класса. — И чему я только вас учила?! Помню, еще в восьмом классе мы учились с вами подбирать цвета, их сочетания. А вы забыли все наши уроки.

Девчонки слушали, явно не понимая, о чем и о ком идет речь.

— Как вы оделись? Красные туфли, черная юбка, синяя кофточка. У некоторых просто светофор! Напрасно я вам тогда пятерки ставила. Чтобы на мои уроки в подобной палитре не являться!

Я посмотрел на девчонок. Мне показалось, что учительница преувеличивала. Лишь две подружки были одеты крикливо-ярко. Половина же — в чистеньких школьных платьях с белыми воротничками, другие — в темных юбках и кофточках.

— Сегодня мы с вами будем чертить усеченный параллелепипед. Вот он, — из шкафа была извлечена модель геометрической фигуры. — Будем изображать его в трех плоскостях, но только усеченным. Сечения я буду проводить сама. Приступайте к работе! Не забудьте в штампе писать каллиграфическим подчерком, а не на скорую руку.

Все склонились над чертежными досками, орудя линейками, треугольниками и карандашами.

Гена Севастьянов, не отрываясь от чертежа, спросил меня:

— Буров, пойдешь сегодня играть в футбол после обеда?

— Нет, я еду в музей. У нас начало занятий археологического кружка. Митяя и Стога увижу. Я уже тебе рассказывал, что Павлик ездил в этом году в Бахчисарай в экспедицию. Меня не взяли. Я заходил к Митяю домой, но не застал. Разговаривал только с его матерью. Митяй ходит счастливый, по ее словам, он даже стал лучше учиться. Может быть, мне повезет в следующем году и возьмут на раскопки.

— Буров, больше спортом надо заниматься. Надо физически развиваться, — несколько назидательно сказал Геняч. — А то тебя снова могут не взять в экспедицию. Расти надо, расти! — говорил Севастьянов не то иронично, не то серьезно.

После уроков мы продолжили разговор.

— Ты же знаешь, Геняч, что спорт меня мало привлекает. Тратить на него время — непозволительная роскошь. У меня и так его не хватает.

— Читаешь об археологии, торопишься узнать все о ней. Можно быстро остыть. Потом будет неинтересно.

— По-моему, наоборот.

— Возможно. И что только ты нашел в археологии? Лучше заняться...

— Хватит, Геняч! — перебил я друга. — Ты не первый и не последний, кто говорит мне об этом. Начинает надоедать.

— Значит, не пойдешь играть в футбол? — последний раз спросил меня Севастьянов уже в раздевалке, когда подошел Володя Кисляков.

— Я же тебе сказал. Нет. У меня кружок.

— Пойдем, Киса!

И мои друзья ушли. Мимо прошла Наташа Калугина. Эта невысокая, хрупкая, симпатичная девчонка с карими глазами привлекла мое внимание, когда я после летних каникул пришел в 9-й класс. Состав бывшего 8Б изменился, так как вводилось производственное обучение радиомонтажника и прибыли новые ученики из других школ, пожелавшие получить эту специальность. Но за все это время с Наташей я обмолвился всего двумя-тремя фразами.

В кружке «Археология первобытного общества»

Занятия в ГИМе начались традиционно в четверг, в три часа дня. Повезло, что в школе освободился раньше, так как по расписанию в этот день было всего пять уроков. В половине второго был дома. Времени хватило, чтобы наскоро пообедать, переодеться и добежать до автобусной остановки. Когда автобус делал поворот на Ленинградском проспекте недалеко от метро «Сокол», заметил из окна Стогова, который стоял у стенда «Не проходите мимо!». Ждал нас с Павликом. Возле углового магазина «Книги» автобусные дверцы распахнулись, выпустив пассажиров. Быстрым шагом я направился к метро, к Стогову. Мы радостно поприветствовали друг друга.

— Давай отойдем отсюда в сторону! — загадочно сказал Володя. — Видишь, Митяй идет! Пусть поищет! — и мы отошли от стенда ближе ко входу в метрополитен.

Забавно было наблюдать, как слегка опаздывающий Павлик энергичными большими шагами проскочил через поток людей и, выбежав к условному месту встречи, резко остановился, никого не увидев. На его лице были одновременно удивление и растерянность. Оглядевшись по сторонам, взглянув на ручные часы, он стал прохаживаться мелкими шажками. Испытывать его терпение не было смысла.

— Опаздываете! — недовольно встретил нас Митяев. Но мы только рассмеялись:

— Да мы тебя 15 минут ждем. Выскакивает из толпы, как сумасшедший, размахивает папкой и останавливается, словно упирается в невидимую стенку.

Мы спустились к кассам метро.

— Ну, расскажи, как съездил в Бахчисарай?

— Отлично! — довольный Митя расплылся в улыбке. Но его рассказ был очень краток. Ехали на поезде, потом добирались на машине. Копали в горах. Было жарко, воду в бидонах носили в гору до раскопа один километр. Работа очень тяжелая...

В музее, в Кабинете школьника все было без изменений.

— А вот и неразлучная тройца пришла! — радостно приветствовала нас заведующая кабинетом Валентина Васильевна. — Перешли к первобытникам, — и, достав список участников кружка «Археология первобытного общества», стала напротив наших фамилий проставлять крестики.

— Записались и к славянам, и к первобытникам. Смотрите! Если одно занятие пропустите, поспорю с вами! — смеялась она, вовсе не сердясь.

За прошедший год мы ее хорошо узнали. Валентина Васильевна была душа-человек. С ней ребята советовались, делились своими проблемами, и всегда она откликнулась на них своим чутким сердцем. Заведующая любила историю, закончила истфак, но ее жизнь прошла в работе со школьниками. Ведя один из кружков, она передавала им свои знания. Многие ей были благодарны. К ней в кабинет приходили студенты, ранее здесь занимавшиеся.

— Ребята! — Валентина Васильевна обратилась к пришедшим на первое занятие. — Скоро закончится подписка на газеты и журналы. Я хотела бы спросить, на какие журналы хотите подписаться. Вы приходите за 15–20 минут до начала работы кружка. Чтобы не скучать, можете читать интересные статьи. Какие будут предложения?

— «Вокруг света»...

— «Наука и жизнь»...

— «Курьер»...

— Хорошо! Я запишу, опрошу другие кружки на этой неделе, потом обобщу.

В кружок к первобытникам никто не перешел из славян. Все лица были незнакомые, но только не для Стогова. Он неожиданно заулыбался и подошел к высокому худому парню с черными, слегка курчавыми волосами, карими выразительными глазами. На нем был синий свитер.

— Я смотрю и думаю, где я тебя видел, — обратился к нему Стогов. — Васька, здорово!

— А я сразу тебя и не узнал, — ответил тот.

— Володя, Павлик, познакомьтесь! Васька Огульчанский. Мы с ним вместе учились в одной школе до того, как я переехал на Сокол. Ну, одноклассник, рассказывай о себе.

Они начали вспоминать общих знакомых, но вскоре вынуждены были прерваться, так как в кабинет вошла руководитель кружка. Ее звали Ирина Константиновна Цветкова. Началось знакомство. Женщина смотрела на каждого из нас внимательно через очки с толстыми выпуклыми линзами, точно определяя, что за человек перед ней стоит. Изредка она поправляла волнистые светлые волосы. Затем Ирина

Константиновна повела новоиспеченных кружковцев в залы музея, где была развернута экспозиция по трем основным этапам каменного века — палеолиту, мезолиту, неолиту. После экскурсии мы вернулись в кабинет школьника. Был зачитан список тем докладов, которые будут заслушиваться на занятиях. Я выбрал доклад «Палеолитическая стоянка Мальта».

Осенью, когда началась подписка на газеты и журналы на 1964 год, я попросил родителей подписаться на научный академический журнал «Советская археология». Отец согласился только на один — первый номер, для пробы; к тому же стоил он достаточно дорого, 2 рубля 50 копеек. В начале года этот заветный номер оказался в нашем почтовом ящике. Его начал читать с придыханием. Однако вскоре разочаровался. Журнал содержал множество серьезных научных статей, посвященных разным археологическим культурам и эпохам. Мои пятнадцатилетние мозги с трудом продирались сквозь дебри разнородных статей, пытались их осилить, но тщетно. Я сдался и не стал просить оформить подписку на следующие три номера. Надо учиться, чтобы разбираться в археологии. Потом я неоднократно возвращался к публикациям этого номера, нужным по специальности, так что журнал пригодился.

Как же судьба играет нами! № 1 журнала за 1964 год открывался статьей, посвященной 60-летию видного археолога-кавказоведа Евгения Крупнова. И надо же случиться, что многие годы спустя, мне, уже сотруднику Института археологии, при получении на складе оборудования для экспедиции вручили буссоль, упакованную в деревянную коробку, на тыльной стороне обшарпанной крышки которой было выведено: «КРУПНОВ». С этим прибором исследователь прошел сотни километров экспедиционных дорог, а многие годы спустя эта буссоль перешла мне, словно награда за то, что я подписался именно на данный номер «Советской археологии».

Я регулярно ездил на занятия в археологические кружки, что доставляло большое удовольствие. У Ирины Константиновны мною был сделан доклад о палеолитической стоянке Мальта, ее исследовании М. М. Герасимовым. Докладом мое выступление было трудно назвать, поскольку это был пересказ научной статьи известного археолога. Одновременно в кружке археология славян сделал доклад «Земледелие и скотоводство у славян в IX–XIII веках».

На занятиях кружка первобытной археологии, которые часто проходили в залах музея, мы знакомились с находками со стоянок разных археологических культур. Ирина Константиновна приносила в Кабинет школьника предметы каменного века — обломки глиняных сосудов с причудливым орнаментом, наконечники стрел, ножи, пластины,

нуклеусы, возраст которых исчислялся тремя — четырьмя тысячелетиями. Мы не только держали их в руках, но и учились рисовать. Руководитель показывала, как вести штриховку, чтобы придать изображаемой находке объемную форму, отметить характерные черты предмета. Ирина Константиновна рассказывала о своих раскопках стоянки Черная Гора в Рязанской области, говорила о намечающихся исследованиях этого памятника и летом 1964 года. Она обещала взять на раскопки кружковцев. Я с волнением ждал лета, чтобы поехать в экспедицию.

24 мая в историческом музее состоялось заключительное собрание кружковцев, на котором заведующая Кабинетом школьника Валентина Васильевна Краснова обратилась к присутствующим:

— Дорогие друзья! Наш небольшой утренник закончен. В следующее воскресенье желающие ехать на раскопки курганов должны прийти к служебному входу музея к 9 часам утра.

Во мне все кричало от радости. Осталось промучиться неделю. Но время, занятое школьной учебой, пролетело на удивление быстро.

31 мая 1964 года до станции Салтыковка Курской железной дороги ехали на электричке. В вагоне было шумно. Настроение у всех было приподнятое. Многие направлялись на раскопки впервые. Да и майский день выдался чудным, солнечным. В руках у всех были лопаты. Нас, наверное, принимали за юных энтузиастов-дачников. Павлик, Володя и я сели вместе. У Митяева в руках была археологическая книжка. Он имел обыкновение брать с собой в поездку литературу, но при этом читал редко. Так было и на этот раз. Да и до книги ли сейчас? По соседству кто-то голосом футбольного комментатора Яна Спарры читал юмористический рассказ-«репортаж» о футбольном матче в каменном веке. Временами голос тещи заглушал хохот.

Курганная группа находилась в двух-трех километрах от станции. Минут 30 шли пешком, лопаты наперевес. Тропинка, отходившая от дороги, привела нас к курганной группе на берегу речки. Среди сосен показался один курган, потом второй, еще и еще... Их было много — большие в основании до 10 метров и высотой 3 метра, малые в диаметре 2 метра и высотой 50 сантиметров. Говоря современным языком, это было древнее славянское кладбище XII—XIII веков, времени активного освоения славянами земли Подмосковья.

Раскопками руководила красивая женщина с правильными славянскими чертами, археолог Наталья Германовна Недошивина. Копали курганы по кружкам: «славяне» взяли один курган, «скифы» — другой, «первобытники» — третий. Методика мне была уже известна. В центр насыпи забивался кол, по компасу определяли стороны света и, так как умерших на Руси хоронили головой на запад, чтобы они

могли «видеть» восход солнца, то сразу становилось ясно, где должна была находиться голова, а где ноги. К югу и северу от центрального кола на одной линии каждые 20 сантиметров вбивали колышки. Так обозначали центральную линию бровки. От нее отступали по обе стороны по 10 сантиметров и начинали снимать дерн, потом песчаную насыпь. На многих курганах росли молодые березки. Их было жалко уничтожать. Пришлось приложить немало усилий, чтобы их выкопать вместе с корневой системой и пересадить в другом месте.

Митяев, Стогов, я и еще двое взрослых молодых помощников стали снимать насыпь. Неожиданно блеснул кружочек белого металла, похожий на мелкую монетку. Но вот насыпь скрыта, и на расчищенном основании ясно видны очертания могильной ямы. Ее легко определить еще и по тому, что земля над погребением мягче, чем стенки ямы.

При нас зарисовывают профили бровки на миллиметровке, делают замеры высот. Затем бровку можно срывать и провести общую зачистку могильного пятна. Поскольку я был ростом меньше всех и щуплый, то мне доверили вынимать песок из самой ямы. Работал лопатой, потом совком. И неожиданно на глубине совок звякнул обо что-то металлическое. Меня попросили подняться наверх, и один из молодых помощников Недошивиной спустился в яму. Он стал взволнованно аккуратно разгрести песок и вдруг из-под песка появился сияющий блеск... лопаты. Это была моя лопата, которую я ранее отложил к стенке ямы, а потом о ней забыл и засыпал песком. То оказался мой первый прокол в методике раскопок. Разочарованию не было предела у всех, потому что в таких погребениях металлические находки исключение. А здесь нашлась одна, и та оказалась современной! Потом скелет зарисовали и изъяли для изучения. Яму засыпали.

Домой вернулся вечером. Устал, конечно, руки натер, но был счастлив. В прихожей присел на ящичек для обуви, стал снимать кеды. Руки были ватными, веки слипались.

- Много покойников нашел, археолог? — иронично спросил отец.
- Все мои! — ответил я ему радостно.

Археологическая экспедиция в Рязанскую Мещеру

На раскопки неолитической стоянки Черная Гора руководитель кружка Ирина Константиновна меня сначала не хотела брать. Уж очень «дохлым» я, перешедший в 10-й класс, казался в свои неполные 16 лет. Она сомневалась, но ребята ее уговаривали, поручившись за меня. И она сдалась. Цветкова назначила встречу с нашими родителями, мамами. Взяли нас с условием, что за питание (непонятно каких

еще работников) придется внести деньги. На эти средства в начале июня 1964 года троим кружковцам, Павлу Митяеву, Володе Стогову и мне, было поручено закупать продукты, с которыми тогда в «хрущевской» Москве, как и во всей стране, было весьма напряженно. Их продавали в ограниченном количестве. А если «выбрасывали» на прилавок, то сразу выстраивались очереди. Кстати, мой запасливый дед Глеб Борисович (и не только он, таких было много), переживший две войны, покупал впрок крупы, больше всего дешевый продел, и складывал их в мешочках в тахту, временами проверяя их сохранность. Но все равно не уберег: завелась какая-то парша. Часть продуктов потом пришлось выбросить.

Наша троица, перемещаясь от одного магазина к другому, закупала частями нужное количество круп и макаронных изделий. Повезло только один раз на Соколе, когда продавщица, узнав, что закупки делаются для экспедиции, сжалилась и, рассмотрев, явно ошибочно, в нас будущих великих ученых, по-тихому выдала 20 кг сахара. Данную тяжелую ношу коренастый Паша Митяев отнес единолично, взвалив ее на себя, не позволив ему помогать.

В экспедицию взяли и других школьников-кружковцев — Васю Огульчанского и Володю Терещенко. В ней должны были принять участие шестеро студентов-практикантов кафедры антропологии биофака МГУ. Мы пробыли на раскопках весь срок — с 18 июня по 30 июля, почти полтора месяца.

Это была моя первая в жизни настоящая археологическая экспедиция. Она впечаталась в мой мозг так основательно, что я долгое время помнил каждый день пребывания в ней. А потом даже начал писать о поездке что-то наподобие рассказа. Это было сделано правильно, поскольку спустя десятки лет память меня подвела. Многое забылось, зато все подробности оказались зафиксированы на листах, которые я нашел в куче записок тех лет.

Свой старт экспедиционная машина взяла рано солнечным теплым утром от дома в начале Волоколамского шоссе, в котором проживала Ирина Константиновна. Погрузили ее вещи, снаряжение. Цветкова села в кабину, а участники раскопок, пять школьников и шесть студентов-практикантов с биофака (трое девушек и трое молодых людей) и музейный лаборант, разместились в полузакрытом кузове.

К полудню машина достигла Рязани. Избегая шумных, многолюдных улиц и отдавая предпочтение пропыленным окраинам, она выбралась на шоссе, ведущее к Оке. Вдали, на фоне однообразных, серых, прижавшихся друг к другу домов, утопающих в зелени, виднелись главы соборов Рязанского Кремля.

Через понтонный мост, наведенный через реку, не так уж легко и перебраться. Машины ползут медленно, точно черепахи, из-за чего на въезде с двух сторон создается пробка. Колонны транспорта ожидают своей очереди.

Противоположный левый берег Оки низкий, песчаный. Он усеян загоревшими телами отдыхающих. Миновав понтонную переправу, машина уверенно взяла курс на Мещеру, находящуюся далеко впереди за туманной дымкой горизонта. Чем ближе Мещера, тем хуже дорога — большие выбоины, неровности. Асфальт кончается, ему на смену приходит булыжник, но местность с каждым метром становится живописнее. Лес и болота уже подступали вплотную с двух сторон. На обочине появляется щит с большими буквами: «Мещера. Заповедная зона».

Первым сидеть долго в полузакрытом кузове машины устал Володька Стогов. Он выглянул наружу и, ухватившись обеими руками за деревянный каркас будки, крытой брезентом, выпрямился в полный рост. Дурной пример оказался заразителен. Ему последовали Паша, Васька и я. Встречный солнечный, слегка прохладный ветер, пропитанный всеми ароматами Мещерской земли, ударил нам в лицо и растрепал волосы. Воздух был чистейший, вкусный, несопоставим с московским.

— Хорошо! — я вдохнул полной грудью.

— Цветами пахнет! — прокричал Стогов. Напор ветра сносил его слова. Володька машинально полез правой рукой в карман брюк за сигаретой, но, очередной раз вдохнув смачно аромат Мещеры, махнул рукой. Решил не менять его на запах сигареты. Мелькали болота и болотца, тонкие стволы корявых берез, одиноко возвышающиеся над зеленой трясиной, стройные ели на песчаных местах. Яркие цветы, голубое небо. Было все как у Есенина, родом из этих мест: «Топи да болота, синий плат небес...»

Машина неожиданно резко и опасно затормозила, левая дверь кабины распахнулась, и выскочивший водитель резво побежал назад по дороге. Затем он перепрыгнул через кювет и стал искать что-то под кустами.

— Какой богатырь! Я его на ходу заприметил! — шофер лет сорока с сияющим почти по-детски лицом держал высоко над головой массивную тушу подберезовика. Далее ехать без остановки пришлось недолго. Через несколько минут история повторилась, затем снова и снова. Водитель вошел в азарт от такого легкого способа сбора грибов. Всякий раз его грузная фигура в рабочей спецодежде с необычайной легкостью вылетала из кабины и исчезала в придорожных кустах. Мы, сидевшие в кузове, с нетерпением ждали, какой гриб принесет он теперь. Но его грибная охота стала нам надоедать.

На одном из поворотов шоссе Рязань — Касимов полуторка повернула налево, на узкую проселочную дорогу и, оставляя за собой шлейф серой песчаной пыли, урча и надрываясь, подпрыгивая на колдобинах, поползла к деревне Фомино. Время от времени, когда машина на мгновение останавливалась, густые облака всепроникающей пыли по инерции врывались в кузов, покрывая нашу одежду, наши лица, а также ящики и коробки с оборудованием и продуктами толстым слоем мельчайшего песка. Мы начинали чихать и кашлять, но никто не захотел оставшиеся 2–3 километра пройти пешком, о чем заранее предупредила нас Ирина Константиновна. Невольно вспомнилась шутка — «Все дороги хороши за границей... Московской области».

Наконец, возникшая деревенская улочка отсекала ядовитую пыль. Появились ряды домов, послышалось гоготание разбегающихся гусей, крик бегущих вслед за машиной деревенских пацанят. Долгожданная остановка. Приехали! Остановились у невысокого из штакетника забора, огораживавшего школьный двор и сад. Деревенская школа была одноэтажная, деревянная с небольшим крыльчком.

— Ну как? Все живы? — появилась Ирина Константиновна. — Все благополучно? Жить будем в этой школе. Сейчас никому никуда не расходиться, разгружать машину. Борис, вы старший.

Крепкого сложения музейный лаборант Борис в детской кепочке кивнул в знак согласия. Руководительница продолжила давать распоряжения:

— Девочки помогут отнести к крыльцу легкие вещи, остальное тяжелое вы, мужчины, отнесете сами. Школа пока закрыта. Я иду к директору за ключами. О нашем приезде ему писала. Ужин будет часа через два.

Помимо нас, пятерых школьников, скарб разгружали еще двое студентов биофака — Марченко и Эдик, взрослые ребята, отслужившие в армии. Когда проходила разгрузка, сбежалась деревенская детвора посмотреть на археологов, понаблюдать, как пустеет кузов и как гора из ящиков, чемоданов, рюкзаков вырастает у крыльца. Наиболее боевые начали помогать носить легкие вещи.

— Ну, что вы здесь не видели? Марш по домам! — прикрикнула на стоявших мальчишек проходившая мимо женщина с железной косой в руке. И уже, обращаясь к нам, поздоровалась, слегка опустив голову. — Здравствуйте вам!

Но ребята не ушли. И в этом была заслуга Володьки Терека, который в полуковбойском костюме со шляпой привлек их внимание. Ему только не хватало сапог со шпорами и лошади. А когда Терек достал из кобуры, висящей на ремне, блестящий новенький

револьвер-игрушку, копию настоящего, в школьном дворе, похоже, стало светлее от блеска десятка мальчишечьих глаз. После разгрузки Терек в окружении детворы стал рассказывать какую-то историю, явно самым выдуманную. Как потом оказалось, он сочинял фантастическую повесть о космонавтах, одним из героев которой был некий Крис. Мать через переписку отслеживала, чтобы Терек в день писал определенное количество строк.

Ирина Константиновна вернулась вскоре. Дверь открыли и внесли все имущество в начальную школу с простой планировкой. Вдоль одной стены шел длинный коридор, из которого двери вели в несколько классов. Экспедиционная команда заняла два смежных класса. Трем девушкам выделили дальнюю комнату, нам ближнюю.

Вечерело, надо было устраиваться на ночь. Для этого предстояло сходить за сеном или соломой для набивки в матрасники. Приехавшая из Рязани археолог Людмила Степанова, работавшая в Рязанской реставрационной мастерской, заместитель Цветковой, успела отыскать женщину, согласившуюся поделиться сеном. В школу возвращались с толстыми цилиндрическими, чудесно пахнущими матрасами. Певучий голос хозяйки:

— Мне нешто жалко. Берите сено, только верните.

Ужинали поздно. До этого мы успели сходить на реку Пру искупаться в торфянистой коричневой воде. Усталость после дороги быстро прошла.

Стол в школьном коридоре был сервирован в честь приезда: посредине три бутылки вина (это скорее для студентов и взрослых), чугунок с картошкой, консервы, колбаса, масло, хлеб. Пригласили водителя и Ольгу Ивановну — знакомую Ирины Константиновны по прежним экспедициям. Она недавно вернулась с работы, но успела сварить картошку для экспедиционного отряда. Когда ее пригласили к столу, то немного растерялась и первое время чувствовала себя скованно. Смотрела на нас добрыми материнскими глазами. Позже я узнал, что, несмотря на все трудности послевоенных лет, Ольга Ивановна вырастила двоих сыновей, оплакала погибшего мужа.

Первый тост был за приезд, потом за удачу археолога, за славную Ольгу Ивановну. На это гостья смущенно отмахнулась:

— Ну что вы...Что вы... — затем она, точно желая хоть чем-то отблагодарить всех присутствующих, скрестила на груди мозолистые натруженные руки, запела известную старую песню «Ой, полна, полна коробушка, есть и ситцы, и парча...». Потом перешла на более грустную «Ой, цветет калина в поле у ручья, парня молодого полюбила я...». По окончании повисла тишина. Володька Стогов, словно решив повесить

градус грусти, взял свою гитару и с потрясающим по глубине чувством исполнил казацкую об умирающем казаке, его верном коне:

В степи холодной умирал казак,
сраженный злобными врагами,
слова прощальные шептал
он ослабевшими губами.
Над ним склонился верный конь,
понику уныло головою,
своей окованной ногой
коснулся он груди героя:
— Вставай, казак, уж скоро ночь,
умчались наши сотни.
Над Доном солнышко зашло,
в степи холодной воют волки.
— Мой конь, мой верный вороной,
я не могу с земли подняться,
в моей груди горит огонь,
пришла пора с тобой прощаться.
Лети на родину мою —
в станицу под вишневым цветом.
Скажи, что голову свою
за тихий Дон сложил я честно.

Эта мелодичная песня меня восхитила и поразила. И не только меня. Ничего подобного я не слышал. Когда Стогов перестал петь, за столом воцарилась тишина. Слышно было, как за окном стрекочут кузнечики.

Когда мы вышли на крыльцо, перед тем как пойти спать, я спросил Володю:

— Откуда тебе известна эта песня?

— Эту песню поют на Дону. Мой дед родился там, а я несколько лет подряд ездил летом на его родину.

На туго набитых сеном матрацах цилиндрической формы без прищипки и из-за неудобства не спалось. Первое время мы с них скатывались, но уже через пару-тройку дней они «сдулись», став лепешкой, распластанной на деревянном полу.

В этот первый экспедиционный день все было в новинку. Я еще находился под впечатлением дня: перед глазами мелькала дорога, кузов полторки, лица участников экспедиции, застолье. К тому же спать мешали надоедливые комары, высасывавшие деликатесную, свежую кровь. Они налетели по нашей оплошности. Надо же было по городской привычке

проветривать перед сном комнату! Долго не мог уснуть и Васька Огульчанский. Он, как и я, слишком долго принаравливался по соседству к своему округлому матрацу, время от времени воюя с комарами. Но, искусанный местными вампирами, Вася пробурчал себе под нос в темноте:

— Народная поговорка говорит: «Ложусь на новом месте — приснись жених невесте». А здесь хоть бы сам черт приснился! Комарье проклятое!

Однако усталость все же взяла свое.

На следующее утро девочки-студентки приступили к генеральной уборке помещений. Все ребята, за исключением Павла Митяева и Бориса Фоломеева, которые по заданию Ирины Константиновны поехали в город Касимов за знакомой поварихой, пошли пешком в соседний колхоз за дровами. Та деревня находилась всего в трех километрах от Фомина, но колхоз был богаче, люди жили зажиточнее — на крыше почти каждого дома стояла телевизионная антенна. Председатель быстро достал машину, на которой мы поехали в лес. Он был словоохотливый и, когда проезжали около невзрачного болота, на которое никто из нас и не обратил бы внимания, заметил:

— Вот отсюда начинается тянуться болото почти до самой Рязани на десятки километров. А толщина торфяного слоя в некоторых местах достигает 30 метров. Скоро сюда проведут железнодорожную ветку, и добываемый торф пойдет на теплоэлектростанцию Шатуры. Здесь есть и дикие места, куда ни разу не ступала нога человека. Водятся медведи, рыси, лоси. Что ни говори, а край наш по природным ресурсам богатый. А сколько грибов и ягод!

До обеда пилили привезенные дрова, потом пошли купаться на Пру. Узкая тропинка на речку шла через картофельное поле. Рядом располагалось поле ржи. Справа вдали за гущей осоки чернел лес, слева к самому горизонту уходило другое поле с рожью. Тропинка вышла на приметный холм с землей черного цвета, во многих местах даже не задернованный. Это и была Черная Гора. Мы осмотрели холм, на котором виднелись следы прошлогдних раскопок, которые осуществляла Ирина Константиновна.

Стоянка каменного века располагалась на самом берегу озерного расширения реки на одной из дюн. Таких песчаных дюн на правобережье несколько, они тянутся цепочкой, а наша дюна расположена перед заросшими заболоченными протоками. В берег напротив стоянки перпендикулярно были врезаны многочисленные узкие канавы для ловли рыбы весной.

Практически весь берег оказался заболоченным. И только одно место рядом с горой было песчаное, подходящее для купания. Здесь же

стояли лодки странной вытянутой формы. У кромки воды было мелко. Пришлось пройти несколько метров, чтобы вода оказалась по грудь. Вода коричневого цвета. В ней плавают множество бурых тел — всякие корешочки, стебельки. Река Пра перерезает торфяники.

Стогов уплыл на середину реки, остальные, кроме студента Эдика, плавали у берега. Да еще Васька в длинных черных трусах стоял на отмели у самого берега и задорно звал студента Эдика, прозванного им почему-то Адамом:

— Адам, идем купаться! Что ты один сидишь? — и, зачерпнув руками воду, выплеснул на легкий спортивный костюм Эдика.

— Васька, перестань баловаться! У меня нет плавок.

— Тогда прокатимся на лодке, — не унимался Огульчанский. Он обратился за подмогой к местным мальчишкам, что сидели неподалеку на траве. — Ребята, чья это лодка? Дайте покататься!

— Это не лодка, а челнок, — ответил за всех самый старший мальчишка лет двенадцати. — Здесь, на Пре, лодок нет. На челноках по протокам удобнее плавать. Бери!

Действительно это был узкий длинный челнок, предназначенный для узких протоков. Он был сделан не из досок, а скреплен из трех массивных вырубленных из бревна частей: дна и двух боковин. Посудина была тяжелой, явно маломаневренной и имела заметную осадку на воде.

— Эдик, залезай! — пятнадцатилетний Васька бесцеремонно командовал студентом, отслужившим в армии. Эдик, явно от нечего делать, сел на нос челнока, который под тяжестью его тела заметно просел в воде. Васька после некоторых усилий оттолкнул челнок от берега и проворно вскочил в него. Было крайне подозрительно, что Огульчанский столь заботится об Эдике. Вскоре они оказались на середине реки. Затем Васька перестал грести. Стоя на корме с шестом в руках, смеясь, он заговорил:

— Понимаешь, Эдик, у нас в экспедиции такой закон, крестить в воде тех, кто приехал впервые, — это было откровенное вранье. Закон он выдумал сам, к тому же сам был «некрещеным». И с этими словами стал раскачивать челн.

— Васька! — возмутился Эдик. — Немедленно прекрати! Я же в одежде, — но карие «цыганские» глаза лишь с усмешкой смотрели на него.

— Ну, знаешь, это слишком! — Адам резко вскочил на ноги и яростно ринулся на Огульчанского. Челнок еще сильнее зашатался под парой ног и выбросил обоих в реку.

— На мне часы! — Эдик только сейчас, оказавшись в воде, вспомнил о них. Ожесточенно махая руками и ногами, он поплыл к берегу

в погоне за своим мучителем. Но Васька первым выбрался на берег, где длинные худые ноги унесли его с необыкновенной легкостью от преследователя.

После обеда Васька взял у хмурого Эдика часы и, успокаивая его, ободряюще сказал:

— Починим!

Вооружившись в качестве инструмента кухонным ножом, которым можно было пропороть насквозь медведя, и сидя на матрасе, он стал производить «мелкий ремонт» — извлекать из корпуса одну за другой детали. Через 20 минут часы были «готовы». На одной ладони лежал почти пустой корпус, на другой — горочка механизмов.

— Тяжелый случай! — нагло констатировал мастер с серьезным лицом, хотя глаза его озорно поблескивали. Васька был прирожденным актером, играл в школьном театре. — На, Эдик, неси их в мастерскую! — с этими словами он бросил в стенку главный «струмент» — нож. Доверчивому Эдику пришлось смириться.

Ближе к вечеру, когда мы затачивали лезвия лопат и шлифовали шкуркой черенки, из Касимова возвратились Борис Фоломеев с Пашей Митяевым. С ними приехали сухощавый высокого роста старик с седыми волосами, маленькой бородкой, морщинистым лицом и небольшого роста пышная женщина лет пятидесяти, с большим пучком волос на затылке. Встреча Ирины Константиновны с ними прошла бурно:

— Иван Александрович! Евдокия Дмитриевна! — она обнимала и целовала их, как родных и самых близких людей. — Устали? Благополучно доехали?

После того как нам представили краеведа, бывшего директора касимовского музея по фамилии Китайцев, открывшего несколько стоянок, и добродушную общительную повариху, Цветкова повела их в свою комнату.

Вечером два длинных стола в коридоре были накрыты клеенкой. Все за обе щеки уплетали необыкновенно вкусный ужин. Второй день экспедиции подошел к концу. Завтра начало раскопок.

Порядок в экспедиции с самого начала был заведен строгий. На следующее утро в 7 часов в нашу мальчишескую комнату раздался стук. Затем голос Ирины Константиновны бодро известил:

— Подъем!

Все открыли глаза, но никому первым вставать не хотелось. Сено в матрацах еще долго бы шуршало от ворочающихся тел, но поднялся Борис, бывший за старшего, и повторил команду.

На школьном дворе было солнечно, хотя воздух еще не успел прогреться. Во всем были признаки того, что деревня давно проснулась.

Нежный ветер доносил отдаленное рычание трактора и мычание коров. По двору разгуливали выпущенные на волю куры с важным предводителем — петухом.

Умывание чистой, холодной колодезной водой полностью прогнало сон. У ребят появился соблазн обрызгать девушек-студенток водой. Особенно пронзительно визжала Зина. Но она не сердилась, как Лена, только смеялась, показывая красивые белые зубы. Хохлушка Валя — та просто обиделась и начала злиться. Потому ее сразу оставили в покое — неженка.

В половине восьмого места за столами были заняты. Повариха Евдокия Дмитриевна начала раздавать дышащую паром кашу. Наполненные тарелки передавали на противоположный край стола. За первым завтраком выяснилось, что Огульчанский оказался любителем поспать. Он, не умываясь, позже всех сел за стол. Увидев его заспанное лицо, Ирина Константиновна спросила:

— Вася, ты умывался?

— Да-да-да! — как пулемет, бессовестно выпалил Огурец (за ним стало закрепляться данное прозвище). Соврал и даже не моргнул глазом, словно только что пришел со двора, вычерпав до дна колодца всю воду.

Завтрак прошел быстро, через 15 минут мы уже шли с лопатами по знакомой тропинке на берег реки. 8 часов утра. Черная Гора, место раскопа. Начало долгожданной работы. Ирина Константиновна объяснила, где будут проходить раскопки этим летом, а затем мы, все пятеро юных археологов — Павлик Митяев, Володя Стогов, Володя Терещенко, Вася Огульчанский и я, вооруженные линейкой, веревкой, под руководством начальника экспедиции с помощью деревянных колышков стали разбивать состоящую из двухметровых квадратов траншею перпендикулярно Пре.

Цветкова избрала метод раскопок траншеями, когда к одной траншее шириной 2 метра прирезается сбоку другая. Так поэтапно постепенно вскрывается значительная площадь. При этом культурный слой снимается зачистками с фиксацией находок через каждые 20 см.

Мне достался участок, точнее квадрат, по соседству с Митяевым и Стоговым. Начали снимать дерн. Томительная мечта стала явью. Следует ли говорить о том, с каким волнением и энтузиазмом я приступил к раскопкам? Я работал лопатой энергично, помня о том, что Ирина Константиновна не хотела брать меня в экспедицию. И потому не мог не оправдать ее доверие и доверие моих друзей, просивших за меня. Усталость и жара будут не в счет. Лучше умереть здесь на раскопе, чем потом получить упрёки со стороны начальника экспедиции.

Дерн снят, показался черный песок — культурный слой, кладезь всех будущих археологических находок. Мы начали снимать его методом зачистки — аккуратно тонкими слоями, выбирая находки и складывая их на борт траншеи на специально приготовленный лист бумаги. Просмотренный слой выбрасывался на край траншеи. Раскоп постепенно углублялся. Как заметила Ирина Константиновна, пока попадают мелкие фрагменты посуды поздняяковской археологической культуры бронзового века. Эту керамику оставили племена скотоводов и земледельцев, промышленявших рыболовством и охотой в середине 2-го тыс. до н. э. — начале 1-го тыс. до н. э. Они пришли сюда со степного юга.

Но стали попадаться и осколки глиняной посуды более ранней неолитической волосовской культуры с характерным орнаментом. Волосовцы занимались в основном рыболовством и охотой.

С каждым часом становилось жарче. Солнце уже безжалостно палило спины, не отличая школьников от студентов. По всему моему телу градом катился пот. В довершение ко всему над раскопом, подобно истребителям, стали носиться оводы, поочередно атакуя нас. Их укусы оказались весьма болезненные. Вслух свое несогласие с укусами стал активно высказывать Васька, но его нытье одним упреком заткнула руководитель экспедиции. Отмахнувшись в очередной раз от оводов, я провел ладонью по вспотевшему лбу. На руке появилась черная грязь.

Жара оказалась сильным противником. Она расслабляла тело, делала его ленивым, хотелось замедлить движение. Теперь в душе у каждого работающего возникало лишь одно предательское желание — найти что-нибудь. Тогда можно будет отложить лопату и, низко склонившись к прохладному черному слою, без особых усилий и затрат энергии, отдыхая, очищать ножичком и кисточкой найденный предмет.

Желание материализовалось неожиданно быстро. Лопата звякнула обо что-то твердое. Звон на миг повис в воздухе и тотчас же исчез. Я отложил лопату, выдернул нож из черной стенки раскопа — так делали все для удобства — и, встав на колени, начал медленно и аккуратно расчищать находку. Но меня ждало полное разочарование. Черепок небольшого размера с ладонь с множеством ямок. Я собрался было вынуть его и положить на бумагу, лежавшую на траве около квадрата, но подошедшая Ирина Константиновна предупредила:

— Володя, не торопись! Оставь черепок на месте и осторожно проведи ножом, нет ли поблизости других черепков.

Я аккуратно стал тыкать ножом в культурный слой. Последовавший вскоре глухой стук свидетельствовал о новой находке. Рядом еще и еще.

— Ну вот видишь. Спешить не следовало. А теперь расчисти все черепки. Возможно, они от одного сосуда.

— А Вы их будете зарисовывать?

— Если интересное, то сфотографируем. Расчищай!

Я продолжил орудовать ножом и кисточкой, и вскоре обнажилось множество крупных фрагментов, включая яйцевидное доньшко.

— А теперь зачисти лопатой слой вокруг черепков... Замечательно! Можно снять на пленку.

Щелкнул затвор фотоаппарата, и голова с волнистыми аккуратными волосами склонилась над бывшим сосудом:

— Нам повезло, — Ирина Константиновна взглянула на очищенное от земли донце, в нем изнутри спеклась какая-то жестковатая масса. — После раскопок, в Москве отнесем его на исследование в лабораторию. Узнаем, что они ели. Володя, а ты не скажешь, черепки какой культуры нашел?

— Рязанской. На них ямочный орнамент.

— Правильно. В дальнейшем мы будем находить костяные штампы, которыми наносился этот орнамент. А другие черепки, встречавшиеся в верхних слоях, к какой культуре относятся? — продолжала экзаменовывать Ирина Константиновна.

— Волосовской. Мы на занятиях кружка говорили, что волосовская керамика толстостенная, с примесью ракушек, плохо обожженная. На ней хорошо виден характерный гусеничный штамп.

— А почему одновременно встречаются волосовская и рязанская керамика, ты знаешь? Я раньше говорила, что волосовцы и рязанцы родственные, соседние племена. Ребята! Перерыв!

Все мгновенно побросали лопаты и бегом устремились к воде. Вода в реке лежала слоями. Верхний слой хорошо прогрелся, и в нем можно было долго плавать, не замерзая. Но стоило только нырнуть глубже, как все тело погружалось в холод, от которого невольно тянуло наверх. В течение десятиминутного перерыва мы успели в воде сыграть в салочки, да так, что взбаламутили ее, и верхний теплый слой перемешался с холодным нижним. Пришлось раньше времени выбежать на берег погреться на солнце.

Копали до двух часов дня, затем час еще купались. День прошел, а никто ничего, кроме черепков, не нашел. После обеда, во время которого все проявили необыкновенный аппетит, многих разморило. Наступил необъявленный мертвый час. Стоило только закрыть глаза, как появились черепки — большие, маленькие, но все с ямочным орнаментом. Они кружили в хороводе, выписывая замысловатые зигзаги. Когда я открыл глаза, то не мог вспомнить, снился ли мне сон или я просто провалился во тьму.

Вечером весь отряд пошел в клуб, находившийся всего в ста метрах от школы. Он представлял собой обширный старый деревянный дом, как нам сказали, ранее принадлежавший кулаку. Было видно, что лет так тридцать назад дом был поставлен на века Хозяином. Но время и бесхозяйственность взяли свое. Один угол покосился, бревна почернели, крыша в некоторых местах провалилась. Требовался капитальный ремонт.

— Не клуб, а драм-сарай! — дал ироничное определение постройке Васька.

На стене при входе висела афиша, написанная неумело от руки: «Барон Мюнхгаузен». На крыльце никого не было. По времени все должны быть в клубе. Мы пришли к началу сеанса, вошли внутрь и оказались в небольшой освещенной комнате с низким потолком. Кино не показывали. Стены были сплошь завешаны плакатами с лозунгами типа: «Выполним!», «Перевыполним!», «Посеем!» На тесно прислоненных друг к другу скамейках сидели зрители — бабы и мужики, только что вернувшиеся с работы. В первых рядах — босоногая детвора. Все без исключения щелкали семечки, бросая шелуху на пол. Разговаривали.

— Механик! Крути кино! — закричал один из зрителей.

— Фильму! — поддержал его другой.

— Ну, что кричите? — из будки киномеханика вышел молодой парнишка лет семнадцати. — Аппаратуру надо чинить!

— А у тебя «Украина»? — неожиданно спросил его Васька Огульчанский.

— Да.

— Могу помочь! — и Васька пошел вслед за механиком.

— Сейчас Вася нахимичит! — вырвалось у меня. И я увидел, словно наяву, результаты трудов Огурца — разобранный на части кинопроектор и унылое, но не безобидное, как у Эдика, лицо парнишки...

— Ты не прав! — вступился за Ваську Терек. — Васька занимается этим делом. «Украина» ему известна как пять пальцев.

В качестве доказательства терековских слов через несколько минут в зале погас свет и по экрану поплыли титры. Но ненадолго. Порвалась лента. Потом фильм неоднократно возобновлялся десятиминутными частями. Мы не смогли вынести такой пытки. И только барон Мюнхгаузен стал спускаться по лестнице с Луны, как мы встали и, стараясь не обращать внимания на торопивших нас зрителей, вышли на свежий воздух.

Стогов сбегал за гитарой, и с песней странного содержания «Пошел купаться Уверлей, оставив дома Доротею...» мы направились за деревенскую околицу, а оттуда на реку. На берегу озера уже в темноте развели костер, и сразу стало уютно. Стояла классическая летняя лунная

ночь. Возвращаться в помещения школы не было желания. Володя Стогов исполнил еще несколько своеобразных песен и все того же опостылевшего всем Уверлея.

— Ну, мальчишки, неужели не знаете другой песни? — не выдержала бойкая Зина, и обратилась к подругам Вале и Лене. — Девчата, споем нашу, студенческую. Ее поддержали звонкие голоса:

Мы встретились с тобою у фонтана,
Журчали по-весеннему ручьи,
В саду цвели задумчиво тюльпаны,
На землю падал бледный свет луны...

Затем последовали другие песни из студенческой обоймы. Особо лихо звучала песня «Я московский студент» на мотив «Я люблю тебя, жизнь!»:

Я — московский студент,
Что само по себе и не ново.
В настоящий момент
Это самое модное слово.
Век живи — век учись,
Попивая чаек с маргарином.
Так проходит вся жизнь,
Остаешься дубина дубиной!
    Как нам мало дано —
    Три бумажки в четыре недели.
Я их пропил давно,
И душа еле держится в теле.
В звоне каждого дня
Не дает мне желудок покоя.
Денег нет у меня.
Жизнь, ты знаешь, что это такое.

Как поют соловьи,
Полумрак, поцелуй на рассвете.
От порывов любви
Как грибы, появляются дети.
Вот уж вечер настал,
Я калымить иду на вокзалы.
Будут деньги и вновь
Все опять повторится сначала.

Потом была песня «Эмигранты», «Нас качало с тобой, качало», шуточная песня под названием «Чашниковский гимн» под рок-н-ролл:

Когда меня водили по садику гулять,
В куличики играть, воздухом дышать.
Игрался я игрался, игрался я,
Как вдруг в штанишки пи-пи-пи-па-бри-я,
Вдруг вижу по дорожке
Две маленькие ножки
В нейлоновых чулочках
Топ-топ-топ.
Поднял повыше голову,
Фигурка, что за диво!
И волосы, как золото,
И губы, как малина.
Глаза, как у Мадонны
С картины Эрмитажа.
Я бросился в песок
И бросил соску даже.
Что мне делать? Один мне лет!
Я только что увидел белый свет!
И тут же с горя я, друзья
В штаны пи-пи-пи-па-бри-я.

Вернулись в два часа ночи.

Следующий экспедиционный день начался с традиционных находок. Те же черепки, обломки кремневых изделий. Все, включая студенток-антропологов, зачищали лопатами слой, квадраты постепенно углублялись. Даже Иван Александрович Китайцев в своей соломенной шляпе, несмотря на почтенный возраст, ходил в жару с маленькой лопаточкой и зачищал стенки траншеи, время от времени просматривая землю в отвале — не пропущена ли находка.

— Ребята, нам нужно погребение! — произнесла, как заклинание, Ирина Константиновна. Ее можно было понять. Пригласила в экспедицию студентов-антропологов, которых необходимо было обеспечить профессиональной работой. Но погребения не было. А до этого, в предыдущем году, на Черной Горе было найдено восемь погребений!

Наконец, погребение под № 12 (по общей единой нумерации) было выявлено на глубине 0,7 м от поверхности. Но оно оказалось сильно разрушено. Разрозненно лежали кости таза, несколько нижних позвонков. Зато пошли находки, в основном кремневые пластины и отщепы, керамика.

А у меня шли одни черепки рязанской культуры. Один фрагмент древнего горшка с ямочками удивил своим большим размером. К тому же он был слегка изогнутым. Захотелось определить его диаметр.

Я поставил его вертикально и, приложив к земле, обвел по внешнему краю палочкой. Обозначилась дуга — часть окружности, которую можно измерить, если ее продолжить. Перемещая черепок по дуге, получил полный круг. Вот так сосудище — в диаметре около 50 сантиметров! Данный способ определения диаметра по фрагменту я увидел в одном документальном фильме про саперов, которые по обломку снаряда определяли его размер.

На черепках встречались отпечатки пальцев. В одной книжке вычитал, что, когда стали их изучать, то выяснилось, что все они женские. То есть сосуды в неолите лепили женщины. Сосуды берегли. Не об этом ли говорит просверленная дырочка рядом с краем другого черепка? Трещину могли скрепить.

Потекли рабочие будни. Мы достаточно быстро адаптировались к неудобствам экспедиционной жизни. Сено уплотнилось, превратившись в тонкую полоску. По сути я стал спать на полу. Ворочаясь на неудобном матрасе перед сном, я сказал в сердцах, что неудобно спать. На что Павлик в темноте возразил:

— Неудобно на потолке спать: одеяло спадывает! — и добавил: — Теперь можно говорить, что в экспедиции мы начали половую жизнь — спать на полу.

Наше белье быстро пачкалось, но проблема стирки была решена не сразу. Борис Фоломеев предложил складывать грязное белье в угол при входе в большую коробку, чтобы потом все одновременно организовано простирать. Это пришлось нам по душе, и все потихоньку стали подбрасывать в угол свое бельешко, включая грязные носки. Коробка постепенно заполнялась. Дней через пять девушки-антропологи, проходя в свою комнату, стали морщить свои носики и говорить:

— И чем это у вас здесь пахнет?

Мы, естественно, отвечали, что ничем, поскольку принюхались. А когда на следующий день гребанули кучу, то, как говорилось в одной юмореске: «Сел дед на завалинку, понюхал свою портянку и аж заколдовался!» Потом каждый стирал свое белье уже индивидуально в речке.

Я так старался на раскопках, что вскоре получил от студентов прозвище «Бульдозер». Потел сильно, из-за чего однажды случился казус. Мимо раскопа по реке Пре время от времени проплывали байдарки. Туристы обычно не останавливались, но один раз группа вышла на берег. Мы подумали, что их заинтересовали сами раскопки, однако они направились сразу ко мне. Кто-то из них разочарованно произнес: «А мы подумали, что это негр!» Оказывается, сухой культурный слой Черной Горы под порывами ветра столь активно слетал с передвигаемого

от края раскопа отвала, обильно прилипая к моей мокрой спине, что спина почернела.

Антропологам работа стала находиться. Всего в тот сезон было обнаружено семь захоронений бронзового века и неолита разной сохранности. Они залегали на разной глубине, даже на отметке 2,5 метров от поверхности. Погребенные лежали на спине, чаще скорченно на боку. Одно из первых захоронений на стоянке нашел Стогов.

— Ирина Константиновна! — как-то раз рядом со мною раздался взволнованный голос Володьки. — Погребение!

И сразу в раскопе возникло оживление. Все бросили свою работу и устремились к Стогову. Он сидел на корточках, низко склонив голову, и, старательно работая кисточкой с ножом, очищал височную часть темного черепа. Показалась надбровная дуга.

— Замечательно! — Ирина Константиновна наклонилась, внимательно разглядывая череп. — Хорошо сохранился! Ноги, судя по положению черепа, находятся в той стороне, — она очертила участок захоронения. — Антропологи! Теперь принимайтесь за дело! Володя, как виновник торжества, будет работать с вами.

К остальным начальник экспедиции обратилась с просьбой:

— Ребята! Ребята! Не толпитесь. Идите работать по своим местам. Пока что не на что смотреть.

Черная Гора в течение всех дней экспедиции радовала нас обильными и разнообразными находками. Копать было интересно, порой азартно. Преобладал кремневый инвентарь. Большинство орудий охотников и рыболовов было изготовлено из отщепов. Это были наконечники стрел, дротиков, скрепки, которыми обрабатывали кожу, ножи, сверла. Встречались нуклеусы, от которых отщепляли пластины. Из камня были сделаны также полированные долота, ими могли долбить стволы деревьев при изготовлении лодок.

Прекрасно сохранившиеся изделия из кости поражали разнообразием: подвески из пластин с дырочками, подвески из клыков и резцов кабана, медведя. Находили также костяные игловидные наконечники стрел, гарпуны с зубцами, гребни, шилья, кочедыки для плетения из лыка. Из кости были сделаны скульптурки: одна в виде птицы с длинным тонким клювом и длинной шеей, вторая птичка со слегка загнутым внутрь клювом, третья в виде головы змеи (или рукоятка с прорезью для вставки орудия). Костяной зубчатый штамп предназначался для нанесения орнамента на поверхности сосудов.

Уникальные находки — музыкальные инструменты. Первую флейту длиной 19 сантиметров нашел Вася Огульчанский. Она была выполнена из полый кости, имела четыре круглых отверстия в средней части,

а по краям — многочисленные насечки. Повезло и мне. Уже следующая флейта, более короткая, длиной 10 см, была найдена мною. Она имела также четыре дырочки и насечки по краю. Не запомнил, кто нашел манок для приманивания птиц — из поллой кости длиной 9 сантиметров с единственным отверстием. Позже одну флейту поместили в экспозиции ГИМ, а другую направили в музыкальный музей. Изогнутый рог лося кто-то в шутку назвал бумерангом. Но скорее всего, это была мотыжка для выкапывания растений. Потом в одной из центральных газет появилась маленькая заметка «Бумеранг с Черной Горы». Данную заметку я случайно увидел уже в Москве на газетном стенде по дороге в булочную. Чтобы тайком ее вырезать, пришлось предпринять целую операцию.

Между тем жизнь в экспедиции текла своим чередом. Вечером все куда-то разбрелись. Я иногда зарисовывал по своей инициативе кремневые предметы, найденные на берегу реки, в воде, читал из школьной программы А. П. Чехова. Володя Терещенко, или Терек, в заветной тетрадке писал фантастическую повесть о космосе. Это он должен был делать регулярно, так как из Москвы он получал регулярно письма, в которых мать требовала отчета, сколько он написал. Правда, за все время Терек так никому и не дал почитать свое произведение.

Задорный тон экспедиции задавали студенты-антропологи, проводя часто вечерние спевки. В Москву я даже привез тетрадку с песнями — фольклор тех лет. Заводилой компании являлся Марченко, бывший моряк. Он лихо играл на гитаре, но мог выступить как инициатор рискованных предприятий. Один раз по его инициативе мы вечером с песнями катались на реке Пре в челноке, который был загружен всеми участниками экспедиции «под завязку». До края бортов оставался буквально один сантиметр, но пронесло. Другой раз он предложил поздним вечером прогуляться в соседний колхоз на ферму попить молока. По дороге, проходя мимо поля, немного пощипали гороховые стручки. Когда пришли на ферму, было уже темно, там никого не оказалось. Предусмотрительный Марченко включил фонарик, луч которого поблуждал по стенам, потом осветил стоявшие у окна большие бидоны. Только в одном из них оказалось молоко.

— Двое держат бидон, третий оттягивает ремень, — шутливо скомандовал Марченко.

Первый приказ был исполнен: Эдик и Борис Фоломеев держали, чуть наклонив, бидон. Володя Стогов сделал несколько глотков. Паша Митяев стоял в стороне и ждал своей очереди. Посчитав, что так пить неудобно, он стал искать иную тару, поменьше. Его внимание привлекли две небольшие, полные чистого молока банки, стоявшие на полу. Не задумываясь, Павел быстро опорожнил их. И только поставил банки

на место, как откуда-то появился небольшой пушистый белый котенок. Он замыкал грустно-прегрустно и так жалобно взглянул на коренастую фигуру Митяева, что Стогов, сдерживая смех, чуть не закричал на весь коровник:

— Митяй молоко, оставленное котенку, выпил!

Молоко оказалось вкусным. Перед пробудившейся совестью я оправдывался, что не так уж много молока позаимствовали, а до утра оно бы все равно прокисло.

Полтора экспедиционных месяца пролетели незаметно. В общей сложности было вскрыто 250 квадратных метров памятника. Поселение древних рыболовов и охотников подарило нам незабываемые находки рязанской, волосовской и поздняяковской археологических культур. Черный слой, достигавший местами 2,5 метров толщины, содержал многочисленные предметы древнего быта. Мы научились распознавать изделия из камня: наконечники стрел, дротиков, скребки, полированные тесла, желобчатые долота, нуклеусы, ножевидные пластины. Неплохо сохранились костяные предметы — гарпуны, наконечники стрел, гребни, шилья, кочедыки, штампик для нанесения на глиняные сосуды орнамента, привески из зубов животных с округлыми просверленными отверстиями. Обрадовали всех две искусные костяные скульптурки. Одна изображала водоплавающую птицу с длинной шеей и длинным тонким клювом. Вторая была в виде головы птицы с загнутым клювом. Иногда после работы я с любовью делал в блокноте зарисовки кремневых орудий и фрагментов керамики. В голове с трудом укладывалось, что после того, как эти предметы последний раз в руках держал человек, прошли тысячелетия! Студенты-антропологи расчистили семь древних захоронений.

29 июля — последний рабочий день. Докапывались и консервировались квадраты, зарисовывался профиль последней траншеи. 30 июля весь день ушел на сборы. Пакуются находки. По углам ящиков с находками ребята прибивают металлические скобы. Вечером прощальный ужин с румяной картошкой, затем костер с песнями на реке Пре.

А песен было много, среди них шуточные. Всем нравился лихой «Трамвай», исполнявшийся в темпе, почти скороговоркой, как мчащийся вагон:

Когда войдешь в трамвай,
Ты рта не разевай
И шарить по карманам не давай.
Ты деньги доставай, вперед передавай.
Ведь это же в конце концов трамвай!

А если твой сосед зажулил твой билет,
То хамом ты его не называй.
Ты снова доставай, вперед передавай —
Ведь это же в конце концов трамвай!

А если выходить, то не забудь спросить,
Выходит ли вперед тебя народ.
Руками ты толкай, ногами помогай,
Ведь это же в конце концов трамвай!

Конечно, исполняли и археологическую песню:

Над раскопом спустился вечер,
Археолог, пора кончать,
Спи спокойно, луна и ветер
Будут город твой охранять.
    Может быть, он проснется ночью,
    Жизнь былая в нем закипит,
    Над землянкой дымок завьется,
    Песня чуждая зазвучит.

Кто из нас не мечтал в семнадцать
О великих, больших делах,
Маяках, что во тьме светятся,
О таинственных островах.
    А теперь вот для нас курганы,
    Катакомбы и города,
    Как бескрайние океаны,
    Как неведомая земля.

Будешь долго бродить по свету,
Будешь долго тропой идти,
Чтоб землянку в песках заметить,
Городище в лесу найти.
    Будет труден твой путь и долог,
    Может, станешь совсем седым.
    Ну, а если ты — археолог,
    Будь и в старости молодым.

Впечатлил всех Паша Митяев, который в каком-то неистовом первобытном экстазе орал, а не пел любимую экспедиционную песню о жизни дикаря — гимн нашей Черногорской экспедиции:

Помнишь мезолитскую культуру.
У костра сидели мы с тобой.
Ты на мне разодранную шкуру
Зашивала каменной иглой.

Я сидел невытый и небритый,
Нечленораздельно бормотал.
В эту ночь топор из неолита.
Я на хобот мамонта сменял.
Ты иглой орудовала рьяно,
Не сводя с меня косматых век.
Ты была уже не обезьяна,
Но, увы, еще не человек.
И ночами снятся мне недаром
Уголок базальтовой скалы,
Тронутые ласковым загаром
Ноги волосатые твои.

Собравшиеся кружком возле костра «соплеменники» Павла после первой и третьей строк песни дружно вытягивали шеи, обращая взоры к звездам, дружно оглашали окрестности страшными вурдалакскими воплями — «У-а-а». Сидевшие у костра дружно подхватывали припев после каждого куплета:

Жрать захочешь — придешь
И пещеру найдешь,
Хобот мамонта вместе сжуем.
Наши зубы остры,
Не погаснут костры,
Мы в пещере с тобой проживем.

Вернулись в школу поздно, но спать совершенно не хотелось. Рассвет встречали на берегу притихшей реки, наблюдая, как «выткнулся над озером алый свет зари»...

В Москву мы возвращались на полузакрытой машине с надписью на бортах «Продукты» и с изображениями пары консервных банок с глазами и ушами, с ложками в руках.

Не доезжая до Рязани, сделали двухчасовую остановку в Солотче, небольшом пропахшем сосновым воздухом и лесными травами курортном местечке Мещеры. Прямо у дороги располагались стены древнего монастыря, около которых восседала на рюкзаках группа туристов, а неподалеку на скамеечках в легких пижамах сидели отдыхающие из санатория. Одни ожидали автобус, вторые просто вышли на дорогу — видно, монастырская отчужденность санатория им наскучила.

Наша продуктовая машина, сделав небольшой полукруг, встала возле стен бывшей обители. Со стороны могло показаться, что привезенный товар предназначен для ее обитателей.

— Приехали! Вылезай!

Задние дверцы распахнулись, и из кузова стали выпрыгивать «продукты»: Митяй, Стог, Борис, Зина, Валентина... Ворота были слегка приоткрыты, и почему-то казалось, что, если постучать в них, то выйдет навстречу седой почтенный старец. Впрочем, откуда ему было взяться, если висела табличка «Филиал рязанского краеведческого музея». Чистая, посыпанная песком дорожка вела к двум храмам, стоявшим как-то одиноко на монастырском дворе среди редких деревьев. Неподалеку расположились корпуса. Главный собор был весь в строительных лесах.

Мы подошли к зданию из красного кирпича, частично разрушенному временем и людьми. Всюду виднелись следы восстановительных работ — горы мусора, битого и целого кирпича. Рабочие ушли на обед со строительной площадки явно недавно. Об этом говорил еще не успевший засохнуть цементный раствор в ящике, свежая мокрая кирпичная кладка. Оставив всех в тени дерева, Ирина Константиновна направилась искать гида — давнюю знакомую, руководителя восстановительных работ. Было жарко, и все были бы не прочь искупаться в реке Солотче, протекавшей под обрывом.

Архитектор-реставратор Елизавета Михайловна Караваева предстала перед археологами в мужской рубашке с короткими рукавами, легких черных шароварах и туфельках на маленьких каблуках. Эта рабочая одежда ей явно не шла. Ее лицо с курносым носиком мне сначала даже показалось несимпатичным. Но вот она, поздоровавшись, начала увлеченно рассказывать о своей работе, и сразу в ней все преобразилось, в глазах забегали лучистые искринки. Все ее существо оказалось проникнуто какой-то буйной, неукротимой энергией и заражающей слушателей любовью к своему делу. Это была страсть к древней архитектуре, подобная той, которая овладела мною к археологии. И частица ее страсти к зодчеству стала потихоньку проникать и в мою душу.

Нам даже не пришлось стоять на месте, разве что только первые минуты экскурсии, а остальное время мы едва успевали за ней. Долго лазили по зданию трапезной, каким-то коридорам. Впереди всегда энергично шла она, легко преодолевая нагромождения из кирпичей, поднимаясь по крутым лестницам. Ее рассказ был живым, привлекающим внимание:

— Вот на этом месте стоял большой котел. В нем монахи варили пиво. Вход сюда шел вон через тот проход. Как видите, монахи неплохо устроились...

Потом мы оказались на крыше. Караваева, махнув рукой в сторону колокольни, укутанной строительными лесами, с задором провокационно произнесла:

— Ну, кто смелый, вперед! Можете подняться по лесам на самый верх, — затем добавила: — Не бойтесь, леса надежные. Я туда каждый день поднимаюсь, работу проверяю. Видите, там работает паренек, — и указала на крохотную фигурку на самой верхотуре у креста.

Первым шел наверх длинноногий Васька Огульчанский. За ним цепочкой остальные, поднимаясь все выше и выше. Крыша трапезной, на которой мы первоначально располагались, уходила медленно вниз, лента реки, извивающаяся далеко внизу под обрывом за монастырем, становилась все уже. Ирина Константиновна и Елизавета Михайловна, стоявшие внизу, на земле, уменьшались до размеров лилипутов. Они задрали головы, поднеся к глазам ладони. Мы помахали им с высоты.

С каждым шагом ближе цель, и все сильнее удары сердца. Все ближе небо. Даже страшно становится взглянуть вверх на облака. Кажется, еще одно мгновение, и оно упадет на тебя, протаранит своей громадой кудлатых воздушных айсбергов. Слегка кружится голова, словно в нее ударил хмель монастырского пива. Но одновременно душа наполняется восторгом при виде открывающегося необъятного простора цветных окских лугов, утопающих в потоках солнечного света.

На самом верху нас с некоторым превосходством во взгляде встретил парень. В его глазах читалась гордость.

— Ты откуда такой здесь взялся? — нагло обратился к нему Васька.

— Местный. Окончил училище. Теперь здесь работаю, — он невозмутимо продолжал возиться с крестом. А за ним за дощатой, кажущейся невероятно хрупкой оградой, были метры и метры высоты, страшной высоты.

— Вась, смотри, какой чудный вид! Сфотографируй его! — попросил я Огульчанского.

Васька, повинувшись просьбе, отстегнул крышку кожаного футляра фотоаппарата и с серьезным лицом стал что-то крутить, нажимать. Потом заявил, не мигая своими хитрыми карими глазами:

— Пленка кончилась! — и снова застегнул фотоаппарат.

— Эх, Вася, Вася! Да за такие шутки раньше сбрасывали отсюда вниз головой, — разочарованно произнес я. — Жаль! Вид изумительный!

В Москву приехали ранним вечером. Как только машина приблизилась к Манежной площади, по договоренности грянул экспедиционный гимн «Помнишь мезолитскую культуру!». Пели-кричали все, войдя в раж. Это была наша прощальная песня, исполненная в последний раз в таком составе. Жаль, что нельзя было оценить реакцию прохожих на странные слова о каменном топоре из неолита и хоботе мамонта, раздающиеся в самом центре Москвы рядом с Кремлем из машины с надписью «Продукты».

Растерялся и милиционер, дежуривший в Историческом проезде, поэтому он не сразу поспешил к остановившейся машине у здания музея. Но недоразумение разъяснилось. Захлопали двери служебного входа в ГИМ, в которую стали вносить один за другим ящики с находками с Черной Горы. Спустя полчаса собрались на крыльце проститься. Ирина Константиновна обратилась ко всем сразу:

— До свидания, ребята! Спасибо вам за отличную работу. Приходите в музей, обязательно приходите!

Ей помогли сесть в такси, затем отправили домой всех девчонок, а после стали ждать своей очереди. Такси до Сокола остановили Митяев со Стоговым, там проживавшие. Прихватили заодно и меня. По дороге обменивались с водителем свежими впечатлениями об экспедиции, Мещере.

— Мне сегодня везет, — говорил словоохотливый таксист. — Утром отвозил геологов, вернувшихся с севера. Сейчас, вечером, везу археологов. От того, что наслушаешься, тянет странствовать. Да годы не те...

Это было мое первое в жизни длительное, сорокадневное самостоятельное отсутствие в Москве. Было радостно видеть вечернюю столицу. Все казалось приветливым, добрым, симпатичным. Первое, что я сделал, только переступив порог и поздоровавшись с родителями, — направился в ванную отмываться:

— Не спрашивайте! Все позже. Теперь в баню! Все лето мылись только в речке.

Я мылся в ванне с наслаждением, три раза меняя воду. Отец в шутку спросил:

— Ты что же, всю черную грязь с Черной Горы привез домой?

А когда вышел чистым, распаренным, в гладко выутюженной, а не мятой рубашке, вольно вздохнул:

— Вот теперь верю, что я действительно у себя дома!

Потом рассказывал о ребятах, раскопках, находках, Мещере. Засыпая, слышал, как мама говорила шепотом отцу в соседней комнате:

— А Вовка наш возмужал, вроде даже и подрос.

Сразу после экспедиции мы с Павликом Митяевым успели посетить VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, который проходил 3 по 10 августа в Москве на Ленинских горах. Была проблема попасть в центральное здание МГУ. Выход нашел Павлик. Он предложил взять с собой пропуска родителей. Это действительно сработало, потому что при входе шли толпы и уставшие вахтеры не обращали внимания на то, что им предъявляют. Мы таким образом прошмыгнули. Как меня-то могли принять за студента?

Начитавшись книг Тура Хейердала «Путешествие на «Кон-Тики»», «Аку-Аку», мы захотели увидеть знаменитого норвежского

путешественника. У Павлика было желание взять у него автограф. (Автографы Митяев собирал у археологов при первой возможности.) Но произошла накладка. В фойе Тур появился столь внезапно, что Паша растерялся и, не найдя бумаги, сунул ему чуть ли не в лицо красный пропуск в развернутом виде с круглой печатью. Хейердал сначала не понял в чем дело, лицо его изумленно вытянулось. А что он мог подумать при виде советского красного пропуска с большой печатью? Но после невнятных жестов Митяева Хейердал рассмеялся и отрицательно замахал руками. На конгрессе мы посмотрели несколько документальных фильмов о племенах Африки.

Душой завладела археология

В 10-м классе после экспедиции у меня был душевный подъем. Я еще долго переживал про себя дни раскопок. Меня даже попросили в младших классах рассказать об экспедиции. Усиленно готовился по истории, литературе, много читал. Одолеl «Тихий Дон» Шолохова и был поражен обилием в романе текстов казачьих песен. Я их не читал, а пел про себя, так как знал мотив большинства из них, услышанных от Володи Стогова. Роман был воспринят мною как сборник песен донских казаков.

Осенью 1964 года, в 16 лет, я получил паспорт. На него сфотографировался в простой куртке. Паспорт вручили с вкладышем-прокламацией — высокопарными назидательными наставлениями, не воспринимавшимися серьезно — «Иди твердо по пути к коммунизму!», «Всегда откликайся на зов партии!» и др. Так примитивно и навязчиво осуществлялось патриотическое воспитание. Меня все эти лозунги не волновали. Их и не воспринимали серьезно. Душой завладела археология.

Однажды, когда в очередной раз всплыла космическая тема, я вполне по-юношески горячо и серьезно подумал, а почему бы археологам не побывать на Марсе и не поискать там следы исчезнувшей цивилизации, которая могла существовать на планете. Наивные примитивные строки сложились сами собой. Это был мой первый «стиш»:

Больших успехов достигла
Космическая биология,
Но я никак не постигну,
а как же археология?
Неужели археолог не нужен
В тех далеких-предельных мирах.
Наш союз археологов дружен
Во всех наших земных делах.

Про себя я был горд, полагая, что написал шедевр. С некоторым сомнением решил показать сестре:

— Прочти! — повернулся и, не в силах сдержать волнение, ушел на кухню.

Через минуту вернулся. Алька стояла на прежнем месте у стола и читала уже не первый раз.

— Сам написал?

— Сам!

— Обманываешь, наверное! — и презрительно посмотрела на меня.

Я вскипел:

— Не веришь, и не надо! — вырвал у нее из рук заветный листок. Я ей частицу своего, можно сказать, самого дорогого, а она... Настроение было испорчено.

Мы стали выписывать журнал «Наука и жизнь», подписку на который было трудно оформить. В № 4 за 1965 год в нем вышла разгромная статья академика Н. Н. Семенова о Т. Д. Лысенко «Наука не терпит субъективизма», в которой были изложены основные догматы честной науки, которым не соответствовала школа Лысенко. Это был прогресс. Ранее наша ботаничка не стала вести занятие по параграфу, в котором излагалась концепция этого знаменитого академика, а тем более опрашивать. Она только тактично просила ознакомиться с текстом.

Наметившийся поворот к генетике неожиданным образом коснулся меня с Павликом Митяевым. После зимних каникул 1965 года нас пригласила в Государственный исторический музей помощница Цветковой Людмила Степанова, которая была и на Черной Горе и стала музейным сотрудником. Она готовила кандидатскую диссертацию по рязанскому неолиту. Вместе мы спустились в подвальное помещение и, пройдя по лабиринтам коридоров, очутились у железной двери, на которой висел замок. Открыв дверь, Люда первая шагнула в привычную для нее темноту и на ощупь нашла выключатель. Вспыхнувший свет озарил продолговатое низкое помещение со столом в центре. В подвале отсутствовала вентиляция, было душно, пыльно. На столе лежали фрагменты неолитических сосудов, кремневые орудия, толстые книги в кожаных переплетах. Вдоль стен были установлены стеллажи с выдвигаемыми ящичками, в которых хранились находки археологических экспедиций. Еще здесь были два книжных шкафа с археологической литературой. На них я в первую очередь и обратил внимание.

— Присаживайтесь, — обратилась Людмила к нам, — поговорим. Рассказывайте, как провели каникулы. Володя, где ты был?

— Был на двух лекциях в музее с Павликом, перечитал Тура Хейердала, ходил в театр Маяковского смотреть пьесу Шатрова

«Современные ребята». В общем-то неплохая пьеса о нашей молодежи, правдивая. Каникулы прошли незаметно.

— А ты, Павлик?

— Смотрел пьесу о заключенных. Отличный спектакль. Я до сих пор под впечатлением. Занимался немного английским, историей. До экзаменов осталось недолго.

— Мальчики! Мальчики! — начала неожиданно Людмила. — Неужели вы не выкинете из голов идею стать археологом?! Сколько раз я вам говорила о бесперспективности этой профессии. Окончите вы МГУ и станете учителями средней школы. Ведь так трудно найти работу по специальности. Будете вы получать 70 рублей, как я, если устроитесь по специальности в музей. Разве это деньги для мужчины, а у вас будут семьи. Забудьте об археологии. Есть же другие науки — физика, математика, поступайте в технический институт, станете инженерами. Есть также возможность специализироваться в области генетики...

— Это после того, как Лысенко дали по шапке? — спросил я.

— Да, после этого! Сейчас генетика начнет развиваться почти с азов. Идите на биофак МГУ, специализируйтесь в этой науке. По окончании вы легко устроитесь в научно-исследовательском институте...

— Я так не могу! — прервал Павлик. — Бросить одно, начать другое. А потом археология — это замечательная наука, лучше ее нет.

— И я не могу! — поддержал я друга. — Даже не могу представить, как вообще можно жить без археологии.

Люда поняла, что разговор бесполезный. Она указала на черепки:

— Всю жизнь и будете заниматься черепками...

Не надо было Людмиле вести разговор на эту тему. Нас с Павликом уже нельзя было остановить. Хотя у меня в душе временами и возникали тревожные сомнения, идти на истфак или нет. Но если не на истфак, то куда? И ответ был один — НЕКУДА! Отнять у меня археологию — все равно что отнять жизнь.

Настроение после проработки Людмилы испортилось. Надоели все советчики. Если говорить о материальной части, в крайнем случае, могу подрабатывать, преподавать историю в вечерней школе помимо основной работы. Маме я говорил, повышая голос, что я уже не маленький и мне самому выбирать дорогу. А однажды даже съязвил знакомым:

— А деньги мне не будут нужны. Разве вы не слышали, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»? — и те не нашлись, что ответить.

Скорее всего, под влиянием книг по археологии мне захотелось писать так же увлекательно, рассказывать о научных открытиях. При

чтении книги «Что такое археология» А. С. Амальрика и А. Л. Монгайт меня поразило то, что открытие палеолитической живописи сделала маленькая девочка. Отец-археолог взял ее с собой на обследование пещеры Альтамира во Франции, посадил на шею и вручил факел для освещения пути. Он смотрел под ноги, чтобы не упасть, а она сверху увидела на стенах высветленные рисунки. Я настолько реально представил всю эту картину произошедшего, что она сама запросилась на бумагу.

После книги «Борьба за огонь» Рони-Старшего даже начал писать некую повесть о каменном веке. Временами возникали какие-то видения из жизни людей неолита. Появились даже действующие лица с вымышленными именами. Смешно читать выцветшие от времени строки, написанные карандашом после первой экспедиции: «Снег выпал рано, его не ожидали. Озера покрылись ледяной пленкой. Через день лед был настолько крепок, что свободно выдерживал человека. Кутаясь в шкуры убитых зверей, люди сидели в землянке у костра. Дым от него наполнил все жилище. В освещенной темноте часто раздавался надрывный кашель, дым ел глаза, текли слезы. Но выбраться из укрытия никто не хотел, боясь страшного мороза. Все же надо было идти на охоту, пошли молодые. Старики и дети продолжали сидеть у костра, поддерживая его; каждый знал свое дело.

— Снова треснул горшок! — ворчала старая Хора. — Снова чинить придется! — и она просверлила кремневым сверлом дырочки по краям трещины и стянула ее жилой. — Вот теперь горшок прослужит еще одну зиму».

Мы по-прежнему посещали археологический кружок Ирины Константиновны Цветковой. Я даже сделал доклад по ее статье о неолитическом жилище Володары. Мы по-прежнему после занятий временами обходили букинистические магазины в поисках археологической литературы. Жили мечтою об экспедиции на следующий год.

Оказалось, что полученный на Черной Горе материал студенты-антропологи биофака МГУ использовали при написании курсовых сочинений. Нас, школьников, участников раскопок, Ирина Константиновна взяла с собой в Московский университет заслушать их работы. На биофаке заседание вел Георгий Францевич Дебец. Все прошло успешно. Мы выслушали доклады о черногорских погребениях и, конечно, мало что поняли. Но было интересно.

Приближались весенние каникулы. На одном из занятий кружка Валентина Васильевна сообщила, что в конце марта — начале апреля в Москве будет проходить археологическая сессия на Волхонке. Такую возможность нам нельзя было упустить. И в день открытия

в назначенный час мы все трое — Павлик Митяев, Володя Стогов и я — были на станции метро «Кропоткинская». Здание института, где проходило событие, располагалось как раз напротив бассейна «Москва», по соседству с Музеем им. А. С. Пушкина.

Митяев первый отворил дверь. При входе около раздевалки толпилось много народа. Одни стояли в очереди сдать пальто, другие группами по двое, по трое беседовали. Все — в основном пожилые люди и среднего возраста. Это меня смутило:

— Мы самые молодые. Даже неудобно становится.

— Будь как дома, — посоветовал Митяй. — Пойдем, разденемся, — и он уверенно направился в раздевалку.

Мы стали подниматься по лестнице. Между первыми этажами на лотке были выложены старые книги. Рядом толпились археологи. Протиснулись к лотку.

— У вас есть что-нибудь о рязанских неолитических племенах? — вежливо спросил Павлик у продавца.

— Нет!

— Павлик, откуда здесь будут книги о рязанском неолите, если он почти не исследован? — заметил я. Но моего друга теперь заинтересовали пыльные тома. — Разрешите взглянуть на эту книгу? — в руках Митяева появился толстый труд, изданный Румянцевским музеем. Листы в нем даже не были разрезаны.

— Митяй дорвался! — погребальным голосом произнес Володя Стогов. — Володя, пойдем в зал.

— Подожди минуточку! — я встал у лотка рядом с Павликом. — Дайте мне, пожалуйста, вон ту книгу, — и указал на издание зеленого цвета, напоминавшее по форме журнал. Это был «Волосовский клад», написанный руководительницей нашего кружка Ириной Константиновной Цветковой. Я достал кошелек и расплатился.

— Сколько стоит эта книга? — между тем спокойно спрашивал Павлик у продавца, указав на старое издание.

— Бесплатно.

— ???

— Эти книги взяты из фондов библиотеки Исторического музея. Сначала их собирались сдать в макулатуру, но потом решили, что они еще могут сослужить добрую службу и принесли их на сессию.

— Я их возьму! — и Павлик стал набирать солидную кипу. А я пожалел, что не взял с собой папку, но постеснялся последовать примеру Павлика.

— Сюда с мешком нужно было приходиться! — недовольно проворчал Стогов.

— Не вижу ничего особенного: кругом все свои. Пойдем наверх в зал! — и Павел, из нас самый старший, первым спокойно, по-взрослому зашагал по лестнице, держа под мышкой старые, почему-то уже никому не нужные ценные книги.

Большой конференц-зал оставался наполовину пустым. Свет, падавший из огромных окон, освещал незанятые ряды старомодных кресел, длинный, покрытый красной материей стол, стоящий на сцене, пустующие места президиума и рядом громоздкую трибуну.

Когда до начала открытия сессии оставалось минут десять, зал стал быстро заполняться. Рабочий президиум занял свои места. Шум в зале затих, раздавалось резкое глухое покашливание. Женщина в красной кофте встала из-за стола и краткой вступительной речью открыла сессию. Говорила она недостаточно громко, поэтому, несмотря на тишину зала, было трудно разобрать ее слова. В заключение она сказала:

— Слово для доклада «Современные задачи археологии» предоставляется директору Института археологии Академии наук СССР, члену-корреспонденту Академии наук СССР, академику Борису Александровичу Рыбакову.

Бурные аплодисменты наполнили зал. Наверное, мы втроем хлопали сильнее всех. Невысокий, коренастый, солидный человек встал из-за стола президиума и направился крупными шагами к трибуне. В его походке чувствовалась мощь, сила, и сам он был олицетворением этой силы.

Рыбаков подошел к трибуне, но она, казалось, только мешала ему. Потому он стал на край сцены, ближе к свету, и его голос, неожиданно громовой, донесся до самых дальних рядов:

— Перед археологией нашей страны... — говорил живо, просто, без «воды», обнажая самую суть вопроса, строго и последовательно излагая тему. Мы смотрели на Рыбакова, как на своего бога...

Уже горели фонари на Волхонке, когда наша троица вышла из дверей института, переполненная впечатлениями. Внутри метро «Сокол» попрощались:

— Ну, до завтра! Завтра в девять утра здесь же!

Я пошел на выход к своей автобусной остановке, на круг возле церковной ограды с покосившейся колокольней. Пока стоял в длинной, извивающейся, как змея, очереди, перебирал в памяти увиденное и услышанное. Все было ново, интересно. Отпадали сомнения, быть или не быть археологом.

На следующий день утром в назначенный час мы с Павликом (Стогов не пришел, сказал, что болен) поехали в Новые Черемушки, где среди новых кварталов расположилось недавно построенное небольшое

четырёхэтажное здание, в котором на разных этажах расположились три академических института — археологии, этнографии, истории. У крыльца стояло несколько автомашин «Волга».

— Вам кого, ребята? — спросил нас пожилой гардеробщик.

— Мы пришли на сессию археологии. Сегодня она здесь проходит.

— Раздевайтесь, только не хулиганьте, — назидательным тоном произнес старик.

— Ну что вы! — Митяев искренне удивился. — Мы пришли сюда не для этого.

— В какую секцию пойдём — славян или первобытников? — я смотрел на висевшее расписание работы разных секций с перечнем докладов. — Сегодня у славян доклад «Когда был основан Киев».

— Пойдём на славян, — решил Павлик. — А сейчас, пока есть время, посмотрим институт.

На первом этаже мы «открыли» небольшой, но интересный музей. С интересом осмотрели витрины. Далее поднялись на третий этаж к этнографам, и то, что я увидел, просто ошеломило. Мы шли по ковровой дорожке коридора, а слева и справа на нас смотрели охотники каменного века, великие князья, поэты, полководцы. Такому свиданию с предками мы были обязаны Михаилу Герасимову — археологу, антропологу, скульптору. Он разработал метод восстановления лица по черепу.

В небольшой комнате подвального помещения, где должна была проходить секция славян, собралось много народу. Мы с Павликом сели на скамейку у стены, стульев на всех не хватило. Нашим соседом оказался пожилой мужчина. Он добродушно посмотрел на нас:

— А вы откуда, ребята?

— Мы от Исторического музея.

— Вот листок, запишите свои фамилии и распишитесь.

Доклад о происхождении Киева читал молодой украинский археолог. Он говорил громко, уверенно. Пользуясь фильмоскопом, демонстрировал схемы раскопок, фотографии. Все было очень интересно, убедительно. Когда доклад был закончен, наш сосед, оказавшийся членом рабочего президиума, медленно поднялся. Выражение лица его было суровым:

— Разрешите мне слово! — начал он. — Мы выслушали здесь, с вашего позволения, научный доклад и, естественно, у нас возник вопрос, что вы нового внесли в науку. Вы рассказали, что Киев возник в IX веке — это ни для кого не ново, где, на каком месте... Кстати, Вы демонстрировали карту, сделанную не вами. Вы ее украли. Да, украли, даже не поленились перечертить. Я считаю, что вы безответственно отнеслись к научной работе...

— Разрешите мне! — в противоположном конце комнаты попросила слово немолодая сотрудница. — Я хотела бы уточнить...

Начался идейный разгром (или погром) докладчика. Ему задавали вопросы — он отвечал вызывающе, но путано, стоя перед всеми, ухмылялся как-то по-особому — вроде про себя, но в то же время открыто. Я сидел и удивлялся его самоуверенности и даже безразличию к тому, что ему высказали.

Другой доклад — о крепостных сооружениях, делала женщина средних лет, невысокого роста, несколько тучная. И хотя внешне в ее выступлении было, как мне казалось, все безукоризненно, ей все же пожелали проанализировать материал раскопок, взвесить все за и против, так как некоторые вещи выглядели неправдоподобно. Тем не менее было принято решение выделить средства на экспедицию для расширения раскопок...

Утром следующего дня мы с Митяевым снова приехали в институт. На этот раз доклад должна была делать Ирина Константиновна. Поздоровавшись со своей руководительницей, заняли места поближе к ней. Высокий худощавый мужчина поднялся с места и, подождав, пока собравшиеся успокоятся, произнес:

— Слово для доклада «Раскопки стоянки рязанской неолитической культуры Черная Гора» предоставляется старшему научному сотруднику Государственного исторического музея Ирине Константиновне Цветковой.

Павлик неожиданно громко захлопал в ладоши. Его поддержали. А я, сдерживая смех, наклонился к нему:

— Митяй, ты что — в театр пришел?

— Ну, товарищи! — ведущий поднял руки вверх. — У нас же деловая обстановка. Все мы хорошо знаем друг друга. Время у нас ограничено, не будем обкрадывать самих себя.

Павлик сидел с невозмутимым видом, как будто не он начал первым хлопать в ладоши.

— Я завидую твоему хладнокровию! — шепнул я другу.

— Все это мелочи, Володя! — и мне стало очевидно, что тот переживает за неловкость от создавшегося положения. Ирина Константиновна рассказала об открытии стоянки Отто Бадером, первых раскопках и раскопках последних лет, включая наши. На экране появлялись рисунки и фотографии знакомых находок, планы погребений. Мы с Павликом слушали ее внимательно, словно она рассказывала что-то новое, хотя все это было нам хорошо известно. Цветкова закончила свой доклад словами:

— Словом, Черная Гора оказалась интереснейшей загадкой. Что это — могильник? Но почему не прослеживаются контуры могильных

ям? Чьи погребения — поздняковцев или племен рязанской культуры? Это стоянка, но границы жилищ определяются с трудом. Даже трудно сказать, жилища ли это. Какие изумительные костяные орудия находили мы здесь, какое обилие и многообразие кремневых орудий! Понадобится еще не одна экспедиция, чтобы загадка Черной Горы была решена. В июне месяце этого года мы будем продолжать раскопки. Надеюсь, что многое станет ясным.

— Снова едем в экспедицию! — я радостно похлопал по плечу Павлика, но тот так же радостно сказал:

— Кто будет копать, а кто будет поступать на истфак!

Доклад был встречен положительно, а затем между археологами завязалась активная дискуссия о происхождении волосовских племен.

— Стойте! Стойте! Стойте! — скороговоркой вмешался секретарь. — Я не успеваю записывать. Запишу: спор, переходящий в бурное обсуждение.

Ведущий дополнил:

— Спасибо Вам, Ирина Константиновна, за доклад. От имени всех желаю успехов, а ваш спор, я думаю, надо продолжить, но только не сейчас. Надо выбрать время и собраться всем вместе и попытаться отыскать истину.

А затем настало лето 1965 года.

Снова Черная Гора

После окончания 10-го класса в июне я вновь поехал на Черную Гору. На этот раз Ирина Константиновна взяла меня без всяких сомнений и даже за питание не стала брать деньги. Из старых кадров школьников на раскопки поехали Володя Стогов, Вася Огульчанский и Володя Терещенко. Павел Митяев остался в Москве готовиться к поступлению на исторический факультет МГУ.

— Ни в коем случае! — выговаривала ему Цветкова, когда Митяй еще раньше просился с нами. — В экспедиции даже не думай. Приедешь — выгону!

— Ну Ирина Константиновна, — смеясь, умоляющим голосом упрашивал ее Павлик. — На два, нет, на три дня. Я приеду, отдохну и вернусь в Москву.

— Ладно уж! — глубоко вздохнула она. — Пользуйся моей добротой. Только смотри, три дня, на четвертый от меня не жди снисхождения.

Подготовка, отправление — все было хорошо нам знакомо по прошлому году. Уезжали 20 июня снова на машине. Провожал нас, черногорцев, Паша. Он пожал всем руки, пожелал интересных находок,

а когда машина тронулась, пошел за ней следом, махая рукой. Лицо его было грустным и передавало бурю чувств брошенного человека. К нам он действительно приехал на короткий срок.

Мы провели в экспедиции снова счастливых полтора месяца. И снова вскрыли приличную часть поселения — около 220 квадратных метров. Жили в той же школе, копали вместе с теми же студентами-антропологами, вечерами пели песни под гитару, просиживали у костра на берегу Пры. Но главное — раскопки были очень интересными. Стоянка по-прежнему оказалась для археологов щедрой. Культурный слой был насыщен костями диких животных, птиц, рыб, рыбной чешуей, раковинами от съеденных речных моллюсков. Эти раковины местами образовывали скопление толщиной от 10–20 до 50 см. Были участки с моллюсками толщиной 80 см и даже 1 м. Встречались в обилии черепки ямочно-гребенчатой керамики, фрагменты, украшенные только ямками. Первобытные жители оставили после себя многочисленный кремневый инвентарь: наконечники стрел и дротиков, скребки, скребла, ножи. Слой включал изделия из кости: проколки, шилья, гарпуны, кочедыки, мелкие рыболовные крючки, полированные овальные и круглые привески.

Антропологам вновь было «подарено» восемь погребений. Два оказались наиболее выразительными. Возле черепа погребения № 23 лежала кучка костей животных — крупные мослы. Это все, что осталось от больших кусков мяса, предназначенных умершему в загробной жизни. Возле левой ноги лежал кремневый наконечник стрелы треугольной формы, характерный для поздняковской культуры. Ирина Константиновна датировала его XIII–XIV веками до н. э. Погребение № 23, относившееся к рязанской культуре, отличалось от всех предыдущих тем, что под тазом и с левой стороны лежали украшения, составлявшие поясной набор — 27 привесок из просверленных зубов животных, три сланцевых и две костяных. Данный материал был подробно описан в научном отчете, представленном Цветковой в Институт археологии.

В ходе раскопок на восточной окраине стоянки из-под культурного слоя постепенно был освобожден большой гладкий, словно полированный, черный валун. Но о нем руководитель раскопок даже не упомянула в отчете, с которым я ознакомился в архиве института много лет спустя. Это странно, потому что валун позволил бы увидеть в Черной Горе загадочное культовое место, может быть, даже святилище. В таком случае разъяснилось бы наличие здесь погребений.

В экспедиции появились два новых сотрудника: рыжебородый Саня из Рязани, знакомый Людмилы Степановой, которая

по-прежнему была заместителем Цветковой, и художник Серафим Голофеев. Сима зачерчивал погребения, но не чуждался лопаты. Когда Саня и Сима оказывались рядом на соседних квадратах, то начинался спектакль. Синхронно выбрасывая в отвал просмотренный слой, они начинали диалог на ломаном русском языке с якобы грузинским акцентом.

— Ти в Тбилиси бил? — первым обычно начинал сочинять рыжебородый.

— Бил! — отвечал ему Сима.

— К деду Захаришвили за-хо-дыл?

— За-хо-дыл!

— Чачу пил?

— Чачу пил, забор валил, в милицию попал. Замечательная чача!

И уже вместе вдвоем в один голос:

— Йок! Йок! Йок!

Спустя некоторое время Борода снова начинал:

— А к дяде Махарашвили захо-дыл?

— Захо-дыл!

— Виноград давил?

— Давыл!

— Чачу пил?

— Пил. Дом валил, но сосед меня побил. Плох чача!

И снова два голоса одновременно:

— Вай! Вай! Вай!

Саня получил прозвище Борода. Его призванием была резьба по дереву, чем он временами занимался на внутреннем школьном дворе. Однажды он разоткровенничался:

— А ведь Людмила меня в люди вывела. Страшно даже вспоминать, кто я был такой. В школе, в Рязани, учился на двойки. Не закончив ее, пошел работать. Дружки появились, стал выпивать, потом пошел все же в ФЗО, но друзья остались прежние. Один раз так напился, что не помню, как до дома дошел. Вошел в квартиру и упал на пол. А за плечами у меня болталась сумка. Как упал, так каким-то образом ее ремни стянули мне горло. Я стал задыхаться, но пьяный, ничего не соображаю. Хорошо мать вернулась с работы рано. Потом она рассказывала, что лицо мое было синее, как у покойника. Она испугалась, но не растерялась и перерезала ножом ремни. Перевернуть же меня у нее не хватило сил. Потом бросил все и вместе с сотрудниками Рязанского музея бродил по Мещере, мы регистрировали памятники архитектуры — церкви, соборы, делали замеры. Приходилось влезать под самый купол с рулеткой. Стоишь на перекрещивающихся железных трубах настила,

а до пола метров 20–30. Сердечко так и прыгает. Познакомился в музее с Людой. Увидела она мою резьбу по дереву, которой я увлекался, и чуть ли не силой заставила поступить в вечернюю школу. Теперь буду поступать в Строгановское училище в Москве.

Как-то вечером сидели у костра на берегу Пры.

— Черт, комары заели! — я шлепнул ладонью по щеке.

— И ты называешь это комарами? — усмехнулся Саня Борода. — Вот один раз меня с ребятами они действительно заели, чуть не сожрали. Учился я тогда в профтехучилище, и решили мы с ребятами сходить в поход. Пошли. Пришли в село. Оно на самом берегу Оки, а внизу на середине самой реки стоит небольшой островок, весь поросший кустарником — Комариный остров называется. Но этого мы не знали, пока не познакомились с мужиком, у которого молоко брали.

— Хотите познать, что такое комары, ступайте ночевать на остров, — усмехнулся он. Мы пошли. Не помню, может быть, даже поспорили, что переночуем там. Переправились на лодке, поставили палатку. Все чин-чинарем. Местность, правда, низкая, болотистая, но место выбрали сухое. Комаров вроде бы немного. На всякий случай я захватил с собой гриб трут, который растет на дереве. Его дома держат, комары его боятся. И этот трут нам помог. Что творилось ночью — уму непостижимо. Казалось, палатка была забита комарами. Протянешь вперед руку, и она погружается точно в какую-то массу. А комары, как в очередь, за кровью толпятся, жужжат, кусают, сволочи. Терпели мы, терпели, потом я вспомнил о труте. Зажег его — дым, смрад, чад. Невозможно дышать. Комаров все меньше становится в палатке, а смраду больше и больше. Сидел я посреди палатки, как Аллах, сложив ноги, держал трут дымящийся. Но потом терпение иссякло. За что такие муки принимаем? Сняли палатку и бегом к лодке. На следующий день друг на друга смотрели и смеялись — лица опухли от укусов. Вот это комары! Окские комары!

Саню лицо озаряли красные языки пламени. Может, поэтому всем показалось, что его борода стала еще рыжее.

Мне запомнился один из воскресных дней. После завтрака никто не брал в руки лопату и не шел на раскоп. Флаг экспедиции тоже не поднимался. Ползущие с севера тяжелые облака не предвещали ничего хорошего. Деревья в небольшом школьном садике поминутно наклонялись под ударами ветра. Но оставаться в школе никому не хотелось, все стали потихоньку разбредаться. Кто-то, взяв одеяло, оптимистично направился на берег Пры, другие пошли в лес. У меня с Васькой Огульчанским были свои намерения — покататься по реке на челноке, находившемся в распоряжении экспедиции. Эти планы мы составили

в субботу, но Саня Борода, потряся своей рыжей редкой бороденкой, предупредил, чтобы лодка с утра стояла на месте, так как он сам намеревается в воскресенье куда-то поплыть.

Пришлось ходить по деревне в поисках случайного плавающего средства. Брели по основной улице — пыльной, усыпанной в центральной части бытовым мусором, в котором копошились куры. Вася напрасно пытался выцганить челнок, используя все свои способности. Потом нам посоветовали обратиться к Рыбаку, в дом, десятый по счету по левой стороне. Дом оказался домушкой — покосившимся карликом с почерневшими бревнами и крыльцом, в котором зияли продолговатые отверстия.

— Рискнем? — мы отворили убогую калитку, кое-как прикрепленную к плетневой ограде. Даже сада не было. Участок зарос бурьяном, только в конце виднелось несколько грядок. Мужичок, явно выпивоха, выдал нам желанные ключи. Поблагодарив и пообещав пригнать челнок на место к 5 часам, радостные, мы быстрым шагом направились к реке и вскоре вплывали в заросшую высокой осокой протоку. Таких проток на реке, ниже нашего озерного расширения, на берегу которого и расположена Черная Гора, было множество. Они представляли собой узкие природные каналы-проходы между плавающими островами осоки, местоположение которых постоянно менялось с каждым годом. И в этом году мы редко находили старые места: одни протоки заросли, вместо них появились новые.

Долго с удовольствием плавали, пока не грянул дождь. До его начала успели спрятать одежду в непромокаемый плащ. Я остался в плавках, Васька — в шортах. По ощущениям мы уже должны были находиться недалеко от Черной Горы — нашего ориентира. Но за высокими стеблями осоки и за лавиной дождя было трудно определить ее точное местонахождение. Вася забрал у меня весло и стал с упорством налегать на него, словно намеревался его сломать. Однако челнок продвигался вперед очень медленно. Проплыв еще несколько десятков метров, мы стали различать видневшийся за осокой лес. Но откуда он? Ведь леса на нашем правом берегу не было. И только с более близкого расстояния поняли, что взяли слишком вправо и оказались в полукилометре от пионерского лагеря близ деревни Владычино, а лес отгораживает лагерь от нас.

Дождь, как назло, продолжал лить со страшной силой. Выражение «лил как из ведра» здесь не подходило — по объему воды. Следовало бы говорить — лил как из нескольких ведер. Пробриться к нашему берегу в такую дождевую лавину по незнакомым протокам уже не представлялось возможным. Мы решили взять плащ с вещами и, оставив

челнок, через заросли осоки по кочкам пробираться к пионерскому лагерю. Там переждать ливень, потом перегнуть челнок на озеро и переправиться к Черной Горе.

Схватив в охапку одежду, Вася полез в заросли травы, я же с сапогами в руках поплелся за ним. Почва под ногами уходила вниз, и казалось, что вот-вот провалится. Впечатление не из приятных. Появлялась настоящая грязь. Кочки были редкие. Огульчанский прыгал по ним великолепно. Задирая длинные ноги, он делал прыжок за прыжком. При этом мне казалось, что его старые черные шорты с белой каемкой снизу издадут треск и оставят хозяина в неприглядном виде. Чистая, омытая дождем голая спина Васьки помаячила передо мной лишь полминуты, а затем Огульчанский втоптал кочку в липкую жижу и на мгновение исчез из моего поля зрения, оказавшись в вонючем месиве из торфа и воды. К его коричневому загару прибавился слой грязи. Я засмеялся, ибо в какой-то момент мой товарищ походил на смесь негра и белого человека. Но грязь тут же стала стекать с него, как облезаящая кожа после загара: дождь быстро восстановил его облик.

Я предложил вернуться. Вася согласился, и мы двинулись назад. Далее, находясь по пояс в воде, толкали тяжелый челнок в зарослях водорослей. Казалось, что вода проросла ими. Когда мы отталкивались от непонятого неустойчивого дна ногами, за нашими спинами поднимались пузыри метана, издававшие неприятный запах, ставший предметом плоских шуток, улучшивших настроение. Кое-как выбрались из сплетения протоков на простор озера. Сил на дальнейшее плавание больше не было, хотя дождь и кончился.

Оставалось два дня до окончания экспедиционных работ, когда у Ирины Константиновны появилась идея поставить на стоянке мемориальный щит. Он должен был вкратце рассказать туристам, проплывающим на байдарках по реке, о Черной Горе — этом необыкновенном археологическом памятнике. С утра мы втроем — Стогов, Саня Борода и я — начали пилить и сколачивать для щита доски, а затем обили его листовым железом, покрасили черным битумным лаком. Жаркое солнце за считанные минуты высушило липкий слой, и Борода приступил к ответственному моменту. Он макал кисточку в банку с белой краской и выводил на щите аккуратные буквы. Мы стояли рядом на крыльце, выходящем на внутренний дворик, наблюдая за процессом. Выведя последнюю букву, Саня разогнулся, отошел на несколько шагов. Скрестив на груди руки, стал любоваться своим произведением. Работа ему явно нравилась. Текст хорошо читался: «Министерство культуры СССР. ЧЕРНАЯ ГОРА. Здесь 4500 лет назад существовало поселение и могильник первобытных охотников и рыболовов эпохи

новокаменного века. На поселении ведутся археологические раскопки. Памятник охраняется государством».

— Нужно бревно! — наконец сказал Рыжий. — Стогман! Нужен столб! — повторил он, обратившись к Стогову. Кстати, Саня один раз пошутил, назвав Стогова Стогманом, меня — Бурманом, а Митяева — Митюком.

Моя помощь не потребовалась, и я пошел на раскоп. Прошло часа два, но Володя и Саня не появлялись. Я изредка вылезал на отвал и всматривался в колосившееся рожью поле. Стояла тишина, нарушаемая глухим позвякиванием лопат и шорохом выбрасываемого отработанного культурного слоя из раскопа.

Неожиданно вдалеке возник шум мотора, который стал приближаться к раскопу. Ирина Константиновна, стоявшая наверху, сообщила:

— К нам едет машина.

Терек и Васька сразу же перестали работать, полезли наверх, за ними девчонки. У самого раскопа остановился запыленный газик, или попросту «козел». Открылась дверца, из машины сначала вышел мужчина средних лет в помятых черных брюках, летней выгоревшей рубашке, за ним — женщина в зеленой косынке такого же цвета, что и платье. А немного погодя из машины высунулась знакомая рыжая борода Сани.

— Борода на «козле» приехал! — усмехнулся Васька.

Сочетание слов «козел» и «борода» создало иной видеоряд и рассмешило всех. Саня объяснил свое появление:

— Ирина Константиновна! Столб мы нашли. К нему прибили щит. Сегодня уже некогда его устанавливать. Сделаем это завтра. Я хочу представить вам Ивана Петровича и его жену Прасковью Николаевну. Они очень интересуются нашими раскопками и хотят свозить на другую стоянку. Она находится рядом, за Клепиками.

— А вы кто? — поинтересовалась начальник экспедиции.

— Мы, собственно, передвижное ателье. Ездим из деревни в деревню, собираем заказы, шьем одежду, — пояснил водитель.

Ирина Константиновна стала рассказывать гостям о племенах Волго-Окского бассейна, о рязанской археологической культуре, неолитической керамике. Она подходила к квадратам, брала только что найденные черепки, кремневые изделия.

— Сейчас мы заканчиваем работать. В школе, где мы живем, я покажу самые интересные находки. Многие из них будут выставлены в залах Исторического музея, в новой экспозиции.

И хотя до конца работы оставалось минут двадцать, начальник экспедиции объявила конец рабочего дня.

Обед прошел быстро. Гости оказались на редкость скромными людьми, отказавшись от приглашения сесть за стол. Возглавить поездку на стоянку в Клепики было поручено Людмиле Степановой, заместителю Ирины Константиновны.

— Кто поедет со мной? — спросила она. Оказалось восемь человек желающих. — Нет! Кто-то должен остаться. В маленьком «козле» все не поместится.

И действительно. На двух откидных лавочках попарно уселись Людмила Степанова и Саня, Володя Стогов и Вася Огульчанский. На полу в проходе вместе с лопатами размесился Терек. Мне места не хватило. И тогда помог шофер. Он указал на большой фанерный ящик, поставленный двумя краями на откидные сиденья. В нем чернели куски материи. Я вполне уместился в этом ящике с серединой, висящей в воздухе.

Машина тронулась. На песчаной дороге за деревней она стала переваливаться с боку на бок, как катер в море во время качки. Ребят трясло здорово. Но больше всех доставалось мне. Хотя я и сидел в ящике на мягком материале, моя голова в шляпе упиралась, ударяясь временами в фанерный потолок. Мне захотелось сострить:

— Я случайно не похож на Наполеона, удирающего из Москвы? — в этот момент машину прилично потрянуло, дно предательски треснуло и я, получив приличную колотуху по голове, стал медленно исчезать в ящике, проваливаясь на пол между двумя скамьями.

— Наполеон погибает! Спасай императора! — крикнул весело кто-то и вдобавок надавил на мою голову. Убежден, это был Васька. Теперь я, согнутый пополам, сидел на вибрирующем полу, а из ящика в разных концах торчали ноги и шляпа. Мне было смешно, как и остальным. Единственное, что волновало, так это сломанный ящик. Неловко все же перед добрыми людьми.

Машина остановилась на невысоком песчаном берегу небольшой речки. Все побежали осматривать берег. Берег как берег. Не видно даже черного культурного слоя. Впрочем... Я нагнулся и поднял небольшой глиняный черепок, весь покрытый узором из ямочек. Такие обломки горшков встречались и на Черной Горе. Потом последовал кремневый отщеп, снова черепок и нуклеус. После того как все обошли берег и собрали достаточно материала, Людмила Степанова предложила продолжить наши поиски:

— Посмотрим, что из себя представляет эта стоянка.

Достали из машины лопаты, заложили несколько шурфов. Мне достался квадрат на самом краю неолитического поселения. Сверху лежала тонкая полоска песка. Видно, стоянку когда-то посетил весенний

паводок, накрывший ее, как одеялом, золотистым песчаным слоем. Дальше шел серый культурный слой толщиной 15 сантиметров. Находок в нем не было. Бедно! Неутешительные результаты оказались и на других участках. Ясно, что охотники и рыболовы жили здесь недолго. Мы прошли еще немного вверх и вниз по реке с археологической разведкой, но новых памятников не выявили. Машина отвезла нас в Фомино. Все благодарили шофера. Людмила протянула ему деньги, но тот их не взял и даже обиделся:

— Да разве я из-за денег возил вас? Мне очень хотелось познакомиться с вами, вашей работой. Рано уезжаете. Не сможем больше увидеться.

— На следующий год в июле заезжайте, застанете экспедицию, — посоветовала Людмила.

— Непременно заедем!

Настал последний день работ. Докапываются последние квадраты, рисуется последний профиль, устанавливается мемориальная доска, спускается флаг экспедиции.

Машину Государственный исторический музей не прислал, о чем заранее уведомил письмом Ирину Константиновну. Председатель колхоза, с которым она решила договориться, только развел руками:

— Машина имеется. Только согласится ли шофер? Уговорите — поедете.

Шофер оказался упрямым. Никакие просьбы Цветковой не помогли. Тогда она попросила Стогова и меня сходить еще раз к водителю. Меня, наверное, взяли в качестве маленького мальчика, как у цыган, который должен хлюпать носом, чтобы разжалобить шофера. Мы направились в самый конец деревни, мало рассчитывая на победу.

— Он, наверное, что-нибудь натворил, — включил логическое мышление Вовка. — Потому и боится выезжать. Поймают — посадят. А, может быть, и цену набивает.

У небольшого домика стоял новенький грузовик «ГАЗ». Из садика вышел мужчина небольшого роста, плечистый, с торчащими во все стороны волосами с седой проседью. Первое, что бросилось в глаза, — его беспокойный бегающий взгляд. Создавалось такое впечатление, что он хочет взглянуть, но боится, как бы не случилось непоправимое. Он стрелял глазами в сторону Стогова, когда тот ему деловито, совершенно по-взрослому (я от Вовки такого не ожидал) говорил, подвинувшись ближе:

— Слушай, шеф! Будет все: и пол-литра, и деньги! Приедем в Москву, помогу достать хорошие вещи для семьи. Соглашайся, не прогадаешь...

— Нет, не поеду! Я не знаю правил движения... Плохо вожу... Машина ненадежная! — шофер сел в кабину, завел мотор и уже под шум

работающего двигателя, словно боясь, что его голос услышат еще раз, отрицательно покачал головой. Это было его последнее слово.

— Сволочь! — выругался позже Вовка. — Подвез бы до Рязани! Я же знал, что из этого ничего не выйдет. Мне местные ребята говорили, что он дальше первого городишка не ездит.

Но машину экспедиции все же удалось достать. Помог председатель соседнего колхоза, правда, с одним условием — только до Рязани.

Ящики с находками тщательно осматриваются, на углы прибиваются железные скобы для отправки по железной дороге. Вечером прощальный ужин с пирогом и румяной картошкой.

Спать не хотелось, да и где спать, если все вещи, в том числе и матрастики, заранее уложены в чемоданы, которые стоят у стены. Мещерская ночь лунная, звездная, выманила нас на берег Пры, где просидели до восхода солнечного диска.

Утро выдалось пасмурным. Очень рано пришла обещанная полуторка, она развернулась у самой калитки и сдала назад. Шофер открыл задний борт. Уже через минуту все были заняты делом — двигали, носили тяжелые ящики, чемоданы, рюкзаки. После погрузки завтрак, прощание с поварихой Евдокией Дмитриевной, Иваном Александровичем.

До свидания, Мещера! До свидания Черная Гора! Или прощай? На следующий год я точно уже не смогу поехать в экспедицию, так как предстоят вступительные экзамены в МГУ. Трудно было предугадать, что будет через 12 месяцев.

На железнодорожный вокзал «Рязань-2» мы приехали в полдень. Сдали ящики с экспедиционными материалами. Они должны прибыть в Москву через несколько недель. Ирина Константиновна глубоко вздыхала, жалея кропотливую работу Ивана Александровича Китайцева, написавшего на верхних крышках старославянскими буквами адреса назначения и отправки. По приказу представителя железной дороги эти адреса стирались и писались новые, как требовал образец. Если бы только видели железнодорожники, как 70-летний человек при тусклом свете писал, старательно, каллиграфически выводил каждую букву. И все пошло прахом.

Вечером того же дня междугородним автобусом мы прибыли в Москву.

С Митяевым в МГУ на лекции

До начала учебы в 11-м классе оставался целый месяц. Мне очень хотелось встретиться с Павлом Митяевым, рассказать об экспедиции, находках. Но я также понимал, что Паше дорог каждый час и отрывать

его от подготовки не хотелось. Потому только через три дня поехал к нему домой на Сокол.

Дверь открыла его мать и пригласила в комнату. Павел лежал на тахте в окружении открытых учебников и тетрадей, с книгой в руке.

— Привет черногорцам! — радостно крикнул он, вставая. И уже обратившись к матери:

— Только сделаю небольшой перерыв!

Оценив ситуацию, я выпалил:

— Павлик, я тороплюсь. И заехал к тебе всего на минуту договориться о встрече. Первого числа во сколько часов ты поедешь в МГУ? Давай встретимся с тобой у метро.

— Приезжай ко мне завтра в четыре часа. Поедем на консультацию по русскому языку и литературе.

— Договорились. В четыре у метро.

— Постой, Володя! Не спеши! Хоть слово о Черной Горе!

— Некогда, Павлик! — соврал я. — Тороплюсь. Завтра все расскажу.

Павлу я завидовал. Через год он будет уже на втором курсе, а мне целый год учиться в школе. Как же долго ждать, когда выбор профессии сделан! Госка!

На углу Ленинградского проспекта забрел в книжный магазин с огромными окнами. Как всегда, в нем было полно народу. Пробившись к прилавкам в отделах «История», «География», «Искусство», просмотрел новинки и с двумя купленными книгами прогулочным шагом направился в сторону дома, по направлению к Октябрьскому Полю.

На следующий день в пять вечера мы с Павликом, разговаривая, сидели в аудитории на улице Герцена, переполненной абитуриентами, пришедшими на консультацию с надеждой узнать что-то новое и полезное. Вошел сухощавый профессор по фамилии Розенталь, один из авторов всем нам известного учебника по русскому языку. Шум смолк, и в тишине раздался его доверительный голос:

— Я вас разочарую, дорогие друзья, если вы пришли сюда в надежде услышать от меня что-то новое, как написать сочинение. Ничего нового я вам сообщить не смогу. Все будет так, как это было поставлено в школе. Что же касается характерных ошибок, которые мы, проверяющие ваши работы, встречаем, то на них и стоит прежде всего обратить внимание. Надо сказать, что сейчас в вузы поступает грамотная молодежь. И очень редко встретишь работу людей, абсолютно не знающих грамматику, как это было, скажем, в 50-е годы. Главная ошибка, недочет сочинений — неточное раскрытие темы. Поэтому, прежде чем начать писать, взвесьте очень внимательно в поставленную тему

и только после этого беритесь за ручку... Некоторые задают вопрос: можно ли писать сочинение стихами? Можно. Поступайте так, как кажется вам благоразумным. Знайте, что вы должны уложиться во время и полностью раскрыть без грамматических и стилистических ошибок тему. Тогда пятерка вам гарантирована.

Далее Розенталь говорил о стремлении некоторых абитуриентов писать «этакое заковыристое» и привел несколько примеров, после каждого из которых в аудитории раздавался дружный хохот.

— Я, кажется, достиг своего, — довольным голосом подвел итог профессор. — Пишите проще. Проще излагайте свои мысли.

Записывал ли я смешные фразы? Наверное, но в своем архиве их черновые записи не нашел. Зато нашел отдельный листок с подзаголовком: «Приведены примеры безграмотности, имеющиеся среди заканчивающих средние школы и готовящихся перейти в институты». Ниже были перечислены 33 предложения. Среди них было большинство тех, что зачитывал Розенталь:

1. Татьяна ехала в карете с поднятым задом.
2. После отъезда Онегина Татьяна часто ходила в его кабинет и там постепенно превращалась из девушки в женщину.
3. На поле битвы слышались стоны и хрипы мертвецов.
4. Ольга гуляла с Ленским, но у них ничего не получалось.
5. Ленский жил не до конца, он умер на дуэли.
6. Фамусов разбирал людей не по внутренностям, а по наружностям.
7. Смерть Базарова показала, что у каждого человека есть струна, которая может оборваться.
8. Перед испусканием духа ему показалось, что он видит тень своей лени.
9. Печорин любил девушку, которая оказалась женщиной.
10. Онегин любил гулять на гулянках, барах и вообще вращаться в высшем обществе.
11. Пушкин, как и Грибоедов, показал женщину, но в более расширенном виде.
12. Татьяна любила природу, поэтому часто ходила на двор.
13. Вронский сошелся с Анной совершенно новым неприемлемым способом.
14. Пушкин любил вращаться в высшем обществе и вращал в нем свою жену.
15. Дубровский имел сношение с Машенькой через дупло.
16. Отец Татьяны, добрый мальчуган, и дремал все время под подушку.
17. Татьяна копила, копила и вылила все на Онегина.
18. Князь Неклюдов был светским человеком и мочился духами.

19. Анна Каренина бросилась под поезд, который долго влчил ее жалкое существование.

20. Катерина сиганула в холодную воду.

21. Собака визжала нечеловеческим голосом.

22. Каштанка лаяла на прохожих и бросалась на транспорт.

23. Гоголь страдал двойственностью, и эта двойственность заключалась в том, что он одной ногой стоял в прошлом, а другой приветствовал будущее.

24. Историческая личность называется такая личность, которая двигается назад и вперед.

25. Наступила зима. Извозчики поехали на лихачах.

26. Отелло рассвирепело и убило Бездемону.

27. Челкаш шел молча, понунив голову. Из его рваных штанов было видно его пролетарское происхождение.

28. Салтыков-Щедрин изобразил тяжелое положение русского народа в лице лошади.

29. Гриша Добросклонов был близок к народу и напивался с ним.

30. Давыдов любил крестьян и лошадей и часто давал им прикурить.

31. Чехов сравнивал Гаева и Раневскую с неминуемой вырубкой вишневого сада.

32. Лев Толстой реалистично описал события 1812 года, потому что сам был участником в них.

33. Радищев был социал-демократом.

Кроме этого листочка, я обнаружил подобные неудачные примеры из сочинений также в конце тетрадки с экспедиционными песнями 1964–1965 годов.

— Пушкин родился в деревне у бабушки, в то время как его родители были в Петербурге.

— Его проводила дочь начальника станции, на которой он провел два часа ночью.

— Выходя, Онегин облевался духами.

Жаль, конечно, что имена авторов никто не обессмертил.

Когда смех в аудитории смолк, Розенталь перешел ко второму вопросу: какие требования выдвигаются на устных экзаменах по литературе и русскому языку. Я слушал внимательно, и вдруг показалось, что послезавтра мне со всеми придется сдавать вступительные экзамены, которые решат судьбу. Приходило осознание того, что к этому серьезному и трудному испытанию я совершенно не готов. А профессор между тем приводил примеры ответов на экзамене по русскому языку. Сколько пробелов еще предстоит ликвидировать!

Сидевший рядом Павлик всю лекцию, не отрываясь, строчил за Роненталем в записной книжке, заполняя страницу за страницей. Меня это даже немного раздражало. Зачем записывать все подряд? Ох уж это накопительство!

Утром 1 августа Митяев, Стогов и я стояли возле памятника Ломоносову перед зданием экономического факультета. Было многолюдно от нарядных девчонок и юношей — потенциально будущих студентов и болеющих за них. Редко кто пребывал в одиночестве, в большинстве — по двое и трое, оживленно разговаривали, смеялись, стараясь сбить холодок волнения. Вовка Стогов вспоминал комические эпизоды из жизни черногорской экспедиции, поддерживая тем самым всеобщий настрой. Но вот в двери факультета стали пропускать абитуриентов.

- Пора, Павлик! Ни пуха — ни пера!
- К черту! К черту!
- Под пятку пятак положил?
- Даже два!

В течение всех вступительных экзаменов мы волновались и болели за нашего друга. Но в итоговых вывешенных списках абитуриентов, зачисленных на исторический факультет МГУ, фамилии Митяев не оказалось... Пятаки под пяткой не помогли.

11-й класс. Что я здесь делаю?

Год учебы в 11-м классе даже многие годы спустя я вспоминал как кошмар. Наступил жуткий внутренний кризис. С профессией я определился, но меня активно и постоянно от нее отговаривали. Угнетала мысль о двойном выпуске. Его назвали спецвыпуском: десятые классы заканчивали школы одновременно с одиннадцатыми. Это означало, что в МГУ будет двойной конкурс, поступить будет крайне сложно. К тому же чувствовал, что в 11-м классе трачу напрасно время. Порой опускались руки, и ничего не хотелось делать вообще от подступавшей безысходности. Физика, химия, электротехника, радиотехника, математика и иже с ними мне были в тягость. Порой вызывали даже отвращение. Один раз, не в силах перенести пытку учебником физики, я даже заплывал какой-то очередной параграф. (Да простит меня автор учебника!) Ну не нужна мне была эта премудрость! Не понимаю, как электроны могут потоком бежать направленно по проводу и создавать электрический ток! Я их не вижу и не ощущаю! Чем масса отличается от веса? Прочувствовать это — моего воображения не хватало. Формулы зубрил, но осознать суть незримых процессов не мог.

Забросил многие, как считал, ненужные предметы. Мой школьный дневник превратился в показательный документ троечника. Когда через много лет я случайно его нашел в диване, то мне даже стало не по себе. Большинство его страниц не было вообще заполнено. В нем сияли тройки и даже двойки по естественным дисциплинам, хотя по истории, литературе и английскому я исправно получал хорошо и отлично. На полях дневника временами появлялась запись: «Заполни дневник!»

Мать, отдаленно наблюдавшая за мной, понимая, что творится неладное, ничего не могла поделать. Заглядывая в комнату, в которой я сидел за письменным столом с очередной исторической книжкой, она в очередной раз спрашивала:

— Ты почему снова не учишь уроки?

В ответ я показывал раскрытые учебники по физике, или химии, или математике и отвечал, что в книгу заглянул на минуточку. Я ошибочно, по-юношески романтически, воспринимал историю, может быть, слишком мечтательно, чему во многом способствовали романы наподобие «Князь Серебряный» А. К. Толстого и художественная историческая литература. С удовольствием ее читал.

Но при всем при том на занятиях по производственному обучению работать с паяльником мне нравилось, наверное, потому, что я с детства привык к труду, а не к праздности. Сам процесс производства доставлял удовольствие. Мы собирали блоки для телефонной станции, которые затем относили для отправки на почту. Паяли по образцу, согласно схеме, к плате припаивали цветные сопротивления, конденсаторы, переплетали косичкой разноцветные красивые провода, аккуратно укладывая их внутри коробки с выступающими снаружи клеммами.

Да и уроки по радиотехнике вел веселый, добродушный тридцатилетний Осокин Александр Петрович. Хотя у него и была русская фамилия, но похож он был чем-то на армянина, к тому же говорил не совсем четко, словно с акцентом. Его приход внес большое оживление в уроки, прежде бывшие тихими. При нем класс галдел, шумел, смеялся, чему способствовал сам преподаватель, оказавшийся не просто разговорчивым, а болтуном. Ему дали имя Омега.

На одном из первых уроков Алексей Петрович объяснял новую тему — характеристики электрической лампы. Он ходил около доски, размахивая руками, рисовал мелом схемы, пытаясь объяснить подробно процессы, происходившие при работе лампы, и вдруг произнес слово «омега». Произнес не совсем обычно — гортанным голосом, сделал при этом ударение на первом слоге, а далее написал это слово на доске. Название латинской буквы быстро утвердилось за ним.

Оказалось, что Омега — мастер рассказывать на своих уроках о том, что не имеет малейшего отношения к радиотехнике. Его лирические отступления все слушали с большим вниманием. Но более всего увлекали стремительные переходы от одной темы к другой. Омега делал это столь искусно, казалось, так логично, что трудно было уловить сам переход, как он умудрялся скачком перепрыгнуть с одной темы на другую, абсолютно не связанную с предыдущей.

Классическим примером может служить один урок, который Омега провел в апреле. Он, как всегда, вошел в класс, выложил на стол из небольшого портфельчика две-три книжки и тетрадку по предмету и, поздоровавшись, приступил к объяснению новой темы. Осокин написал на доске название этой темы, а затем, сделав загадочную физиономию, обратился к классу:

— Никто ничего не замечает? — и указал на название темы.

Мы недоуменно вчитывались в неизвестное название прибора, стали перешептываться.

— Неужели никто не замечает? — уже ликовал Алексей Петрович. — Ну, хорошо! Корень этого слова напоминает фамилию известного астронома. Далее он раскрыл фамилию и, углубившись в астрономию, стал рассказывать о звездах, планетах Солнечной системы, о великих ученых, сожалея о том, что развитию науки мешали войны.

— Если бы не войны, — продолжил Омега, — то сейчас наука стояла бы на более высоком уровне. Взять хотя бы татаро-монгольское нашествие....

И Омега углубился в курс истории, поведал о хорошо известных нам нашествиях Чингисхана, Батые. Затем был скачок в Древний Египет, вернувшись к астрономии, попутно влетая в нее рассказ о жаре в Средней Азии, где он проходил службу в армии, и как он бегал по пескам в коротких штанишках. Мы были его благодарными слушателями.

Когда прозвучал звонок, известивший о конце второго часа занятий, Омега взглянул на часы, сокрушенно охнул, объявил перерыв. На третьем уроке он уже торопил класс:

— Быстрее, быстрее открывайте тетрадки! Будем записывать новую тему, — и стал ускоренно диктовать.

Один раз ребята решили записать «лекцию» Осокина на магнитофон. Он его случайно засек, увидев показавшиеся ему странными провода.

— Ребята! Здесь что-то не то! — сказал учитель вдумчиво и, пойдя по проводу, обнаружил вдруг записывающее устройство. Напрасно все ожидали жуткий разнос. Оказалось, наоборот. Омега отобрал ленту, но при этом сказал, что, если бы ему сообщили о предстоящей записи,

то он бы этого не сделал. Наоборот — поболтал бы, на что был только способен!

Весной были открыты окна, в класс поступал приятный свежий воздух. Неожиданно направление ветра во дворе изменилось, и другой воздух, наполненный сероводородом (очевидно, из котельной), постепенно стал заполнять помещение. Он распространялся медленно — от окна к доске. Его появление мы уловили раньше Омеги, который писал мелом на доске. Преподаватель учуял сероводород самым последним, и подумал о другом. Он замер у доски и как-то смущенно заулыбался:

— Ребята! Кто-то химичит! — это вызвало взрыв хохота.

Алексей Петрович преподавал еще и астрономию, при этом не любил опросы и мало нас спрашивал, зато часто давал контрольные, позволяя без последствий списывать с учебника, положенного на коленях.

Похоже, Омега не понимал шуток. Один раз он повел класс в московский планетарий, а после завел всех в темный переулок смотреть на звезды. Дело было поздно вечером. Подошел пьяный и стал спрашивать, где туалет. Омега же подумал, что тот придирается к нему и стал разговаривать на повышенных тонах. Чуть не завязалась драка. А когда ему указали на красную лампочку, висевшую над головами, и, шутя, сказали, что это, наверное, Марс, он стал вполне серьезно аргументированно отрицать. Станный и забавный был наш Омега.

А вот электротехнику нам преподавал милейший Павел Иванович — строго, классически, как положено в школе. Однажды на уроке он обратился к классу с неожиданной просьбой:

— Ребята, я хочу попросить вас исполнить мою личную просьбу и ответить на один вопрос. Я раздам вам листочки, а вы напишите, пожалуйста, только честно, кем вы собираетесь стать. Указывать фамилию не надо. Мне самому важно знать, кого я учу.

Я честно выполнил просьбу и на листке честно вывел: «Археолог». Через несколько уроков преподаватель рассказал анекдот явно в мой адрес:

— В тридцатом веке встретились два археолога, и один говорит другому: «Мы откопали телефонный кабель на глубине полметра. Это говорит о том, что в двадцатом веке была телефонная связь!» А другой ему в ответ: «А вот мы на глубине трех метров ничего не нашли. Это говорит о том, что еще в каменном веке связь была беспроводная!»

Класс, конечно, засмеялся, а я покраснел. Не знаю, докопался ли Павел Иванович до истины?

Как-то на уроке радиотехники я был не в силах более слушать объяснение преподавателя. Мне было просто неинтересно. Понимал,

что сижу и теряю время, вместо того чтобы читать книги по истории и археологии. Мои друзья-технари — Володя Кисляков и Гена Севастьянов — сидели и старательно конспектировали за преподавателем. Лица у них были серьезные. Конечно, радиотехника замечательная вещь, но не для меня. В практическом плане она может и пригодиться, если не смогу поступить в МГУ. Я перелистал страницы тетрадки и на зеленой корочке, вымещая тоску, сначала нарисовал наконечник стрелы, а затем фрагмент глиняной керамики с ямочным орнаментом.

Киса заглянул в мою тетрадь. Он пропустил фразу преподавателя, надеясь возместить потерю у меня. Но увидев рисунки, отвернулся и продолжил свой конспект.

В тот или в другой день мы возвращались по домам из школы с Кисляковым.

— Ну скажи, какая может быть польза от твоей археологии? — начал он. — Одна трата средств. Деньги на ветер пускают, да и только!

— Физики и лирики снова скрещивают шпаги! — произнес я громко голосом диктора.

— Нет, ты мне ответь на вопрос, не уваливай!

Я шел и какое-то время молча смотрел на носки своих ботинок, собираясь с мыслями. Потом обрушился на Володьку Кислякова с жаром:

— Ну почему, почему археологов упрекаешь, что на нас без пользы расходуют средства. Ты все твердишь: «Мы — физики! Мы — прогресс!» Да какой к черту прогресс, если человечество не будет знать свою историю? А археология с ней тесно связана, может рассказать его биографию, откуда оно появилось. Ответ теперь ты — какой может быть прогресс, если человечество не узнает, что было в IX веке нашей эры, а что — в 30-м тысячелетии до нашей эры? Да оно бы не поняло законов эволюционного развития общества. Если бы не Дарвин, не археологи, не антропологи, на которых, по-твоему, напрасно расходуются средства, то мир бы до сих пор порол бы библейскую чушь об Адаме и Еве, их первородном грехе...

— Предположим, что я согласен, — спокойно возразил Киса. — Но это заслуга археологов прошлого века, а сейчас XX век. Все известно, много стоянок раскопано, разведано. Так зачем же тратить деньги на раскопки, если большинство памятников идентичны? Кому нужна эта работа?

— Иными словами, ты хочешь сказать, что археология на настоящем этапе уже не нужна, что она выполнила свою миссию и теперь может сойти со сцены? Так?

— Так!

— Я могу посоветовать тебе прочитать книгу Монгайта «Археология и современность», где он поднимает этот вопрос и приходит к выводу, что археология — современная наука, и, как всякая современная наука, она должна развиваться. Пойдем ко мне домой, если ты не торопишься, я дам почитать эту книгу.

— Хорошо!

Убедил ли я тогда Володю? Вряд ли.

Однажды я сидел дома и готовил уроки. Сквозь чтение услышал где-то рядом рокот работающего мотора самолета. Внезапно он прекратился, потом раздалось беспорядочное чихание, и все смолкло. Только минуту спустя до меня дошло: отказал мотор и самолет, наверное, падает. Не на наш ли дом? Выбежал на балкон, взглянул на небо. Но в небесном пространстве между домами все было спокойно. Может быть, улетел. Буквально через пять минут мое чтение прервал звонок в дверь. Сестра? Но она еще утром предупреждала маму, что вернется поздно. Мама приходит с работы в пять часов, отец — в шесть.

На пороге стоял взволнованный отец:

— Самолет разбился! — сказал он и почему-то облегченно вздохнул. Отец рассказал, что случилось. Он работал на строительстве пятиэтажки в каких-то 500 метрах от нашего дома. Находился на верхней стройплощадке и увидел прямо над нашим домом падающий легкомоторный спортивный самолет. Он бросил все и помчался домой. И только убедившись, что ничего страшного не произошло, успокоился. Самолет, должно быть, рухнул на территорию расположенного рядом Института имени Курчатова.

А несколько лет спустя я услышал пронзительную песню О. Фельцмана «Огромное небо» на слова Роберта Рождественского.

Об этом, товарищ, не вспомнить нельзя.

В одной эскадрилье служили друзья.

И было на службе и в сердце у них

Огромное небо, огромное небо,

Огромное небо одно на двоих...

Далее говорилось, как однажды в полете мотор самолета отказал. Они оказались над городом, не покинули самолет и ценой своих жизней спасли его жителей, направив падающую машину в лес. Город содрогнулся от взрыва.

Правда, взрыва, о котором говорится в песне, я не слышал, хотя его вполне могли заглушить дома, стоящие со стороны института. Как потом сказали, погибли инструктор и девушка. Песня произвела на меня сильнейшее впечатление. Я думал, что она как раз и посвящена данному

случаю. И тогда, может быть, летчики спасли и мою жизнь. Но ошибка о песне, которая оказалась посвящена другим событиям, подвиг был совершен гораздо позже — 6 апреля 1968 года. Два советских летчика Б. В. Капустин и Ю. Н. Янов спасли жителей Берлина, отведя падающий «Як-28» к озеру.

Ближе к окончанию школы родители завели свою шарманку, на этот раз вместо строительного техникума фигурировал строительный институт. словно им в помощь, атака прошла с совершенно неожиданной для меня стороны. В Кабинет школьника пригласили Даниила Антоновича Авдусина, преподававшего археологию на истфаке МГУ. Его книга «Археологические раскопки и разведки», купленная в букинистическом магазине, уже имелась в моей библиотеке. Д. А. Авдусин честно перечислил нам трудности профессии археолога: отсутствие вакансий, низкая заработная плата, длительные экспедиции, грязная работа. Он подвел суровый итог: «Самое печальное — разочароваться в выбранной профессии». Эта капля только в очередной раз испортила настроение.

Но отступить было не в моих правилах. Вспомнился один случай, произошедший на моих глазах в Александровском саду возле Кремля. Вокруг большой цветочной клумбы друг за дружкой бегали мальчик и девочка. Девчонка, понимая свою неуязвимость, дразнилась с противоположной стороны:

— Не догонишь! Не догонишь!

Мальчишка внезапно решительно прыгнул на клумбу и напролом побегал по цветам к задире.

— Вова! Что ты делаешь?! — послышался прямо за мной грозный крик его матери. — Куда ты?

Но мальчишку нельзя было остановить. Спрыгнув с клумбы, он помчался по асфальтовой дорожке прямо к цели. Подумалось тогда: мой тезка, такой же упорный.

В старом здании МГУ в начале 1966 года по воскресеньям начинали читать лекции по истории, литературе и русскому языку для абитуриентов, поступающих в университет. Я приобрел все три абонемента, стоившие недорого, и стал регулярно посещать занятия, испытывая при этом радостное чувство приобщения к Московскому университету. Двухчасовые лекции читались в просторном зале при большом скоплении старшеклассников. Все жадно ловили слова преподавателей, записывая в отдельные тетради чуть ли не все подряд.

Между лекциями по литературе, русскому языку и истории существовали перерывы. Наиболее длительным был перерыв на обед. Несколько часов позволяли мне с щемящим сердцем, переполненным

любви к городу, бродить по центру Москвы, осваивать его улицы и бульвары. Одновременно прекрасная книга-путеводитель М. А. Ильина с фотографиями позволяла последовательно знакомиться с памятниками архитектуры столицы.

Как ритуал был заход в книжный магазин на площади с памятником Юрию Долгорукову. Чтобы приобрести интересную книгу по истории, приходилось жестко экономить на обеде. Купишь самый дешевый за несколько копеек ржаной безобразно невкусный хлебец, зато довольный везешь домой книгу для чтения из серии «Жизнь замечательных людей» или какое-нибудь старое издание, выловленное в букинистическом магазине. Частично новинку уже заглатываешь по дороге. Ну а вечером дома можно и отъестся. Правда, иногда сухой обед оборачивался конфузом. Во время лекции мой полуголодный желудок начинал громко бурчать, требуя пищу. В такие моменты хотелось провалиться сквозь пол, исчезнуть из аудитории.

Вечером надо было готовить уроки. Открыл учебник физики, а голова полна впечатлений о прослушанных лекциях. Как ранее назидательно говаривала в таких случаях моя мудрая бабуля, «смотришь в книгу, а видишь фигу!».

Среднюю школу я закончил средне. Для выпускного вечера мама заказала в ателье приталенный костюм, раздобыла дорожные дефицитные лакированные французские ботинки. В актовом зале всем одиннадцати- и десятиклассникам вручили аттестаты зрелости, а на память о школе еще и по художественной книжке. Прощай, школа!

Где же ты, истфак?

Наконец, настал долгожданный день, когда после школьного выпускного вечера можно было отнести документы в приемную комиссию на истфак МГУ. Перед глазами стоит домашняя картина: за окном пасмурно, льет дождь, в комнате полумрак, так как мама еще с утра затеяла стирку. Влажно, как в парной.

В центре Москвы капли дождя, играючи, выбивали на асфальте пузыри, когда я, прикрываясь зонтом и перешагивая лужи, нес драгоценные документы на истфак. Он тогда размещался в начале улицы Герцена (Моховой). У стойки передо мной оказалась одна-единственная девушка. К ее бумагам возник вопрос:

- У вас написано, что вы работаете в КГБ, но вы же не москвичка!
- А... Так это Куровская городская больница! — пояснила она.

Я был одним из самых первых подавших документы. Приложил справку из Исторического музея за подписью его директора

В. Г. Вержбицкого, руководителя кружка И. К. Цветковой и заведующей Кабинетом школьника В. В. Красновой. На данный документ мною возлагались особые надежды в случае получения полупроходного балла, поскольку там были расписаны все мои заслуги, что я «принимал активное участие в работе археологического кружка в течение трех лет при Кабинете школьника Государственного исторического музея», перечислялись все доклады: 1. Торговля славян IX–XIII вв. 2. Земледелие и скотоводство у славян в IX–XIII вв. 3. Палеолитическая стоянка Мальта. 4. Жилища неолитической стоянки Володары. 5. Отчет об археологической экспедиции на стоянке Черная Гора 1964 г. Также упоминалось участие в археологической экспедиции ГИМ на стоянке Черная Гора в 1964–1965 годах под руководством к. и. н. И. К. Цветковой, участие в разведке неолитической стоянки Дунькина Гора и «в двух однодневных археологических экспедициях, которые были организованы Кабинетом школьника ГИМ». Последнее звучало слишком громко: это были всего лишь кратковременные выезды в выходной день. Но справкой я гордился, как может гордиться кот длинными усами.

Почти полтора месяца я неистово готовился к экзаменам, сначала сидя дома, а в августе на дачном участке. Мама даже взяла отпуск, чтобы варить мне еду, потому что весь день я не отрывался от учебников. Я был настолько погружен в себя, что не обратил внимания, как мама порезала руку. Рана загноилась. Как-то рано утром она разбудила меня и, раскачивая перебинтованной рукой, вопросительно с сомнением посмотрела на меня:

— Может быть, поедем в Москву, к врачу?

Увидев распухшую ладонь, я ужаснулся:

— Мама, да ты что? Немедленно в Москву! Почему ты ничего не говорила раньше!

Впервые в жизни я понял, на что способна Мать ради своих детей-оболтусов. В поликлинике маме сделали обезболивающий укол, вскрыли и прочистили нагноившуюся рану. Ей сразу полегчало, но на дачу уже не возвратились; маме надо было ходить на перевязку и быть под наблюдением врача.

Экзамены, что и где сдавал, абсолютно не помню. Время полностью стерло о них память, очевидно, от полученного шока, так как поступить мне не удалось. Позорно набрал всего 14 баллов. Заметок же я не оставил.

Если судить объективно, то школьной подготовки и лекций оказалось недостаточно. Да и перегиб в школе был в пользу естественных наук и техники. О существовании каких-то репетиторов, натаскивающих для поступления в вуз, я вообще не знал и не имел о них ни малейшего представления. Да и денег у родителей для этого не было.

В начале сентября состоялся вечер встречи выпускников 11-х классов. Почти все мои одноклассники стали студентами. Кисляков, Севастьянов и нравившаяся мне Наташа Калугина зачислены в МИФИ. Но, словно громовой стрелой, меня поразила весть, что троечник и лентяй Серега Скобелев будет учиться на истфаке МГУ. Он же никогда не проявлял интереса к истории! Как вообще такое могло случиться?! Данный вопрос до сих пор не оставляет меня в покое.

Я пришел на вечер специально с опозданием. Было не до веселья, которое царило в актовом зале. Звучала музыка, бывшие школьники танцевали, празднуя свой успех. Я же остался стоять в стороне, испытывая позор. Девочки на меня обиделись, что к ним не подошел. Я не мог долго находиться в школе, развернулся и ушел домой. Не следовало вообще приходить.

Надо было идти работать, но куда? Школа дала мне профессию радиомонтажника 2-го разряда. Перспектива работать на заводе не вдохновляла. Отец сообщил, что радиомонтажник требуется в Институте физики атмосферы Академии наук, что на Большой Ордынке. Меня взяли в небольшую лабораторию, где разрабатывались и паялись приборы для атмосферных исследований. Коллектив оказался дружным, хотя и разновозрастным. Там было четыре лаборанта-радиомонтажника, на каждого из которых приходилось по одному научному сотруднику. Я проработал в институте до начала лета, потом уволился, чтобы снова поступать на истфак МГУ уже как производственный, для которого был меньший проходной балл.

В течение года времени на безделье просто не было. Продолжил чтение исторических художественных произведений. Даже стал изучать Евангелие и Библию, но весьма своеобразно. Источником для познания этих великих произведений стали две приобретенные антирелигиозные книги Таксиля — «Забавная Библия» и «Забавное Евангелие». Для меня, человека неверующего, они были забавным чтивом, временами вызывавшим отторжение прямолинейностью критики и ерничаньем. Но главное было — познать содержание самой Библии и самого Евангелия, которые в СССР запрещены и не издавались, а достать их было невозможно.

Стал заниматься в Ленинской библиотеке, понимая, что для поступления в МГУ нужны более глубокие знания, а не зубрежка учебника. С удовольствием читал и конспектировал Вересаева «Пушкин в жизни», книги о жизни и творчестве Лермонтова, Льва Толстого.

Руководствуясь архитектурным путеводителем М. А. Ильина, стал ездить по Подмосковию. В одно из воскресений побывал в Коломенском — древнем дворцовом селе, резиденции русских царей. Добрался

туда от метро «Автозаводская» на трамвае. Коломенское меня восхитило: шатровая Вознесенская церковь, поставленная в честь рождения царевича Ивана, будущего царя Грозного, музей с макетом деревянного дворца Алексея Михайловича, деревянная проездная башня Николо-Карельского монастыря, необычная Дьяковская церковь. Поразил распахнувшийся вид с гульбища Вознесенского храма на обрывистый берег Москвы-реки, простор лугов. Я даже посидел на белокаменном троне, откуда Иван Грозный и прочие цари любовались этими просторами. Ну как после этого не любить историю, открывающую мне все новые и новые страницы прошлого и дарящую необычные ощущения?

Зарплата лаборанта в академическом институте была небольшой, но она позволила нанять репетиторов, против чего родители не возражали. Через Пашу Митяева узнал о Зинаиде Ивановне Ряжской*. В МГУ она преподавала иностранным студентам русский язык и литературу, давала частные уроки. Мы созвонились. Проплутав по немыслимым закоулкам и дворикам, я с трудом отыскал ее двухэтажный деревянный дом неподалеку от метро «Парк культуры». Меня встретила седовласая интеллигентная внимательная старушка с чистыми голубыми умными глазами. Занятия у нее позволили сильно продвинуться вперед. Мы часто писали сочинения, чуть ли не каждую неделю, делали разбор предложений, готовились к основным традиционным вопросам устного экзамена. Когда мы разбирали персонажей из «Мертвых душ» Гоголя, Зинаида Ивановна доверительно рассказала о своей встрече с «Кувшинным рылом». Она написала учебник по литературе. Неожиданно ее вызвал цензор, которому не понравился один текст. Дело в том, что Зинаида Ивановна привела историю, как Жуковский, будучи в Германии, встретился с Гете и рассказал ему о Пушкине. Гете, слышавший о русском поэте и раньше, подарил тому перо. Пушкин очень ценил этот подарок и хранил его в особом футляре.

— Сидит передо мной Кувшинное рыло, — начала рассказывать Зинаида Ивановна, — и задает мне вопрос: «Вот вы пишете, что Гете прислал перо Пушкину. Это что же, у нас в России перьев своих не было?»

Подтянул и английский.

1 августа состоялся первый экзамен — по истории СССР. Достался билет с вопросами: 1. Идеино-политическая борьба во 2-й половине 19-го столетия. Новиков, Радищев. 2. Политика военного коммунизма.

---

* Это жена известного советского художника Г. Г. Ряжского, написавшего портрет суровой комсомолки в красном платке. Картина заняла особое место в зале советского искусства Третьяковской галереи. Зинаида Ивановна была моделью, с нее муж писал торс и шею, а голову — с другой девушки.

Получил заслуженную пятерку. Могу откровенно сказать, что ответил блестяще. Сдавал экзамен в том же кабинете, что и литературу в прошлом году. Подумал, что скоро буду знать все кабинеты истфака.

4 августа — сочинение. Писали его в спортивном зале на экономическом факультете. Тема была легкая: «Мертвые и живые души в творчестве Гоголя». Честно говоря, боялся, что будет сложнее. Сначала написал на черновике, переписал, проверил. Ни одной ошибки. Ушел ободренный, а через пять дней нашел свою фамилию в списке двоечников. Это был удар. Я просто не мог поверить. Этого не может быть! Пошел на апелляцию к Качалкину — главному экзаменатору, который часто выступал по 8-й программе телевидения. Комнату № 19 никогда не забуду. Ждал целый час, пока подойдет очередь из таких же, как я, страдальцев. Дали прочитать сочинение, в котором было запредельное количество исправлений — чуть ли не полтора десятка. Стал внимательно вчитываться и разбираться. И мне стало очевидно: по крайней мере половина ошибок не мои.

Качалкин оказался объективным и даже сочувствующим экзаменатором. Одна за другой я стал снимать ошибки проверявшего сочинение. Преподаватель даже взял у меня из рук сочинение и стал возмущенно рассматривать подпись: кто это проверял? В одном случае он соглашался с моей правкой, знаками препинания, в другом — нет, категорически нет. К сожалению, мною были допущены и грамматические ошибки. Словарь надо знать. Потом он четко сказал, что сейчас подсчитает общее количество ошибок (речь даже не шла о раскрытии темы). Если будет более такое-то количества ошибок, то двойка останется, если меньше, — то тройка. Статистика указала на тройку. За эти часы я, наверное, похудел на три или четыре килограмма.

Оставшиеся два экзамена по английскому языку, литературе и русскому языку сдал на твердые четверки. В итоге — 16 баллов. Для зачисления производственникам требовалось 17 баллов. Мама проявила самостоятельность и пошла в деканат, о чем я ее и не просил. Председатель комиссии Дмитриенко ее выслушал и успокоил: ничего страшного, ваш сын поступит на истфак после армии. Единственная отрада: Павлик Митяев благодаря репетиторам с третьего захода все же поступил в МГУ, а Володя Стогов — в Педагогический институт на истфак.

Меня удивил отец, ранее неуклонно настаивавший, чтобы я шел по его стопам в строители. Он разыскал своего друга юности по фамилии Орлов, который преподавал на юридическом факультете МГУ и который был чуть ли не деканом, и просил его помочь. Тот сказал, что с 16 баллами меня возьмет на юрфак, а через год я смогу перевестись на истфак. Но даже понимая, что мне грозит армия, я отказался.

Противно было стать блатником, занять чужое место, да и бредил я бескомпромиссно только истфаком, кафедрой археологии. А переведут или не переведут, для меня было под вопросом. Рисковать же не хотелось.

Зинаида Ивановна Ряжская была поражена результатом по литературе и русскому языку, поскольку знала уровень моей подготовки. «Что случилось, Володя?»— спрашивала она растерянно. Я с ней попрощался, она просила писать из армии.

По прошествии лет я понял, что проходной балл на истфак МГУ был искусственно завышен, чтобы отсеять лишних абитуриентов и освободить места так называемым блатникам, являвшим собой уродливое явление «реального социализма». Знаю, о чем говорю*. Завышенный балл выпроваживал меня служить в армии. Впрочем, теперь уже, много лет спустя, ни о чем не жалею, даже благодарю Судьбу и Творца, что все так сложилось. Мы часто рвемся в наглухо закрытую дверь, пытаемся открыть ее, не понимая, что в нее нам вход заказан явно не случайно, что жизнью нам уготован иной путь.

Это были мучительно трудные дни, когда я не мог смириться с поражением. Лежал в бездействии и протрации на диване, устремив взгляд через окно на облака. Грудь наливалась чем-то тяжелым, жгучим, точно расплавленным свинцом. Думалось: ну почему я такой невезучий?! Не добрал всего один балл! Ведь наверняка среди зачисленных имеются такие, которым безразлично, где учиться — на истфаке, юрфаке, в педвузе — лишь бы получить свидетельство о высшем образовании. Если бы я был деканом истфака, то обязательно просмотрел бы все дела тех, кто не добрал один-два балла, провел бы с ними собеседование. Предпочтение отдал бы тем, кто занимался историей, ездил в экспедиции. Факультет должен готовить научные кадры из тех, кто горит желанием заниматься наукой. От этих безнадежных фантазий становилось только хуже.

---

* В 1975 году моему однокурснику, комсомольскому активисту, отличнику В. П. доверили личные дела студентов нашего курса для сверки данных при выпуске диплома. Он ознакомился с результатами всех экзаменов и был крайне удивлен, когда узнал, что среди нас учились те, кто набрал 14, 15 и даже 12 баллов. И это при проходном балле для школьников 19. Их зачисляли по письмам-прошениям из серьезных организаций. Одно письмо было даже с автографом маршала Гречко, с просьбой зачислить Л. Г., поскольку она «интересуется историей». Жизнь показала, что блатники составили балласт не только в исторической науке.

Глава 3

Годы 1967–1969. Армейские университеты (Осторожно, мат!)

Карантин

Идти служить не хотелось, но надо! Нас воспитали, что служба в армии является почетной обязанностью и долгом гражданина СССР (статья 63 Конституции СССР, часть первая). В военкомате для призывников звучал пафосно один и тот же вопрос: «А кто будет защищать Родину?» И все же душу раздирало желание учиться на истфаке МГУ. Кто поступил, тот был же освобожден от службы. Если очень честно, то предстоящие два года службы я эгоистично воспринимал как заранее потерянное время. Но надо! Ничего не поделаешь!

Стал ждать повестку, а она не приходила. Маялся без дела. Тогда сам поехал в военкомат на Красную Пресню выяснять, почему не берут, чего ждать? Раньше пойду на службу — раньше вернусь. Но мне посоветовали не спешить и ждать вызова. Я оказался в подвешенном состоянии. Родители требовали перестать бездельничать и устроиться хоть на какую-нибудь работу. Я отвечал, ничего не предпринимая, а кто меня возьмет, если в любой момент могут призвать, и кому нужен такой работник?

И в один из дней я, наконец, смирился с неизбежностью службы. Мне внезапно пришла в голову идея за два года более основательно выучить английский. Это была, конечно, идея-пустышка, но именно она отпустила душевную боль. Успокоившись, поехал на Кузнецкий мост, где купил перевод на английский книги «Плутония» В. А. Обручева. Затем, вдохновившись, решил, что, пока меня не призвали, надо воспользоваться моментом и возобновить чтение художественной литературы. В местной библиотеке выбор пал на собрание сочинений Герберта Уэллса в 15 томах, изданных в 1964 году в серии «Библиотека “Огонька”». На томе 7 пришла долгожданная повестка. Это произошло сразу после ноябрьских праздников. Мать расплакалась.

— Что ты меня хоронишь? — я сильно рассердился. Это заставило ее прийти в себя и вытереть слезы.

Перед отправкой, как всегда, торжественный митинг со словами о Родине, патриотизме, далее прощание с родителями, сестрой, и с чемоданчиком — в иную жизнь. В группе нас было примерно 10 призывников. Посадили в небольшой автобус, который направился на общий пункт сбора. В отличие от меня, настроение у остальных было веселое. По кругу пошла бутылка красного вина, пили по очереди прямо из горла. Потом — посадка в вагон и в путь-дорогу. Никто из сопровождавших нас офицеров и сержантов упорно не отвечал на вопрос, куда нас везут, словно это была величайшая тайна. Поезд сначала прополз по Московской окружной железной дороге, а потом оказался в отстойнике на знакомой мне с детства станции «2-й Пост». Мы пропускали пассажирские поезда до глубокой ночи, потом тронулись, набирая скорость. Становилось ясно, что везут либо в Ленинград, либо на север. По прибытии на Волховстрой ленинградский маршрут отпал. На данном узле скопилось много военных эшелонов с призывниками, но зеленый свет долго не давали. Потом прошел слух, что какие-то призывники разгромили придорожный винный ларек, и вскоре состав стал набирать темп.

Наша краснопресненская компания размещалась компактно в двух плацкартных купе. Вели себя спокойно, но развлекались байками и анекдотами. Все были трезвые. К нам подошел молодой лейтенант и начал живописать красоты Заполярья — какой там необыкновенно чистый и здоровый воздух, все болезни отступают, бывают полярные сияния, кругом сопки, красота! Потом предложил служить в танковом полку. Никто не возражал. Тогда он предупредил, чтобы в Мурманске при распределении мы сказали, что нас уже забирают в Печенгу. При слове «Печенга» мне стало даже интересно, поскольку рядом находился полуостров Рыбачий — Малая Земля военных лет, о которой рассказывал мой отец.

В Мурманск прибыли, когда было темно. Уже на перроне меня поразил необыкновенно чистый и прозрачный воздух Заполярья. У вагона состоялось общее построение, а затем погрузка в машины. Привезли в какую-то часть. Когда шли нестройными рядами, нас обступили солдаты и настойчиво, но безуспешно просили отдать им гражданскую одежду. Мол, вам она все равно не пригодится, сами же будете потом спрашивать у призывников.

Завели в спортзал. На одной его половине у торцевой стены стояли ряды низких скамеек, на которых мы и разместились со своими вещами. Народу было много. В центре зала стояла пара столов. Предупредили, что начнут вызывать по одному, распределять по военным частям. Надо будет подойти с вещами к столу для досмотра. За найденные бутылки могут наказать. Количество сидевших на скамейках

стало постепенно сокращаться. Очередь дошла и до меня. Открыл чемоданчик, кроме комплекта белья и трех книжек там ничего особенного не было. Нашу группу москвичей распределили в Печенгу.

Наконец последний призывник был досмотрен. Скамьи полностью опустели. На мое удивление, ни у кого бутылок не нашли; наверное, все выпили в поезде. Тогда офицер прошелся к последнему ряду скамеек и начал их отодвигать от стены. За ними выстроилась в два ряда огромная батарея спиртного разных калибров и видов. Зал наполнился смехом молодых глоток. Мне же хозяйски подумалось, а куда все это уйдет? Ну, явно не рядовому составу, да и Новый год близко. Хорошо же отпразднуют его мурманские офицеры.

Потом снова поезд до Печенги. Не доезжая до нее, в Титовке остановка при въезде в закрытую погранзону, обход пограничниками вагона. За окнами вагона была темень. На нашей станции снова общее построение, группировка по воинским частям и погрузка в грузовики с открытым верхом. Затем колонна с ветерком двинулась по дороге, петляющей среди заснеженных сопок с редким кустарником. Здесь уже начинала царствовать Снежная королева. Над нами висело черное-пречерное небо, сплошь усыпанное ярчайшими мигающими звездами. Такой красоты я в жизни не видел. Это взбодрило. Чистейший заполярный воздух был пропитан особым, ни с чем не сравнимым вкусом. Не запахом, а именно вкусом полярных льдов близлежащего Ледовитого океана. От всего этого мы пришли в восторг и, охваченные эйфорией, всю дорогу горланили советские песни.

Конечной точкой маршрута для нескольких машин оказался 59-й гвардейский Фокшано-Гданьский танковый полк. Как выяснилось впоследствии, это был показательный элитный полк, один из лучших в округе. И потому он во многом отличался от других частей, в том числе располагавшихся рядом. Здесь служили знающие свое дело офицеры, поддерживалась дисциплина и отсутствовала беспредельная дедовщина, выдерживались нормы усиленного заполярного пайка. Так что мне в 1967–1969 годах повезло.

Полк размещался в излучине реки Печенги по дороге в город Заполярный. Напротив, через реку, возвышалась большая гора, называемая Генеральская сопка. Рядом с ней раскинулся военный городок и железнодорожная станция «Луостари». Десятилетия спустя я узнал, что в переводе с финского это слово означает монастырь. И действительно, там размещалась выставка Трифоно-Печенгского монастыря, который, в свою очередь, был основан монахами с Соловков. Местность наша оказалась примечательна еще и тем, что буквально под боком полка располагался военный аэродром, где служил Юрий Гагарин

и откуда он отправился в Звездный городок, а затем в космос. Прибывавшие в полк почувствовали свою сопричастность с великим событием 1961 года.

Военный городок членился на три части. Основу составлял военный плац, вокруг которого с трех сторон стояли желтые одноэтажные постройки, включавшие в основном бывшие казармы, а также столовую с солдатским кафе (да-да, кафе; вход был с торца), медсанчасть, библиотеку, штаб. С четвертой стороны плац подпирала трехэтажная из серого кирпича казарма. К ней примыкали клуб и котельная. Через дорогу размещался парк с техникой и офицерский городочек из серых двухэтажных домов со своей офицерской столовой.

Нас сразу определили в карантин, мы должны были проходить курс молодого бойца. Подстригли наголо, выдали сапоги и портянки, комплект белья из кальсон, нижней теплой рубашки, солдатскую п/ш (полушерстяную) форму, шинель, кожаный ремень. Заполярная зимняя шапка была своеобразная — с одним коротким и вторым длинным ухом; одно ухо налегало на другое вперехлест и завязывалось тесемочками.

Казарма оказалась теплой. Она отапливалась очень горячими чугунными батареями. В полку ходила присказка: «Лучше большой Ташкент, чем маленький Оймякон». Полы крашенные деревянные. Стены снизу мерзкого темно-зеленого цвета (брр!), выше — побелены. Потолки высокие, окна широкие и высокие с верхней откидывающейся фрамугой.

Вход в распоряжение вел с лестничной клетки в длинный коридор. Сразу при входе — оружейная за решеткой. При ней тумба, у которой стоял дневальный. Справа в самом конце коридора — умывальник и туалет, комната с уютгом и сушилка — самое теплое помещение, состоящее сплошь из рядов круглых батарей, зависших над полом от стены до стены и укрытых сверху решеткой. Налево по коридору размещались учебные классы, Ленинская комната, комната сержантов. Далее — обширное спальное помещение. Здесь стояли двухъярусные койки, сгруппированные по четверо, размещенные справа и слева от центрального прохода. Две двухъярусные койки, приставленные вплотную друг к другу боковыми сторонами, размещались ближе к окну, другая пара — у прохода. Койки были заправлены темно-синими одеялами. Между койками в головах поставлены личные тумбочки для хранения зубной щетки, зубной пасты, материала для подшивки воротничка, ниток, иголок, литературы. Каждому полагалась табуретка с узкой прорезью в центре под ладонь. По четверо табуреток выставлялись у кроватей со стороны прохода и окон. На них складывалась перед сном одежда, рядом ставились кирзовые сапоги.

В подвале казармы размещалась каптерка, где на стеллажах с надеждой дожить до дембеля лежали чемоданы и вещевые мешки с нашими гражданскими вещами.

В армии для выживания солдата жизненно необходимы три составляющие — еда, тепло и сон. Еда вначале была непривычная. Особенно часто кормили невкусной перловой кашей, прозванной шрапнелью. С первого захода она показалась отвратительной гадостью. Но голод не тетка, приноровились и ели как миленькие. Вот только Витя Баранников из Орла ее категорически не принял сразу. Впрочем, не принял он и остальные блюда, которые отличались от того, что готовила ему дома заботливая мама. Пока были деньги, Витя ходил в солдатское кафе, где покупал сгущенку и печенье. Но когда деньги закончились, он поголодал дня два, а потом стал уплетать все подряд за обе щеки, и все ему было мало.

Все же следует объективно признать, что заполярный паек был не такой уж и плохой, хотя с домашней едой он несопоставим. На завтрак полагались кофе с молоком, кусок сливочного масла к каше, хлеб. На обед было первое и второе, чай, или компот, или кисель. На ужин могла быть жареная рыба или кусок мяса, или тушенка. Из гарнира — картофельное пюре, макароны, каши. И все же мы не наедались. Вечно хотелось не есть, а «жрать». Что касается сна, то я, как и остальные, мог бы при возможности заснуть мгновенно в любом месте и в любое время, в любой позе. Главное проснуться. Ходила армейская шутка: поднять — подняли, а разбудить забыли.

В карантине мы сразу попали в лапы старшего сержанта маленького роста, который гонял нас с утра до вечера, упиваясь своей властью над новобранцами. Обучение началось с умения правильно наматывать портянки, дабы не натереть мозоли, что абсолютно верно, правильно подшивать воротничок из белой материи, чтобы не натереть шею и не загрязнять ворот гимнастерки, идеально заправлять постель, ровно по ниточке расставлять ряды коек. Также немаловажно было, чтобы ремень с медной надраенной бляхой, несущей изображение звезды с серпом и молотом, плотно прилегал к фигуре. Для проверки сержант мог крутить бляху: сколько раз накрутит ее вокруг оси — столько даст нарядов вне очереди. Это позволяло сравнить его с Миносом, судьей в аду у Данте: сколько раз тот окрутит своим хвостом тело грешника, такой круг ада ему и предназначается. У нас же нерасторопным предначертывалось драить очки в туалете или мыть полы. Не поощрялась лень; занимающийся не своим делом клеймился матерным словом.

Однако это было только начало будней новобранца. Гоняли по несколько раз по команде «Рота, отбой!» и «Рота, подъем!», чтобы все

до одного разделись, легли в кровать, а затем оделись и построились, уложившись в определенный отрезок времени. «Отбой и подъем» из-за одного не справившегося мог продолжаться долго, как при круговой поруке. Так готовили нас к тревоге.

На плацу учились ходить строевым шагом, маршировать с песней, выполнять команду: «Выйти из строя!», отдавать честь и прочим далеко не премудростям.

В это время в Заполярье установилась полярная ночь, грянули морозы градусов под 30. Зверский холод не могла скрасить даже космическая феерия на звездном небе — зеленые всполохи северного сияния с фиолетовыми и красными разводами. Но у меня, замерзшего, создавалось впечатление, что это одуревшее от холода сияние само металось, пытаюсь согреться. Мы же подолгу маршировали на плацу, а сержант под предлогом, что надо закаляться, издевательски не позволял опустить уши у шапок и растирать свои промерзшие уши. Однако тайком все же исхитрялись время от времени это проделывать. Но парнишка Елисеев оказался слишком исполнительным, в результате он несколько дней ходил с торчащими большими красными лопухами, вызывающими у нас почему-то не товарищеское сочувствие, а всеобщий смех.

Кстати, о местном климате. Он достаточно суров, но в отдельные годы мог повести себя и мягче. За пять лет до моего призыва, в июле 1962 года, Мурманскую область посетил первый секретарь ЦК КПСС Хрущев. Он побывал на границе с Норвегией, в Заполярном, рядом с которым строилась гидроэлектростанция, а затем посетил Мурманск, где на встрече с трудящимися произнес известную фразу о «дважды дорогих мурманчанах». В это время установилась жара. Местная печенгская легенда гласит, что народ стал даже купаться в мелких озерах. Никита Сергеевич посмотрел на все это и возмутился. Это надо же! Рядовым-танкистам платят зарплату как на гражданке, созданы особые условия, а здесь курорт. После его визита танкистам зарплату отменили, а полярные надбавки у мурманчан были урезаны вдвое. Надо бы ему в мороз приехать. С его-то лысиной...

Как-то старший сержант вывел нас за пределы части и устроил военную игру. Он с автоматом скроется в заснеженном лесочке, а мы через короткий промежуток времени должны его преследовать. Во мне, наверное, заговорил ховринский зов детства, когда вся ребятня бежала друг за дружкой с игрушечными автоматами и с упоением кричала: «Тра-та-та-та!» В других новобранцах детство глухо молчало, возможно, просто замерзло. Они действовали вяло. Я же первым ринулся по следам, оставшимся на снегу. А снега было уже до верха сапог. Следы петляли, огибая чахлые березки и елки. Через некоторое время

неожиданно с левого бока раздался щелчок, вспыхнул красный огонек. Я упал. Будь это на войне, ранение в лучшем случае гарантировано. Сержант, выстреливший холостым, преподал мне хороший урок: головой надо думать, а не гнать напролом. Противник не дурак.

После мороза, из полярной ночи войти в теплую светлую казарму — все равно что попасть в рай. Но предстоят занятия по изучению устава или политзанятия. Но вначале объявлен перекур, т. е. перерыв. Все с непривычки устали, хочется прилечь на кровать, что строго запрещено. Сержант ушел, и тогда народ начинает расплзаться по казарме, укладываться на полу, а чтобы не видели, некоторые залезали под койки и даже там мгновенно засыпали.

Уже в первую неделю карантина я стал осознавать, что мои мозги начинают разглаживаться, а я — катастрофически тупеть. Тогда достал взятую мною из дома книжку Достоевского «Белые ночи» и стал при первой же возможности читать, точнее, заставлять себя читать. Я прятал ее под ремнем (что грозило нарядом вне очереди), чтобы легко извлечь в любой момент. Этот сентиментальный роман начинался, как будто специально для меня, с фразы, которая могла ассоциироваться с Заполярьем и сержантом. Только ночь была не светлая, а темная — заполярная: «Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя, неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопрос, любезный читатель, очень молодой, но пошли его вам господь чаще на душу!.. Говоря о капризных и разных сердитых господах, я не мог не припомнить и своего благонаправного поведения во весь этот день. С самого утра меня стала мучить какая-то удивительная тоска. Мне вдруг показалось, что меня, одинокого, все покидают и что все от меня отступаются...»

Занятия проходили в Ленинской комнате, названной так потому, что здесь на стене висел портрет вождя мирового пролетариата, а напротив входа в углу на постаменте стоял его гипсовый серый бюст. На книжной полке аккуратно выстаивали нетронутые тома собрания сочинений Ленина. В комнате были расставлены столы и стулья. После морозного воздуха сидеть здесь — одно удовольствие. И уже неважно, что там говорит сержант, главное — тепло, а ручеек речи сержанта — плата за это тепло. Но глаза начинают предательски слипаться, тянет в сон, с которым надо бороться. Между тем сержант начинает специально читать убаюкивающе, понижая голос, потом замолкает и произносит сначала тихо:

— Кто спит... — а затем вдруг очень громко командует: — Встать!

Мгновенно вскакивают заснувшие, не понимая в чем дело и почему кругом стоит оглушительный смех. Смеялся с удовольствием и я. Проснувшись объявляется наряд вне очереди, и те направляются его исполнять. Так за время одного занятия армейская шутка повторяется несколько раз. Один раз посмеялись и надо мной. Пришлось освежить голову в коридоре — драить пол.

Нас учили разбирать и собрать автомат АКМ, чтобы не оставалось «запчастей» и стрелять из него под бдительным оком офицеров. На полигоне мы, наполовину промерзшие, ложились в снег и, целясь в выставленные вдаль мишени, нажимали окоченевшим пальцем в рукавице на спуск. Мой первый опыт стрельбы не задался. Я неверно целился, и потому пуля все время летела низко, цепляя снежные бугры. Руководивший стрельбой майор Мозжухин аж покраснел от гнева.

5 декабря — важный день календаря в армии. Для солдат это означало праздничный обед — более плотный и даже десерт. С еще большим нетерпением этот день ждали офицеры, которым присваивали очередные воинские звания, изменявшие количество, а то и величину звездочек на погонах, а также размер зарплаты.

Торжественное собрание по случаю праздника проходило в полковом клубе, пристроенном к казарме. На трибуну выходили представители рот и произносили речи патриотического содержания. Все это было скучно, нудно, все знакомо, как штамповка на производстве. Зато все сидели в теплом зале! И это одно уже было приятно, так как на улице мороз был градусов за 20. Ради этого можно было слушать шаблонные газетные фразы. Так надо. Так положено. Мы к этому привыкли.

Обратил на себя внимание новоиспеченный майор Бикмухаметов. В парадном мундире с золотистыми погонами и новыми симметричными большими звездочками по их центру он стоял за трибуной, горделиво и высоко задирая вверх подбородок, громко и с высоким чувством говорил о гордости за страну, о мудрой политике КПСС и правительства, о заботе Коммунистической партии о благе народа, о том, что Советская армия всегда будет стоять на страже завоеваний социализма и отразит любой удар агрессора. Затем он увязал свое выступление с Днем Конституции. В этот момент каждый думал о своем, ловя вполуха речь начальника связи. Тот же неожиданно задал вопрос собравшимся:

— Разве мог простой башкир до революции стать офицером?

Этот вопрос разбудил уже было начавшего дремать моего соседа — Сергея Пояркова. Он хмыкнул и едва слышно пробурчал:

— Кто же раньше дураков в офицеры брал?

А тем временем Бикмухаметов артистично склонил голову наискось в сторону левого погона, посмотрел на присвоенную большую звездочку и неожиданно выпалил:

— Во всей Башкирии три майора!

Я, чтобы скрыть широкую улыбку, наклонил голову и прикрыл лицо руками. Поярков же схватился руками за живот и согнулся пополам, чуть было не полез под кресло, беззвучно смеясь. Остальные сидели, не выражая никаких эмоций: в зале никто не вникал в содержание речи. Успокоившись, и взглянув друг на друга, не сговариваясь, мы задали один и тот же вопрос:

— Как это он подсчитал?

Но Поярков вдруг быстро замолчал и стал сосредоточенным. После Бика выступать должен был он как представитель молодого пополнения армии. И выйдя на трибуну, Серега, любитель поболтать, стал произносить не менее шаблонные фразы, нежели его предшественник. Я так лицемерить не могу, потому и не выступал и не выступаю.

Пока мы проходили курс молодого бойца, старики из разных рот нас постепенно раздели — подневольно-добровольно им отдали новенькие мягкие кожаные ремни, получив взамен их старые дубовые, стынущие на морозе, похожие чем-то на пластмассу. С перчатками та же история. Новые шапки также не все долго прописались на наших головах. Шапку могли стянуть в темном тамбуре клуба при входе в зал. Если не ошибаюсь, то как раз накануне присяги и именно из-за этого командир полка подполковник Стариков построил весь состав полка на плацу и приказал всем снять ремни, перчатки и положить их на снег. Новое обмундирование было возвращено новобранцам.

Рота связи

24 декабря 1967 года состоялся прием присяги с автоматом на верность Родине. Это когда ты стоишь перед строем с АКМ наперевес и торжественно зачитываешь текст, который ранее был выучен наизусть: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь...» Далее расписываешься в ведомости.

После этой процедуры мы стали солдатами Советской армии, доступные военной прокуратуре в случае чего, и разошлись по ротам. Я был определен в роту связи к майору Бикмухаметову, что было вполне закономерно с моей квалификацией радиомонтажника. Туда же взяли москвичей Сергея Пояркова и Сашу Аскольского, из Орла — Витю

Баранникова и Славу Плахова, из Средней Азии — корейцев Яшу Магаю и Кима. Роту связи укомплектовали еще и двумя новобранцами-шоферами.

На радиста стали учить меня, Пояркова и Плахова. Сергей Поярков загремел в армию, как и я, не добрав баллы в университет. Поступал он на филологический факультет МГУ, бросив учебу в Институте нефти и газа, так как понял, что это не для него. Сергей был остер на язык и порой не в меру болтлив. Он считал, что надо постоянно говорить о чем угодно, чтобы развивать свою речь, что и осуществлял с лихвой. Чем занимался до армии высоколобый и начинающий лысеть Слава Плахов, не могу сказать. У него явно были технические наклонности.

В телефонисты определили Аскольского, Магаю и Кима. Саша Аскольский закончил школу, но стремления продолжить учебу не испытывал. До армии он с напарниками организовывал выступление вокально-музыкальных групп. Они снимали полностью кафе с сервировкой столиков, потом распространяли билеты на вечера. Это меня удивило, я даже не предполагал, что такое у нас возможно, да еще в Москве.

Направленные в телефонисты корейцы трудились ранее в сельском хозяйстве, занимаясь выращиванием репчатого лука. Работа тяжелая, не для бездельников. Молчаливый и замкнутый в себе Ким с неприятным, как бритва, резким взглядом глаз-щелочек, вызывал отторжение. Один раз в радиоклассе, не помню из-за чего, мы с ним схватились за грудки. Он меня ненавидел, как и я его. При этом он обещал меня убить (ну-ну!). Потом Володька Бухаров, старший нас на год, сказал, что вот такие будут общаться нормально с собакой, но не с людьми. Кима как телефониста быстро забраковали из-за неспособности к обучению и определили в полковые почтальоны. В отличие от своего земляка, маленький шустрый Яшка Магаю оказался замечательным парнем, общительным, веселым, компанейским, надежным другом. Проблема не в национальности, а в самом человеке. СССР был братством народов.

Витю Баранникова, вечно голодного и абсолютно негодного к строевому шагу (его личность достойна отдельного рассказа), определили в радиомастерскую заниматься привычным и любимым для него делом — ремонтировать аппаратуру, чем он и занимался в Орле в трамвайном парке до призыва.

В роте связи мы познакомились с ребятами двух волн призыва. Может, кого-то это сильно и разочарует (мол, не понял службы в армии!), но еще раз хочу особо подчеркнуть, что никакой дедовщины, т. е. подлого унижения своего же брата-солдата, издевательства над ним (именно так я понимаю суть данного уродливого явления, особенно

расцветшего в 1990-е годы в криминальной России) в нашей роте связи гвардейского Фокшано-Гданьского полка в 1967 году не было и не могло быть в принципе. Здесь служили нормальные ребята с полным средним образованием и явно из благополучных семей, многие из Ленинграда. Их поведению вообще не были свойственны блатные, полууголовные наклонности. Дедовщина на самом деле была позором армии. И не было в ней никаких достоинств, на мой взгляд.

Старики, за годы службы ставшие асами, в совершенстве освоившие радиостанции и работу телеграфиста, носили значок с буквой «М» — мастер. У солдат второй волны призыва был значок специалиста 1-го класса. Они могли иногда поворчать, показав свое явное превосходство, даже накричать, но руки никогда не распускали. В их задачу входило подготовить себе смену.

Телеграфному делу нас обучал старший сержант Морозов, невысокого роста, плотно сбитый, монументальный. В чертах его лица с ясным резким сверлящим взглядом и заостренным носом угадывались ум и некая нервозность, но последняя никогда не прорывалась наружу. Он был выдержанным, образцово-показательным военнослужащим, на таких держалась армия. Морозов вступил в партию и ездил в Печенгу на партийную учебу, из чего можно было заключить, что со своей карьерой он определился. Как к мастеру своего дела я проникся к нему большим уважением.

Мы стали изучать азбуку Морзе. Оказалось, что здесь надо иметь музыкальный слух, потому что подсчитать количество точек и тире, соответствующих определенной букве или цифре, нельзя. Распознавание буквы и цифры происходит по напеву, соответствующему определенному слову. Например, буква «о» передается тремя тире — — —. Попробуй подсчитай! Они же звучат как слово с тремя слогами с буквой «о»: мо-ло-ко. Или буква «с» из трех точек ... соответствует произносимому скороговоркой слову «самолет», при этом первая гласная проглатывается; «смлёт». Отсюда сигнал «СОС» (3 точки, 3 тире, 3 точки). «Спасите наши души», а по-английски «SOS — save our souls» звучит как «смлёт — молоко — смлёт». Или, скажем, буква «д» из тире и двух точек (-..) воспринимается на слух как «дай ку-рить»: в первом слове буквы «ай» — протяжные, нараспев. Буква «ж» из трех точек и тире ... — слышится как «я бук-ва жэ», «жэ» — протяжное, с распевом. В тире все звуки протяжные. И так далее. Это было даже интересно и, более того, приятно — в теплом помещении обучаться у специалиста по фамилии Морозов, а не на морозе.

Учились выстукивать знаки на ключе, отрабатывали короткий сигнал — точку и длинный — тире, все буквы и цифры, затем не слова,

а сочетания из пяти знаков. Тексты всех телеграмм имели разбивку по пять знаков.

Радист должен был знать условные знаки из трех приличных букв: ЩСА — дайте настройку, ЩСЖ — вас не слышу и т. д. Еще один знак ПХВ давался, когда срочно требовалось прервать передачу радиogramмы по очень важным делам. Он означал неприличное — «полный х. воды».

Обучение работы на телефонных и телефонно-телеграфных станциях Р-104М, Р-105М, Р-123 мы проходили у майора Бикмухаметова. Он тоже был невысокого роста, не худощавый, но и не крепко сложенный, с гордо вскинутой головой и горделивым взглядом, ставящим сразу заслон в общении с подчиненными. Бик выделялся смуглым цветом кожи. Говорил он медленно, словно подбирал слова незнакомого языка, но четко и не путано. От нас требовалось знание тактико-технических характеристик радиостанций разных типов и усвоение приемов работы с ними. Радиостанции эти стояли на бронетранспортере БТР-50 ПУ, на вездеходе ГТТ и на автомобиле. Занятия проводились как в классе, так и непосредственно на технике. Иногда выезжали в поле, развертывали антенны. Мне нравился больше всего БТР-50 ПУ. В нем чувствовалась мощь, было удобно работать и его салон обогревался. Попутно обучали нехитрому делу телефониста — раскрутить катушку и подключить телефон, залезть на столб в кошках.

В роте старики недолюбливали Бика.

— Да он же неграмотный! — возмущался Володя Бухаров, солдат второго года службы. — Этой весной, когда мы были на учениях, и у нас кончились продукты, Бик написал записку своей жене и направил в городок Мишку Алмазова. Алмаз ее прочитал. Там было написано с грамматическими ошибками: «Газима пришли крупны. У нас кончились крупны».

Ближе к лету мы провожали майора Бикмухаметова на станции Луостари, помогали грузить его обширный багаж. Бика после повышения перевели в другую часть куда-то на юг.

В роте появился молоденький лейтенант из суворовского училища с говорящей фамилией Баранов, с правильными окатанными, словно галька морской водой, чертами округлого лица. Это был вышколенный чистюля, которому бы в штабе сидеть. Он резво взялся за наш внешний вид и строевую подготовку, выправку, но никак не за радиодело. Баранов всем оказался недоволен, стал гонять связистов по плацу, придираться к тому, как плохо на нас сидит форма. Раздувая щеки и краснея от возмущения, бывший суворовец пискляво-крикливым голосом обещал навести порядок. Правда, говорил при этом интеллигентно, без

мата. Мы его сразу невзлюбили и не восприняли серьезно, в том числе и из-за небольшой разницы в возрасте. Один раз Баранов на меня взелся. Во время строевой подготовки надо было выйти из строя и обратиться к нему по форме. Я оговорился, назвав его младшим лейтенантом. Он оскорбился и отправил меня учить воинские звания, указанные в Уставе.

Телефонисты были в подчинении капитана Козырева, судя по упругим скулам и резко очерченному подбородку, он был человеком решительным и жестким. Старослужащие прозвали его Скулой, или Шоткой. Второе прозвище прилипло к нему из-за произношения: вместо «что» он говорил на украинский манер «шо». Однажды Козырев сделал вполне справедливое замечание Бухарову:

— Бухаров! Почему воротничок не подшит? Гимнастерка не заправлена. Шо, шо такое?

И тут у радиста Бухарова, бывшего не в духе, сдали нервы:

— Ну, шо, шо, шо, шо, шо ты ко мне привязался! — Володька сразу же получил наряд вне очереди под смех роты.

Рассказывали, что Козырев прибыл в часть из артиллерийского полка, и первое время вместо «роты» утром командовал: «Батарея, подъем!»

Один случай оставил у меня неприятные воспоминания о нем. Водитель нашей роты Королев выпивал и даже уходил в самоволку. Все это докладывалось на самый верх, из-за чего начальство часто высказывало капитану свое недовольство. Наш полк считался образцовым, а здесь постоянные нарушения дисциплины, что могло сказаться на досрочном присвоении очередного звания капитану. Кстати, многие офицеры в полку делали свою карьеру, быстро уходя наверх с повышением. Образцово-показательный полк для многих служил своеобразным трамплином в карьере.

Капитану надоели беседы с Королевым, они не помогали. Как-то раз, когда я был дежурным по роте, Козырев позвал меня, Королева, и мы вместе вышли из казармы на плац. Но потом капитан резко повернул за угол одноэтажной санчасти, и мы оказались в укромном месте. Я не понимал, что происходит. Ротный внезапно резким ударом свалил Королева с ног, а потом стал пинать его сапогом. Я автоматически схватил Козырева сзади за правую руку и стал оттаскивать:

— Товарищ капитан, перестаньте!

Но тот оказался жилистым. Ударив свою лежавшую молчаливую жертву еще пару раз, он отошел в сторону.

Королев поднялся. Мы пошли в казарму. Мне так и осталось непонятно, зачем ротный взял меня с собой. То ли он думал, что Королёв

один с ним никуда не пойдет, в таком случае я выступал как прикрытие. То ли он боялся за себя, что не сможет остановиться из-за накопившейся злобы и забьет Королева. Возможен и третий вариант — и то и другое вместе.

С Козыревым связана и другая история, когда он допустил во время несения службы явную оплошность. Вся наша рота связи была в наряде. Капитан с двумя рядовыми направился патрулировать в город Заполярный. Там они заловили самовольщика Прокудина из соседней автороты. Как положено в таких случаях, отобрали у него военный билет и посадили в машину, чтобы отвезти в часть. А Прокудин неожиданно выпрыгнул из машины и ударился в бег. Ребята бросились за ним, но не догнали или не старались догнать. Козырев остался недоволен, чертыхнулся, сначала намерился даже возвращаться в часть, чтобы доложить о случившемся. Но было начало дня, и он решил, что Прокудин никуда не денется, поскольку военный билет у того был изъят.

Вернулись в часть к обеду, доложили о произошедшем дежурному по полку. Тот взял двоих солдат и направился в казарму. Потом эта история неоднократно воспроизводилась среди солдат в лицах даже с неким восхищением:

— Где Прокудин?

— Спит.

— Разбудить!

Подходят к койке:

— Прокудин, вставай, на губу за самоволку! — заспанный Прокудин возмущенно удивляется:

— Какую самоволку? Да не был я в самоволке.

— Прокудин, хватит врать. Где твой военный билет?

— Как где? В гимнастерке! — Прокудин встал и начал искать билет в военной форме.

— Нет! — удивился он. — Спи...ли!

— Хватит врать, Прокудин. Твой билет мне передал капитан Козырев, который тебя задержал в Заполярном.

— Да не был я в Заполярном, спал.

— Есть свидетели. А как же билет?

— Я и говорю: спи...ли!

Это вранье дежурному по полку надоело, и Прокудина отвели на гауптвахту. Но тот по-прежнему отрицал все. Дело дошло до командира полка. Подполковник Стариков построил полк. С гауптвахты привели Прокудина в шинели и, как положено, без ремня на поясе, в сопровождении часового с автоматом.

— Рядовой Прокудин! Перед всем полком признайся, что ты был все же в самоволке, где у тебя отобрали военный билет! — настаивал Стариков.

На это обращение Прокудин ответил под общий хохот всего полка:

— Никак нет, товарищ подполковник! Военный билет спи...ли!

И здесь полкан вкатил ему отсидку на губе по полной, уже от себя.

В нашей роте всеми хозяйственными заботами и материальным обеспечением успешно занимался старшина Хлопотов, пожилой и худощавый, с изможденным лицом. Он же отвечал за дисциплину и общий порядок. Когда вся рота заступала в наряд, Хлопотов вел развод. У него не было образования и интеллекта. Об этом свидетельствовала пустота в его глазах, а также речь, наполненная сплошной матерщиной и руганью для связки слов. У Хлопотова было два коронных ругательства, которыми он ставил солдат на место. Их он произносил громко, повышенным тоном, с напором:

— Сопля зеленая! Говно фиолетовое!

У бывших одиннадцати- и десятиклассников такая брань вызывала только усмешку, а сам старшина в отместку получал фунт презрения. Ну не повезло человеку в жизни. Где он там родился? Где рос? Кто его воспитывал?

Меня включили в состав экипажа ГТТ. Это был гусеничный тягач с кузовом, обтянутым брезентом по металлическому каркасу. Со стороны водителя размещался блок радиостанций, включая сточетверку с антенной Куликова, была еще 123-я радиостанция и телескопическая антенна. Вдоль бортов — откидные боковые сиденья, в центре между ними столик. Маленькие узкие боковые оконца в брезенте давали мало света. Основное освещение было от лампочки под потолком, которая работала от аккумулятора. Впрочем, можно было откинуть задний пол. Тогда становилось светлее. Теплый воздух должен был подаваться при работе двигателя из салона водителя, но сама печка не работала, а механик-водитель даже и не думал ее чинить. Ему было тепло рядом с двигателем. В салоне было, мягко говоря, прохладно. Что это такое, я прочувствовал сполна на первых же весенних учениях.

После подъема по тревоге мы болтались по заполярным сопкам дня два. Брезентовый пол, накрывавший кузов, держать тепло полноценно не мог, а слегка гретый воздух, шедший от двигателя, лишь имитировал тепло. В холоде под промерзшей брезентовой крышей не уснешь. Я промерз в прямом смысле до костей. Меня выручил быстрый конец учений и то, что боковая антенна Куликова оказалась плохо закреплена и все время падала. Приходилось ее устанавливать заново по ходу движения, чтобы ее закрепить. Двигался и немного согрелся.

Смысл учений мне остался неясен, так как наши радиостанции практически не понадобились, возможно, они были резервными. Закончилось это тем, что в наш ГТТ решили загрузить коробки с оставшимся сухим пайком, а меня отправить к сержанту Григорьеву, работавшему на радиостанции, установленной на машине «ГАЗ». Когда я открыл дверцу радиорубки, на меня пахнуло волшебным теплом! Здесь была нормальная печка, и ребята кайфовали. Мне выделили пустующую лавку, на которую я завалился и тут же провалился в сон. Сон временами нарушала встряска на очередной дорожной колдобине. Машину, на нее наскочившую, подбрасывало слегка вверх. В этот момент я на доли секунды просыпался, ощущая себя парящим в воздухе, и тут же засыпал. После возвращения в полк нам дали отоспаться.

На следующий день после окончания учений мы пошли в автопарк приводить технику в порядок. В наш первый бокс, находившийся рядом с воротами, в распахнутые ворота стала мастерски, лихачески въезжать машина «ГАЗ» сержанта Григорьева. Ею управлял Солнышко — опытный водитель-питерец. Я в этот момент входил в ворота. Почему-то он меня сразу не заметил, а когда заметил, было уже поздно останавливаться. Я оказался зажат между зафиксированной дверью и движущейся стенкой кузова. Было ощущение, что на тебя надвигается махина, которую ты не в силах остановить. Я был вжат в створку ворот, но мне удалось вовремя повернуть в сторону голову и развернуть носки сапог. По ладоням заскользила зеленая стена, которую я механически пытался отодвинуть, но сил не было. Она все больше и больше неотвратно давила на меня. Спасла моя худоба, иначе бы несдобровать. Когда машина въехала в бокс и встала, из кабины вышло бледное Солнышко. Оно стало оправдываться. Но с другой стороны было бы еще хуже, если бы он остановился.

Наша служба превратилась в обыденность: подъем — зарядка — завтрак — занятия в радиоклассе или практика — обед — занятия или иные мероприятия типа политзанятий, строевая, редкие стрельбы, чистка оружия и прочее — ужин — свободное время — отбой. Но прежде всего нас готовили для дежурства на радиостанции. Для этого надо было в конце полугодия сдать на 3-й класс.

Как-то раз нам впервые показали узел связи. В нем было две комнаты. В одной, самой большой, стоял мощный передатчик со множеством блоков, телефонный коммутатор и стол с пишущей машинкой. Смежная маленькая комната была пустая. К зданию узла снаружи примыкала пристройка для движка на случай отключения электричества. Здесь попахивало бензином. В целях безопасности у стены стоял красный ящик, наполненный песком, а над ним висел красный деревянный

щит с пожарным инструментом. Песок предназначался на случай, чтобы сбить пламя загоревшегося двигателя.

На узле дежурили двое: радист и телефонист. Телефонист восседал перед панелью с множеством отверстий, прикрытых медными крышечками. Временами они отпадали, и в появившееся отверстие связист втыкал штекер на шнуре. При этом он все время, словно ненормальный, твердил одно и то же слово:

— Колбаса!.. Колбаса!.. Колбаса!.. — Это оказался позывной с гастрономическим оттенком.

Первый офицер, который вел политзанятия, был болезненно худой, его речь была кашеобразной. Он мог тоже сквернословить, но надо признать, что его афоризмы пронимали и запоминались на всю жизнь, например: «Плохому танцору яйца мешают». На политзанятиях постоянно твердили о бдительности, поскольку совсем рядом проходит граница с Норвегией, единственной пограничной с СССР страной, входящей в блок НАТО. На тех же занятиях рассказывали всякие страсти о диверсантах и тому подобное. Излагался главный тезис: пока существует империализм, существует опасность мировой войны между двумя системами. Собственно, это проходили и в школе, и в этом я нисколько не сомневался. Только один Карибский кризис едва не перешел в ядерную войну.

Предупреждали о необходимости соблюдать секретность, разъясняли, что можно писать и о чем нельзя писать. Открыто сказали, что наша почта проверяется. Действительно, часть писем ежедневно просматривалась на выборку. Советовали не пугать своих родителей и знакомых выдуманными ужасными историями. В качестве примера привели письмо нашего связиста, который написал своим друзьям в Ленинград следующее. Мол, здесь холодно, кругом снега и бродят белые медведи; мы приходим в столовую, отгоняем медведей от столов и только после этого садимся есть.

В армии весточки из дома можно сравнить с подачей кислорода, особенно в первые месяцы службы. Казалось, что там особенного могут тебе сообщить, но каждая обычная строчка была самоценна как глоток свежего воздуха. Переписка в течение двух лет у меня была в основном с родителями, точнее — с мамой. Создавалось впечатление, что мы все — метеорологи и агрономы. В письмах сообщалось о погоде, сколько градусов на улице, тепло там или холодно, а также как дела идут на даче, что посеяно и чего, сколько собрано. Писалось о здоровье, очередной гипертонии. Получил письмо, прочитал и вдохнул чуть-чуть домашнего воздуха, увидел дом.

За время службы письма изредка приходили и от друзей, Паши Митяева, Геныча Севастьянова, Володи Гришина.

Свободное время я использовал для чтения художественной литературы. Записался в библиотеку, продолжил освоение Достоевского. Взял роман «Идиот». Володя Бухаров подколот:

— И как ты можешь читать Достоевского в армии? Он описывает голод, холод, нищету. Здесь же все время жрать хочется. Достоевского можно читать, если поставить перед собой целый тазик с пирожками.

Потом я переключился на исторические романы. Прочитал все три книги романа «Емельян Пугачев» Вячеслава Шишкова, «Русский флаг» Александра Борщаговского о боевых действиях на Дальнем Востоке в 1853–1856 годах, «На главном направлении» генерала Н. А. Штеменко о работе тыла в годы Великой Отечественной войны, роман-хронику «Мертвая зыбь» Льва Никулина об операции «Трест», «Резерв генерала Панфилова» А. А. Бека. Книги даже конспектировал на отдельных листочках мелким почерком, обращая внимание на сюжет и интересные исторические детали. Но из-за отсутствия времени чтение проходило урывками.

В выходной нас все равно пытались чем-то занять. Когда спали морозы, стали выгонять в сопки на лыжню. Временами светило короткое солнышко, и такие вылазки были приятны, тем более что на лыжах я любил кататься. Да и необычной природой можно было полюбоваться. Кругом сопки с низкой растительностью. А когда снег еще блестит на солнце, кругом такая красота, что в какой-то момент и не жалеешь, что оказался здесь.

Раз в неделю вечером — обязательно кинофильм. Так совпало, что, когда я читал роман Достоевского, в клубе показали прекрасный старый фильм Пырьева «Идиот» с Юрием Яковлевым и Юлией Борисовой в главных ролях. После него за книгой в полковой библиотеке выстроилась очередь. Меня стали торопить.

Пару раз был в увольнительной. Утром нас отвезли в ближайший город Заполярный. С Витькой Баранниковым мы сразу направились в столовую, чтобы наесться до отвала. Получилось! Набрали закусок, салатов, первое, второе — по несколько порций. Столик оказался заставлен в два яруса. Но съели всё! И на что только не способен вечно голодный солдат Советской армии?!

В самом городе ничего интересного не оказалось. Он был маленьким, размером с улицу с пятиэтажными блочными домами и несколькими магазинами. Имелся и современный кинотеатр «Юность». На его крыше, затмевая название, из крупных букв был сложен традиционный лозунг «Слава КПСС!».

Собственно, делать в Заполярном было нечего. Скучно. Если только посмотреть кино в полупустом зале да зайти погреться в магазин,

послушать музыку. Один из покупателей попросил поставить пластинку. Песня меня рассмешила глупыми словами и тем, что в это время на улице был мороз около 20 градусов:

А жара печет,
а верблюд идет.
О, Каракумы!
О, Каракумы!

Этот шедевр я услышал первый и последний раз в жизни.

Роту связи часто ставили в наряд по службе — кого куда. Я все время попадал или дневалить, или направлялся в столовую. Столовая — особая тема. Там не заскучаешь и не отдохнешь. После обеда старшина перед строем зачитывал наряд. В этом дежурстве были свои плюсы и минусы. Плюсы состояли в том, что можно было наесться досыта, а минусы — в том, что надо было вкалывать, не разгибая спины в буквальном смысле слова, почти ровно 20 часов в сутки за счет сна. Впрочем, сразу после обеда можно было завалиться спать часа на два-три, а далее шла подготовка к принятию дежурства.

Приходилось мыть посуду на целый полк — тарелки, миски, бачки из-под пищи, кружки, поварешки-разводящие, ложки. (Кстати, в нашем полку никто и никогда не держал ложку в грязном сапоге.) Приходилось также управлять картофелечисткой и дочистать после нее картофелины. Наводили чистоту, порядок и в самом зале. Крутились-вертелись сутки с короткими перерывами на сон.

На завтрак полагался кофе на молоке. Его варили на сгущенке, которую могли прислать в больших банках, а могли и в обычных — небольших баночках. Сгущенка — можно сказать, стратегический продукт. Заправка ее в котел осуществлялась поваром в присутствии дежурного по столовой. Но одно дело вскрыть ножом большие банки, и совсем другое — малые. В таком случае дежурный по столовой выбирал одного солдата-открывальщика, дабы молоко не растекалось по многочисленным устам, и запирали его в отдельной комнате на ключ. Сам уходил по делам. Доверенному лицу поручалось не только вскрывать банки, но и выливать сгущенку в бачки. Однако непредвиденные утечки ценного продукта все же происходили.

Во время одного из нарядов по столовой я шел по коридору и услышал в его конце за углом странный смех, аж с подхлюпыванием. Подойдя, застал следующую картину. У закрытой двери выстроилась очередь из пяти-шести человек из нашего наряда. Все смеялись. А самый первый, пополам согнувшись, припал к скважине замка губами, также смеялся и при этом причмокивал. Оказалось, он тянул сгущенку через

полулю макаронину, вставленную в замочную скважину. По другую сторону двери стоял изобретательный Слава Плахов с бачком, наполненным сгущенным молоком. Все это соответствовало поговорке «голь на выдумку хитра».

Той же весной в полку случилось два ЧП и оба нелепые. Сержант, прошедший учебку, решил в подвальной каптерке показать троем молодым солдатам нашего призыва, но из танковой роты ручную учебно-боевую гранату. Демонстрируя ее, он заявил, что она безопасная. От нее будет только хлопок. Один из ребят со словами «Я в такие игры не играю» вышел из подвала. И в это время раздался взрыв. Сержант-идиот все же выдернул чеку. Все трое погибли на месте. Им разворотило кишки. Четвертый остался жив. Прощание состоялось на плацу.

Второе ЧП было связано со сверхсрочником Соломоновым из нашей роты. Он ушел в Заполярный и не вернулся. Роту связи бросили на его поиски, прочесывать прилегающие к дороге места. Что могло случиться, никто не знал. Мы его не нашли. Подняли полк. Тело Соломонова обнаружилось недалеко от дороги. Сказали, что он, будучи пьяным, упал в лужу и захлебнулся.

Ближе к лету, когда растаял снег, роту направили на копку траншей под кабель вдоль дороги на Заполярный. С одной стороны — воля, а с другой — нелегкая работа. Копку можно было только условно назвать копкой, потому что земля была насыщена камнями и крупными валунами, которые приходилось или выворачивать или обходить стороной. Во время перекура молодой шофер Вахрушев достал из кармана найденный немецкий патрон и хотел бросить его в костер со словами:

— Интересно, как стрельнет?

Мне по-настоящему стало страшно:

— Что за глупость! Куда он полетит, знаешь?

В одно из воскресений в 1968 году должны были состояться выборы в органы власти. В Ленинской комнате появился плакат. Об этом провели политинформацию, всех призвали принять активное участие в голосовании, выполнить свой гражданский долг. Накануне вечером в ротах данный вопрос активно обсуждался, говорили о том, что на избирательный участок надо прийти как можно раньше, чтобы проголосовать первыми. Я не собирался вставать раньше положенного времени в воскресный день, законный выходной. Но мой сладкий утренний сон внезапно прервал полет на матрасе со второго яруса койки на пол. Старики в гневе просто сбросили меня вместе с матрасом, потому что я подвел роту связи, оказавшись единственным в ней, кто еще не проголосовал. В других ротах занимали очередь чуть ли не с ночи, чтобы первыми опустить бюллетень. Мне это было непонятно.

— Да какая разница, когда голосовать? — начал я возмущаться, оказавшись сидящим на полу в окружении стариков. На что один из них сверху вниз ответил доходчиво и чисто по-армейски:

— Какая разница? Какая разница? Один е...т — другой дразнится!

Данные аргументы оказались столь убедительны, что я быстро оделся и пошел на избирательный участок.

Точно не помню, когда Пояркова, Аскольского, Плахова и меня направили в короткую командировку в Мурманск изучать радиокomплекс на бронетранспортере БТР-50 ПУ. Снега уже не было. Старшим был назначен Плахов. Мне очень хотелось посмотреть этот знаменитый заполярный город. Однако увиденное из окна вагона поезда, медленно втаскивавшегося в его нутро, меня несколько озадачило, отбив сразу романтическое восприятие города. Недалеко от железной дороги всюду небольшими группками сидели мужики и соображали на двоих или троих. Потом уже в самом городе нередко можно было наблюдать людей с початыми бутылками в руке. Что это? Город алкашей?

Данная атмосфера, видимо, и спровоцировала посещение нами магазина по дороге в часть назначения, хотя ни у кого внутри не горело. На выходе с бутылкой нас заметил издали патруль. Пришлось убежать во главе со старшим Плаховым. Повезло, что рядом оказалось скопление сараев. Пробегая мимо одного из них, мы заметили достаточно высокий лаз под дверью. Поднырнули и оказались внутри пустого помещения. Погоня отстала. Из горлышка сделали по глотку. Я особенно не налегал, так как алкоголь мне не нравился в принципе. Но из бараньей солидарности пришлось выпить. (Не подействовало домашнее воспитание, внушение — если все в колодец, то и ты туда же?) Затем, чтобы отбить запах, ребята закурили. Я тоже взял сигарету и сделал вид, что затянулся, а на самом деле лишь наполнил рот дымом и его выпустил. Позже Плахов долгое время был убежден, что я курил по-настоящему и что я вообще курю.

В Мурманске мы вместе с другими прикомандированными оказались под командованием офицера связи. Узнали достаточно много нового. Больше всего меня поразил путепрокладчик, который карандашом вычерчивал на вставленной карте путь, пройденный машиной.

Познакомились с местными связистами. Они рассказали несколько забавных баек из жизни. В одной рассказывалось, как к командиру полка пришла девушка с требованием, чтобы рядовой такой-то женился на ней, поскольку она от него забеременела. Выслушав ее, полковник достал иголку, а ей дал нитку с просьбой вдеть в ушко иголки. Та нацелилась, но, когда кончик нитки вот-вот должен был войти в ушко, он повернул иголку. Так повторилось несколько раз. Наконец жалобщица обиделась:

— Вы же вертите!

На это подполковник сказал достаточно грубо:

— Вот ты, дура, и вертелась бы. Тогда бы он и не попал!

На следующий день командир построил полк и рассказал эту историю как притчу в назидание всем.

В воскресенье нам увольнительной не дали. Между тем мне очень хотелось посмотреть город. Ребята подсказали выход: переодеться в спортивный костюм и через известную щель в заборе пролезть в город. Получив простенький тренировочный костюм и кеды, я вышел на спортивную площадку и стал разминаться для вида. Сделав кружок, исчез. Главное было запомнить дорогу назад, чтобы не потеряться. Отсутствовал часа два. Город мне не понравился. В центре напоролся на нашего офицера связи, который шел под ручку со своей женой. В такой ситуации мне ничего не оставалось, кроме как сделать вид, что я его не знаю. Он же меня не окликнул. Но с утра на построении сделал замечание, что **некоторые** в воскресенье гуляли в городе.

К лету 1968 года танковые роты стали очищать от особо активных. Их собрали и отправили, как потом выяснилось из переписки, в Белоруссию. Им завидовали: греться уехали на солнышко, а нам здесь мерзнуть. Но никто тогда не знал, что 21 августа их ждала Чехословакия.

31 мая я сдал на радиста 3-го класса и привинтил к парадному мундиру соответствующий значок. Иными словами, стал полноправным радистом, который мог по правилам радиообмена устанавливать связь с корреспондентом, обмениваться радиограммами, дежурить на радиостанции. Началось наше дежурство на узле связи.

Уже начались разговоры о поездке радистов на «целину» — так в армии называют уборку урожая, на которую направляют шоферов, а в дополнение к ним и радистов для обеспечения связи. Само слово «целина» означало отнюдь не в прямом смысле — целинные земли в Казахстане, а поездку в теплые края на уборку урожая и возвращение в часть глухой осенью. Мне это не грозило, так как радистов первого года службы не отпускали, а только солдат третьего и второго года пребывания в армии и при этом «сачков». Об этом не раз говорил командир роты.

6 или 7 июня наш полк подняли по тревоге, начались учения «Север-68», которые длились менее недели. Они явились взаимным ответом на военные учения «Полярный экспресс», начатые 3 июня в соседней Норвегии в Тромсё с участием высадки сил быстрого реагирования НАТО. Сами учения и появление в Норвегии санитарной роты из ФРГ вызвали гнев у советского командования. Газета «Красная звезда» писала, что немецкие солдаты вновь маршируют на улицах Киркенеса,

в боях за освобождение которого от фашистов в 1945 году погибло много советских воинов.

Наш полк вошел даже в нейтральную зону близ города Никель и встал вблизи норвежской границы на расстоянии выстрела. Вся техника полка демонстративно выстроилась в ряд на расстоянии боковой видимости вдоль рубежа. Это было сродни психической атаке. Из нашего ГТТ в бинокль на норвежской стороне я рассмотрел одинокий аккуратненький, непривычный для нас, домик. Из него выбежали несколько человек в военной форме, сели в машины и уехали. Мы расценивали противостояние как игру и не более, не подозревая, в каком нешуточном военно-политическом действии тогда приняли участие.

Десятилетия спустя в интернете я прочитал материал об этих учениях. Из-за натовского «Полярного экспресса» в боевую готовность была приведена не только вся дивизия, расквартированная в Печенге, включая наш Фокшано-Гданьский гвардейский танковый полк, но и бригада морской пехоты, в воздух были подняты десантники-парашютисты, бомбардировщики и транспортная авиация.

Норвежцы перепугались не на шутку и занервничали. Министр обороны Норвегии специально для утечки информации, дабы предупредить какие-либо провокации с советской стороны, по открытой связи отдал приказ норвежским войскам открывать огонь в случае перехода подразделениями Советской армии границы в районе Киркенеса. А наши все же не преминули подразнить натовцев. Утром, 7 июня, в самом начале учений близ поселка Борисоглебский один из танков на полном ходу проехал до пограничной полосы, затем резко затормозил и остановился всего в 20–30 метрах от линии, за которой начиналась территория Норвегии. Это был наш «ответ Чемберлену». Учения продемонстрировали мощь нашей армии, которую нельзя позорно, как в 1941 году, взять врасплох.

Великая Отечественная война напоминала о себе постоянно. Так, по рассказам стариков нашей роты, неподалеку от нашей части, на реке Западная Лица, находится Долина Смерти. Она огорожена со всех сторон колючей проволокой, за которую не так уж и трудно проникнуть. Во время учений, проходивших рядом, солдатики туда проникали. В немецких блиндажах, брошенных в ходе наступления в 1944 году Красной армии, находили ящики с патронами. Вскрывали такой ящик, а в нем упаковки в смазке, как будто с завода. Патроны как новенькие, стоило только убрать смазку. И это спустя десятилетия после войны. Находили немецкие фарфоровые кружки, пепельницы со свастикой. А на нашей стороне — гнутые кружки, миски. Рассказывали почти неправдоподобную историю, что свое название долина получила от того,

что там замерзли две дивизии — наша и немецкая, что якобы в мае была теплая погода, и всем выдали летнее обмундирование, но затем грянули проливные дожди и морозы.

На самом деле здесь, на дальних подступах к Мурманску, в 1941 году были остановлены немцы, и до октября 1944 года проходила линия фронта. Продвижение фашистских войск, в частности горных егерей дивизии «Эдельвейс» Вермахта, остановила 14-я армия и Полярная дивизия из добровольцев, более чем наполовину укомплектованная из политзаключенных и уголовников. Немцы были прекрасно экипированы, на них была специально пошитая теплая одежда, на ногах берцы.

В самом конце июня, когда мы, первогодки, уже активно дежурили на узле связи, мне пришлось на несколько месяцев покинуть полк. Произошло это совершенно неожиданно.

«Целина». Отъезд в Ростовскую область

Из столовой в расположение роты вел старшина Хлопотов. Перед крыльцом трехэтажной казармы он громко скомандовал нараспев:

— Ро-ота-а! — это означало, что надо бессмысленно усиленно топтать сапогами по бетону. — Стой! На-ле-во! Вольно! Слушай наряд! — и далее Хлопотов стал перечислять, кто куда пойдет: в парк обслуживать технику, на КПП — командно-пропускной пункт, в штаб к знамени полка, наконец, в столовую. Я стоял в последней шеренге, зная, что меня, скорее всего, направят в столовую. Но на этот раз моя фамилия вообще не прозвучала.

— Всех назвал? — спросил старшина, оторвав голову от списка, интуитивно осознавая, что здесь что-то не так.

— А я куда иду?

— Буров... Буров... В столовую... В столовую, — заученно, но как-то уж очень неуверенно пробормотал Хлопотов, начав повторно сверху вниз просматривать весь список. Потом, дойдя глазами до недочитанного внизу края листа, неожиданно объявил:

— На целину из радистов едут Бухаров и Буров.

— У-у-у! — пронеслось по роте одновременно завистливо и разочарованно, словно мимо промчался не остановившийся желанный поезд.

Стоявший передо мной Володя Бухаров повернулся:

— Володька! Ура! На целину едем!

Все произошедшее за какую-то минуту для меня было полной неожиданностью. В отличие от Бухара, я стоял в растерянности, не зная, радоваться или огорчаться, поскольку был настроен освоить во всех деталях работу передвижной радиостанции, установленной на ГТТ,

членом экипажа которой являлся, мне нравился и БТР-50 ПУ. Да и непонятно было, что предстоит мне делать на целине. Но, в конце концов, это не так уж и плохо. Возможно, поедем через Москву, может быть, удастся и домой забежать! В прошлом году «целинники» сутки находились в Москве. Возможно, и мне повезет.

Среди «целинников» я оказался по стечению обстоятельств. Радистов третьего года службы демобилизовали досрочно, а второго года осталось мало, потому и решили направить первогодка. Выбор почему-то пал на меня.

Подготовка к поездке заняла несколько дней. Это были бессмысленные построения автороты, к которой мы, радисты, оказались приписаны, проверка формы, придирки к воротничкам, выправке. На плацу за офицерским городком были расставлены машины, в основном «ЗИЛы», предназначенные к отправке. Не заметил, чтобы их как-то по-особому готовили к поездке. А когда тронулись на погрузку в сторону Печенги, две или три машины почти сразу встали из-за неисправностей. Один шофер, явно неумелый первогодок, левым бортом грузовика умудрился врезаться в ехавший ему навстречу фургон с продуктами и частично разворотил его кузов, сделав пробоину.

Наконец погрузка техники на железнодорожные платформы состоялась. Личный состав разместили в нескольких теплушках с двухъярусными нарами и печкой-буржуйкой. На нарах уложили матрацы с постельными принадлежностями. Быт вполне приемлемый.

Перед отправлением к нам, связистам, подошел командир автороты капитан Чалый — отныне наш прямой начальник до конца «целины». Он дал задание протянуть телефонный провод вдоль эшелона для связи с первым вагоном, на площадке которого будет находиться дежурный. Тут Бухаров показал, что он старик, а я молодой, и сразу же доверил эту работу мне. Прокладка линии была для меня в новинку. Похоже, сэкономили на телефонисте. Вроде бы дело нехитрое: при протягивании провода между вагонами и платформами надо было оставлять припуски в виде петли, с учетом их разворота на изгибах пути. Я, как это представлял, так и сделал с учетом того, что поворот не будет составлять 90 градусов.

Перед самым отправлением состоялось общее построение. Нам был представлен командир батальона, щуплый подполковник маленького роста, который стал растолковывать правила поведения в пути. При этом он несколько раз страдал, что в случае несоблюдения данных правил будут среди нас «труп-пы». Это слово подполковник произносил особо громко, чтобы до нас дошло. Создавалось впечатление, что это слово он так и писал на бумаге.

Состав тронулся, увозя нас на юг, к солнцу, в Ростовскую область на уборку пшеницы. Мы покидали Заполярье на целые полгода! Во мне заговорил путешественник. Радостно наблюдал за тем, как задвигались покрытые низкой растительностью сопки, замелькали вдоль дороги телефонные столбы, вставленные в срубы, заполненные валунами (их бессмысленно вкапывать в каменистую почву). Как скудный пейзаж временами скрашивали немногочисленные озера. Местами еще лежал снег, почки только-только начинали распускаться.

Первая проверка связи показала ее полное отсутствие. Явный обрыв проводов. Когда эшелон остановился на какой-то станции, я выпрыгнул из вагона и побежал выявлять неисправность. Обрывов оказалось много из-за того, что не учел размах крутых поворотов железнодорожного пути. Капитан Чалый меня отругал. Я сам себя ругал и проклинал за свою несообразительность. Надо было оставлять запасную петлю большего размера. Обрывы ликвидировали вдвоем с Бухаровым, перекручивая наскоро провода и покрывая место скрутки изолентой. Связь установилась.

После того как мы покинули Мурманскую область, растительность становилась все более пышной, а затем раскинулось море беснующейся молодой зелени в потоках яркого солнечного света. Пошли карельские леса и озера. Все это мелькало за открытой дверью вагона, гипнотизировало, и мы буквально целый день стояли у дверей, не в силах отойти. Юг приближался стремительно. Мелькали столбы, отсчитывая километры.

На одном глухом полустанке эшелон притормозил минут на пять. Какое-то совсем уж дикое место. Дом в лесу. Разъезд. К вагону подковылял пожилой морщинистый веселый мужик под шафе в обнимку с двумя женщинами в ватниках. Железнодорожник.

— Солдатики! — заорал он призывным голосом. — Выручай! Приезжай сюда! А то баб е.ать некому!

Благожелательный гул восторга молодых голосов отвечал ему на столь необычное предложение. Затем поезд тронулся, увозя нас все дальше и дальше на юг.

Уже к ночи пересекли реку, скрывающую туманными испарениями могучие стены и башни древнерусского монастыря. Еще немного времени — и эшелон остановился, заплутавши на путях Вологды. Вот теперь мы в настоящей России, на подходе к ее древнему центру.

Ночь, а наутро, едва открыв глаза, увидели широкую и могучую Матушку-Волгу в Ярославле. Потом Орехово-Зуево (100 км от родной Москвы и рядом с родиной отца, деревенькой Радованье), Воскресенск (86 км от Москвы) и прощай, Подмосковье! И все же не было грустно.

Одна только мысль, что дом был рядом, и я проехал знакомые подмосковные места, смягчила душу.

Через два дня прибыли к месту назначения — на станцию Матвеев Курган Ростовской области. Разгрузкой техники умело командовал капитан Чалый, которому помогали взводные лейтенанты. Мы же с Бухаровым свернули провода телефонной линии.

Потом колонна машин двинулась к месту будущего полевого лагеря по пылящим грунтовыми дорогам, усаженным с двух сторон стройными пирамидальными тополями. Те обрамляли многочисленные нежатые пшеничные поля, обозначая места непочатого края работы для прибывшей из Заполярья автороты. Приехали вовремя.

2-й взвод, к которому нас присоединили, разместился близ села Политотдельское, в лесопосадке. Здесь на полянке была основана стоянка для машин, поставлен КПП со шлагбаумом, установлен палаточный лагерь из шатровых брезентовых палаток для шоферов, ремонтников, радистов, поваров. В палатках соорудили топчаны, застелили матрасами, было и постельное белье с одеялом. В жару, которая установилась в Ростовской области, жить в них было удобно.

Свою шатровую палатку мы с Бухаровым поставили несколько в стороне. С нами, радистами, оказался еще медбрат Беляев с аптечкой. В нашем ведении была коротковолновая надежная радиостанция Р-104 М, иначе сточетверка, работавшая в телефонном и телеграфном режиме. Кроме того, при мне оказался деревянный ящик с книгами, укомплектованными в полку библиотекаршей. Видимо, считалось, что шоферы после трудового дня будут читать книги перед сном.

Почти сразу я отписал родителям о прибытии на место и назвал почтовый адрес: «Ростовская область, ст. Матвеев Курган, 1016-й автобат — В (управл.)». Уже 6 июля мое письмо дошло домой, на следующий день мама подготовила ответ: «Как долго ждали твоего письма, очень волновались, не получая от тебя писем, когда ты отправился на целину. Все новое и необжитое немного пугает, да и слово “целина” в моем понимании голая степь и больше ничего. Но из письма я поняла, что это не так». Далее сообщалось о хлопотах в связи с подготовкой свадьбы моей сестры, о житье на даче, о жаркой погоде, давалось наставление есть больше фруктов.

У водителей, которых ждали в местных колхозах, началась работа с утра до вечера в паре с комбайнерами. Они возили зерно с полей на элеватор. Работа была и у варемщиков — так называли солдат из Военной авторемонтной мастерской. Временами техника выходила из строя, и ее приходилось чинить.

Мы, радисты, не были столь загружены. В день было несколько сеансов связи с батальоном по радиостанции Р-104 М. Это воспринималось нами как своеобразная учеба в полевых условиях. Связь осталась и тогда, когда начальство стало пользоваться местным телефоном. Так что свободного времени у Бухарова и у меня оказалось достаточно много. Можно было читать, а можно было трепаться, чем постоянно и занимался Володька. Поговорить он уж очень любил, привлекая для этого обычно Виктора Сычева или Гену. Эти двое старослужащих из ремонтной мастерской особо не утруждали себя работой, переложив ее, как и полагалось по неписанным законам службы, на молодых. Или же у них работа просто стояла из-за отсутствия запчастей для машин. При этом Витька Сычев был откровенным сачком, а его антипод, Геныч, вынужденно соблюдал статус старика. В этих беседах я не участвовал, потому что в театре одного актера был лишним. Да и об обсуждаемых темах не имел ни малейшего представления.

Бухарова бы на сцену провинциального театра. Вступление он начинал медленно, затем разгораясь, самовоспламеняясь, говорил все быстрее и быстрее, а потом и все резче и резче. К середине монолога Володька не мог сидеть на месте. Он резко вскакивал и начинал сначала выбегать из прокуренной палатки на свежий воздух, а затем возвращаться обратно, сильно размахивая руками. Его несло, он уже не мог остановиться, возмущался, доказывая свою правоту, если ему возражали. Навстречу своему оппоненту Бухаров выбрасывал жилистую руку так резко, что казалось — еще мгновение и противник будет проткнут ею насквозь. Вторым полюсом спора, на кого обрушивалась лавина бухаровских слов, был полуфлегматичный Витька Сычев. Его за глаза звали Брянским (родом из Брянска), или просто Волком.

В один из вечеров они тайно, несмотря на запреты командира роты и старшины, съездили в ближайшее село Политотдельское к девчонкам, или каштанкам, как презрительно именовал Сычев женское население, которое не могло жить без другой половины. На следующий день Бухаров начал изливать душу:

— Ребята, а с какой я девчонкой познакомился вчера! Даже не думал, что в этом селе можно встретить такую. Зовут Тоня. Я мельком видел ее раньше на танцплощадке, но разговаривал с ней мало. Так, перебросились двумя-тремя словечками. Вот и все. А вчера вышло так, что сидел у нее в доме, и мы два часа говорили с ней. Она очень умная, начитанная девочка, любит театр, искусство, поэзию. Мне было очень приятно сидеть рядом с ней и беседовать. За всю службу в армии я встретил только второго такого человека, от беседы с которым

отдохнул, получил истинное наслаждение, — и, повернувшись к Сычеву, Володька не преминул его укорить. — Не то что твоя Валька!..

Сычев аж подскочил:

— Да моя Валька лучше твоей Тоньки. На селе ее уважают...

— Подумаешь, уважают, — зло перебил его Бухаров. — Доярка! Никакого интеллекта. Целый день смотрит корове в ж..., двух слов связать не может. А когда с ней начнешь разговаривать, так она только мычит: У-у!

— Да колхоз ее на руках носит...

Но Бухар уже начал набирать необходимые резкие обороты:

— А мужики е..т. Поблядушка. Все они такие. Сегодня говорит: «Люблю, жди!» А отвернулся — с другим в кусты побежала...

— Выходит, твоя Тонька такая же, — подловил Володьку на слове Сычев.

— О Тоньке разговор другой. Мне ее жалко. Несчастливая девочка. Ей 17 лет, а уж жизнь повидала, горя хлебнула, замужем побывала.

В беседу вклинился Генка, который как раз и встречался с Антониной:

— Если побывала замужем, значит, жизнь повидала? Не согласен.

— А сколько она испытала?! Ведь это еще ребенок, — распаялся Бухаров. — Муж был у нее наркоман, не человек — животное. Гулял от нее на стороне. Несколько раз в год приезжал, спал вместе с ней, а потом опять в путь-дорогу. Сначала она жалела его, хотела человека из него сделать, заставить бросить пить, наркоманством заниматься. Да что говорить. Все усилия были тщетны. Он ее бросил. Давить таких надо! — Бухаров уже не говорил, а кричал. Казалось еще немного, и он упадет в беспамятстве.

— Ее погубила несдержанность, — вставил слово Генка.

— Несдержанность и откровенность, — подхватил Володька. — Я уже ей говорил об этом. Ты думаешь, почему она стала гулять? Да потому, что она человек, ребенок, ей еще ласка нужна. А нашлись фраера, еще в армии не служившие, которые подкатили к ней, пообещали с золотые горы, приласкали. И все — девчонка их стала. Да возьми любую женщину, приласкай, согрей теплым сердцем, когда у нее горе, и она — твоя! Но это подло, подло так делать!!! — чуть не с пеной у рта вопил Бухаров. — Сначала она верила, что сможет изменить свою жизнь, исправиться, а потом видит, что все требуют от нее только одного — загуляла. Пускай идет все конем!

— Слышь, Бухар, закружляйся! — подал голос Сычев. — Иначе упадешь на пол и будешь биться в судорогах.

— Один черт, смерти не миновать! — театрально продолжил Володя. — Мне уже врачи говорили, что я умру как е.анушка в припадке

эпилепсии или наложу на себя руки, — и уже с театральной грустью в глазах, тоской в голосе, притихнув, продекламировал: — Так надо пить вино, курить, читать Есенина!

После этих слов у меня возникло желание аплодировать Бухарову как провинциальному актеру.

Минуты три молчали, но не выдержал Сыч:

— А все же Валя...

— Да отстань ты со своей каштанкой, — мгновенно перебил его Бухаров. — Женись на ней. Если хочешь, вези ее в свой колхоз, в Брянские леса, стройся. Она будет работать на ферме, ты — сторожем около одной лошади в конюшне. Каждый год она будет приносить по ребенку. Все время молчать. Ну ладно! Пусть она хозяйка хорошая. У вас в доме всегда чисто, вино есть...

— А разве плохо жить так? — возразил Виктор. — Прихожу домой, а на столе уже бутылка — жена позаботилась. Выпил, побалдел, что еще нужно рабочему человеку?

— Но мне человек нужен — душевный, отзывчивый, умный, мыслящий, с которым интересно поговорить, который имеет обо всем свое собственное суждение. Пусть лицом она будет похожа на Квазимодо, мне гораздо лучше с ней, нежели с красивой ветреной куклой — чуркой с глазами...

— Так женись на ней! — в очередной раз подловил Бухарова Сычев, зная, что Тоня встречается с Генкой.

— Нельзя же у друга отбивать девчонку, — мгновенно парировал Бухаров. — Да, что ни говори, а Тоня мне понравилась. Я, прощаясь, так и сказал: «Спасибо, Тонечка, мне очень интересно было поговорить с тобой». А она мне: «Я тоже, Володя, рада, что поближе познакомилась с вами». А я ей отвечаю: «Я встречаю вторую девчонку за все мои два с половиной года армии».

— Чего-чего?! — вдруг завопил возмущенно Сычев. — Два с половиной года? Выходит, ты — старик. Эх ты, салажонок! Еще двух лет не отслужил, а уже в старики записался!

— А что нет, что ли? — возразил Бухаров.

— Ты же в ноябре 66-го года призывался. Еще и двух лет не прошло!

— В ноябре? В сентябре! Хочешь, военный билет покажу!

— Пусть тюзик твой билет смотрит. Ты мне мозги не пачкай. Я был в учебке полгода, прибыл в часть, а ты только из карантина пришел. Это было в ноябре. Я хорошо помню.

— В сентябре — так в сентябре. Все равно до двух лет остался месяц, не более.

— Вот так-то, а то хотел старика надуть!

Володька Бухаров был повергнут. Но он просто так не хотел сдаваться и агрессивно попытался взять реванш:

— Смотрю я на тебя, — обратился он к Сычеву, — пень пнем, чурка чуркой. Никаких интересов нет, кроме как пожрать, поддать, поспать и с бабой погулять.

На это оскорбление Виктор Сычев ответил почему-то спокойно, даже с некоторым достоинством:

— А ты не хуже меня. Эти же интересы у тебя тоже на первом месте. Ты только красивыми словами прикрываешься. Сам гуляешь!

— Согласен! Все мы гуляем, делаем пошлости, но эти каштанки сами заставляют нас быть пошлыми — своим поведением, — начал оправдываться Бухаров. — Вот я разговаривал с Тоней, и в течение этого времени ни одной грязной мысли не было в голове. А как только пошел с другой — готово! Обязательно потянет на пошлятину, потому что о ней ни о поэзии, ни о живописи не поговоришь. Колхозница! Прочитала за свою жизнь две-три книжки. Находятся дураки среди нас, солдат, которые дерутся из-за баб. Чего-чего, а драться из-за них еще не хватало. Да лучше повернуться, плюнуть и уйти. Бабу всегда найдешь. Да они сами к тебе прибегут как миленькие. Даже вино, водку принесут, лишь бы ты удовлетворил ее желание. Есть же среди них настоящие самки, животные, которых и днем и ночью...

— Конечно, женщины разные бывают, — заметил Генка.

— Да мы сами гуляем, как и они, только не замечаем за собой. А чем они хуже нас. Предположим, у тебя есть жена, — обратился Бухаров к Сычеву. — Ты ходишь от нее к другой, считаешь — это так и нужно. А как только узнал, что она ....., так начинаешь кричать, ревновать. Но ты и она оба люди. Она такой же человек, как и ты. Нет, уж если жениться, так только на женщине, которая знает жизнь, повидала ее, прошла огонь и воду. Она, если пойдет, то будет тебе верной женой, хорошей матерью твоих детей. А возьмешь сыкушку девятнадцати лет, жизнь пропала. Сначала слова любви, клятва любви до гроба, а через год развод. Потому что, когда она выходила замуж, не знала жизни, у нее на уме было лишь одно... Разочаровалась, ушла к другому. Вот тебе и вся правда жизни.

После продолжительного молчания Бухаров сказал:

— Ребята, а Тоньке надо помочь!

Генч, лежавший в углу, на матрасе и куривший сигарету, поддержал Бухарова:

— Я уже думал об этом. Очень трудно сделать в моем положении. Если бы у меня был дом, то я отправил ее к мамаше. Но ведь родителей

у меня нет, дома тоже... Притом я в армии, а за ней нужен глаз да глаз, следить, чтобы она не споткнулась, не стала жить по-старому. Я ей сказал: «Можешь на меня рассчитывать, если будешь хорошо себя вести. Осталось служить меньше года». Кажется, поверила.

Оказывается, Генка был детдомовский.

Из армейских портретов. Сыч

Некоторые вечера можно было назвать балдежными. Это когда велся разговор о доармейской жизни на гражданке, вспоминалось все смешное, чтобы повеселить товарищей. В такие минуты человек может раскрыться полностью, как это и произошло с Витькой Сычевым.

У автомеханика рядового Сычева имелось три, как бы сказал Бухаров, клички. Первая кличка — Сыч, была производна от фамилии, вторая — Волк, выдавала его место жительства. Третья — Брянск. Внешне это был не особо выразительный парнишка, невысокого роста, коренасто-поджарый, с белесо-голубыми глазами, пухлыми губами и слегка припухшим носом. Разительно отличала его от других солдат чрезмерная болтливость. Сыч своим сильным пропитым еще до армии голосом мог трещать без умолку на разные темы по поводу и без повода. Иногда просто ни о чем и, как правило, с матерщиной. Когда возникал спор, то Витька в качестве уверенности в своей абсолютной правоте приводил неизменную фразу, словно клятву: «Да порубите мой ... на копейки!»

Его речь всегда была эмоциональной. «Пусть его тузик жрет!» — говорил Сыч о слежавшемся хлебе. О не понравившемся супе он капризно произносил ту же фразу, добавляя к тузику «колхозную лошадь» или «колхозного быка». Любимой присказкой была: «Выдать по тыкве, чтобы семечки посыпались!» Другой афоризм: «Пусть лошадь думает — у нее голова большая!»

Чванливость этого простого паренька мне была непонятна до тех пор, пока он не проговорился, что его отец был заместителем директора какой-то конторы. Избалованный сынок явно отбил от рук. Хвастался, что прогуливал уроки, играл в карты в подкидного на задней парте.

— Витя, ты бы в школу пошел! — уговаривала его мать, на что он отвечал:

— Сегодня не пойду — электричество в школе кончилось.

Или же Витька брал для вида тетрадку и шел к друзьям поддавать. Потом и в армию его забрали.

Чтобы передать свой восторг, Сычев театрално закатывал глаза, чем вызывал у окружающих припадки смеха. Даже выбежав из палатки в кусты лесопосадки, Сычев не мог закрыть свой рот. Из зарослей доносился его хриплый голос, выкрикивавший многозначительно одну и ту же песню, явно собственного сочинения.

Изо всей сычевской болтовни мне запомнились его ностальгические рассказы о прекрасной доармейской жизни. Привожу их близко к оригиналу, исключив матерные слова, постоянно произносимые с почти одинаковым интервалом.

Рассказ Сычева. Одно время у нас выдвинули лозунг: «Коммунисты, смотрите за комсомольцами!» А у меня тогда были паршивые отношения с мастером. Он злился, что я, молодой, каждый день подаю, а ему ни грамма. Как-то он особенно ко мне привязался, довел меня, что я решил ему отомстить.

— Давай поспорим, — сказал я своему дружку, — что доведу мастера до белого каления.

Но тот, прекрасно зная твердый характер начальника, не поверил.

— Брось трепаться!

— Ладно, — говорю, — посмотрим!

— А как ты это сделаешь? — спрашивает он.

— Увидишь! Это не твое дело! — Пospорили.

Пришел я к мастеру, а он был в мастерской. Коленчатый вал тачает. Я подхожу к нему и говорю:

— Михал Степаныч, вы коммунист?

— Да! — отвечает он, улыбается.

— А я — комсомолец! — говорю ему. — Вы слышали лозунг: «Коммунисты, смотрите за комсомольцами?»

— Слышал! — и снова улыбается:

— Так вот. Я пойду, посру, а вы за мной посмотрите!

Он вдруг схватил коленчатый вал... Я — к двери. Только успел закрыть, как страшный удар: бух! Листья опали! — Под общий хохот Сыч закатил глаза, сложил губы трубочкой и сделал невозмутимую физиономию.

— Был у нас и второй мастер, — продолжал Сыч. — Так тот молотками швырялся. Разозлят его, когда он работает, а он размахивается и бросает молоток со всей силы... В меня четыре раза кидал. Правда, попал лишь один раз... Здорово я шустрил. Рабочие любили меня за это. А то еще был случай. Подзываю один раз своего дружка:

— Пойдем!

— Зачем? — спрашивает тот подозрительно. — Опять что-нибудь придумал?

— Да, ничего особенного, — говорю, — увидишь.

Привел я его в коридорчик, где баллоны с ацетиленом стояли. Надул ацетиленом резиновую перчатку, а потом внезапно поджег. Газ в ней как жажнет... Такой грохот был, что со второго этажа прибежали, думали, взрыв. А я смотрю на друга. Лицо у него черное, как у негра, и он слова сказать не может, р-р-рычит...

Обождая, когда мы перестали гоготать, довольный Сыч продолжил:

— Работали мы там, калымили! Водяры вот так было, — при этих словах Сычев провел указательным пальцем по горлу. — Каждый день. Хам приедет. Обязательно трешку с него сдерешь, бутылку с ним разопьешь. Надо поменять какую-нибудь деталь на новую в его машине, берешь старую, выкрасишь, придашь ей фабричный вид, а новую, какую надо было поставить, загонишь. Проводку загонял по 10 рублей. Беру у мастера 200 метров провода. В четырех машинах сделаю проводку, а сто метров загоною. Прихожу снова к мастеру:

— Михал Степаныч! Мне нужна проводка.

— Так я же позавчера давал тебе провод. Куда ты его дел?

— На машины поставил.

И мастер выдавал провод. Потом видит, что его обманывают, стал выдавать куски по 25 метров. И все равно меня не обманешь. Снимал я проводку с отремонтированных машин, продавал. В проходной меня знали, не трогали. Работать мы начинали часов в 11. До этого запирались в комнате, курили, анекдоты травили. Начальник цеха бегаёт вокруг каморки, то в дверь постучит, то в окно с улицы. А у нас дым коромыслом. Наконец надоедает его крик. Идем по местам.

Виктор Сычев изображал из себя рубаху-парня, бывалого, веселого оригинала. Отчасти он и был таковым, но с грустью виделось, что его пристрастие к выпивке по возвращении в Брянские леса завершится в один из дней в темной норе.

Пока в палатке шла пустая болтовня, шофера авторот вкалывали с утра до вечера. Время от времени техника, проходившая испытание перегрузом и грунтовыми дорогами, выходила из строя. Ее чинили солдаты военной автомастерской. Но из-за отсутствия запасных частей некоторые «ЗИЛы» становились на прикол. Их шоферов припахивали на дежурство по столовой.

Мы же честно в нужное время выходили на связь со штабом батальона, разместившимся в Кургане.

Утром в один из дней Бухаров по своей очереди работал на радиостанции. В ответ раздавалось попискивание. А я сидел возле палатки на скамейке и читал книгу «Московские зори» Льва Никулина, взятую в книжном ящике. Вот и знакомый наш позывной 87. В ответ Володя

стал постукивать телеграфным ключом. Но вызов РЩЖ (вызываю вас) снова повторился, потом снова. Затем кодовая фраза — ЩСА — вас не слышно, и, наконец — ЩСЖ — дайте настройку.

Бухаров застучал: три точки — тире, три точки — тире, три точки — тире, по напеву это: я буква ж, я буква ж, я буква ж. Но от радистов из Матвеева Кургана продолжала приходиться прежняя фраза ЩСА.

— Они нас не слышат! Аккумуляторы сели! — сказал Бухаров, а затем, помедлив: — Последняя пара. Володька, слышишь!

Раздался щелчок выключателя, и все замолкло. Напарник вышел из палатки.

— Угу! — промычал я, не отрываясь от книги.

— Да брось ты читать! Аккумуляторы можно подзарядить в батальоне. Завтра я поеду в Курган. Разбуди меня полшестого. Не забудешь?

— Угу!

— Договорились.

Вечером стало известно, что все исправные машины взвода должны выстроиться в шесть утра в колонну, которая пойдет в колхоз «Украина», находящийся рядом с границей Украинской республики. Ротный Чалый обещал отвезти Бухарова в Курган, но только после прибытия на место.

Я проснулся утром, когда солнце поднялось над землей и бросало на палатку длинную тень от ближнего дерева. Было видно, как в теневом театре, как качаются ветви с густой листвой, а на них и еще не поспевшие плоды мелких абрикосов — жерделей. Часы показывали половину шестого. Поднялся, стал толкать Бухара.

— А, спасибо... — тихим, извиняющимся голосом начал тот. — Ты, знаешь, Володя, поезжай сам.

— Знаешь, что, Володя, — неожиданно для себя раздраженно заговорил я. — Если бы ты сказал это вчера, то я успел бы побриться и подшить воротничок.

— А тебе и сейчас хватит времени, — сонливо перебил Бухаров.

Я устроился в пустовавшей кабине «ЗИЛа» знакомого водителя. Положил в ноги сумку с аккумуляторами и дистиллированной водой. Через переднее стекло было видно, как бегают по парку солдаты-шоферы. Командиры рот что-то кричали, ходил возле машин комроты Чалый. От нечего делать щелкнул крышкой бардачка, в котором увидел старую истрепанную в зеленом переплете книжку, брошенную среди гаек, винтов и ключей. Просматривая ее, стал читать и увлекся. Оказался детектив про шпионов. Когда дочитывал первую главу, в кабину подсел Бухаров. Признаков выдвигания в колонну не было.

Разговорились, сначала о том, что рядом с лагерем находятся какие-то пещеры-катакомбы. Я вспомнил о катакомбной археологической культуре бронзового века. Внезапно переключились на скифов, обитавших в Причерноморье. Потом перевели разговор на более близкие темы, восстание Пугачева, вспомнили роман Шишкова, который оба читали. Зазвучали имена Потемкина, Михельсона, самого Емельяна.

— И казнен он был на Красной площади, на Лобном месте, — произнес Бухаров с неким пафосом.

— Ты не прав. Так думали раньше. Сейчас точно установлено, что место казни — Болото, местность на острове напротив Кремля. Во времена Алексея Михайловича там находилась пивная изба «Балчуг», что в переводе с татарского означает болото. В настоящее время на Болоте есть ресторан «Балчуг».

— Интересно, — и Володька, увидев кого-то, хлопнув дверью, умчался.

Было 12 часов дня, когда колонна автомашин все же выстроилась на дороге. Вот так армия! С пяти утра не могли выехать из парка. А если военное время? Но эти грустные мысли развеялись, когда я узнал причину столь длительной задержки. Утром двадцать шоферов заявили Чалому, что их машины не могут идти и требуют ремонта, что было полуправдой, так как некоторые солдаты специально затягивали отъезд, не находя в себе силы расстаться с девушками Политотдельского. Но усилиями капитана и варемщиков к 12 часам дня автоколонна все же была сформирована. В парке еще оставалось четыре «ЗИЛа», около которых суетились шоферы.

Наконец колонна двинулась на станцию Матвеев Курган, оставив после себя столб ростовской пыли. Я с ними не поехал, так как в последнюю минуту узнал, что в Курган приеду поздно вечером, если попаду туда вообще.

— Почему не поехал? — недовольно встретил меня Бухаров.

— Лучше после обеда поеду на попутке или трехчасовым автобусом. В четыре буду в батальоне.

— Автобусом он поедет! — начал передразнивать Бухар. — Сколько раз тебе говорил, что солдат не должен платить. Ничего не случится, если попадешь в батальон поздно, переночуешь, а утром, когда аккумуляторы зарядятся, приедешь назад. Ну Вовка, поезжай, аккумуляторы нужны, — уже примирительным голосом закончил Бухаров. — «Газик» Чалого не уехал.

Действительно машина комроты стояла одиноко у дороги. Мы подошли к ней. Бухаров нахально открыл заднюю дверцу «газика»

и поставил сумку на заднее сиденье. Вылез с довольной физиономией. Как старший скомандовал:

— Поедешь здесь. С Чалым я договорюсь, — и ушел.

Мне так не хотелось ехать с начальством! И здесь неожиданно появился «ЗИЛ-157». Дав разворот около «газика», он остановился. Из кабины высунулась голова водителя с перебинтованной головой и шеей:

— Все уже уехали?

Я кивнул головой.

— Вот черт, не везет! А дорогу знаешь?

— Нет. А ты в «Украину»? Тогда я с тобой.

Я прыгнул в кабину, машина сделала резкий разворот и выехала на дорогу. У перекрестка она остановилась.

— Ребята, — обратился шофер к мальчишкам лет 12–13, сидевшим на бревнах. — Куда поехала колонна машин?

Один из них, видимо, старший, указал рукой — прямо. Но этот путь, петля, привел в село. Пацаны обманули.

— Куда же они могли уехать? — вслух рассуждал водитель. Он повернул машину и поехал по центральной улице, мощеной крупным булыжником. Ехал он почему-то по левой стороне, не соблюдая правил дорожного движения. Машина катила под горку. Вдруг откуда-то появилась легковушка, маленькая, неуклюжая, как блоха. Она шла навстречу «ЗИЛу». В десятках метрах за ней показался «газон» Чалого.

Я понял, что сейчас будет развязка. Ротный требовал, чтобы никто не появлялся в селе. Видно, то же самое понял и водитель. Теперь все его внимание было поглощено «газиком», и он, казалось, не видел идущую навстречу легковушку. А расстояние сокращалось. Когда оставалось 15 метров, «запорожец» резко повернул в сторону и остановился перед изгородью. Тут же из кабины высунулась курчавая голова его владельца. Непонимающими глазами она проследила, как мимо проехал армейский «ЗИЛ».

Тут уже и Чалый подъехал и поднял руку. У водителя он отобрал права. Капитан кричал, шофер оправдывался. Я попытался объяснить ситуацию, говорил о мальчишках, неверно указавших дорогу. Потом ротный замолчал и уже тихо сказал:

— Поезжайте за мной. Я еду догонять колонну.

Мы двинулись, но ЗИЛ снова упрямо поехал по противоположной стороне. Я съехидничал:

— Сэр, мы случайно едем не по тихим улочкам Лондона?

— Чего? — спросил явно ушибленный на забинтованную голову шофер.

— Почему ты едешь по левой стороне? Такое движение в Англии.
Шофер тупо промолчал.

Впереди пылил «газик» Чалого, мы ехали за ним. За окном кабины мелькали копны соломы на голых полях, разделенных лесопосадками. Пшеница была всюду убрана. Пейзаж однообразный: поле — лесозащитная полоса. Лесозащитная полоса — поле. Здесь и заблудиться недолго. Я поделился этой мыслью с водителем. Тот согласился, но продолжал молчать. Наверное, переживал за отобранные права.

К вечеру машина прибыла на новое место базирования взвода. В лесопосадке слышался стук топора, вырубаящего деревья, солдаты устанавливали брезентовые палатки. Мы с шофером прошествовали за комроты, который повел нас на полевую кухню.

— Старшина! — обратился Чалый к повару. — Надо накормить людей.

Но повар-сверхсрочник Володя, занятый спором с солдатом, даже не отозвался и продолжал того распекать:

— Ай, ребята, ребята! Ну куда вы большой бак дели, новый эмалированный. Я ставил кому-то на машину.

— Помыли, помыли твой бак! — раздалось подзадоривание в ответ.

— Старшина! — окликнул снова повара Чалый, но тот продолжал:

— Бак, бак, бак... Ну куда его дели?

— Людей накормить надо, старшина!

— Где теперь его найдешь? — похоже, повар подвинулся умом.

— Увлекся! — смеялись солдаты.

— Старшина! — уже смеясь, кричал Чалый. — Люди есть хотят!

— Сейчас, одну минуточку... Коричневый такой... большой...

Через 20 минут мы поужинали сухим пайком.

Увидев, что ротный собрался уезжать, я подошел к нему:

— Товарищ капитан! Когда вы в Курган поедете?

— А, это ты? Садись в «газик», а то про тебя забуду. Вечером часов в девять.

Я посмотрел на часы. Стрелки показывали пять минут седьмого.

Попасть в батальон в тот день не удалось. Ротный еще долго развезжал то к председателю колхоза «Украина», то за 15 километров в 4-й соседний взвод — необходимо было доставить воду на новое место. Планировал он ехать в Курган, а оттуда в 1-й взвод, из 1-го снова в 4-й, а уже потом домой. Но дел было много на новом месте, и к 23:00 капитан Чалый не выдержал. Усталость, накопленная этим днем и бессонными ночами, заставила отменить поездку в Курган. Когда мы выехали из села, где стоял 4-й взвод, он, махнув рукой, обратился к своему верному шоферу Алексееву:

— Ладно, поезжай домой! — и повернувшись ко мне, сидевшему все это время на заднем сиденье, — придется тебе завтра самому в Курган ехать.

Я внутренне ругал себя, что не поехал на автобусе. В 16 часов был бы в батальоне, в 22 часа можно было снимать с зарядки аккумуляторы, дать им еще 2 часа постоять, лечь спать, а утром вернуться в Политотдельское. А сейчас все еще катаюсь с Чалым. Спать хочется.

«Газик» ехал в ночи, фары на мгновение выхватывали из густой темноты дома, укрытые зарослями кустов и деревьев, одинокие фигурки людей, электрические столбы. Потом пошла монотонная дорога. Чалый сидел, устало, полужакрытыми глазами смотрел вперед. Если впереди появлялась какая-то машина или повозка, которую надо было объехать, он довольно резко поворачивал голову в сторону водителя и, часто-часто моргая ресницами, приоткрыв рот с сонным вниманием, с какой-то невыразимо комической физиономией наблюдал за шофером. Затем отворачивался и, казалось, снова начинал дремать.

— Ну и работа у тебя! — с нескрываемым сочувствием обратился я к водителю Алексееву, когда мы в 12 часов ночи отвезли домой Чалого. — Сколько часов в сутки ты спишь?

— Когда как, — ответил тот, зевая, — когда пять, когда четыре часа.

— А во сколько завтра встаешь?

— В шесть утра.

— Если поедешь завтра с ротным в Курган, напомни ему обо мне.

«Газик» отправился в лагерь. Подъехали к шлагбауму КПП. Еле волоча ноги, я добрел до нашей палатки. Возле нее на скамейке, несмотря на позднее время, сидел Бухаров. Он явно ждал меня.

— Ну, что, зарядил? — спросил Володя. Я рассказал ему о поездке, и мы пошли спать.

Ранним утром меня разбудил шум работающего мотора капитанского «газика» недалеко от палатки. Послышалось распоряжение Чалого явно своему водителю:

— Там разбуди радиста, скажи, что в Курган машина идет за продолльствием.

Я тут же вскочил на ноги и вышел из палатки. На мне была форма. В ней вчера от усталости сразу завалился спать и спал не раздеваясь.

Дело быстро устроилось. В 8 утра я уже шел по тихим зеленым улочкам пристанционного села. Штаб батальона размещался в правлении Матвеев-Курганского колхоза. Батальонная 103-я радиостанция стояла там же во дворе. Это была машина нашего полка, отданная батальону и почему-то водруженная на колодки, словно боялись, что ее украдут. Юмор. Скорее всего, чтобы радисты не катались. Как же так

получается? Своим радистам не дали даже «газик» с Р-104, а чужим — пожалуйста! За все годы работы на уборке урожая такого не было. Нам и работать было бы проще. Прав Бухар, ругавший наше начальство.

Батальонные радисты мне были знакомы. Они поставили аккумуляторы на подзарядку без разговоров. Но при этом оказалось, что электролита и ареометра — прибора для измерения плотности раствора электролита — у них нет. (Ну до чего же все халатны.) И наши полковые отцы-командиры тоже хороши. Перед отъездом мы их просили о том и другом, но надо было пошевелиться, выписывать со склада. Пришлось долить в банки аккумуляторов дистиллированную воду, взятую с собой на всякий случай.

Вечером я возвращался в Политотдельское. На развилке, на самой окраине Кургана поймал местную машину, идущую с элеватора. Сел в кабину, и, как бывало в таких случаях, шофер стал расспрашивать меня, где родился, жил, где служил, кем приехал работать на «целину». В конце он стал ругать наши армейские машины:

— Ну и техника у вас. Больше стойте на ремонте, чем работаете. Если сказать, что такие машины в армии есть, так засмеют. Это же позор!

Мне пришлось возразить, обеляя армию:

— Все это так, но, если бы запчасти давали, то и машины бегали, а пока с запчастями бедновато. Вот и простаивают.

— Тоже верно! — подметил шофер.

— А потом, говорят, ни одна из этих машин не вернется назад в Пензенку. Их оставят в колхозах или совхозах. Там их поставят на капитальный ремонт, тем более что в машинах огромная потребность. Их возьмут с руками и ногами. А нам дадут новые машины.

— Правильно... Так ты — шофер? Я уже забыл.

— Нет! Радист. В Курган ездил, чтобы аккумуляторы для радиостанции зарядить. Теперь возвращаюсь, — я показал на спортивную сумку, из которой высовывались клеммы аккумуляторов.

— А для чего здесь нужны радисты? — искренне удивился шофер.

— Мы должны передавать сводки о работе в батальон, о работе, нарушениях, эпидемических заболеваниях, если они есть. А батальон общает все полученное и отправляет дальше по инстанции... Впрочем, здесь, в Ростовской области, радисты особо не нужны. Все сведения передаются в основном по телефону. Но это хорошо, что мы в Ростовской области, а завтра? Завтра нас могут перебросить куда-нибудь в Казахстан, в степь, такое место, где днем с огнем не встретишь телефона, и о нем не имеют понятия. Потому автороте положено иметь двух радистов.

- И сколько ты получаешь?
- 3 рубля 80 копеек. Но нам идут премиальные — 15 рублей в месяц. Приедем в часть, выплатят.
- А шоферá?
- Те по 10 % от заработанного. Те, кто третий год службы, говорили, будут получать 100 %, как если бы они работали на гражданке... Мне здесь выходить! — неожиданно сказал я. Машина остановилась.
- Спасибо, что подвезли!
- К ужину я был в лагере.

Больница. Дядя Вася

В последних числах июля я неожиданно заболел. Мою спину и ее продолжение ниже заполонила колония мелких фурункулов. Было странно, поскольку на севере, где не хватало витаминов, солнца и кислорода, такого рода болячки отсутствовали. А здесь, на юге, при обилии солнечного света они рванули наружу. Наверное, сказался длительный переезд в теплушке, не сменяемое больше недели белье. Пришлось идти в ближайшую больницу, которая располагалась в центре села Политотдельское.

Это было одноэтажное белое здание, утопавшее с фасада в зарослях пышно-зеленой акации. Врача не оказалось, но пожилая опытная медсестра, осмотрев меня, сказала:

— Вам нужна перевязка! — затем неожиданно бросилась мне на шею: — Сынок! — и заплакала. Я смутился.

— Ничего! Ничего! Извините! Сына вспомнила. Ведь он тоже в армии служит.

Утирая слезы, она отошла к окну, но увидав мое красное, покрытое потом от волнения лицо, оторвала кусок марли и протянула его вместо платка. Сочувственно произнесла:

— Придется вас положить на несколько дней. Вам будут делать переливание крови, перевязку. В лагере плохие условия.

Возражать я не стал. Но не мог отойти от произошедшего, неприятного, что какая-то старуха бросилась меня обнимать. И хотя я понимал, что это Мать, у меня не возникло к ней чувства сострадания. Неужели мы, их выросшие сыновья, столь черствы по природе? От этой мысли стало ужасно грустно, даже не по себе.

Мужская палата помещалась за дверью, к которой был приклеена самодельная цифра 1, вырезанная из черной бумаги. В комнате, рассчитанной на пятерых, «проживали» уже четверо. Это были: молодой парнишка лет 13, повредивший руку, работая на комбайне, солдат-шофер

из соседней роты с татуировкой на ногах из двух столбиков: «Они устали», «Но до пивной дойдут», шестидесятилетний старик и моложавый комбайнер. Старик выглядел плохо, едва таскал ноги и при ходьбе постоянно шаркал тапочками. Он бродил по палате с хлопущей, ведя охоту на надоедливых мух. Общественно-полезная работа не спасала его от постоянных подтруниваний со стороны комбайнера, который именовал его «молодым», поскольку тот недавно женился на пятидесятилетней женщине.

Жизнерадостный сорокалетний комбайнер Василий мне сразу понравился. Он не унывал, несмотря на то что у него был перелом ноги и ему приходилось ходить на костылях. Это был огромный, плотный мужик, мощью напоминавший медведя. Таких в народе называют Два Ивана. Дяде Васе принесли из дома «дополнительный паек» — молоко, простоквашу, яблоки, чем он не преминул поделиться со мной и другим солдатом.

Мне оперативно назначили процедуры: уколы, сделали переливание крови, прописали лекарства. Лежа на кровати на спине, приятно вытянув ноги, я два дня упивался покоем. Сладкая непривычная истома наполняла тело. В палате с непривычно белыми, а не с ядовито-зелеными казарменными стенами ничто не напоминало об армии. Кровати не в два яруса. Нет сапог, гимнастерки, их забрала медсестра. Все больные, как один, одеты в чистенькие глаженные халаты из непривычно легкого и мягкого материала, приятного для глаз голубого и темно-синего цвета.

Мне понравилось здесь положительно все: небольшая комната, узкий коридор, по которому взад-вперед утром бегали няньки, неказистый внутренний дворик за окном с колодцем посредине, молодые фруктовые деревца вдоль забора. Не раздражало даже постоянно включенное радио, приглушенный звук которого принудительно доносил до больных последние новости. В палате завалилась книга Паустовского, которую я стал читать, сочетая чтение со сном. Вечером мы вышли на свежий воздух, сели на длинную лавочку, стоявшую перед фасадом. Мужчины курили. Мы перебрасывались малозначащими фразами.

— А ты откуда родом? — спросил меня Василий.

— Из Москвы.

— А где там живешь?

— Недалеко от метро «Сокол».

— А-а-а! — многозначительно протянул мой словоохотливый собеседник. И мне показалось, что он мне не верит, доказательством чему стал следующий его вопрос:

— А как называется вокзал, на который... как это сказать? — в воздух взметнулись его огромные руки, которые нигде не могли захватить подходящих слов, — приезжают из Ростова? — наконец закончил он.

— Курский.

— Верно! Я вспомнил сам.

— А, вы были в Москве? Когда?

— Года четыре назад. Я ездил со своей жинкой к дальним родственникам. Не понравилось мне там — народ, толкотня, духота, дышать нечем. Это в центре, а за городом понастроили на голых пустырях домов. Ни одного деревца, один дом похож на другой. Мы с жинкой с трудом отыскивали по почтовому адресу новый дом... Но живут, правда, хорошо. Обстановка богатая. Он получает 150. Она работает, рублей 80 зарабатывает. Дочь окончила школу, тоже работает. А питаются плохо, с нашим питанием и сравнить нельзя. А может быть, они скупы для гостей. Наложила мне хозяйка немного картошки. На столе, правда, еще салат был из огурчиков, помидор. Я взял ложку-две, постеснялся больше. Да и жена, когда ехали, твердила: «Не ешь много! Не ешь много!» Разве от такой еды сыт будешь? Воробью и то будет мало. А такие деньги получают! Стараются, чтобы ты сам еще что-нибудь покупал — вино, закуску. Неудобно было мне у них. Вечером мы с жинкой пошли гулять, так я сразу столовую стал искать. А как нашли, так по-нашему, поужному поел, — дядя Вася с уважением погладил свой живот. Говорил он медленно, протяжно, подыскивая слова.

— А таксисты в Москве — жулики. Нужно мне было с одного вокзала попасть на другой. Так он, зараза, катал меня по городу. Видит, кто-то поднял руку, останавливает машину, сажает в нее, отвозит, берет с него деньги... А я все езжу, и счетчик крутится. Заплатил ему 2 рубля по счетчику, а еще на чай просит. Не дал ему ни копейки... Вот тебе и Москва! — дядя Вася махнул рукой.

Утром третьего дня проснулся незадолго до общего подъема, выспался. Но ощущение счастья куда-то сгнуло. Повод тому задала книга, в которой повествовалось о Мещере и ее людях. Перед глазами встала пышная, богатая природа Рязанского края, которую я полюбил, будучи в археологической экспедиции, еще школьником. Моему сердцу были близки описанные леса и озера. Я представил речку Пру, на берегу которой мы раскапывали стоянку Черная Гора, вспомнил плавание в челноке по протокам, заросшим осокой, скрывавшей берега. Даже бесконечные комариные болота вспоминались с ностальгией. Сейчас ребята, наверное, в экспедиции ведут раскопки... А может быть, они уже вернулись в Москву... Эх, Москва! Москва! С чего бы ни начинал вспоминать — всегда возвращался к ней, к дому. И вдруг такая безысходная,

глубокая тоска охватила душу, что я почувствовал себя несчастнейшим человеком на планете. Что я здесь делаю?

Лежать больше не мог. Встал, умылся, побрился, вышел во внутренний солнечный дворик. Пока бродил на свежем воздухе, проснулись остальные. У главного входа на скамейках в пижамах и халатах сидели больные и о чем-то разговаривали. Меня заметил комбайнер.

— Ну, что не лежит, садись, поговорим, — я присел рядом на скамейку. — А ты чего такой хмурый? Вот подожди. До завтрака осталось полчаса, а после него и на душе будет легче.

— Да я особо не хочу.

— Это ерунда! Аппетит приходит во время еды. Когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас... Тебе двадцать?.. Так вот, в то время я тоже был в армии. Шел второй год войны, а учился я в училище на Кавказе. Туда я попал сразу же после призыва. Кормили плохо — война. Манная каша, каша, каша. Порции мне не хватало, а аппетит был зверский. Выйдешь из-за стола голодный и ходишь чуть не воешь — так под ложечкой-то сосет. Жрать хочется. Ждешь, когда же снова пойдешь в столовую. Нашлось нас человек пять, сильно страдавших от малых паек, и стали мы ходить после еды в офицерскую столовую. Там познакомились с девушками. Они оставляли нам бачок со щами или еще с чем-либо. Но не дай бог было попасться на глаза офицеру — наряд обеспечен. За службу я получил 98 нарядов. А что для меня был наряд? Помыл полы после отбоя, зато сыт был все время. Старшина еще здорово меня гонял. За время пребывания там я вырос на 15 сантиметров, не говоря о том, что возмужал, стал сильнее. Еда на пользу идет.

Дядя Вася замолчал, и вместе с ним утихомирились его руки, которыми он размахивал во время рассказа.

В это время из дверей больницы вышла медсестра и, обращаясь в первую очередь ко всему населению мужской палаты, скороговоркой выпалила:

— Мальчики, на завтрак!

Одновременно со мной поднялись двое молодых ребят. Затем встал на свои костыли дядя Вася, за ним, негромко покряхтывая, завершил процессию старик-«молодожен». На пороге дядя Вася повернулся к пожилым женщинам и к беззубым старухам и с серьезным видом произнес:

— А вы, девочки, подождите! — и небрежно заковылял в столовую, опираясь на костыли. Среди «девочек» раздался негромкий, но одобрительный смех. Этот мощный мужчина явно пользовался у них авторитетом.

Посредине небольшой столовой комнаты стоял стол, накрытый для первой смены. Место для еще одного стола явно отнимал молчаливый

в углу огромный агрегат — комбинация телевизора, приемника и проигрывателя под общим названием «Концерт».

Дядя Вася, узрев на столе небольшую порцию вермишели на тарелке и чашку желтоватого слабого чая, сделал значительную мину. Я невольно рассмеялся. И ко мне вновь вернулось хорошее настроение. Вспомнился вчерашний ужин. Мой веселый сосед, стоя на одной здоровой ноге, опершись на костыли и склонив скорбно голову перед столом, на котором размещалась тарелка со скромной едой и чашка молока, перекрестился. Затем он страдальческим голосом произнес:

— Господи! Не дай умереть до завтрака!

После завтрака, как это было заведено ежедневным распорядком в больнице, главный врач Нина Алексеевна, совсем молодая женщина, сделала обход. Она опросила каждого больного о состоянии здоровья, а мне сказала:

— Завтра вас можно выписывать.

Тут же появилась медсестра и стала делать всем без разбора по очереди пенициллиновые уколы. Дядя Вася лежал на кровати и читал, закрывая лицо газетой. Медсестра подошла к нему и постучала по бумаге. На что пациент только бросил ей:

— Привет!

— Давайте без разговоров! — ломая сопротивление противника, твердым голосом скомандовала сестра. — Ложитесь на живот!

Сосед, явно проклиная все на свете, медленно, нехотя переворачиваясь на скрипучей кровати, выполнил приказ. Медсестра встряхнула шприц, выплеснув наружу каплю лекарства, и резким движением, словно боясь упустить пациента, всадила иглу в ягодицу.

— Ах ты, б...дь! — удивленным голосом, морщась от боли, попростецки завопил на всю комнату здоровяк. — Ты что же это делаешь?! Ты меня так насквозь проткнешь!

Но сестра, привыкшая ко всему, даже не обидевшись, быстро вышла из палаты. Через некоторое время она снова появилась, на этот раз принесла «гостинцы» — таблетки. Чрезмерная забота о больных, проявлявшаяся в обильном кормлении таблетками, меня удивляла. Про себя я шутил, что в местной больнице их переизбыток, и врачи не знают, куда их деть. Зачем мне приносят второй день лекарства от температуры, которой и при поступлении в больницу не было? Впрочем, я их собирал, а потом выбрасывал — зачем лишний раз травить химией желудок. Так поступали и другие.

После процедур можно было расслабиться, лежа на удобной кровати. Последний день в больнице. Завтра, 31 июля, вернусь в лагерь — с «гражданки».

В палате воцарилась тишина с посапыванием. Громче всего сопение шло из-под газеты, упавшей на лицо дяди Васи. Я не заметил, как тоже заснул.

Проснулся от чьего-то тихого разговора и дребезжавшего голоса приемника. Диктор передавал последние известия. Потом его голос внезапно оборвался и раздался молодой звонкий голос:

— Внимание! Говорит местный радиоузел села Политотдельского. Здравствуйте, товарищи! Передаем новости с полей колхоза имени Владимира Ильича Ленина, — и дальше пошли сводки об уборке зерновых, назывались передовые бригады, потоком шли цифры, проценты. Мне они были неинтересны. А дядя Вася, сидя на кровати с карандашом в руке и листом бумаги на коленях, слушал это скучное сообщение с огромным вниманием. Поджав нижнюю губу, он время от времени старательно выводил что-то на бумаге. Когда голос диктора умолк и комнату наполнили звуки легкой музыки, сосед изменился в лице. Оно стало разгоряченным и серьезным. Обращаясь к односельчанину-старика, сидящему напротив на другой кровати, и одновременно ко мне, стоявшему уже у окна, комбайнер неожиданно заговорил с чувством горечи:

— Вот паразиты! Борисенко занесли на районную доску почета, а меня, кто работал вместе с ним и шел впереди него, оставили в стороне, — далее комбайнер назвал цифры, далекие и непонятные мне. — Где же справедливость? Вот так у нас везде и делается! — обобщил он. — Те, кто работают в поте лица, остаются в тени, а кто работает хуже, на доске почета висят! Как же так могло получиться? Ведь сам председатель знал, что по перекрытию дневной нормы я шел впереди. Обидно! Все бы ничего, да могут заплатить премию передовикам. 50 рублей тоже деньги.

Старик сочувственно мотал головой. Я же делал вид, что смотрю в окно. Мне почему-то стало неприятно, что комбайнер заговорил о деньгах. Да и что тут непонятного? Ты шел сначала впереди 4–5 дней, а дальше упал с мотоцикла, зашиб ногу, вот и лежишь в больнице несколько суток и будешь лежать еще долго, пока тебя не выпишут. Борисенко шел вторым, а когда ты оказался в больнице, он стал первым, и общая выработка при уборке зерна у него стала больше, чем у других. Сам виноват, что упал с мотоцикла. Надо с трезвой головой ездить. Между тем дядя Вася не унимался:

— Надо жаловаться! Я поеду в Ростов, в райком, докажу свое! — он горячился еще минут десять. Вспомнил агронома, которого председатель уволил за то, что тот был честным и во многом не соглашался с ним. Говорил, что все председатели колхозов его района — сыны

кулаков. Старик слушал дядю Васю внимательно и во всем соглашался. Мне соглашаться не хотелось, поддакивать тоже. Спустя некоторое время комбайнер перевел разговор на другую тему:

— Народу мало у нас. Рабочих рук не хватает, армию привлекают. Молодежь в город уезжает. Окончит школу — и в город, в институт или в техникум. Поминай как звали. Все хотят образование получить. Моя дочь и та учится в Ростове в институте. А что им в селе делать? Правда, и клуб есть, танцы, кино, библиотека. Живут все же хорошо — в каждом дворе мотоцикл, а то и два. А все же не удержать здесь. Платят на работе не очень много, а работа тяжелая. К примеру, разгрузить машину двухтонку с зерном — 30 копеек. Да какой дурак молодой будет это делать? А мало других примеров? Ребят в армию берут, а те демобилизуются да назад редко кто приезжает. А девчата без ребят не могут, поэтому к вам, солдатам, как мухи липнут, — дядя Вася взглянул на меня и неожиданно замолчал. Я его не поддержал, поскольку ко мне-то никто не лип, а я и не старался прилипнуть.

Но тема молодежи ему никак не давала покоя и он, немного спустя, продолжил:

— А какая мода сейчас пошла: девчонки короткие юбки носят — выше колен. Это же безобразие! Я знал одну такую, которая чуть не поплатилась за это. Еду я как-то на мотоцикле с люлькой в Таганрог. Вижу, на дороге стоит машина, а мне что-то надо было спросить у водителя той машины. Думал, он где-то рядом: в кабине его не видно. Остановившись, подхожу к машине и слышу, в кабине кто-то возится. Открываю дверцу. Вижу, парень борется с девчонкой. Расстегнул ей рубашку, поднял юбку, а она сопротивляется. Увидел он меня, сразу остановился. А девчонка лет семнадцати выскользнула, подтянула сползавшие трусишки, одернула юбочку и ко мне. «Дядя! — кричит. — Подвезите меня в город!» — а сама бледная, как смерть, тяжело дышит, чуть не плачет.

— Ты что же делаешь?! — заорал я на парня. — Разве так можно? Ты бы договорился. Нет — так нет. Нельзя же так. Ты ее губишь, да и себя в тюрьму сажаешь! — а он стоит, молчит. Только я направился с девчонкой к мотоциклу, он бросился к ней: «Люся, Люся, прости, садись, подвезу! Больше такого не случится». А она говорит: «Нет! Я поеду на мотоцикле».

Посадил я ее в люльку. Сам сел, посмотрел, как она устроилась. А она села, юбочка коротенькая, едва ляжки прикрывает. И такая она симпатичная, свеженькая, да еще — эти оголенные стройные ножки, что подумал: «Мать моя природа! Никак и я сам на старости лет в грех паду!» И обращаюсь к ней:

— Люся, у меня к тебе совет: если хочешь доехать до города, то езжай в следующий раз на автобусе, а не на попутке. Но если нет автобуса, то — только на мотоцикле, потому что, если что и взбредет в голову водителю, то ты в любую минуту можешь выскочить из люльки. Да и людям будет все видно, придут на помощь. И второй совет: не носи такую короткую юбку. Представь себя на месте того парня. Когда он видит твои ножки, в нем разве не разыграет молодая кровь? — дал ей полог, она укрылась. Дала мне слово выполнять мои советы. И мы поехали. Послушалась ли Люся меня, не знаю.

Я слушал комбайнера и меня все больше и больше удивлял этот человек. Ему больше сорока, но на вид значительно моложе. Он энергичен, общителен, подвижен, словоохотлив. Часто рассказывал забавные истории, которые веселили окружающих. Часто говорил и о колхозе. В его словах звучала горечь о несовершенстве колхозного дела, обида за несправедливость к нему лично. Но в нем ясно было видно желание лучших перемен, и он не был пассивным наблюдателем. По его словам, он разжигал азарт к работе у других, не вызывая официально на соревнование — громкие слова могут просто отбить всякую охоту трудиться. Порой он использовал хвастливое словцо, играл на самолюбии. Люди оказывались задеты: что, они хуже него? Начинались гонки.

Случайно узнал, что у дяди Васи всего четыре класса образования. Это было заметно, когда он принимался читать вслух газетные новости — чуть-чуть быстрее, чем по складам. А ведь во время войны он был младшим лейтенантом! Сейчас числится как лейтенант запаса после недавно законченного курса переподготовки. Я представил себе, как язвительно передразнивал бы сноб-Бухаров комбайнера. У меня же к Василию было только сочувствие, что так сложилась его жизнь и что он не смог окончить среднюю школу.

Меня выписали на следующий день. Я подлечился, болезнь отступила. Тогда же выписали старика и солдата с расписанными ногами. После завтрака, получив у медсестры свою х/б (хлопчатобумажную) военную форму, я зашел в нашу первую палату попрощаться с комбайнером. Там застал главного врача. Дядя Вася лежал на животе и кричал:

— Ой, умираю! Ой, умираю!

Но его веселое лицо и смеющиеся глаза говорили, что он на кладбище прогуляться в ближайшие часы не собирается и что у него хорошее настроение. Главврач Нина Алексеевна, сдерживая улыбку, сначала с притворным участием посмотрела на него, но потом без тени сожаления к страданиям больного просто сказала:

— Это из-за того, что вы вчера съели три обеда! — и ушла.

Мне стало смешно. Я был очевидцем, как Василий, видя, что двое больных не пришли в столовую из-за плохого самочувствия, съел помимо своей тарелки борща еще две невостребованные порции, закусил тремя порциями каши и запил все это тремя кружками компота. В тот момент он был просто счастлив, чем и напомнил Витьку Баранникова.

Я подошел к Василию, дружески вставил свою руку в его ручищу-лапищу. Мы тепло попрощались.

Возвращение в лагерь. На погрузку

В лагере мне дали письмо из дома, написанное 27 июля, неделю назад. Мама в очередной раз высказывала беспокойство по поводу задержки моего ответа.

Вечером в соседней палатке спор вела знакомая компания. Как будто я и никуда не уходил. Сычев с Генкой выясняли отношения при странно молчавшем Бухарове:

— Выпили две бутылки и не могли одну сюда привезти! — ныл Сычев. — Тоже друг называется!..

— Понимаешь, не мог я этого сделать, — оправдывался Генка. — Я же не один был, да перед ребятами неудобно. Ну что там одна бутылка вина на троих?

— Я знаю тебя. Только о себе заботишься, о друзьях не подумаешь. Позавчера привез свою постель, одеяло, шинель, а мою забыл. Для тебя друг не существует.

— Ты думаешь, о чем говоришь? — перебил его Генка. Сычев уже лег на матрац, положил голову на подушку и тихим, сонливым голосом ответил:

— Пускай лошадь думает — у нее голова большая.

Но уснуть ему так и не дали. Был поднят вопрос, где достать деньги, чтобы отправить посылку ребятам в полк.

— А что если продать зерно? Машины приходят на обед груженные. Подошел, насыпал мешок-два и отвез, а там потихоньку продал. Деньги — на бутылку, — начал кто-то из ремонтников.

— А монтировать по спине хочешь? Тебя так шибанут, что позвонки на сварку придется относить, — после этой фразы, за которую Витька Сыч вызвал у меня даже уважение, он продолжил канючить. — В тебе, Генчик, нет чувства товарищества. Думаешь, мне вина жалко? Надо товариществом дорожить! Товарищ есть товарищ! Если у меня есть друг, я о нем всегда позабочусь. Да пусть мой ... изрубят на копейки! — и вот так минут пять Сычев корил Генку за то, что тот не привез бутылку вина.

Потом Бухаров начал спор о чем-то своем с Генкой. Сычев, казалось, их не слушал, но через равные промежутки, словно испорченная пластинка, времени вклинивался со своими обидами с прежними упреками. Это вызывало теперь только смех. Наконец Витька не выдержал и крикнул:

— Харе, ребята! Завязывайте эту ботанику! Спать пора!

Все утихло, но Бухаров и Генч потом опять о чем-то долго спорили.

Срок нашего пребывания в Ростовской области заканчивался. Мы с Володей Бухаровым ждали со дня на день радиограмму о дате прибытия автороты на станцию Матвеев Курган для погрузки на эшелон. Нас перебрасывали на Алтай. Но связи не было. Радисты из батальона в назначенные часы в эфир перестали выходить.

Утром 8 августа в нашу палатку пришел незнакомый седовласый капитан и спросил:

— Связаться с батальоном можете? Мне надо срочно передать радиограмму.

— Попытаемся!

Капитан взял чистый бланк с надписью «Радиограмма». Через три минуты он подал текст: «В штаб батальона. 140-го в 3-й роте нет. Прошу отыскать его по вызову. Он должен возглавить колонну машин, идущих на погрузку. Подпись».

Код 140-й обозначал комбата. Дело принимало серьезный оборот. Я решил прояснить для капитана обстановку:

— Понимаете, товарищ капитан, связь с батальоном у нас только в определенное время: утром в 8:00, затем в 11 часов, в обед в 14:30 и вечером в 18:30. Двадцать минут назад, в 11 часов, у нас должен был состояться сеанс. Но батальон на связь не вышел. Придется ждать три часа.

— Ой, как плохо, ребятки! — сокрушенно покачал головой капитан. — Что же делать? Может, все же попытаетесь связаться? Говорят, у вас самая лучшая связь в батальоне.

— Да бесполезно, товарищ капитан, — дополнил Бухаров. — У них выключена станция. Они врубают ее только в определенные часы, чтобы аккумуляторы не сажать. А вы, товарищ капитан, поезжайте в село Новая Надежда. Там из правления совхоза и позвоните по телефону в Матвеев Курган. Наш капитан часто пользовался этим телефоном.

— Село-то далеко?

— Три километра.

— Время! Время! Да вы же сегодня в 4 часа должны грузиться! Как найти выход из положения? Комбата нет. Командира вашей роты нет...

Дозвониться трудно. Ну вот что. Включите радиостанцию и следите за батальоном. Как появятся, разбудите меня. Я усну. Третий день не сплю: роты грузим.

Мы дали капитану одеяло, подушку. Капитан улегся в кустарнике, и уже через минуту оттуда стало доноситься похрапывание. Прошло два часа. Батальон на связь не вышел, но приехал комбат. Он, как всегда, стал ругать начальство, но видя, что к 16:00 рота, несмотря на все старания, не сможет прибыть к месту погрузки, вскоре уехал, передав одному из командиров взвода приказ для Чалого: завтра в 6:00 все машины, все люди прибывают в Матвеев Курган.

На обеде, собравшем автороту в неполном составе, Чалый так и не появился, хотя пришел шофер ротного Алексеев.

— Где Чалый? — спросил я у него.

— В Ростов уехал. Там его сам черт не сыщет, а комбат хочет его найти.

— Чалый не в Ростове, а в другом месте. А где — тайна! — вмешался многозначительно начфин, который с самого утра был «под булдой».

Когда начфин ушел, Витя-повар заметил:

— Тоже тайна! Вчера у них получка была. Все нажрались. Лежит где-нибудь Чалый, его рассолом отпаивают. Вот люди! — и, взглянув вслед удаляющемуся начфину, оценивающе добавил: — Да и этот на ногах твердо не стоит.

После обеда, вернувшись в палатку, я стал укладывать свои вещи, затем принялся свертывать радиостанцию.

— Зачем? — несколько раздраженно сказал Бухаров. — Вечно ты куда-то торопишься. Вечером все сложим. Успеется.

— Тебе виднее! — и с этими словами я поставил на место аккумулятор, который начал было протирать. Люблю делать все заранее, чтобы потом не пороть горячку. Но Бухар явно показал, кто тут старший.

После ужина стало темнеть. В лагере началась толкотня и суета, возникшая после появления Чалого. Начали сворачивать палатки. Многие шоферы, забрав постельные принадлежности, свои вещи, ушли с ними в автопарк, к машинам. Они спешили заняться подготовкой техники — были и совсем неисправные машины. То ли не хватало деталей, то ли сами ребята до последнего часа «тянули резину». В парк ушли и все варемщики. Свою палатку мы снимать повременили. Стало уже совсем темно. Разожгли костер и при его неровном освещении подготовились к отъезду: убрана радиостанция, батареи, сложено имущество. Осталось пригнать машину для погрузки. Можно было вздремнуть на неразобранных нарах.

Перед сном Бухаров просил разбудить его часа в два ночи. Он собирался сходить в парк за машиной. Вскоре костер погас. В лагере стало совсем темно. Я тоже уснул. Что я, будильник для Бухара?

Проснулся от дальнего гула моторов. Они ревели в темноте, словно гигантский невидимый рой. «Уезжают!» — мелькнула мысль. И я быстро выбежал из лесопосадки на край поля. Вдали, во тьме, там, где находился автопарк, увидел мелькающий скользкий свет фар.

— Володька, вставай! — я стал будить Бухарова. — Машины, кажется, уже в колонну выстраиваются.

— Ну и что? — спокойно ответил тот. — Сходи в парк и пригони машину.

— Какой номер?

— 02-20.

Я пошел, размышляя о чудачествах Бухарова, мнящего себя начальником. То разбуди его — он сам сходит в парк, то теперь он не пойдет, а за машиной должен идти я. Надо торопиться, а то не выберешься отсюда.

В парке еще оставалось машин двадцать. Все они «чихали», явно не готовые к отправлению. Машина с номером 02-20 стояла уже у самого выхода.

— Здорово! — обратился я к шоферу. — Ты знаешь, что будешь перевозить имущество радистов?

— Знаю. Без вас не уеду. Мне бы машину завести, — и он указал на трос, прикрепленный к впереди стоящему «ЗИЛу». — Аккумуляторы сели.

Я запрыгнул в кузов. Через 15 минут машина подходила задним бортом к проходу в лесопосадке, в которой был проложен среди деревьев к нашей палатке.

В темном проходе чуть не столкнулся с Бухаровым. Мы вместе вошли в палатку и стали будить медика:

— Вставай!

— Чего еще! — раздался недовольный голос медбрата Виктора Беляева, который у меня всегда вызывал раздражение.

— Вставай, тебе говорят! — рыкнул Бухаров. — Грузиться надо!

Беляев нехотя поднялся, позевывая, потянулся и с недовольным видом шагнул к ящикам, стоящим в углу палатки, в которых хранились медикаменты.

Из них, насколько помню, наиболее действенным оказался нашатырь. Однажды ампулу с ним медик выдал лежащему в палатке «пьяному в стельку» шоферу, которого срочно потребовал к себе Чалый. После принятия этого жестокого народного протрезвляющего средства,

разрушающе действующего на сердце, парень поднялся и направился к командиру роты.

Мы с Бухаровым погрузили свои ящики с радиостанцией и оборудованием. В последнем большом плоском ящике были библиотечные книги. Эксперимент с ними показал, что чтение пользовалось спросом. Солдаты действительно брали книги у меня — временного библиотекаря. Только, когда перед отъездом я стал собирать литературу, оказалось, что практически во всех книгах местами были вырваны страницы. «Читали» их в нужном месте. После этого случая библиотека мною была прикрыта. Уже после возвращения в часть мне довелось познать на себе гнев заведующей полковой библиотеки, метавшей гром и молнии, когда она увидела, в каком состоянии вернулась художественная литература.

В последнюю очередь погрузили матрацы и постельные принадлежности, затем свернули палатку. На ее месте в темноте различалось вытопанное место и нары, сколоченные из досок и поставленные на чурбаки. Мое предложение их разобрать и взять с собой Володька не одобрил:

— Черт с ними, пусть здесь останутся. На Алтае у кого-нибудь станчим!

После завершения погрузки Бухаров сел в кабину рядом с водителем. Мы с Беляевым забрались в кузов, неплохо устроившись на матрацах, положенных поверх ящиков. Наша машина тронулась и устремилась в голову колонны стоявших машин. Там она замерла после машины Чалого. Светало.

— Рота, строиться! — раздался вдали в предрассветной темноте голос командира взвода. Я на него не откликнулся и остался сторожить вещи.

— Гоняли только зря! Опять Чалый болтал, — недовольно пробурчал медик после быстрого возвращения.

— Вы здесь? — вернувшийся Бухаров заглянул в кузов. Увидев, что мы на месте, лежим на матрацах, уселся в кабине.

— Заводи! — послышался слегка хриплый голос уже самого капитана Чалого.

Заревели моторы. Командир роты сел в первую машину. Колонна тронулась.

Солнце уже взошло над горизонтом, фары погасли. Ну и дороги в Ростовской области! Пыльные, узкие, расползающиеся после первого дождя. Колонна шла, а следом за ней тянулся гигантский шлейф пыли из мельчайших, всепроникающих частиц. Они, казалось, поглощали все на своем пути. Машины, шедшие навстречу по другой стороне,

останавливались, так как вероятность столкновения с армейскими грузовиками была вполне реальной. Я наблюдал всю эту картину из кузова. Медик же спал мертвецким сном рядом, укрывшись одеялом.

Нам, ехавшим вторыми, бесспорно, повезло, иначе в кузове можно было задохнуться от пыли. Но торжествовать по этому поводу не стоило. Первая машина иногда пылила так сильно, что мне приходилось набрасывать на себя шинель и залегать на дно. А по сторонам мелькали лесопосадки, сжатые поля и поля, засаженные кукурузой и подсолнечником. Мы проезжали мимо колхозных строений, оштукатуренных и побеленных домов. У каждого дома невысокая ограда, сложенная из известковых плит. Здесь было явно чище и зажиточнее, нежели в нашей средней российской полосе.

На обочине дороги появилась небольшая группа мужиков с лопатами, около них конвоиры. Это заключенные. Комбат предупреждал, что здесь рядом находится лагерь.

Спустя несколько километров головная машина остановилась. Можно только догадываться, что сзади какая-то машина предупреждающе замигала фарами. Оказалось, в середине колонны шла машина, на кузов которой сзади был поставлен передними колесами неисправный «ЗИЛ». Он и соскочил на подъеме. Об этом Чалому сообщил подъехавший шофер. Капитан отсутствовал минут 30, затем дал команду «Заводи!», и колонна вновь пришла в движение.

Около шести утра машины встали на обочине дороги одна за другой при въезде в Матвеев Курган. Вдали виднелось здание элеватора, наполовину скрытое домами и зеленью. Бухаров высунулся из кабины:

— Привет, чумазые!

Медик проснулся. Он медленно вставал, приподнимая край одеяла, вобравшее столько пыли, что при малейшем сотрясении она взвивалась в воздух, и тотчас от нее у меня начало щипать в носу. Беляев спрыгнул на землю и присел на валу кювета, протирая глаза:

— А... Почти приехали. Жрать хочется. Скоро завтрак?

— Завтрак готовится на станции. Как приедем — позавтракаем.

Медик меня по-прежнему раздражал. Я хотел тоже присесть на обочине, но неожиданно увидел круглую одинокую насыпь высотой полтора — два метра и диаметром около 20 метров. Курган, к тому же перепаханый! Археология напомнила о себе... И всего из-за одного балла не поступил на истфак... Митяев, наверное, уже в экспедиции. Я поднялся на вершину древней насыпи. Меня снова охватила тоска.

Машины пришли на запасные пути станции, где стояли два мощных грузоподъемных крана. Началась погрузка. Наш «ЗИЛ-157» с оборудованием встал в сторону. Оказалось, что вагоны для управления

и личного состава роты находятся на другом пути. Попасть туда имело смысл только после завтрака.

На завтрак поехали в кузове одного из грузовиков вместе с шоферами. Главной темой разговора среди солдат были «каштанки», что приехали из Политотдельского на станцию проводить знакомых ребят. Это объясняло отсутствие многих после завтрака.

На обратном пути к нашему уже заполненному кузову подошла девчонка. В левой руке она держала синий узелок явно с едой, а правой прикрывала глаза от слепящего солнца:

— Ребята! Среди вас есть Сорока?

Паренек, подстриженный наголо, прятавшийся за чужие спины, шепнул: «Скажите, что его нет».

— Его нет! — нашлись услужливые голоса. — Ты теперь его не узнаешь. Он подстрижен под Котовского!

Когда машина отъехала на значительное расстояние, Сорока распрямился во весь рост:

— Ну ее... — и грязно выматерился.

Выходит, Бухаров прав: виноваты мужики, которые не считают себя виновными, а потом поливают своих женщин грязью, как из помойного ведра, нецензурными словами.

Когда наша машина с оборудованием подъезжала к пульмановскому вагону, мы заметили в нем офицеров из батальона. Это сразу вызвало тревогу.

— Мы что, с батальонным начальством едем? — заволновался Бухаров, а Сычев с нескрываемой досадой подвел итог:

— Ну все! Листья опали! Этот ... комбат не даст нам покоя. Будет ко всему придирааться. Настроение даже испортилось!

Вещи разгрузили быстро. Все четверо — Бухаров, Сычев, Беляев и я, забросили на верхние нары матрацы и вещевые мешки и пошли умываться на колонку. Освеженные, вернулись в вагон, где, кроме старшего сержанта Пинуса, младшего лейтенанта — командира 1-го взвода и его жены с девочкой, сидевшей на кровати, пока более никого не было.

— Приезжали, было жарко, уезжаем — тоже жарко, — рассуждал младший лейтенант, призванный из запаса на лето, обмакивая лицо платком, как промокашкой. Кивнув в сторону офицеров, стоявших поодаль на улице, он произнес с явным недовольством: — И эти из батальона тоже с нами едут...

— Фиг им! — резко ответил каптенармус Юрий Пинус. — Я Чалому доложил. Тот приказал мне не впускать батальонных в вагон. Набросали ящиков, чемоданов! Да и выкину их к чертовой матери! Да они сами уйдут как миленькие. Пускай переходят в другой вагон.

Нас, сидящих на верхних нарах, в тени, такой подход устраивал. В это время в широком, залитом солнцем дверном проеме, внизу возникла голова комбата. Володька Бухаров успел шепнуть:

— Атас! Ложись, чтобы комбат нас не видел! Еще какую-нибудь работу найдет.

А внизу происходил такой разговор, начатый комбатом:

— Ну, где ваш ЧаХлый? Невозможно его найти. Он должен быть на погрузке, а его там нет. Кстати, — обратился он к младшему лейтенанту, — вы должны быть там же, — затем подполковник взглянул на его жену, — а не заниматься семейными делами. Убьет кого-нибудь из солдат, вас же в тюрьму посадят. Идите туда и не возвращайтесь, пока не будет погружена и закреплена последняя машина.

Когда «микромайор» — младший лейтенант с одной малой звездочкой — ушел, комбат принялся за его жену:

— А вы куда собираетесь?

— С мужем.

— На Алтай? Туда, смею вас заверить, вы не поедете!

— Почему не поеду? Поеду!

— А я говорю — не поедете! Не положено гражданским лицам ехать в воинском эшелоне! — с ударением на двух последних словах произнес комбат. Но он явно не оценил, с кем заспорил.

— Жене Чалого положено! Жене вашего батальонного начпроба положено! А мне, жене младшего лейтенанта, выходит, не положено?! Сказала поеду, значит поеду! — разгорячилась женщина.

— Слушайте! Вы останетесь здесь. Идете в кассу, покупаете билет за свои деньги и едете, куда вам нужно, но в этом эшелоне вы не едете!

— Я больная, у меня сломана рука и вывихнута нога, — она показала забинтованную руку. — А без мужа никуда не поеду!

Комбат начинал терять терпение:

— Я чувствую, что наш разговор бесполезен. Если вы не послушаетесь данного мною совета, я ВЫКИНУ вас и вашего мужа...

— Вот и хорошо. Я и мой муж поедem домой, в Ленинград... И кто вам дал право так разговаривать с женщиной? Выкину! — передразнивая подполковника, говорила жена младшего лейтенанта. — Да если вы только меня тронете, я так вам двину, что все ваши большие звездочки посыпятся! Не люди здесь, а куклы бездушные с погонами!

— Мама! Не надо! — подала голос дочка.

Комбат в душе был явно взбешен. Он увидел, что на верхней полке лежит кто-то из солдат, а рядом сидит старший сержант Пинус. При свидетелях его так охаять! Сдерживая гнев, комбат продолжил:

— Да я к вам и не прикоснусь. Я прикажу солдатам, и вас выгонят.

— Я сама была солдатом, войну прошла. Да мне солдат милее любого офицера. Солдат, наоборот, мне скажет: «Тетя Зина, оставайтесь!»

— Ну как вы поедете вместе с солдатами? Поезд идет почти без остановок, солдаты на ходу оправляются. Неужели вам будет не стыдно?

— А что мне стыдиться? Я не девочка, мне 43 года. Я все видела в жизни — и плохое, и хорошее.

— Я вам приказываю уйти из этого вагона! Все! — комбат повернулся, намереваясь уйти. Да, «есть женщины в русских селеньях!»

Каптенармус Юрий Пинус сидел, выслушивая эту перепалку, очевидно, ожидая концовку.

— Товарищ комбат! Товарищ комбат! Я хочу с вами поговорить! — и Юрий изложил свой план действия. Вагон с продовольствием наполовину пустой. Пусть на одной половине будут размещены продукты, а на другой будет жить батальонное начальство. Комбат согласился. Довольный Пинус потирал руки:

— Вот и договорились! Управление роты теперь поедет отдельно от управления батальона!

Внизу воцарилось молчание, прерываемое временами бормотанием женщины:

— Жене капитана можно ехать в эшелоне, жене майора тоже, а жене младшего лейтенанта почему-то нельзя... Дураки с большими звездами... Бездушные люди... Нацепил погоны подполковника и командует всеми...

Мы по-прежнему лежали на верхней полке. Нам всем четверым не нравился этот разговор. Общее мнение выразил Бухаров:

— Не люблю эти дешевые споры... Базар-вокзал...

— Юра, дай закурить! — раздался внизу женский голос. Послышалось чирканье спичкой.

— А она блатная. Наверное, в тюрьме сидела. На ее руке я видел татуировку, — сказал шепотом медик Беляев.

Чем меньше оставалось времени до отправления эшелона, тем больше солдат возвращалось к погрузке техники в свои вагоны. Ребята знали свое дело, надежно крепили машины на платформах. Но, как всегда, отдельные личности успели напиться. Отличился придурковатый повар из запаса Ваня. Он зачем-то залез в какой-то автобус и начал там скандалить. Его оттуда выгнали. По дороге в свой вагон Ваня чуть не подрался со своими же ребятами, которые в отместку подстригли его наголо и затолкали на верхние нары теплушки. Другой солдат третьего года службы упал с платформы на насыпь, чудом не разбил голову.

Ближе к вечеру мы с Бухаровым, лежа на нарах, ждали окончания погрузки, чтобы протянуть вдоль эшелона телефонный провод связи.

Пришел старшина Бессмертный, которого за глаза солдаты звали Кошечем:

— Хлопчики, надо натаскать в баки на кухне воду. Идите, поработайте! — я было поднялся, но Володя остановил мой порыв:

— Ложись! — а Кошечю сказал: — Нам работать ночью, линию прокладывать. Несколько километров придется бегать. Там же есть люди. Пускай они и работают.

Однако старшина был неумолим:

— Я пойду жаловаться ротному!

— А я отвечаю за связь! — огрызнулся Бухаров. — Нам надо проверить телефон, размотать катушку, проверить, нет ли обрывов.

Бессмертный ушел, а мы слезли с нар. Я был уверен, что кабель исправный, но идее напарника не сопротивлялся — по армейскому старшинству. Да и кабель проверим на всякий случай.

— Если Чалый или старшина придет, мы работаем. Нас не тронут, — аргументировал Володя. Мы достали катушки и стали перематывать телефонный провод. Жена младшего лейтенанта, сидевшая на краю кровати, поставленной у стены вагона, неожиданно стала комментировать наши действия и давать советы:

— Две катушки поставили, чтобы перемотать с одной. Правильно. Так...

Я, стоя на коленях, стал вращать ручку перемотки. Катушки пришли в движение.

— Володя, — обратилась она ко мне, — ты сядь, так удобнее. — Но я упрямо остался стоять на коленях.

— А ты, Володя, — сказала уже Бухарову, — Володя устал, подмени его.

Советы начали сыпаться один за другим. Жена младшего лейтенанта запаса меня раздражала настолько, что хотелось запулить в нее катушкой. Тут снова пришел Бессмертный, но, увидев нашу работу, ушел. Он приходил и уходил несколько раз, ничего не добившись. Катушки при его подходе начинали вращаться быстрее то в одну сторону, то в другую. Как только был готов ужин, старшина встал перед вагоном-кухней и всякому, кто подходил с пустой миской, говорил:

— Принеси два ведра воды, потом получишь ужин.

Но шоферы или посылали его туда, где он уже побывал, или отходили немного в сторону и молча подавали миску повару, раскладывавшему поварешкой картошку. После ужина бак был наполнен водой, которую принесли повара.

К 10 часам вечера эшелон, стоявший на запасных путях, был готов к отправке в Барнаул. Мы с Бухаровым, не дожидаясь приказа, довольно

быстро провели телефонную линию в голову состава, оставляя между вагонами с запасом провисшие петли с учетом максимального поворота вагонов и платформ во время движения. Спать не легли, ждали отправки. К вагону подошел зампотех, с трудом державшийся на ногах в вертикальном положении. Он приблизился к замполиту роты Дим Димычу и, покачиваясь, начал с горечью изливать свою душу:

— Жена уехала, не успел проводить, был на погрузке, — и болтая зажатой в правой руке сумкой, из которой сильно несло копченой рыбой, продолжил пьяным голосом. — Я за нее спокоен... Совершенно спокоен. Боюсь за детей, особенно за мальчика. С ним не успел проститься... А он больной... Вот что-нибудь подумает, представит и упадет. У него же эпилепсия...

Чертыхаясь, зампотех полез в вагон, упал на кровать и... заснул.

Недалеко от открытой двери в полумраке стояли двое: девчонка в белом платице с модной аккуратной прической и парень Рахмат из 2-го взвода в шинели, они о чем-то тихо разговаривали. До меня донесли слова:

— Тебе холодно, на, надень свитер...

— А как же ты без него обойдешься? Осенью будет холодно.

— У меня шинель есть. Ну, надевай, — говорил он ей ласково.

Внезапно состав рвануло с металлическим скрежетом и грохотом, и он медленно тронулся по рельсам. Парень мягко пожал на прощанье девчонке руку и сам вслед за замполитом и другими солдатами запрыгнул в наш вагон, стал махать рукой. Девчонка бежала за поездом, махая вслед. Вскоре ее поглотила тьма. Рахмат все стоял у распахнутой двери и смотрел в конец эшелона, где осталась ОНА. Щеки его пылали, глаза сверкали, на лице была грустная-прегрустная улыбка.

— Что, Рахмат, горит сердце? — сочувственно обратился к нему замполит.

— Ой, горит, горит! — ответил тихо с акцентом солдат.

— Ну, ничего. В Сибирь приедешь, сибирячки не так еще тебя разожгут.

— Нет! — искренне мягко ответил Рахмат. — Я после армии приеду, увезу ее с собой домой.

— Если так, то молодец!

Рахмат залез на верхний настил, еще долго ворочался, прежде чем заснул. Поезд все дальше и дальше увозил его от любимой.

Я проснулся поздно утром. Меня разбудил Бухаров:

— Вставай! Завтрак!

Спросонья не мог понять, где нахожусь. Эшелон стоял. Было солнечно. Придя в себя, спрыгнул с верхних нар, оделся. Зачерпнув

кружкой воду из ведра, кое-как умылся, быстро перехватил еду. После завтрака, взяв телефонный аппарат, собрался проверить линию — нет ли обрывов. Старик-Бухаров скомандовал:

— Володя, по дороге найди Чалого, скажи, чтобы ставил дневального у аппарата.

— Ясно! — и я зашагал вдоль эшелона к головному вагону, слегка зажимая в руке висевший телефонный провод. Вот и обрыв. Через пару минут он был ликвидирован. Пройдя метров десять, заметил оголенный провод, замотал его изолентой. Далее линия не была повреждена. Увидев солдата, вылезавшего из машины, стоящей на платформе (это же не положено!), спросил, где Чалый. Оказалось, капитан ночевал в будке, установленной на борту «ЗИЛа» (еще одно нарушение). Он обещал поставить дневального. На тормозной площадке вагона перед тепловозом лежала на месте целая катушка. Все в порядке. Это обрадовало. Я быстро присоединил два торчащих кончика проводов к клеммам телефонного аппарата. Нажав на кнопку «ШК», провернул ручку. Раздался звонок. И здесь все нормально. Линия исправна. Затем повернул ручку несколько раз.

— Алло! — слышно было только собственное дыхание. — Алло!

Наконец в трубке послышался далекий голос Бухарова. Я с трудом его узнал:

— Все в порядке? Ну так возвращайся!

— Не могу оставить телефон без присмотра. Придет дневальный, вернусь.

Зеленая туша тепловоза, находившаяся прямо передо мной, неожиданно рванула с места, потащив за собой состав. Справа и слева задвигались поля, лесочки и конические, как древнеегипетские пирамиды, копры. Чем дальше поезд продвигался вперед, тем больше и больше становилось конусовидных насыпей. Разрази меня гром, если мы не едем на запад, к центру Донбасса. Иначе не объяснить такое обилие угольных шахт. Замелькали шахтерские поселки, городки. Спустя некоторое время я невзначай посмотрел на свои руки. Если я проторчу на тормозной площадке несколько часов, то стану похож на кочегара. Ну и грязюка!

Поезд делал крутой поворот. Взглянув на хвост эшелона, я заметил дым, исходящий из-под колеса третьего от конца вагона. Букса дымит? Неужели машинист не видит? Не хватало навернуться эшелону, везущему полторы сотни человек и технику. Мне стало не по себе. Я уже решил перебраться на локомотив, хотя это было опасно, как неожиданно в его заднем окне показался молодой парнишка, помощник машиниста. Он с любопытством покрутил головой по сторонам. Я окликнул его, пытаюсь перекричать шум двигателя:

— Эй! Дым из-под колес одного из вагонов!

Парень крестообразно замахал руками — мол, ничего не слышит. Ветер относил мои слова. И тогда я решился, хотя было страшновато. Спустился на нижнюю ступеньку вагона и дотянулся длинной рукой до ручки-скобы локомотива. После, шагнув на одну из ступенек на его стене, по скобкам поднялся к открытому окну. Ветер трепал гимнастерку. Надо сказать, что ощущение на ходу поезда с мелькающими под ногами шпалами было не из приятных. Главное, не смотреть вниз, на рельсы.

— Там, на левой стороне, букса дымит, кажется, букса, — сказал я парню. Тот перешел на другую сторону, а я вернулся на тормозную площадку. Перевел дыхание. Через окно парень поднял вверх ладонь с тремя пальцами, устремив вопросительный взгляд. Я понял, что он спрашивает о третьем вагоне с конца и закивал головой в знак согласия. Парнишка ушел. Через минуту он появился с пожилым мужчиной, одетым в форму железнодорожника. Тот высунулся из окна электровоза и, щуря глаза, стал вглядываться в хвост состава. Потом махнул рукой, что-то коротко бросил парню и исчез. А паренек жестами объяснил мне, что дымит не букса, а тормозная колодка. Потом, когда мы проехали мимо стрелочницы, стоявшей у будки с желтым флажком, он что-то крикнул мне. Повторил. С трудом разобрал его слова: «Флажком не машет — все в порядке». Я успокоился.

Вскоре поезд сделал остановку на какой-то тихой станции. Я пошел искать Чалого, снова просить его о дневальном, но капитана не нашел. Забежал в свой вагон, взял несколько яблок, потом вернулся к голове эшелона. Уже перед самым отправлением появился дневальный. И что меня удивило — так это его образцовый внешний вид: чистая гимнастерка, свежий подшитый воротничок, начищенные сапоги. Подумал даже: как на бал собрался. Не все так уж и плохо. Дисциплина еще поддерживается в 3-м взводе.

Эшелон все ближе и ближе подходил к какому-то крупному городу. Это угадывалось по замелькавшим пригородным станциям, более плотной застройке и по одежде людей.

— Папаша, какой город? — спросил за всех Юрий Пинус старика, когда состав шел медленно-медленно, готовый остановиться. Ответ поразил:

— Луганск.

— Ничего себе крик! — была общая реакция. — В Алтайский край из Ростова через Луганск!

Но такой крик был вознагражден. Справа появилась река Северный Донец, на берегах которой время от времени красовались загорающие

девушки в открытых и полузакрытых купальниках. Всякий раз при их появлении из вагонов раздавалось громкое восторженное молодецкое «Ух!» и озорное приветствие. Кто-то даже выкрикнул неосуществимое желание: «Идите к нам!»

Вечером поезд вышел на Южную железную дорогу. Стали узнавать места, которые ранее проезжали по пути в Ростов. Увидев очередного стоящего с желтым флажком стрелочника, я рассмеялся. Сидевший со мной рядом у распахнутой двери Жора-ремонтник удивился:

— Ты чего?

— Да проехали мимо стрелочника в грязной черной рабочей спецовке, в кепочке, надвинутой на лоб, и с флажком.

— Ну и что?

— Он ужасно похож на Хлопотова. Представил нашего старшину в этом одеянии.

— Хомута Хлопотова до такой ответственной работы не допустят. Ему только дворником быть, мусор подметать. Больше он ни на что не способен, — авторитетно молвил Жорик.

Внезапно в нашу сторону полетели яблоки. Ребята попытались их поймать, но в вагон влетело только одно из них, а остальные, ударившись о стенку, попадали на землю. Их бросила девчонка, но не учла скорость движения поезда. Огорченная неудачей, она встала, прижав руки к груди, и виновата засмеялась. Ей благодарно замахало множество рук.

Совсем стемнело. В нашем притихшем вагоне управления внезапно вспыхнул блеклый свет электрической лампочки, которую запитали от автомобильного аккумулятора, принесенного из авторемонтной мастерской. Сразу же была брошена идея сыграть в «кинга». Несмотря на поздний час, она была подхвачена с энтузиазмом. Через несколько минут в вагоне последовало оживление, внесенное игроками в карты и варемщиками с верхней полки, которые начали балдеть, горлопаня песни. Бухаров подпевал немножко писклявым голосом:

Отшумел угрюмый океан,
Слышен только всплеск волны,
И сквозь дымку и туман
Яркие горят огни.

Приласкай меня, Нева,
Приласкай и обогрей.
Я теперь совсем один,
Точно тополь без ветвей.

На коленях девушка сидит,
Не теряйся, дорогой,
И с надеждою в груди
Проводи ее домой.

На Алтай

На следующий день поезд подходил к Рязани. В 15 километрах от города эшелон остановился напротив небольшого лесочка. Свежайший воздух был напоен ароматом трав. Сразу же из открытых дверей стали выскакивать солдаты и бежать в кусты. Нетрудно представить, как сильно изменилась атмосфера буквально через пять минут после того, как лесок покинула сотня человек. Поэтому, когда эшелон тронулся, все вздохнули с облегчением.

Часа через два замелькали подмосковные платформы для электричек. Народ был одет иначе, чем на юге, — сказывалась близость столицы. Чистые станции с городской публикой напомнили о Москве и доме. Вот и Воскресенск. Проезжая мимо платформы, поезд замедлил ход. Мы увидели, как молодой мужчина лет 27, прилично одетый (на нем был новенький костюм серого цвета), засуетился, когда проходили вагоны с солдатами. Он достал из сумки груши и бросил их в нашу открытую дверь, но промахнулся. Груши полетели на рельсы.

— Эх! — разочарованно и осуждающе протянули ребята, а Сыч, лежавший на нарах у самых дверей, проговорил:

— Ребята, поймите его правильно. Он же хотел от чистого сердца. Парень, видно, в армии служил, понимает своего брата.

Старшина автороты Владимир Бессмертный по прозвищу Кощей сумел где-то поддать с утра пораньше. Он сел на доску у дверей и стал мурлыкать под нос какую-то понятную лишь одному ему песню. Ребята стали его подзадоривать, чтобы услышать неподражаемое бессмертниковское вытье:

— Та-та-та-та-та... Та-та-та-та-та, — стал напевать Бухаров на мотив «Хали-Гали». Старшина подхватил и начал:

Еду дорогой!
Веду свое авто.
Ехать недолго —
совсем недалеко...

Но Бухаров прервал свое пение, а за ним остановился и Бессмертный.

— Володя, продолжай! — обратился Сычев к старшему по званию, разговаривая с ним как с равным. Но тот песню не продолжил.

— Спую свою любимую песню на немецком, — неожиданно для всех пьяно проговорил старшина. И, держа в правой руке дымящуюся сигарету, а левой удерживаясь за край двери, чтобы не упасть, он начал громко, во всю силу своих могучих легких басыть с завыванием. Все едва сдерживали смех, а Бессмертный с серьезнейшим лицом, наклоняясь вперед-назад, точно готовился блевать, продолжал выть. Каптенармус Пинус, опасаясь, что старшина выпадет из теплушки, схватил его за ремень и стал крепко держать сзади. Тот же душераздирающе орал. За его спиной стояли солдаты, едва сдерживая смех. Где-то к концу песни Бессмертный дал «петушка».

— Высоко взял, Володя! — оценивающе серьезно сказал ему Сычев.
— Я чувствую! — также серьезно ответил Кошей.

Когда он допел до конца и замолчал, все облегченно вздохнули. Но Бессмертный был в ударе. Он желал петь и петь. Жалея, что нет гитары, затянул «Черемшину», затем еще и еще, пока поезд не остановился на чистой станции «Дулёво». Кошей спрыгнул и, покачиваясь, пошел проветриться.

Родные места! Отсюда до деревни Радованье рукой подать. Я вспомнил трубы фабрики, которые можно было увидеть за околицей родной деревни отца. Сразу же со всех сторон к вагону устремилась медуза.

— Солдат, дай пилотку! Солдат, дай звездочку! Солдат, дай яблочко!

Юрка Пинус вынес ящик с яблоками, которые тут же раздал детворе. Поднялся радостный детский гвалт.

— И что вы их балуете? — осудила поступок Юры женщина с ребенком на руках. — Они знают, что военные эшелоны один за другим идут, вот и проводят целые дни на станции.

К вагону подошел комбат. Вид его был недовольный.

— Товарищ солдат! — окликнул он здоровенного детину-сверхсрочника повара Володю. — Вы... вы! Подойдите сюда, — тот вразвалку подошел к подполковнику. — Застегнитесь ТАМ и ТАМ. Неудобно должно быть вам. Взрослые, дети ходят. Застегните гимнастерку и ширинку.

Добродушный повар-резервист в ответ лишь широко улыбался. Он пытался толстыми пальцами застегнуть узкий воротник, но его мощная шея не позволяла это сделать. Гимнастерочка была маловата. Две пуговицы так и остались не застегнутыми. Повар был отпущен. Он ушел сразу, чтобы более не попадаться на глаза начальству, перед которым вскоре стоял уже старшина Бессмертный. Кошей не мог сдерживать улыбку, его лицо с огромными бакенбардами радостно сияло, как диск взошедшего солнца. Подполковник делал ему внушение строгим

голосом, но выражение лица старшины не менялось. Бессмертный появился в вагоне перед отправлением.

Тетя Зина, жена младшего лейтенанта запаса — «микромайора», на этой остановке нашла земляка, причем весьма неожиданно для себя. Какой-то солдат залез в вагон и все время старался быть у нее на виду. Наконец он спросил у жены младшего лейтенанта:

— Не узнаете?

— Нет, — неуверенно ответила она. — Постой-постой! Что-то ты мне знаком.

Привлеченные разговором, вокруг них столпились солдаты.

— Так я же Витька Зайцев! Мой брат с вашим сыном в школу ходят, в одном классе учатся.

— А-а-а... Теперь узнаю. Так это ты в позапрошлом году хотел у моего Тольки часы снять! — радостным голосом под общий дружный смех заключила тетя Зина.

— Было, было, было! — неожиданно быстро согласился разоблаченный Витька Зайцев, залившись краской. И они стали вспоминать всех общих знакомых.

В Орехово-Зуеве эшелон встал надолго, поэтому начальство решило сделать поверку. Минут 20 строились вдоль вагонов. Капитан Чалый провел переключку, дал команду «Смирно!» и пошел полустроевым шагом докладывать комбату о наличии людей. Подполковник как-то с грустью смотрел на нестроевую походку капитана, его кривые ноги, но ничего не сказал. Выслушав рапорт, он дал команду «Вольно!» и начал свою речь. Сначала комбат ругал, что долго строились, потом за форму одежды:

— Глядя на вас, трудно сказать, что вы военные, солдаты Советской армии. Где же это видано, чтобы военнослужащие ходили расстегнутые до пуза, кое-кто даже с расстегнутой ширинкой, из которой, простите меня, выглядывают... Мне было стыдно за вас. Ну ладно, пускай форма на вас грязная — так вы на работе, пускай сапоги пыльные, так будьте одеты по форме. Неужели это так трудно сделать. Я же не хожу вот так, — и комбат сдвинул фуражку набок, ремень ослабил, выпустил гимнастерку и вразвалку пошел вдоль строя; поднялся дружеский смех. Еще бы — подполковник ужасно стал похож на забуддыгу, которому море по колено.

— Смеетесь, — продолжил он. — Только вопрос, над кем смеетесь? Вот именно! — сказал он уже молчавшей роте. — У вас есть такой кадр. Старшина Бессмертный! — окликнул он Кощея, который в этот момент стоял в заднем ряду и разговаривал, улыбался и даже не выдал своего присутствия.

— Старшина Бессмертный!!! — еще громче с раздражением крикнул подполковник. — Выйдите, пожалуйста, на середину, — это прозвучало как-то по-граждански. Бессмертный с улыбкой, которая, казалось, навечно застыла на его пьяном лице, выполнил просьбу комбата. Его нетрезвые глаза умиленно, влюбленно смотрели на подполковника. Они оба стояли рядом, высокий широкоплечий старшина и маленький миниатюрный комбат. Просто Пат и Паташон.

— Вот этот кадр, — продолжил командир батальона, — напился. Да перестаньте улыбаться! — строго выговорил ему подполковник. Но Бессмертного это еще больше развеселило. Он начал гоготать:

— Гы-гы...

— Что с ним делать? — задал вопрос автороте подполковник. А Бессмертный в это время за спиной комбата делал вид, что лихо закручивает усы. Это вызвало дружный смех.

— Подстричь наголо! — крикнул кто-то из строя. Снова смех.

— Баки, баки оставить! — добавил другой. Поднялась новая волна смеха.

— Вы слышите, что рядовые говорят? Еще раз увижу пьяным, подстригу, — сделал резюме подполковник и далее стал ругать всех за поведение во время поездки. — Вам что, жизни своей не жалко? Сидят у самых дверей, ногами болтают в воздухе. Я из своего вагона и огурцами, и яблоками швырялся по ногам. Думаю, дойдет до людей. Нет. Они продолжают. Следующее. Неужели нельзя ехать с одной открытой дверью? Нет, жарко. Открывают вторую. Пойдет встречный поезд, упадет с него палка, уголек и все — нет человека. Или этот человек будет всю жизнь по больницам ходить. Нельзя так больше ехать. Я обращаюсь к начальству. Вы привезете на Алтай не людей, а труп-пы, — последнее слово, часто им употребляемое, он произнес традиционно по слогам с двумя буквами п.

— Все! — закончил комбат. — По вагонам!

Поезд в этот момент тронулся. В полутьме на тихом ходу стали прыгивать в вагоны в нарушение техники безопасности, столь беспокоившей комбата.

Когда я ранним утром открыл глаза, в вагоне царил полумрак. Эшелон стоял. Мерзкая сырость заставила укрыться одеялом и простыней с головой. Но понял, что все равно не засну. Спросил у дневального:

— Какая станция?

— Горький.

Неожиданно построение нашему вагону объявил сам комбат.

— Вам удобно ехать в этом вагоне? — обратился он к строю.

— Нет! — живо ответил замполит. — Вагон неисправен. Трясет так, что невозможно заснуть.

— Я не об этом. Вам не мешают люди, что сейчас находятся в вагоне, — женщина и пьяный мужчина? А то я выкину их здесь, пускай добираются домой.

Но никто в строю не сказал: «Да!» Кто-то одиноко за всех ответил: — Нет!

Если бы об этом спросили в Матвеевом Кургане, то, возможно, результат был бы иным. Дело в том, что младший лейтенант, призванный из запаса в ремонтную мастерскую, приехал вместе с женой и дочкой. Если дочка точно была не «капитанская», а младшелейтенантская, то жена уж точно по характеру была капитаншей: «Разве муж и жена не едина плоть!» Почти по Пушкину. Она решила не оставлять своего благоверного и последовала с ним в Ростов, а теперь вот и в Барнаул собралась. Первоначально кровать, на которой тетя Зина спала с 12-летней дочкой Леночкой, была у всех на виду. Но семье быстро выделили угол, закрыли его простынями, и неловкость исчезла. Они никому не мешали и выходили крайне редко.

Получив не тот ответ, подполковник некоторое время сверлил строй глазами.

— Ну хорошо! — сдался он. — Будем считать, что по этому вопросу у нас с вами разговоров не должно быть. Беседа проведена. Если потом, что и произойдет, не забудьте упомянуть, что такого-то числа, во столько-то часов комбат с вами разговаривал. А вы, товарищ лейтенант, — он подошел к замполиту Дим Димычу, — отвечаете головой за этих двух людей.

— Ясно, товарищ подполковник! — не по-армейски ответил очередной резервист.

Уже в вагоне, когда состав тронулся с места, Рур Васильевич, так звали младшего лейтенанта, о жене которого шел разговор, сказал:

— Я думал, он о вагоне спрашивает, а он все о прежнем. Прежде всего надо было о всех людях подумать, что им неудобно при такой тряске спать в непригодном для перевозки людей вагоне. Три года назад, когда меня призвали ехать на целину, наш вагон тоже ходуном ходил, но тогда у него отвалилось колесо... Не то чтобы отвалилось, — продолжил он под дружный смех слушателей, — просто его заклинило, и оно стерлось немножко. Метров через 20 колесо пошло и стало бить ту-ту-ту, ту-ту-ту! Если бы не железнодорожница, не ехать бы мне сегодня с вами. Она сообщила машинисту вовремя: еще бы метров 200–300 и поезд сошел бы с рельс.

— Мост! — все собралось у дверей. Вот он, двухъярусный мост. Поверху идут машины, внизу — поезда.

Горький, бывший Нижний Новгород, остался позади. Стали сменяться один за другим очаровательные пейзажи, от которых нельзя

было оторвать глаз, — лужок близ леса, стог сена, отраженный в стекле небольшого водоемчика, снова стог, кустарники, одинокая береза. Промелькнула копна сена с женщиной наверху, словно монумент колхознице, только без рабочего. Но больше всего впечатлила пожилая обходчица, державшая в левой руке разрешительный флажок, а в правой — яблоко. Она с какой-то нежностью, на которую способны только матери, смотрела вслед вагону, где сидел солдат, бросивший ей яблоко. Может быть, он напомнил ей сына.

Эшелон подходил к Уралу. Местность стала холмистой, но гор в моем понимании не было видно. Вечером пересекли древние горы. Дорога петляла, открывая с каждым поворотом очаровывающие картины. Горящие впереди огни свидетельствовали о приближающейся крупной станции. Поезд замедлил ход, остановился. Дневальные побежали за ужином, а я пошел проверять линию. Когда позвонил из головы эшелона по полемому телефону в наш вагон управления, голос Вити Сычева ответил:

— Дневальный по хатыне, рядовой хлопчик Грицко, в трубку смотрит!

Сообщив, через сколько минут трогается состав, я поспешил в обратном направлении. Ужин был в полном разгаре, стоял шум, звон посуды. У двери заметил Сыча-дневального, который ел из одной миски с незнакомцем, одетым в гражданское. На лоб у того была нахлобучена кепка. Сыч ему что-то говорил, как всегда скороговоркой, а его бессловесный собеседник как-то воровато посматривал из-под кепки на солдат. Мне он сразу не понравился.

— Кто это? — спросил я у Сашки.

— Говорит, от поезда отстал, в Новосибирск ехал, попросил его довести.

— Сыч его взял?

— Да.

Но до Новосибирска незнакомец не доехал. Утром он был ссажен в Кургане. Оказалось, его разыскивала вся милиция.

Жорик-авторемонтник выговаривал Сычеву:

— Зачем ты его взял? Неизвестно, какой он — больной, заразный, здоровый? Может быть, он вшивый. Сейчас пойдешь спать и вшей найдешь в постели.

— Уже бегают! — огрызнулся Сыч. Но Жора не унимался:

— Друга нашел! Вся милиция на ногах, его разыскивают. Он же подходил ко мне, я ему говорю: «Подожди, потом». А ты услышал наш разговор, вмешался: «Зачем потом? Давай, друг, полезай в вагон, поедем вместе». От поезда отстал, а пиджак весь в дырах, сам небритый пассажир!

— Ночью встал бы, всех перерезал, спрыгнул и убежал. Ищи ветра в поле! Мало ли что ему в голову могло прийти? — добавил Генка, новый дневальный.

— Ну уж ты слишком! — оправдывался Сычев. Но в спор вмешалась тетя Зина:

— Ребятки, я всю ночь не спала. Дневальные уснули. А он что-то бродил, бродил, к офицерам подходил. Что-то искал. Черт его знает!

Мне в голову пришло, что он мог искать у офицеров оружие, которого не было.

В Кургане на станции случилось еще одно ЧП. Поймали пьяного молодого парня лет 18, который зайцем решил ехать на тормозной площадке вагона, но, передумав, на ходу стоп-краном остановил состав и бросился бежать. Сычев и Санька были дневальными на тепловозе. Они догнали парня, но тот вытащил нож, за что ему набили морду, скрутили и доставили к капитану Чалому. Чалый недолго думал и приказал остричь виновного наголо. У парня хмель сразу вылетел из головы:

— Что хотите делайте: бейте, ругайте, но не стригите! — парнишка хватался руками за пышную лохматую шевелюру, которой позавидовали бы даже Битлы.

— Стриги! Стриги, старшина! — строго командовал Чалый старшине Бессмертному, державшему в руках машинку. — Ничего, пусть ходит подстриженным наголо. Если сдать его в милицию, то лет 5 дадут за остановку воинского эшелона. Жалко — молодой. Но такое прощать нельзя. Он мог нас всех под откос пустить!

Парень сидел смиренно и плакал.

— Что? Хмель прошел, и храбрость прошла? — учил его уму-разуму капитан. — Ничего! Теперь будешь иметь опыт: в другой раз не полезешь. Это тебе будет уроком на всю жизнь! На, закури! — и Чалый примирительно протянул папиросу. — А теперь иди. Деньги на дорогу у тебя есть — 11 рублей хватит, чтобы доехать до дома (похоже, сам Чалый дал ему деньги). Сейчас два часа. В шесть будешь на месте. Ты свободен!

Парень все еще сидел, затем медленно поднялся, направился по железнодорожным путям на вокзал.

До Барнаула — столицы Алтайского края, мы не доехали километров 300. Выгрузились на станции Леньки, куда поезд пришел в 4 часа утра. К вагону подошел повар Володя:

— Странно! — сказал он задумчиво. — Волосы никогда назад не зачесывались, а тут... — он провел ладонью по голове.

— Наверное, спал на голове, — пошутил замполит.

Далее пошла уже привычная разгрузка техники, и несколько часов спустя мы, загрузив свои вещи в машину с открытым бортом, начали выдвигаться колонной в село Верх-Чуманка Баевского района. Там будет стоять 2-й взвод и размещаться управление роты, включая радистов. Местность ровная, лесостепная, поля чередуются с островками берез. Зона сибирского черноземья. Дорога извилистая, не асфальтированная, не совсем ровная. Пыль стоит плотным занавесом от впереди идущих машин и оседает на нашем обмундировании и лицах так густо, что мы начинаем меняться до неузнаваемости, словно надели маски. Остается только дурачиться и строить друг другу рожи, от чего все покатываются со смеху.

Прибыли на место. В селе Верх-Чуманка есть совхоз, школа-интернат, клуб, универмаг, почта, баня, совхозная столовая. В эту столовую потом мы ходили питаться. Но готовили наши повара. Местность достаточно оголенная. Небольшая речка перегороджена плотинами, которые образовали заросшие пруды. В них пребывают на выпасе домашние утки и гуси, меченные хозяевами пятнами разной расцветки и формы. Рядом с селом оказался островок леса, в котором расположено несколько построек лесничества. Там и разместилось на весь срок управление роты, включая ремонтников — варемовцев, медика и нас, радистов.

Ремонтников определили жить в деревянный сарай. Они обили стены белыми простынями, стало даже уютно. Семья «микромайора» с тетей Зиной благополучно остановилась в доме лесничества. Мы с Володией Бухаровым стали жить в будке радистов, поставленной среди берез на полянке, несколько обособленно. Наконец-то нам ее отдали. Будка была крохотная, с полукруглой крышей, размер примерно полтора на два с половиной метра. По бокам центрального прохода размещались две лавки для сидения и сна. При входе стояла железная печка. Тепло она держала недолго. В будке установили нашу радиостанцию, которая в этот раз не пригодилась, так как всю связь с батальоном Чалый осуществлял по телефону и путем разъезда на «газике». Стотчетверка осталась в резерве — на всякий случай. Ее мы включали ежедневно в 10 утра после завтрака.

Нас особо не трогали, но время от времени ставили на ночное дежурство по двору лесничества рядом с сараем, приспособленным под склад продуктов и ротного имущества. Складом заведовал старшина Бессмертный.

Свободного времени было достаточно. Я даже постоянно заглядывал в местную библиотеку, брал книги, читал классику, начал углубленно с Есенина, которого обожал Бухаров. Раза три в неделю вечером мы ходили в клуб смотреть фильмы. Однако там крутили в основном старые киноленты. Некоторые шоферы заводили в клубе знакомства

с местными девушками. Бухар тоже стал встречаться с одной активной молоденькой дивчиной, но, когда разузнал, что той и 16 лет нет, отшатнулся от нее с воплями, что из-за малолетки не хочет сесть в тюрьму.

Иногда в будку заглядывала прежняя компания ремонтников с Сычевым, Геной, Жорой, чтобы поболтать на традиционные солдатские темы — о вине, женщинах, жизни. Однако такого накала споров, зачинщиком которых в Ростове всегда был Володька Бухаров, уже не было. Варили чай, кофе. Один раз компания распивала более крепкие напитки. Деньги у ребят появились после халтуры — погрузки и разгрузки сена и дров. Впрочем, в сентябре в роте появился и более легкий способ получения средств на водку. Когда стали идти дожди, местное население стало неожиданно для старшины Бессмертного переодеваться в непромокаемые армейские плащи, ранее им выданные. Я, будучи трезвенником, свой плащ берег как зеницу ока и на бутылку не менял, тем более он был нужен, оказавшись одним из немногих, кто сдал его старшине после завершения «целины».

Подвыпившие солдаты начинали, как говорится, духарить. Будучи в селе, Бухаров с ремонтником Пашей решили вдвоем посидеть верхом на лошади — «для понта». Долгобородов Саня ее держал, но удержать не смог, так как Сычев ударил животное сзади палкой и погнал по улице. Перепуганная лошадь с двумя наездниками едва не въехала в клуб.

Бухаров со смехом рассказывал, как в клубе после танцев (!) кто-то из варемовцев выскочил на сцену и крикливо бессвязно заорал:

— Черное море!.. Севастополь!.. Зимой!.. В одних ботинках!.. Десант!

Кормили нас плохо, хуже, чем в Ростове. Одни консервы. Видимо, поэтому однажды подвыпившие варемовцы устроили в центре села охоту на гусей, вперевалку безмятежно разгуливавших по улицам. Прямо на глазах у местных жителей солдаты стали гоняться за жутко гогочущими и разбегающимися птицами с палками. На вопли сельчан: «Что вы делаете? Это же домашние гуси!» — кто-то в азарте возразил:

— Влет идет — значит, дичь! Бей ее!

Таким образом забили двух гусей, которых принесли в лесхоз. Но неожиданно возникла проблема, на чем готовить. Каптенармус Пинус извлек со склада не пригодившийся здесь котел полевой кухни. Гусей быстро и нечисто оципали. Котел растопили, дно его смазали жиром и прилепили к нему раскромсанные куски гусятины. Толпа, жаждавшая свежатинки, смогла вдыхать запах «дичи» и дым печки не более 10 или 15 минут, а затем, посчитав, что этого времени для готовки достаточно, стала извлекать горячие полупрожаренные куски. Мясо оказалось наполовину сырым, местами с кровью. Но сожрали всё.

Однажды капитан Чалый решил навести порядок с падающей дисциплиной. В тот день нас с Бухаровым поставили во внутренний наряд — дежурство во дворе лесничества ночью — сторожить склад, а в 3 часа надо будить повара. Почти ровно в полночь неожиданно появился капитанский «газик». Чалый, не застав солдат из военной авторемонтной мастерской, которые еще не вернулись из села, рассердился и остался их ждать. Вскоре в крошечной темноте послышалось нестройное пение:

Топ-топ, очень нелегки
с раннего подъема сапоги.
Старшина кричит: «Быстрее в строй!»,
а солдату хочется домой.
Топ-тот, топ-тот...

Фары «газика» горели, освещая дорогу. Чалый приказал шоферу с матерком:

— Гаси свет! П...ть буду!

Свет погас. Стало совсем темно. Голоса приближались. И когда веселое «топ-топ» пели уже в метрах двадцати, капитан дал команду:

— Врубай!

Резко вспыхнул свет двух фар, и между ними возникла зловещая тень капитана с палкой в руке. Ухарское «топ-топ» смолкло. Солдаты застыли с открытыми ртами от неожиданного призрака.

— Ага! — с довольным видом грозно начал Чалый. — Из самоволки возвращаетесь! Всё! Завтра вся авторемонтная мастерская будет рыть яму — подземную губу. Как вечер, так всех варемщиков в нее. Яму сделаем с лифтом...

Шутливая концовка свидетельствовала, что Чалый, очевидно, довольный своей оригинально поставленной проповедью, решил сменить гнев на милость. Он свел все к традиционному распеканию подчиненных — без последствий.

В лесничество повадился ходить мальчишка-заморыш с белыми-белыми волосами по прозвищу Старик. Утверждал, что ему 12 лет, хотя на вид не старше восьми.

— Не верите, что мне 12 лет? Вот пойдете, у моей мамки спросите! — постоянно говорил он, как заклинание. — У нас все мальчишки в армию хотят. Там одевают, обувают, кормят, кто сколько хочет.

Принес солдатам школьный ремень:

— Мне уже не нужен. Я через шесть лет в армию иду!

— Тебя не возьмут. Ты маленький. А в армию нужен рост не менее метр пятидесяти.

— А я куплю в магазине туфли с каблуками — такими тонкими высокими, я вчера видел. Тетка их мерила. Меня и возьмут.

— А рост меряют без обуви.

— А я тогда стану на цыпочки.

Старик приносил нам молоко, яйца, а однажды принес курицу. Ловил он кур оригинально. Когда они ходили по берегу пруда, мальчишка тихо подкрадывался к ним, а затем внезапно громко вспугивал. Ему оставалось только достать из воды беспомощно бултыхающуюся молодую курицу. Варил он куриц там же на берегу. Один раз Старик принес нам с Володькой спрятанный за пазухой свой трофей. Разделкой его и приготовлением занялся Бухаров. Он ощипал курицу, выпотрошил и поджарил в запасном армейском котле, предварительно достав масло. Курица оказалась очень тощей, мяса было мизер, но вкусное.

С Володькой мы ладили. Иногда делились сведениями по истории, литературе, живописи. Бухаров учил меня, как определить характер человека по чертам лица. Я даже что-то записывал. В ходе таких бесед, которые могли затянуться за полночь, обычно очень хотелось есть. В таком случае мы выдвигались из лесхоза к окраине села за картошкой. Преодолев условную изгородь, оберегавшую огород от четвероногой скотины, мы на самой крайней грядке выкапывали картофельный куст с клубнем и, забрав урожай, сажали выхолощенный куст на место. Совесть, конечно, говорила, что это плохо, но внутренний голодный голос находил оправдание: огород большой, что им, жалко для солдат десяти картофелин? Картошку резали мелкими полосками — соломкой, как говорил Володя, и жарили на нашей печке в будке.

Мой затянувшийся из-за переезда ответ на письмо домой не на шутку встревожил мать. 21 августа СССР ввел войска в Чехословакию, и мое молчание ее начало беспокоить, оставляя место для всяких тревожных мыслей и домыслов. В письме, отправленном 26 августа, она просила «чтобы нам ничего не думалось, не заставляй нас переживать, волноваться, пиши чаще. Если нечего писать, т. е. какие новости, просто две строчки». А на конверте рисунок с подписью «Слава Вооруженным Силам СССР!»

Не знаю, что на меня нашло, но неожиданно для самого себя в начале сентября написал домой письмо в стихах. На шедевр они не тянули. Вирши — они и есть вирши, для домашнего пользования. Забавно перечитывать их десятилетия спустя:

Здравствуй, мама! Тебе с Алтая
посылаю это письмо.

Как живу я, ты даже не знаешь,
но тебе все расскажет оно.

Край Алтайский — горный, равнинный.
Мы же живем в лесостепи сейчас,
где средь полыни березы, осины
радуют сердце и радуют глаз.

Если бы не было этих берёзок,
что островками растут в степи,
я, как мальчишка-малоросток,
стал бы часто о доме грустить.

Правда, дом и во сне мне снится,
дома во сне я бываю порой,
вижу родные ваши лица,
дом и Щукинский мой родной.

Но, просыпаясь рано утром,
когда солнце над рощей встает,
сны исчезают, виденья — минутны.
Сны — воспоминаний налет.

Дом мой не каменный и не кирпичный,
ну а постель — не диван иль кровать.
Сплю я в будке радиной не отлично,
Все же не будем начальство ругать.

Будка похожа на курью избушку,
что в глухомани, чашобе стоит.
Это правда, а не шутка,
из трубы даже дым валит.

Только нет у нее курьих ножек,
но для нас — такой пустяк!
Легче влезать без всяких подножек.
Тем более мы — молодняк.

Мы — два Володьки:
он — Володька, и Володька я.
Все мы делим посередке,
потому и жизнь наша ладная.

Холодно спать в радиной рубке.
Утром морозец и сырость кругом.
Мы одеваемся за минутку,

чтобы согреться и мчаться бегом
в столовую за кофе и маслом,
боясь на завтрак опоздать.
У нас в армии есть тоже хамство,
Когда на еду могут «нарисовать».

Кормят нас почти как на Севере,
единственное отличие — дают молоко.
Нет фруктов, овощей — одни консервы,
а начальство жрет, говорит — ничего!

А нас порою тошнит от пищи
И хочется бросить ее им в лицо:
так кормят только нищих,
но не солдат и не бойцов.

Завтрак проходит и время свободно,
до обеда можно гулять.
Мы возвращаемся в дом холодный,
чтобы сны свои досыпать.

Но сначала натопишь печку,
набросаешь в нее дрова,
вытянешься на матрасе, как свечка,
и спишь до десяти утра.

А в десять настраиваешь приемник
и ловишь: знакомых сигналов трель.
Нас вызывает радист батальона,
сейчас мы ответим ему скорей.

Связался, ответил и, как обычно,
услышишь один и тот же ответ:
«Что имеете для меня?» — «Для вас ничего не имею.
Good buy!» — по-радистски — «Привет!»

Выключишь сточетверку —
так радиостанцию нашу зовут,
чертыхнешься, сядешь на полку
и скажешь: «Зачем на уборку радистов берут?!»

Потом спокойно возьмешь книгу в руки,
накинешь шинель и уйдешь один в лес,
иначе умрешь в тоске и скуке
вдали от родных московских небес.

Ты, знаешь, мама, под этой сенью,
едва я первый стих прочитал,
понравился мне Сережа Есенин,
который много о жизни сказал.

Не только о жизни, и о природе,
о леса красе и березки в лесу,
я в Заполярье соскучился вроде бы
про нашу среднюю полосу.

Но вот обед наступает, проходит,
я сразу на почту иду, бегу.
Спрашиваю письма, а они не приходят.
«К нам, — говорят, — восемь дней идут».

Подхожу к небольшому окошку,
говорю культурно, но требуя:
«Скажите, пожалуйста, девушка, у вас есть
письма для меня до востребования?»

«Как ваша фамилия?» — слышу.
В руках у нее два письма.
Я называю и вижу
Буквы незнакомого почерка.

Девушка машет головкой:
«Для вас ничего нет».
Меня будто пилят ножовкой,
не нравится ее ответ.

Нет вести из дома уж месяц! Проклятый переезд!
Печальная доля солдата и для родителей крест.

К вечеру в нашу будку,
примерно к часам к шести
Заходят ребята на минутку
и остаются до восьми

Споры идут и дебаты
о жизни, людях, вине —
о том, что волнует солдата,
но нравятся больше мне
тихие беседы, какие с Володькой ведем.
Нечасто, но если начнем,

то время летит так быстро, что трудно найти слова.
Ложимся в такие дни поздно — примерно часа в два.

Мы вспомним о Пугачеве, о Пушкине и Левитане,
и в крохотной нашей будке так мило, уютно станет:
трещат дрова в печурке,
которая дышит теплом,
колю я медленно чурки,
глаза не смыкаются сном.

Прервем на минуту беседу
и тихо, уже под луной,
крадучись, пойдем к соседу
нарыть картошки молодой.

Ее мы почистим, нарежем, пожарим, соломинкой окрестим
и, точно пируя победу, торжественно, чинно съедем.

В кино ходим нечасто:
три раза в неделю — как раз.
И крутят нам фильмы напрасно,
Смотрели их не раз.

Один фильм — про Ихтиандра, второй — «Свинарка, пастух»,
А третий — ходить напрасно: испортишь лишь только дух.

Вот ты, мам, и узнала,
как живет твой сынок.
Здесь правда все — от начала
до самых последних строк.

Хотел написать тебе прозой,
но рифмами пишет рука.
Может быть, виноваты березы?
Есенинская строка?

Целую. До свидания!
Ведь свидимся мы с тобой,
но скоро ль? На прощанье
привет передай дорогой
папе, Альке, бабуле, дедуле.

3 сентября 1968 года
Алтайский край

Настал последний день уборки зерновых. Весь взвод отметил его,
можно сказать, «на славу». Прощальный поздний ужин состоялся

в столовой — одноэтажном кирпичном здании, построенном на средства совхоза. Помещение чистое, уютное, типовое — с плиточным полом, стойкой для раздачи пищи, квадратными столиками на алюминиевых ножках и легкими стульями с желтыми фанерными сиденьями и спинками. Вместо алюминиевой посуды фаянсовые тарелки, кружки. Все цивилизованно. Имелись здесь и цветы в горшках. Мы, рядовые, оказались предоставлены сами себе. Не было ни одного офицера, у них явно были свои проводы. И это сыграло роковую роль.

Традиционный ужин состоял из каши и чая. Но горячий чай был заменен на горячительный напиток — водку. Все солдаты до одного быстро перепились. Наш столик, за которым я оказался в компании Володьки Бухарова, Жоры и Геныча, не стал исключением. Ребята налили мне полстакана огненной воды. Я, не употреблявший до армии спиртное, а только немного вина и только по праздникам, мгновенно захмелел. На душе стало необыкновенно хорошо и весело. Напротив меня стояла пальма с раскидистыми ветвями. Она мне нравилась, напомнила пальму в доме деда. Я весь расплывался в улыбке. Глядя на меня, Бухар, Гена и Жорик покатывались от смеха. Мне же было все нипочем. Пружина, сжимающая длительное время мою душу, вдруг распрямилась, и впервые за всю службу мне стало необычайно легко.

Столовая постепенно пустела, а мы сидели до последнего, пока не появились наши дежурные по столовой, нетвердо державшиеся на ногах. Их пошатывало из стороны в сторону. Но тряпки в руках свидетельствовали о том, что они твердо решили навести порядок. А дальше началось невообразимое. Подходя к столику, заставленному грязной посудой, дежурный брал его за две ножки, слегка приподнимал и резким движением сбрасывал все на пол. Посуда слетала вниз, со звоном разлетаясь на куски. После чего дежурный тряпкой широким жестом пару раз проводил по столу и отчитывался перед самим собой: «Чисто!» Так была перебита вся выделенная для армейского ужина совхозная столовая посуда.

А мне еще предстояло в ту последнюю ночь дневалить у склада. Еле дошел до лесничества. Было темно. Меня шатало, но уже гораздо меньше. Хмель постепенно выветривался на свежем прохладном воздухе. Сидеть на лавке у сарая я был не в силах, потому прилег, приказывая себе не спать. Шинель смягчала неровности досок. Вскоре, как назло, появился старшина Бессмертный.

— Дневальный спит! — стоя в отдалении, стал он мне выговаривать. Но я, собрав последние силы, привстал и, пытаясь придать голосу твердость и трезвость, возразил:

— Дневальный не спит! Дневальный бодрствует!

Похоже, это удалось. Бессмертный ушел, наверное, ему даже в голову не могло прийти, что Буров мог напиться. Но, скорее всего, он и сам прилично «принял на грудь».

На следующий день повара совхоза, придя ранним утром в столовую, застали жуткое побоище. На последнем построении роту солдат Советской армии отчитывал Чалый. Я при этом испытывал стыд и позор за себя, что напился, за наших пьяных дежурных по столовой и готов был провалиться на месте сквозь землю. Обещал про себя больше не пить.

Жора как-то заметил:

— До армии я считал: армия нас охраняет. Она мощная. А когда в нее попал, то увидел, что служат такие же раздолбай, как и я. Вернусь на гражданку — спать спокойно не буду.

В Орловскую область. Самогонный край

27 сентября на станции отправления всем на удивление подали не теплушку, а обычный плацкартный вагон. Впрочем, в сентябре было уже холодно, да и не военное время, чтобы возить в теплушках. При вагоне оказались две проводницы, что было необычно. Среди потных, линялых гимнастеров, кирзовых сапог, огрубевших солдат странно было видеть двух опрятных женщин. Но они были уже в возрасте, на вид им можно было дать лет тридцать, что исключало солдатские шашни. Красотой девы не блистали, но одна, с точеными чертами лица, прямым носом, с длинными пышными рыжими волосами, была даже чем-то и привлекательна.

Два крайних боковых места, которые достались нам с Володькой, располагались почти рядом с купе проводниц.

— Ну как, мальчики, устроились? — со слегка заигрывающими нотками обратилась к нам рыжеволосая.

— Спасибо! Ничего, — ответил я достаточно сухо. Мне не понравилась сама интонация. Рыжая прошла дальше по вагону. Клеится, что ли?

— Лахудра! — презрительно тихо бросил ей вслед Володька Бухаров, знаток женского пола.

Поезд тронулся. Я достал журнал, выпрошенный в верх-чуманкской библиотеке, и стал читать, изредка поглядывая в окно. Хорошо! Тепло! Мы едем. Поезд уносит нас в другой конец страны. Никто не командует. Никто ничего не требует. Никому солдат не нужен!

Напарницы рыжеволосой не было видно. Она куда-то ушла. Рыжеволосая довольно быстро оказалась в окружении кавалеров,

развлекавших ее байками, анекдотами. Особенно старался Витька Сычев, не умолкавший ни на минуту.

Весь день эшелон шел довольно споро на запад. Мелькали незнакомые станции, разъезды. В тот вечер, засыпая под стук колес, я радовался, что дембель приблизился еще на одни сутки.

На следующий день Сыч исчез в купе проводниц. Сделал он это по-тихому, почти незаметно, но не для меня с Бухаром. Ведь мы-то располагались рядом. Володька при этом недовольно скривил лицо, сделав глазами мне знак. Рыжая своего добилась. Интересно, когда они сумели договориться?

Стучали колеса, покачивался вагон. Что бы ни делали солдаты, а служба им шла в зачет. Из пристанища любви Сыч вышел так же тихо, как и вошел. Его крупный рот с пухлыми губами расплывался в улыбке. А глаза, насладившиеся красотой женского тела, излучали сияние. Видно было, что Сыч безмерно счастлив. Бухар начал было его упрекать:

— Ты на что позарился? Не видишь, кто это?

Но Сыч не хотел ничего слушать.

— Ты пойми, — говорил он тихо Володьке с каким-то трепетом в голосе, — это была моя первая женщина! У меня же никого не было!

И вскоре, явно не выдержав нового прилива страсти, Витька Сычев вновь заперся с подругой в купе.

Приближение европейской черноземной зоны сказалось на цвете полей. Пошла черная плодородная земля. Эшелон с техникой и солдатами согнали с центрального железнодорожного пути и пустили по каким-то захолустным веткам. Скорости не стало никакой. Он плелся, как ишак. Зато можно было лучше разглядеть осенние, сельские пейзажи.

В каком-то местечке поезд встал. Что за село? Вдрызг разбитая грязнущая дорога, застрявший на ней в черноземной жиже грузовик, покосившиеся заборы, черные бревенчатые срубы. Несколько человек, как тени, в грязнощих сапогах, темных ватниках, бредут по обочине. Появился мужик с плетущейся лошадыю. На одном из строений, словно в издевку, просматривался основательно вылинявший транспарант: «Вперед, к победе коммунизма!» Я ужаснулся.

— Боже мой! Да какой там к черту коммунизм? Сплошная дикость! Элементарной дороги нет. Люди все еще на лошадях ездят. Как вообще можно жить в этих развалюхах? И это в атомный век?!

Столичный мальчик, сидевший во мне, был потрясен и раздавлен, впервые в своей жизни увидев наглядно пропасть несоответствия того, о чем пишут в газетах и учебниках, с тем, что являет сама жизнь.

Я старался запомнить подробнее все детали представшей картины «с того света». Почему же так?!

На следующее утро проснулся рано. Разбудило хлопанье двери тамбура. Повернув ко входу голову, увидел знакомого офицера, пришедшего из соседнего вагона. Тихо постучав в купе проводниц, он постоял некоторое время, пока дверь приоткрылась. Из купе молча вышла рыжеволосая и удалилась в соседний вагон. Офицер же, к моему удивлению, уверенно вошел в купе. Дверь защелкнулась. Ну и бордель! А Сыч еще радовался своей первой любви. Счет у них, наверное, идет на десятки!

В окно я стал различать очертания какого-то крупного города. Неужели Орел? Кажется, прибываем к месту назначения. Минут через пятнадцать, лязгая и поскрипывая, эшелон медленно стал подходить к городскому перрону. Остановился. Раннее утро. Пустынно.

Какое-то сообщение передавалось по вокзальному громкоговори-телю. Но из вагона слов невозможно было разобрать. Потом раздался глухой топот сапог бегущего человека и тревожный голос начфина, который спрашивал кого-то вышедшего из вагона. Голос удалился, затем снова приблизился к вагону с умоляющими нотками. Он искал офице-ра. В купе проводниц стояла тишина. Никаких признаков жизни и при-сутствия. Затем дверь в вагон распахнулась и начфин явился самолич-но с вопросом к нам, не видели ли мы того офицера.

Я испытывал странное чувство. С одной стороны, врать не привык, но сказать правду и указать на дверь означало совершить предатель-ство. Я пожал плечами и промолчал. В конце концов, имеющий уши да слышит.

Начфин убежал. Но, видимо, кто-то владел информацией о месте пребывания пропавшего. Спустя некоторое время начфин появил-ся у двери проводниц вновь. Стоя на полусогнутых ногах, со страда-нием в голосе он почти умолял выйти. Обычно с такими безысходны-ми интонациями стоят перед наглухо закрытой дверью туалета. Было какое-то чрезвычайно срочное дело.

И только после этих сверх жалостливых слов почти незнакомый, какой-то неестественно натянутый до предела от напряжения голос за дверью выдал размеренно по слогам:

— Сей-час!

И снова за дверью тишина, длившаяся минут пять.

Место нашего назначения — село Губкино Малоархангельского района Орловской области в 120 километрах от самого Орла. Орловщи-на черноземная меня потрясла бездорожьем. Машины шли по сплошно-му месиву. Такие дороги могла выдержать только военная техника, и то

до поры до времени. Действительно, впоследствии армейские машины здесь стали выходить из строя одна за другой. Враг точно не пройдет!

Мы приехали поздно вечером. Я обратил внимание на стоявшую на возвышенности всю в руинах мощную церковь эпохи классицизма, очередной памятник архитектуры, «охраняемый государством». Расположиться на ночевку предложили в местном клубе. Но спать там было особенно негде, да и тоскливо. Ночью наступили заморозки. Мы с Бухаровым перебрались в кабину «ЗИЛа» к Толику Дворянину, симпатичному разговорчивому парню из Ленинграда, и грелись там втроем. Но там тоже было неудобно спать, и ближе к утру залегли в пустом кузове. В солдатской шинельке на легком морозце кое-как промучились до утра.

На этот раз всю роту в полном составе разместили в одноэтажном домике за пределами села. Там было две комнаты. Одна, небольшая, была сразу определена под столовую, вторая, просторная, — под общую казарму. Вдоль трех стен, начиная от входной двери, сколотили сплошняком одноэтажные нары в виде буквы «П». Поверх досок настелили матрасы. У каждого солдата был полный комплект постельного белья — две простыни и одеяла. В целом неплохо, тепло.

Солдат здесь очень ждали. Техники не хватало, а сроки уборки сахарной свеклы поджимали. Свекольные поля были поделены между колхозниками. За каждой семьей был закреплен свой надел, с которого она была обязана собрать и вывезти урожай. От этого зависела выплачиваемая сумма. Поэтому, как только первые машины появились в селе, к ним стали подходить местные жители и уговаривать шоферов работать только с ними, готовы были взять даже на постой, кормить, поить. Между тем «ЗИЛов» в рабочем состоянии по сравнению с Ростовской областью заметно поубавилось. А здесь еще непролазные дороги, по которым даже военные автомобили ползли по-черепашьи. У меня естественно возникал вопрос, что дешевле — построить асфальтовые дороги, по которым быстро и долго без ремонта ездят колхозные машины или производить больше армейских грузовиков и гонять на уборку солдат? Вывод был очевиден: рациональнее, конечно, было строить дороги...

Скоро стало ясно, что мы приехали в самогонный край. Сахарную свеклу сельчане сдавали не только для производства сахара, из нее буквально все гнали самогонку. В каждом дворе самогонный аппарат был собственной конструкции. Вот где пригодился и заработал русский природный ум! При дефиците бензина, техники и рабочей силы самогон превратился в твердую валюту. Это я познал и на себе.

В один из первых дней пребывания на Орловщине двое местных жителей остановили нас с Бухаровым и попросили помочь загрузить

сено на машину, обещая самогонку и закуску. В Бухарове сразу заговорил дегустатор, и мы согласились. Да и пожалели уже немолодую супружескую пару. Очень уж они просили. Но мы не шоферы. Оказывается, шофера они нашли. Им оказался Толя Дворянинов, но у того были сомнения. Как раз накануне капитан Чалый предупредил, чтобы никаких левых подработок не было. Он будет строго наказывать и понятно, почему: машин осталось мало, а бензин сжирали несносные дороги. Надеюсь, что пронесет, Толя тоже выразил согласие. При этом он несколько колебался и перед отправлением обратился к Бухарову и ко мне с необычной просьбой:

— Если Чалый заловит и будет бить меня в морду, вы свои морды тоже подставьте, чтобы мне меньше досталось!

Поехали на покос. Вчетвером достаточно быстро наметали в кузов приличную копну, которую стянули веревками. Мы с Бухаровым укладывали сено в кузове, а оказавшись на самом верху копны, там и остались. Машина тронулась. Я с Володькой, устроившись на мягком душистом травяном диване, с восторгом озираю окрестности. Машина сначала ехала по ровной местности, потом начался спуск, в конце которого обозначилась уж очень знакомая фигура нашего капитана. Сердце екнуло. Когда машина, поравнялась с командиром роты, тот поднял руку. Тормознул. «ЗИЛ» встал. Капитан Чалый недовольно зыркнул на нас:

— Слезайте!

В этот момент из кабины выскочили супруги и начали нас всех нахваливать. Мол, какие у вас солдатики замечательные, так хорошо работают, мы их с трудом упросили нам помочь, они согласились и т. д. Капитану на эту похвалу нечего было возразить, и он отпустил нас с миром, чтобы более не повторялось, тем более что мы были на хорошем счету. Пронесло! Потом была разгрузка сена, застолье с домашней едой и чаркой самогона, оказавшегося не таким и противным.

Однако вскоре первой серьезной жертвой местного самогонварения стал наш медбрат. Как-то он пришел в расположение с перебинтованными руками и в очках с треснутыми линзами. Поведал следующее. После какой-то халтуры он вместе с другими солдатами был приглашен в дом на угощение. Радужные хозяева угощали домашней едой и, как водится, все той же самогонкой. Говорили о том о сем, кто-то из солдат вдруг вспомнил, что бывали случаи, когда от некачественного самогона люди слепли. Его, конечно, высмеяли. Выпили неплохо, закусили. В расположение роты не пошли. Медик прилег на лавку у окна и заснул. Проснулся, а ничего не видит. Перед глазами стояла сплошная серая пелена. Он понял, что ослеп. Это привело его в такой неописуемый ужас, что, ничего не соображая своей хмельной головой, он

стал метаться по комнате с криками: «Ослеп! Ослеп!» и искать выход с вытянутыми руками. Сходу наткнулся на плохо прикрытое окно, руками угодил в стекла рам, разбил их и, порезав руки, вылетел наружу. Повезло, что окно находилось невысоко от земли. Стекла очков треснули, сами очки соскочили, и медик... увидел свет. Оказалось, что его выпивохи-друзья жестоко пошутили. Когда он спал, один из них заклеил ему линзы очков белым пластырем.

Самогон делал свое неблагодарное дело. С одной стороны, свекла успешно вывозилась с полей, а с другой — возлияния после работы для водителей не прекращались. Чалый ничего не мог поделать. Дисциплина падала. Рассказывали, что один раз ротному, чтобы уgomонить напившихся и буйнящих стариков, пришлось даже стрелять из пистолета в потолок предупредительными выстрелами.

Солдаты свободно ходили в клуб на танцы и заводили романы с девушками. Не помню, чтобы кто-то говорил о конфликтах с местными парнями. В клуб я заглянул всего один раз и то в самом начале и быстро ушел. Было неинтересно и скучно. Но, похоже, местные девушки сами были не прочь проявлять активность. Вечером меня разыскал один из солдат роты:

— Татьяна тебя спрашивала, хочет познакомиться!

— Какая Татьяна? Я никого здесь не знаю.

— Местная. Да чего ты? — удивился он. — Сунул — вынул! Делов-то!

Естественно, я никуда не пошел. Все это было дико. Между тем Бухар завел шашни с разведенной женщиной, у которой был ребенок. Он ее не любил, а желал только одного, как и она. Потому их отношения быстро перешли в физиологическую стадию. Придя с очередной свиданки, Володька живописал их утехи, что у меня вызывало неприязнь, тем более он постоянно презрительно осмеивал эту женщину даже в мелочах. Но та вызывала у меня почему-то не презрение, а даже некоторое сочувствие, хотя я ее никогда не видел и не знал, что она собой представляет. Я все еще оставался идеалистом, вспоминал свою одноклассницу Наташу Калугину и временами думал о ней. Мое домашнее воспитание и традиции семьи не позволяли даже представить, как можно «бегать по бабам». И как мог Бухаров в доме своей любовницы сидеть и выпивать с ее бывшим мужем, который пришел повидать ребенка, у меня в голове просто не укладывалось.

Распущенность солдат временами зашкаливала. В один из дней все легли спать, погасили свет. Шоферы за день вымотались на работе, время было позднее. Прошло минут пять или десять. Распахнулась дверь в казарму, щелкнул выключатель и восторженный голос прокричал:

— Ребята, к нам двух бл...й ведут!

Но данное известие никого не воодушевило. Все хотели спать, а самое главное, слово «б...» вызвало естественное тошнотворное чувство. Что с ними делать-то? Сначала предложили отправить их назад, домой. Однако один сообразительный под смех предложил:

— А пусть они пол у нас помоют!

— Тогда тушу свет, все ложитесь, лежите тихо, а когда мы придем, я свет зажгу...

Через некоторое время за окном в полной темноте послышались приближающиеся голоса. Скрипнула входная дверь тамбура, потом наша дверь в распоряжение. Под потолком вспыхнули лампочки, осветившие переполненную казарму. Две девицы, стоявшие на пороге, вскрикнули, хотели было метнуться назад, но путь им преградили их кавалеры. Лежавшие солдаты присели, по пояс укрытые одеялами и стали с любопытством разглядывать пришедших. Одна была совсем молодая, лет 18, даже симпатичная, с пышной шевелюрой. Она не походила на гулящую. А вот вторая лет за тридцать, уж точно была «б...» — с помятым лицом, неопрятно одетая.

— Да не бойтесь вы! — успокоил один из ухажеров. — Ничего с вами не сделают. Помоете пол и отпустим.

Старшая стала крикливо возражать. Молодая стояла спокойно. Второй ухажер нарушил прежние планы, взяв гитару, спокойно повел девушку в соседнее помещение столовой. К нему присоединилась еще пара друзей. Вскоре оттуда зазвучали песни под аккомпанемент шести-струнной. Устроили небольшую вечеринку.

— Я не буду! — упорствовала старшая.

— Нет, ты будешь!

— Не буду!

К этому времени кто-то из услужливых шестерок сбегал за ведром с водой и тряпкой. Предатель-ухажер со словами «Ах так!» плеснул воду на пол и толкнул женщину. Она оступилась, присев, затем завалилась на спину прямо в лужу. Ее прежний друг схватил ее за ноги и стал тереть ею пол вместо тряпки под вопли солдат. Жертва резко закричала. Зрелище было ужасное. Платье задралось, обнажив панталоны серого цвета. Неожиданно это вызвало возмущение одного из шоферюг. Он, сбросив одеяло, вскочил на нары в кальсонах и завопил:

— Ах, ты, б..., сюда .....ся пришла в грязных трусах! Я — шофер! С утра до вечера кручу баранку. На мне одежда грязная, мне стирать даже некогда, а ты...

Поняв всю безысходность ситуации, несчастная взяла себя в руки и уже в устоявшейся тишине стала елозить тряпкой по полу, за день затоптанному десятками пар сапог. Это было гнусно, жестоко, противно,

но мне ее почему-то не было жалко. Проучили — так проучили. Воцарилась тишина, многие отвернулись и легли спать.

В это время в столовой продолжался вечер с гитарой. Ухажер полдомойки оказался строгим проверяющим и заставил мыть пол второй раз, чтобы было совсем чисто. После завершения уборки старшую вывели на улицу, а молодую отправились провожать прежней веселой компанией.

Утром в казарму зашел капитан Чалый. Он брезгливым взглядом окинул вымытые полы:

— Мне сказали, что ночью у вас пол мыли б...! — это было произнесено с неким размышлением о том, какую оценку этому дать. Затем он носком сапога резко с нажимом чиркнул по серым некрашеным доскам, на которых тут же вспыхнула белая полоса. Дал команду громко, резко:

— Грязно! Дневальный! Перемыть!

Тоска по дому меня не отпускала. Он находился совсем рядом, рукой подать: какие-то 350 километров, всего полдня на поезде. Потому у меня мелькнула мысль побывать в Москве. Я подошел к Чалому и попросил отпустить меня на несколько дней домой. Нескольких человек он уже ранее отпускал с «целины». Капитан неожиданно согласился. Но при этом сказал:

— Хорошо! До ноябрьских праздников будешь дежурить на кухне. Но, если что — сам за все будешь отвечать!

— Да что может случиться? Я не пьющий.

Конечно, это было рискованное предприятие. Если в Москве я случайно попаду в милицию, а оттуда в комендатуру, то дисциплинарный батальон мне обеспечен на несколько лет за самовольное оставление части. Но так хотелось домой, что страха не было, лишь волнение и уверенность, что все будет хорошо.

Я проработал на кухне недели две, помогая повару во всем: чистил картошку, мыл посуду, носил воду. Делал это даже с удовольствием, поскольку от рождения трудяга, да и бессмысленное сидение здесь, прозябание порядком надоело.

Приближались праздники. Несколько раз подходил к Чалому, а он все твердил: отпущу позже. Такая неопределенность мне тоже надоела, и 30 октября я переоделся в черную телогрейку, брюки и, оставаясь в сапогах, сел в одну из наших машин, идущих на станцию. Чалого не предупредил. В кассе выяснилось, что не хватает буквально рубля на билет. Обратился к стоявшим с просьбой помочь. Видимо, в моих глазах читалась такая мольба, что билет приобрел.

В вагоне мое место оказалось за столиком с каким-то солдатом. Мы воодушевленно проболтали с ним до вечера, когда поезд прибыл

в Москву на Курский вокзал. При выходе стоял военный патруль, который я миновал, не проявляя заинтересованности в нем. Потом метро! Наконец — дом.

Позвонил. Дверь открыл отец и сразу изменился в лице:

— Ты что, сбежал из части? — в его голосе звучит более, чем просто тревога. Он-то понимал, чем грозит такая самоволка. Губой не отделаешься.

Я его успокоил, что договорился на пять дней побывать в Москве, хотя на самом деле Чалого перед отъездом не предупредил. Радостная встреча с мамой. Мое светящееся лицо их успокоило. Поверили. Я и сам поверил, что капитан Чалый меня отпустил. В конце концов, мы же договаривались.

Какое же это счастье залезть в домашнюю ванну, ходить в гражданской одежде, спать на своем диване. Пять дней пролетели мгновенно. Я съездил к сестре, с ее компанией сходил даже на какой-то предпраздничный концерт, побродил по Москве. Из друзей повидал только Володю Стогова, мельком Павла Митяева. Стогов заехал ко мне домой, подарил свой экземпляр книги «Что такое археология». Он рассказывал о своих любовных похождениях, о поездках на Дон. Я живописал «целину».

Отец, забеспокоившись, что я могу задержаться дома, настойчиво стал выпроваживать в армию. Для ребят я купил несколько пачек сигарет «Столичные», бутылку водки «Столичная» (вторая предназначалась Чалому). Мама напекла впрок пирожков. С таким багажом 6 ноября я благополучно вернулся в Орловскую область. Мне повезло. На станции сел в нашу машину, возвращавшуюся в село. По дороге угостил шофера домашними пирожками. Вечером мы сидели в нашей будке, я выложил для знакомых гостинцы. Одобрели сигареты, но еще больше бутылку «Столичной». Ее оказалось мало для такой компании, и Володька Бухаров «раскол» меня на вторую бутылку, предназначавшуюся капитану. Мол, зачем ему, он и так пьет достаточно, а вот им-то... Во время бесед выяснилось, что после моего отъезда в роту нагрянул комбат и устроил проверку с перекличкой.

— Чалый, — рассказывал Бухаров, — стал выкликивать всех по алфавиту, а когда дошел до твоей фамилии, то чуть-чуть сделал паузу, тебя пропустил и пошел дальше. А вот Тольке Дворянину не повезло. Он, гад, смотался в Ленинград, никого не предупредив. Его в строю не оказалось. Теперь допытываются, пытаются заставить признаться в самоволке. Но он упорствует. Говорит, был болен, жил в селе. Иначе дисбат.

Чалого я на следующий день при встрече поблагодарил, про себя все же жалея, что «Столичная» ему так и не досталась.

Для меня самым ярким впечатлением в Орловской области оказались гуси. Да-да! То есть га-га! Обыкновенные, а, может быть, и необыкновенные две стаи гусей. Они отчетливо продемонстрировали мне модель самого начала Куликовской битвы 1380 года, когда в схватке сошлись монах Пересвет и татарин Челубей.

Однажды на окраине села я оказался свидетелем их битвы. Одна стайка мирно пила воду из узкого длинного корыта, когда к ней подошла другая стая с претензией на водопой. От первой стаи отделился вожак, и ему навстречу вышел глава второй стаи. За их спинами в ряд расположились остальные гуси. Оба вожака, гогоча, стали сходитьсь, агрессивно вытягивая вперед шеи, и покачивать головами с красными клювами, оглашая окрестность диким криком. Их разъяренный гогот на втором плане поддерживали остальные гуси. Затем вожаки сошлись в схватке, пытаясь ущипнуть за шею противника. Они подпрыгивали, резкими движениями шеи клевали друг друга. Сзади творилось невообразимое. Болельщики тоже распустили крылья, размахивали ими и клекотом подбадривали своих главарей. Стоял дикий ор. Наконец первый вожак нащупал слабое место у противника и пригнул того к земле. Победенный гусь вывернулся и бросился назад, за ним стало улепетывать его окружение. Первая стая, вдохновленная победой, бросилась вдогонку за проигравшими главное сражение, кое-кого пощипав. Но победители оказались милосердны, не стали догонять противника и вернулись к своему корыту. Продолжили в тишине допивать воду.

Прошло еще некоторое время, и в самом конце ноября наступило время окончания «целины». На станции для личного состава снова подали плацкартные вагоны, на этот раз без услужливых проводниц. Бухаров, познавший манеру старшины Бессмертного припахивать того, кто оказался без дела, скомандовал остаться в пустом вагоне. Ближе к середке вагона мы залегли на самой верхней полке, прислонились к стенке. Я не заметил, как заснул.

Проснулся от того, что меня с противоположной стороны толкал Володька. Он скривил рожу и при этом прислонил к губам указательный палец. Мол, тихо, молчи. Я замер. Где-то рядом послышался легкий шум, а затем по проходу в нашу сторону, как видение, пробежала плотная молодая женщина лет тридцати или сорока в одной белой комбинации, кажется, жена одного из наших лейтенантов-заполярников. Хлопнула дверь нашего вагона, потом глуше — дверь в тамбуре, в соседний вагон.

Мы по-прежнему лежали тихо, стараясь себя не выдать, как вдруг перед моим лицом возникла испуганная физиономия Жорика-варемщика.

— Свои, свои! — тихо успокоил его Бухаров.

Жора облегченно вздохнул. Еще бы, ведь он начал заниматься любовью (правда, какая тут любовь?) с женой лейтенанта, а в этот момент в пустом, казалось, вагоне раздался чей-то храп. Она сразу убежала, в чем была. Для Жорика это могло плохо кончиться, если бы свидетелем оказался кто-то другой и болтливый. В позапрошлом году, как рассказывали старослужащие, уже была подобная история в нашем полку. Солдат, доведенный ревнивыми разборками офицера-мужа, ушел в сопки с автоматом и там застрелился. Его искали в первую очередь из-за боевого оружия, а обнаружив бездыханное тело, собрали все до последней гильзы.

В связи с возвращением в часть настроение в нашем вагоне было приподнятое. Стариков должны были сразу демобилизовать, например, Сыча, Жорика, а остальным до конца службы оставалось полгода, как Бухарову. Видимо, в честь этого на подходе к Заполярью был устроен целый концерт нехудожественной самодеятельности. Самым популярным номером оказались частушки, которые следовали одна за другой. И чем дальше, тем всё похабнее и вульгарнее:

Моя милка от тоски
Проглотила три доски.
После этого неделю
Из ж... ящики летели.
Ох-ты! Ах-ты!
Все мы космонавты!

Солдаты гудели от восторга.

— Арлекину! Арлекину! — настойчиво требовали слушатели. И нестройный хор хриплых голосов грянул знакомую всем сверхпошлую, хулиганскую песню. Ее герой — Арлекино типа Казановы, который соблазнил бедную девушку. Очередной взрыв восторга и бурного хохота вызвал мерзкий куплет, который приводить не хочу.

Но меня удивил Бухаров. Он выскочил «на сцену», т.е. в проход, и стал декламировать стих, который я от него уже слышал. Володька рассказывал, что однажды он сидел в кафе в Алма-Ате со своим другом, а рядом играли свадьбу. На сцену поднялся пьяный и продекламировал с кавказским акцентом похабщину про коня, папаху и парня из Карабаха.

После очередного стихотворного мата в вагоне раздавались взрывы гогота. Со всеми смеялся и я, до этого никогда не подозревавший, что эта похабщина может вызвать у меня положительные эмоции. А может быть, это было просто хорошее настроение. Поезд возвращает меня

в часть. До конца службы оставалось уже меньше года, и я побывал дома — почти в отпуске!

А «концертная бригада» продолжала неистовствовать, ощущая на себе горячие восторженные взгляды солдат, одобренная их криками: — Опа! Опа!..

А далее шло такое!!! Ну совсем непотребное, что в будущем я не мог повторить это ни при каких обстоятельствах никому. Я закопал эту позорную для нашего народа матерщину.

Все, происходившее в этом небольшом «концертном зале» на колесах, мчавшемся во мраке ночной Карелии, было слишком далеко от того, что я читал в книгах, видел в кино, что меня окружало до армии. В возвышенных литературе и искусстве, намертво отгороженных глухой стеной от реальной жизни — разбитной, матерной, пьяной, разгульной, неистойвой — такого просто не существовало. А мне подобное до Советской армии видеть и слышать не доводилось. Мои дворовые ребята в Ховрино и те не ругались матом. Теперь же я для себя явно ощутил в полную силу наличие двух современных не соприкасающихся, противоположных миров. Первый — почти идеальный, без мата (семья, друзья, литература, книги, телевидение, радио, кино, наконец), где люди говорят без сквернословия на правильном, в том числе литературном отредактированном языке, словно на уроках в школе. Мир, где нет места прелюбодеянию. Другой — реальный, далекий от совершенства, где жены офицеров могут, как последние б....., переспать с подчиненными их мужей, где властвует половой зов, животнo-человеческая страсть и неизбежно падение, где обычная русская речь не может на физическом уровне обойтись без мата через каждое слово. Мне внутренне был абсолютно чужд второй мир с его грубой и суровой животной правдой, столь принижающей человека. Не хотелось его принимать. Но этот второй мир все же начинал проникать внутрь. И становилось не по себе и страшно от мысли, что я стал гаже. Ну все как у Льва Толстого, в его первой трилогии, или у Горького. Ничего нет нового в этом мире.

4 декабря, накануне Дня Конституции, мы прибыли в полк.

После «целины»

После возвращения с уборки урожая на душе полегчало. Главное, побывал дома, поездил по стране, получил массу впечатлений. До дембеля оставалось меньше года, и это вселяло надежду и оптимизм.

В роте меня ждали залежавшиеся открытка и письмо. Открытку с фотографией Москвы и видом на Котельническую набережную

прислала к 51-й годовщине Октября милая Зинаида Ивановна Рязская, у которой я брал уроки по русскому языку и литературе. Было приятно, что она меня не забыла и напомнила о себе. Мой бывший репетитор задал вопрос: «Как живете, остается ли время на чтение и повторение материала для поступления в вуз? Надеюсь, что это запроецировано Вами. Только будьте здоровы и сильны духом». Фраза о повторении материала меня рассмешила.

Письмо было от Гены Севастьянова. Его он написал еще 1 августа. Как обычно, он обратился ко мне не по имени, а по фамилии: «Здравствуй, Буров!» В нем сообщил о шести сданных экзаменах и 7 зачетах, кратко описал поездку на озеро Селигер. Живут же люди! И учатся!

За время нашего с Бухаровым отсутствия в роте связи произошли существенные перемены. На место старшины Хлопотова с его «соплями зелеными» и чем-то «фиолетовым» пришел Масевич, не позволявший подобных нелитературных оскорблений, но и не дававший никому расслабиться. (А с нашим братом и нельзя иначе!) Лощеного суворовца Баранова заменил новый лейтенант Рубанов. Мы его сразу приняли, потому что он был человеком дела, а не формалистики и шагистики. К тому же Рубанов и внешне оказался симпатичным, более открытым, душевным, если хотите.

Старики — мастера связи, отслужившие три года, демобилизовались. Пришло пополнение из карантинной роты. Один из новичков по фамилии Савичев, по виду совсем домашний мальчик, все время ходил с лицом страдальца. По всему было видно, что от службы его воротит. Один раз онпил одеколон для поднятия настроения. Я его попытался воспитывать:

— Что ты делаешь? Отравишься!

— Не могу я здесь!

— Слушай, время пройдет быстро. Если ты сопьешься, кому ты на гражданке будешь нужен? Пожалей родителей.

Бухаров согнал одного молодого со своей нижней койки наверх. Я, перешедший в другую категорию, должен был поступить так же и кого-то выпроводить на второй ярус. Но Витька Баранников, с которым я дружил, демократично оставался наверху, и я занял свое прежнее место подле него. К тому же мне нравилось, когда надо мной находился высокий потолок, а не нависала кроватная сетка.

На Новый год Павлик Митяев прислал мне поздравительную открытку. Помимо прочего, он пожелал в наступившем году стать студентом истфака МГУ. Паша не понял, что в Москве я появлюсь не раньше ноября. Мне понравилась сама открытка, на которой был призывно

нарисован контур здания университета на Ленинских горах. Да и конверт нес символическое изображение горы, которую покорили альпинисты. Однако за их спинами сияла следующая отвесная скала, и она казалось абсолютно неприступной.

К 23 февраля получил письмо от Гены Севастьянова, написавшего с восторгом о зимней поездке в Закарпатье. Но зима в Заполярье мне так надоела, что я ему и не позавидовал. «С праздником Красной армии» по старинке поздравила меня бабуля 1901 года рождения.

«Целина» изменила мое представления о стране, людях и отразилась на содержании переписки с моим школьным ховринским другом Володей Гришиным. Его забрали в армию на полгода позже, 27 мая 1968 года, и сразу в учебку. Служил он в Москве, что, на мой взгляд, было хуже, так как рядом дом, как локоть, который не укусишь. Володя признавался, что тоскует. В каждом письме он подсчитывал количество дней службы. На 222-м дне он сообщил, что весной собирается жениться. В 238-й день службы Володя написал, что у них в части объявлен карантин из-за гриппа, санчасть переполнена. И теперь для его девушки Ленки, которой весной исполнится 18 лет и которую он знает уже три года, будет проверка. Присланную фотографию любимой он просил прислать обратно.

Я, находясь под впечатлением того, что творилось на «целине», и просвещенный проповедями Бухарова о женском непостоянстве, поделился со своим другом выводом об отсутствии любви на этом свете, чем его явно огорошил. В письме от 250-го дня службы он ответил, что я глубоко ошибаюсь и что, даже если бы это оказалось правдой, то он не стал бы все равно менять Лену на какую-либо другую, потому что он ее любит.

В начале марта, на 280-й день службы, Гришин сообщил, что стал писарем, что в части они втроем создали ансамбль «Силуэт». Он сочиняет песни, а другой парень — музыку.

В следующем письме Володя по моей просьбе прислал одно из своих стихотворений. Текст песни начинался:

Для меня дороже только ты одна.
Вся любовь моя тобой одной полна.
Для тебя готов я звезды с неба снять,
Лишь тоску свою не в силах унять.

Расставаться надо нам опять с тобой.
Я приду однажды утренней порой,
Поцелую нежно милые глаза,
И вернется то, что было год назад.

Встретил я тебя тогда,
Ты сказала робко: «Да!
Будем вместе мы всегда.
Навсегда.

На День Победы Вовик спросил, не стал ли я командиром за это время, и заметил: «Если стал, то жалко: пропал человек. Шутка». Сообщил о двух бывших ховринских одноклассниках. Саша Сокол служит на Дальнем Востоке, уже старший сержант. Коля Бобков — в Германии.

По прибытии в часть дежурство на узле связи превратилось в повседневность. Раз в три дня я выходил в ночную смену. Меня устраивал этот распорядок. Ночью работы практически никакой. Если только вечером прилетит пара радиogramм. Зато потом тихо. Можно делать все, что хочешь: читать, писать. Никто не мешает. Конечно, это было нарушением устава, инструкции радиста, который обязан бодрствовать: сидеть за радиостанцией и буквально ничего не делать. Радист обязан вслушиваться в эфир. Но эту инструкцию, конечно, никто не соблюдал. Ее сочинил круглый идиот, который о работе радиста знал только понаслышке. Посидел бы он ночью, особенно часов в пять утра, когда сон активизирует наступление по всем фронтам. Если радист не найдет занятия, которое позволило бы ему отвлечься, то беспробудный солдатский сон обеспечен на сто процентов. Радист не разомкнет глаз, если сигнал будет разрывать наушники.

У меня было три занятия. Во-первых, я читал книги, благо полковая библиотека неплохая. Во-вторых, писал письма. В-третьих, на меня вдруг нахлынули воспоминания о Ховрино, и я стал в заветной тетрадке мелким почерком предаваться воспоминаниям о детстве. Было еще одно дело, которое скрашивало часы армейского плена. По возвращении домой намеревался построить из спичек макет знаменитого многоглавого Преображенского собора в Кижях. С этой целью я вырезал бритвой из древесных пластин коробков мелкие чешуйки лемеха — покрытия для будущих глав храма. Чешуйки укладывались в коробки, а потом тщательно заклеивались, чтобы не выпали. Следующим этапом они попадали в дембельский чемодан, хранившийся в каптерке.

На эти коробки и наткнулся проверяющий во время досмотра наших личных вещей в каптерке. Он пальцами нажал на один из заклеенных коробков, и оттуда брызнула чешуя. Старшина Масевич был недоволен:

— Проверяющий тебе сделал замечание: «У этого молодого человека, — сказал он, — слишком много времени!»

— Как?! Без моего ведома залезали в мой чемодан? — возмутился я. — Это же обыск! С какой стати вы копались в моих вещах?!

Больше всего я переживал за тетрадку, в которой подробно описал «целину» и нашу армию. Записи я делал практически слово в слово, что называется, по горячим следам и, конечно, втайне от ребят. Все описанное было чистой правдой, словно репортаж с места событий. Хорошо, что в самом начале тетради шли выписки по архитектуре — о классицизме, ампире. Они были выполнены чернилами, а вот с другой стороны шло плохо читаемое повествование о «целине», написанное блеклым карандашом и мелко. Старшина, явно не ожидавший такой реакции от меня, всегда спокойного, пошел на попятную и оставил все претензии.

Еще мы дневалили по расположению. В один из таких дней после отбоя я заступил в наряд по этажу — стоять у тумбочки рядом с оружейной комнатой напротив входа с лестницы. Настроение у меня было в тот день романтическое. Я вспоминал школу, экспедицию на Черную Гору, нравившуюся мне бывшую одноклассницу Наташу Калугину, и мне вдруг стало так хорошо и тепло от посещавших меня видений, что спать вообще расхотелось. Не хотелось ни на минуту расставаться со столь приятными воспоминаниями. Поэтому, когда в 2 часа ночи ко мне на смену пришел Саня Аскольский, я отправил его спать, а сам вызвался простоять до утра. Аскольский с радостью согласился. Но ближе к подъему меня разморило так, что с трудом простоял до конца.

После завтрака, когда казарма опустела, я возлег у окна за кроватями на расставленные в ряд четыре табуретки и мгновенно заснул. Проснулся от того, что кто-то усиленно тряс меня за грудки. Открыл глаза и увидел широко улыбающееся лицо командира взвода лейтенанта Рубанова. А в восьми метрах от меня гроыхал голос командира полка подполковника Старикова:

— Это что за безобразие! Дневальный спит! Кровати плохо заправлены! Бардак!

Спросонья я ничего не мог понять, но вскочил и, как положено по уставу, встал по стойке смирно. Впрочем, полкан уже уходил из расположения. Рубанов мне рассказал:

— Пришел Стариков, увидел тебя лежащим на табуретках у окна и как стал орать громовым голосом, что дневальный спит. Стоит рядом с тобой и орет. А ты лежишь, не шелохнешься. Он поорал-поорал, а потом тихо и так спокойно говорит мне: «Разбудите его!», и пошел дальше кричать. Ну, ты даешь!

После этого случая я понял, что такое богатырский сон.

На узле связи весной случилось происшествие, на короткий срок отменившее наш ежедневный ритуал. Дело в том, что вечером смена радистов, заступающая на дежурство после ужина, обычно заходила

в столовую, брала там штук восемь картофелин, кусочек комбижира и шла дежурить на узел. Часа в два ночи готовилась еда. В это время почему-то особенно хотелось кушать. Картошку жарили на электроплитке, что неблагоприятно сказывалось на атмосфере радиоузла. Посещавшие временами помещение старшина и офицеры задавали один и тот же вопрос:

— Чем это у вас здесь пахнет?

И получали одинаковый ответ:

— Да это из-под пола несет, товарищ старшина (или капитан, или товарищ лейтенант)!

Но однажды начальство устроило проверку. Кухонный инвентарь был обнаружен и тут же полетел под откос в снег, к берегу Печенги. В довершение всего при осмотре блоков радиостанции в одном из них, который не работал, обнаружилась спрятанная одежда или форма телефониста Аскольского. Он тут же получил трое суток губы, а на меня, который был вообще ни при чем и даже не знал о тайнике, было наложено взыскание. Кроме того, нас заставили провести генеральную уборку помещения с мытьем полов — почти наряд вне очереди.

Однако любые действия имеют противодействия, порой и не в лучшую сторону. Начальство это не учитывает. Плитку, сковородку, ложки, миски, кружки удалось выкопать радисту Ульянову. Стало ясно, что теперь все надо прятать основательно. Изобретательные ленинградцы придумали. Из противопожарного ящика высыпали почти весь песок, оставив самую малость, чтобы он прикрывал дно, а само дно подняли вверх. Была убрана и часть задней стенки. В генераторной образовалось надежное место для схрона.

Надо сказать, один раз на узле связи действительно пошла вонь. Рядом находился продуктовый склад, на котором офицерам выдавали довольствие. Пришел лейтенант Рубанов и положил на коммутатор кусок мяса в упаковке. Но тут его позвали, и он отлучился на несколько минут. Телефонист аккуратно отрезал небольшой кусок мяса для ночной жарехи и спрятал его внутрь коммутатора со стороны задней стенки. И забыл. Вспомнил только в другое дежурство.

Кстати, коммутатор почему-то часто использовался под временное складирование. На него что-то клали сверху, но на короткое время. Еще при Бикмухаметове после учений близ Долины Смерти водитель нашей роты притащил зачем-то на узел череп, завернутый в полупрозрачный пакет. Похвастался и положил его на стойку коммутатора напротив телефониста. Очертания черепа с глазницами смотрелись сквозь пленку несколько размыто, но было все же понятно, что это такое. Это кощунство мне было не по душе. Неожиданно на узел пришел начальник

связи и начал что-то говорить. Бик повернул голову к коммутатору и взглянул на пакет. Его взгляд на секунду задержался на непонятном предмете, видимо, обрабатывая информацию, но ничего не обработал и свернул в сторону.

А в самом полку весной произошло настоящее ЧП, можно сказать, политического характера. Полярная ночь отступила. Солнце с каждым днем все больше и больше брало верх над тьмой. В крови солдат начинал играть молодецкий огонек, который тушился, как поговаривали между солдатами, бромом, подмешиваемым «санбратом» в еду. (Я так и не понял, бром — это правда или вымысел.) Но то ли в тот день брома не хватило, то ли живительные солнечные лучи слишком разбередили душу солдат, сказать трудно. А, может быть, вообще вспышка на солнце была. Так или иначе, но «отличились» танкисты во время прохождения с песней по плацу в столовую.

Одна за другой роты гуртом высыпали из казармы, строились и в предвкушении заветной обеденной пайки маршировали по плацу, горланя строевую песню. Наша рота связи, как всегда, кричала (назвать это песнопением язык не поворачивается) нехитрые слова: «Работать будет связь: закон такой!»

За нами на дистанции маршировали танкисты. Их песня была старая-престарая о знамени: «Вьется, вьется знамя полковое...» Упоминались там и командиры, которые всегда впереди. Но, на беду, в этой роте имелись шутники. В тот день их оказалось более чем достаточно. Обычно во время исполнения данной песни один или двое после слов «вьется, вьется» добавляли нецензурную фразу. Но их голоса были слышны только внутри строя, не вырываясь наружу. Однако на этот раз после традиционных слов более половины солдат роты гвардейского полка, не сговариваясь, на весь плац зычно и отчетливо гаркнули: «Вьется, вьется, в рот оно е...тся».

Наша рота связи в этот момент подошла к столовой и встала. Я с интересом смотрел на дежурного офицера по полку с красной повязкой на руке. Тот сурово взглянул на нас каким-то отсутствующим взглядом и, не сделав замечаний относительно внешнего вида, коротко бросил:

— Вольно! Разойдись!

На его лице отразились одновременно нервная растерянность и глубокая задумчивость. Я понимал, что все принимает серьезный оборот. Сейчас ребятам могут прийти дело. Хотелось узнать, чем все кончится. Из любопытства даже Витька Баранников на этот раз не бросился первым в столовый зал, а вместе с другими ребятами занял места у дверей входа, ожидая развязки. Подошли танкисты. Остановились, явно ожидая расплаты за знамя, которое почему-то не вьется как

положено. Дежурный по полку вперился взглядом в застывшую роту. Воцарилось гробовое молчание. Пауза начала затягиваться. Я понял, что дежурный выбирает варианты принятия мер. По сути, дело-то политическое. Если он его раздует... Наконец послышалось:

— Почему сапоги плохо почищены! А это что? Ремень — на яйцах! Что это за выправка? В казарму! Привести себя в порядок! И снова по плацу с песней! — заорал дежурный офицер.

Солдаты, молчавшие, как нашкодившие школьники, похоже, вздохнули с облегчением и пошли выполнять новый приказ с удовольствием. Когда наша рота связи допивала чай, за окном на плацу дружно и звонко чеканили шаг танкисты под слова:

Вьется, вьется знамя полковое,
Командиры впереди.
Солдаты — в путь, в путь, в путь!
А для тебя, родная,
Есть почта полевая.
Прощай, труба зовет!
Солдаты — в поход!

Кажется, обошлось. Знамя стало виться правильно. Дежурный офицер, слава богу, оказался не дураком и замял инцидент.

Танкисты люди своеобразные, озорные, но любящие свое дело. Среди них ходило примитивное и наивное стихотворение «Любовь танкиста» — объяснение в любви скорее к танку, нежели к любимой:

Послушай, милая подружка,
тебе секрет открою свой:
Любовь во мне, как смесь, сгорает,
когда беру крутой подъем.
Ты горяча, как радиатор,
поверь мне, девичья душа,
как новенький аккумулятор,
без подзарядки хороша.
Ты хороша, как формы танка,
как башня, грудь твоя тверда,
как вал коленчатый проворна,
как пушка гордая сильна.
Твои глаза, как фары, блещут,
и, как цилиндр, дышит грудь,
как пулемет, устав, трепещет,
когда к тебе хочу прильнуть.

Клянусь поршнями-шатунами
Люблю тебя, как танк родной,
как механизмы с шестернями,
я в зацеплении с тобой.
И фракционны не помогут
мою любовь затормозить.
Клянусь! Танкисты только могут
без пробуксовки полюбить.
Танкист в любви не изменяет,
к другим он холод, как броня,
любовь сильнее огня пылает,
когда действительна она.

В начале марта 1969 года на Дальнем Востоке произошло совсем уж серьезное происшествие международного масштаба. Там вспыхнул военный конфликт на острове Доманский. Он вызвал обсуждение среди солдат и офицеров. Мы жадно ловили любое новое известие с реки Амур.

«Слон без хобота»

За два года службы я подружился с Витькой Баранниковым. Он был оригиналом. С ним познакомился еще в карантинной роте в ноябре 1967 года. Это был добродушный паренек, лицом отдаленно напоминающий киноактера Евгения Леонова из «Полосатого рейса». Такой же курносый нос, такая же округлость лица, только ростом выше, под метр восемьдесят, да и сутулился Витька не в меру. Баранников производил впечатление человека не от мира сего, но уж точно не из армейской жизни с ее строгой дисциплиной. Ко всему он был настроен скептически, считая многие вещи в нашей жизни ненужными, лишними, например строевую подготовку или комсомол, откуда его, кстати, исключили еще до армии. Просто на комсомольском собрании, когда к нему пристали по поводу общественных обязанностей, он встал и сказал: «Ребята, вы здесь всякой ерундой (было иное слово на букву х. — *В.Б.*) занимаетесь! Да никому не нужен ваш комсомол!» Это было в середине 1960-х годов, в городе Орле, в трамвайном депо, где Витька занимался ремонтом разной аппаратуры.

Армейского человека можно узнать по выправке. А Витька как пришел в армию сутулый, так таким и уходил на гражданку, даже не ставил задачу расправить плечи. Есть же такие сугубо гражданские люди. Их ни один сержант или старшина не смогут переделать. Все равно что в заполярном снегу арбуз выращивать. Сразу же провалились попытки

научить Баранникова ходить строевым шагом. Его руки двигались вперед одновременно с ногами. Он нарушал весь строй карантинной роты. Потом уже в роте связи крестные муки по переделыванию Баранникова выпали сначала на долю старшины Хлопотова, а потом Масевича. Однако и тот и другой быстро сдались. Всякий раз, когда нашей роте предстояло ответственно проходить маршем по плацу, Масевич говорил Витьке с чувством и слегка сквозь зубы:

— Баранников! Иди в казарму! Чтоб тебя никто не видел!

Уже в карантине Баранников прославился своим отношением к еде. С первого дня он ничего не ел, только сидел за столом со всеми, не прикасаясь к пище.

— Не могу я есть *это!* — армейская еда вызывала у него отвращение. Зато после столовой он бежал в солдатское кафе и с упоением уплетал сгущенку, печенье и прочие вкусности. Так продолжалось неделю или дней десять. Потом кончились деньги. Баранников не ел сутки, голодал вторые, третьи. На четвертый день Витя соизволил прикоснуться к солдатской пище, и самое интересное, что она ему уже не показалась отвратительной. А вскоре на Баранникова стали жаловаться в столовой, что он ворует с чужих столов пайки. Но Баранников не мог наесться. Он был вечно голоден. Старшина даже ходил в медсанчасть просить для Витьки дополнительную порцию, но получил отказ: Баранников не проходит по росту: в нем менее чем метр девяносто.

— Проглёт! — ворчали на Витьку старики. А один из них охарактеризовал Баранникова более образно: «Слон без хобота!»

Витька ел весьма своеобразно, не только свою порцию, но и пожирал взглядом все остальное, стоявшее на столе. Его глаза блуждали по кругу по всем мискам, в которых могла пребывать не только каша, но оказаться кусок сливочного масла и даже кусок мяса щедрого заплярного пайка. И вот однажды, когда обед подходил к концу, Витькин взгляд приковала к себе миска сидевшего напротив старика Васильева. Тот с чувством эстета доедал кашу, выбирая ее по спирали мелким порциями. А в центре миски, постепенно опускаясь, оставался лежать неприкасаемым кусок вареной говядины. Его-то Васильев оставлял на последний акт священнодействия. В этот момент сама миска напоминала чем-то кимберлитовую жилу, обработанную роторным экскаватором. Но когда каша была съедена и Васильев собрался было приняться за вожделенный «алмазный» кусок, с противоположной стороны стола в его миску нахально вторглась экскаваторная ложка Баранникова. Доля секунды — и все мясо перекечевало в Витькин рот, усиленно заработавший челюстями. Васильев от такой наглости

опешил. Как? Увести из-под носа у старика кусок мяса и нагло сожрать у всех на глазах! Он привстал, и теперь уже его ложка появилась на противоположной стороне стола, чтобы со всего размаха нанести удар по лбу обидчика. На лбу Баранникова мгновенно выскочила красная округлость. Но он и ухом не повел, а продолжал дожевывать священный кусок.

Как ни странно, в армии Витька нашел свою нишу, став заниматься тем, чем он и занимался на гражданке, — ремонтировать радиотехническую аппаратуру. Надо сказать, здесь ему не было равных. Он был радиомастером от Бога. Иногда мог определить характер неисправности только по одному звуку аппаратуры.

— Главное раскачать! — любил говаривать Витька.

— Как раскачать? — не понимал я.

— Ну, раскачать! Постепенно заставить работать.

У Баранникова вскоре появился напарник Серега Павлов из Ленинграда. Вместе они составили в мастерской великолепный дуэт. Чинили практически любую радиостанцию. Так что скоро у них возникла масса знакомых из соседних частей, которые обращались за помощью. Были и частные клиенты с телевизорами. Постоянно они подавали заявки на рацпредложения и получали за это денежные премии. Словом, жизнь и питание у Витьки постепенно наладились.

Но как-то раз к их куску драгоценного масла присоседилась мышь. Тогда Павлов и Баранников взяли чистый лист бумаги, ручку и стали проводить сложные математические расчеты, чтобы рассчитать силу удара пружины в мышеловке, дабы мышь не убить. Дня полтора они с упоением писали формулы, забыв о радиостанциях и своем воинском долге, и, наконец, рассчитали. Маслокрад был пойман живым, но затем спущен в канализацию.

— Да жива она осталась! — уверенно заявили ребята. — Прописку сменила.

Общеполковую славу Баранникову принесло одно изобретение, за которое он получил не денежное вознаграждение. В Заполярье зимой за теплом следят строго, его берегут. Потому на всех дверях казарм, домов, построек были поставлены мощные железные пружины. Они были очень тугие, зато двери прикрывали плотно, уберегая драгоценное тепло. Две такие пружины стояли и на входной двери нашей трехэтажной казармы. В тот день я был дневальным по расположению, о чем говорила красная повязка на рукаве. Выполняя какое-то поручение, я спустился с нашего верхнего этажа и во входных дверях столкнулся с заместителем командира полка майором Клюевым. Фамилия легко запоминается по есенинским строкам:

А Клюев, ладожский дьячок.
Его стихи, как телогрейка.
Недавно вслух я их прочел.
И в клетке сдохла канарейка.

Он как раз открывал дверь, предпринимая приличные усилия по преодолению сопротивления пружин. На контрольно-пропускном пункте мне пришлось задержаться буквально минут пять, не более. Через семь минут я снова был у дверей и снова встретил Клюева. Он выходил из казармы мне навстречу и с силой надавил на дверь, а она... вдруг свободно распахнулась наружу. Пружин не было...

— Странно! — сказал Клюев в усы и, глядя на опустевшие места, повертел носом, словно беря след. — Странно! — еще раз повторил он.

Двумя пружинами, исчезнувшими с нашей двери, дело не ограничилось. Пружины стали исчезать всюду: в соседнем подъезде, в медсанчасти и библиотеке, даже в столовой. Венцом проявления чьей-то наглости или диверсии стало исчезновение пружин на дверях штаба! И это при том что напротив дверей стоит часовой у знамени полка. Негодованию офицеров не было предела. Но разгадка этих пропаж не находилась. Кому вообще нужны пружины? Если только это не было чистым хулиганством. И вот однажды все тому же Клюеву что-то понадобилось в радиомастерской. Там он застал чудную картину. На стеллажах вдоль стен лежали целые и наполовину разобранные радиостанции, детали и блоки. А в центре помещения за большим столом с паяльниками в руках, что-то упоенно напевая, активно трудились два мастера Серега Павлов и Витя Баранников, голые по пояс. В помещении было не просто тепло, а стояла самая настоящая жара. («Лучше большой Ташкент, чем маленький Оймякон», — обычно говаривали старики.) А у них над головами висела гирлянда из пропавших отовсюду дверных пружин. Эта гирлянда, соединенная в цепи, была раскалена до ало-красного цвета, как единая вычурная спираль электроплитки, и дарила двум изобретателям божественное ташкентское тепло.

Оказалось все просто. В мастерской лопнули батареи отопления. Все обращения Сереги и Витьки в хозчасть провести ремонт остались без ответа. Тогда они нашли легкий способ выхода из положения.

Баранников как инициатор подключения пружин к выпрямителю для согрева был сразу отправлен на губу. Это делалось быстро, благо у старшины Масевича в кармане всегда были бланки на гауптвахту с фамилией Витьки, и оставалось только проставить дату. Но отсидеть полный срок рядовому Баранникову очередной раз так и не довелось. Из всех ближайших частей стали почему-то активно привозить на починку радиостанции. Тогда Витьку и освободили досрочно.

Зуд изобретательства подвел Витьку и второй раз. Однажды наша рота связи заступила в наряд по полку. Человек десять, в том числе меня с Витькой, определили в столовую. Приняв дежурство у предыдущей смены, предварительно погоняв ее за оставленную в некоторых углах грязь, а пуще для острастки и порядка, мы заступили на смену на целые сутки. После ужина нам предстояла уборка столовой, мытье посуды. Это надо было сделать как можно быстрее, чтобы больше времени осталось на столь желанный сон. Предстояло помыть несколько десятков бачков для раздачи пищи, поварешек, освежить несколько десятков тарелок из-под хлеба, но самое главное — перемыть еще несколько сотен грязных мисок из-под каши, а также несколько сотен кружек и ложек всего полка. То была солидная груда посуды, количество которой содержало важную военную тайну — численный состав части. Мы работали по конвейерной системе, четко распределив последовательность действий каждого. Один предварительно вычищал из тарелок остатки пищи в специальное ведро, другие по очереди промывали тарелки в заполненных горячей водой двух-трех раковинах, время от времени меняя в них воду. Еще один солдатик-старик работал на дышащей паром посудомоечной машине. Век начала научно-технической революции осчастливил даже нашу часть в Заполярье.

Обычно дело шло споро. Никого подгонять не надо было. Но сбой все же произошел из-за Баранникова. За полночь его резко потянуло в сон. Оставались невымытыми еще три заполненные до отказа раковины мисок. Это уже не так много, но...

— И чего мы будем возиться? — начал конструктивно рассуждать Витька. — Она жирная, плохо отмывается. Я засыплю ее содой, а утром ее только надо будет достать.

Спать нам тоже хотелось. И именно это ускорило принятие коллективного, как нам показалось, разумного решения. Дополнительных уговоров со стороны Баранникова не последовало. Витька нашел какой-то пакет с белым порошком и щедро засыпал его во все три раковины. Наконец-то отбой. Сон в армии (а точнее, провал в него) приходит, как только твоя личность соприкасается с подушкой.

Но расставание личности с подушкой произошло на этот раз раньше намеченного срока. Ну уж очень рано утром нас поднял разъяренный заведующий столовой, который пришел посмотреть за порядком и обнаружил там три раковины невымытых мисок. Впервые за свою долгую службу встретившись со столь оригинальной практикой мытья посуды, он даже не понял, что это такое. Тем более все раковины были заполнены не блестящей серой алюминиевой посудой, а какими-то

иссиня-черными предметами в форме мисок. К его ужасу, они были черными со всех сторон.

На свою беду, Витя не был сведущ в химии и не мог просчитать последствий таинственной реакции мисок и какого-то белого порошка на его инициативу. Нашей сонной команде вручили наждачные шкурки со строгим наказом успеть до завтрака оттереть все до одной миски. Однако почти сразу стало ясно, что данный приказ невыполним. Наждачная бумага оставляла полосы, направление которых зависело от творческих фантазий и степени нашей разбуженности. Чернота не исчезала. Черно-белые полосы образовывали причудливые завихрения, переплетения, которые, имея художественную разнонаправленность, тем не менее для Баранникова указывали один-единственный ориентир — на губу.

Миски выбросили на помойку. Заведующий столовой вовремя понял, что наш скорбный труд пропал. Ему пришлось в срочном порядке поднять на ноги завскладом и извлечь из закровов части блещущую новизной партию алюминиевой посуды.

Был еще один знаменательный случай с Баранниковым весной в последний год службы. Эх, весна! Весна! Ты заставляешь расслабиться от лучиков долгожданного солнца и упоительного аромата заполярного воздуха, которым нельзя надышаться. Этот воздух хочется есть, настолько он вкусен. В голове бродят мысли о приближающемся последнем лете в армии. А кругом красота — запорошенные снегом сопки, голубизна неба. Армейская наука начинает плохо входить в задубевшую за год голову. А гениальную голову Витьки Баранникова в один из таких весенних дней, похоже, вообще заклинило.

Нашу роту направили на полигон для метания учебно-боевых гранат. Дело, с одной стороны, несложное и немудреное. Для солдата даже интересное, тем более что каждый бросал только по одной гранате, а потом мог уже любоваться сопками, подставлять лицо солнышку и предаваться мечтаниям — вне опостылевшей казармы. Но для командира роты капитана Козырева это дело хлопотное. Надо было каждой паре бойцов монотонно и нудно объяснять одно и то же — как пользоваться гранатой, которую бросали в ближний овраг.

Витька, как всегда, на службу не напрягивался, а потому оказался самым последним. Козыреву к этому моменту настолько все надоело объяснять, что он вручил Баранникову последнюю лимонку и задал два непростительно наивных вопроса:

- Ну что, Баранников, ты все слышал?
- Слышал!
- Так ты все понял?

— Ну, ёбтать! Конечно, понял! — ответил Витя вполне по-армейски и начал разъяснять капитану, как надо обращаться с гранатой. Получалось, что он учил уже самого Козырева военному ремеслу.

— Что же тут непонятого? Берешь в руку гранату... — и далее Витя одновременно с рассказом стал производить требуемые от него действия. — Разжимаешь усики, дергаешь за кольцо и... бросаешь...

При этих словах Виктор не размахнулся и не швырнул гранату со всей силы, как это требовалось, в овраг, а взял и «по-девчачьи» катнул ее вперед, словно неподалеку были расставлены кегли, в которые и надо было попасть. Белоснежный, искрящийся на солнце плотный наст оказался, на всеобщее счастье, удивительно крепким. Лимонка, мягко соприкоснувшись с плотной коркой весеннего оледеневшего снега, даже не проломила его, а отскочила и покатила вперед. Все это происходило у нас на глазах буквально в полутора десятках метров.

Капитан с криком «Мудак!» бросился в снег, забыв дать остальным команду. Надо полагать, что это ругательное слово и означало: «Ложись!» Но в тот момент никто из нас этого не понял. Мы стояли, ошалело, замороженно наблюдая за гранатой, как та медленно, едва-едва перекатывалась, словно в замедленной съемке, и даже не испытывала особого стремления докатиться до края оврага. Но все-таки докатилась. Там она замерла, этак театрально, чтобы выдержать у невольных зрителей эффект паузы. На доли секунды, показавшиеся мне вечностью, лимонка в буквальном смысле зависла на самом кончике оврага, а потом вдруг резко шмякнулась вниз. Раздался взрыв. Вверх взметнулись фонтаны снежных брызг, а вместе с ними взвился металлический сердечник. Хорошо, что она все же не совсем боевая.

Капитан Козырев, отряхивая снег с шинели, распахнул перед Баранниковым все глубины своего познания русского разговорного языка. Правда, на флегму-Витю эта нахлобучка, как веником в бане, не произвела заметного впечатления.

Кстати, о бане. Вольность, по правилам которой привык жить Баранников, подвела его еще один раз. Дело было в полковой бане. Поскольку я был в очередной раз дневальным, то мыться мне пришлось не со своей ротой. Баня, как всегда, прекрасная. Вода — кипяток. Помылся с чувством, благо я попал в промежуток, когда была пересменка, а в конце помывки уже стояла непривычная тишина.

Но мое прекрасное настроение испортило исчезновение сапог. Обмундирование лежало на месте с военным билетом, а сапоги рядом отсутствовали. Они куда-то и с кем-то ушли... Что делать? Да меня старшина в порошок сотрет, если я заявлю, что остался без сапог! В бане мылся еще какой-то паренек не из нашей роты. В раздевалке оставались

только его сапоги. Я померил. Немного жмут, дырка, легкая потертость сбоку. Да черт с ней! Ладно. До дембеля недолго. Я быстро оделся и, намотав портянки, надел чужие сапоги! Нет, я чужого не брал: имущество-то общее — армейское. С неприятным чувством я покидал раздевалку, когда в нее ввалилась толпа на помывку. Но данный эпизод, оказалось, имел продолжение и завершение.

Поздно вечером, перед отбоем... старшина Масевич распекал в казарме Баранникова, у которого исчезли сапоги во время мытья в бане. Витя оказался замыкающим в помывке из всего полка. Он, как всегда, решил с чувством помыться. После него баня закрывалась. И до меня дошла простая истина. С середины дня (а может быть, и с утра) до самого позднего вечера никто даже не заявил о пропаже своих сапог. Все, точно по эстафете, брали чужие сапоги. Последней жертвой и стал Баранников. Выходит, грозный лик своего старшины для каждого потерпевшего все это время витал в банных парах. Но окончательно он материализовался только в лице нашего Масевича и персонально для Витьки. Так Баранников расплатился за кайф мыться с удовольствием.

Последние полгода

К лету 1969 года радисты Бухаров, Алмазов, Григорьев демобилизовались. С Володей Бухаровым я тепло попрощался. Он поехал в свою Алма-Ату, о которой тосковал и вспоминал с ностальгией. Встреча с ним в армии была в чем-то даже подарком. Бухаров просветил меня во многих вопросах, например, подробно рассказал о хиромантии — о чем говорят линии на ладонях, учил определять характер человека по чертам лица — многие наблюдения оказывались действительно верные. Я даже кое-что за ним записал. Все эти сведения он в свою очередь почерпнул от своего алма-атинского друга. Пересказывал статьи из местных алма-атинских газет о Вольфе Мессинге. Именно от Бухарова я впервые узнал о расстреле рабочих в Новочеркасске при Хрущеве в 1962 году. И мы тогда еще на радиоузле обсуждали, а мы смогли бы стрелять по демонстрантам? Все единодушно говорили — нет, если только поверх голов и то, чтобы выполнить приказ. Но мне не нравилось в нем высокомерие по отношению к окружающим.

После отъезда стариков мы стали полной их заменой. Я сдал на 2-й класс. Дежурство на радиостанции стало нормой. Мне даже нравилось. Это была в значительной степени свобода. Но от намерения изучать английский язык, что примирило меня два года назад со службой в армии, пришлось отказаться. Занятия не пошли. Книгу «Плутония» Обручева я начал было переводить, но показалось скучно, потому и забросил.

Вместе со словарем отправил ее домой по почте. Заодно прогулялся до Луостари, где эта почта и находилась. Возвращение же в часть впечаталось в память. На обратной дороге меня догнал гусеничный трактор, и водитель предложил подвезти. Я согласился, хотя видел, что впереди мост через Печенгу. Причем мост узкий, деревянный, висит высоко над рекой. Трактор оказался к тому же не совсем исправным. Его все время заносило вправо, поэтому водитель постоянно дергал левый рычаг. Было малоприятно ехать по узкому мосту, когда машину тянуло к самому краю. Мысленно я был готов в случае чего выпрыгивать из кабины. Но проехали без происшествий. А после, неоднократно вспоминая этот эпизод, я думал, а правильно ли поступил, что не слез с трактора. Это же была игра с неизвестным. Окажись я в каптерке с сержантом, утверждавшим, что учебно-боевая граната не взрывается, согласился ли я в той ситуации стоять с ним рядом или поступил бы благоразумно, как тот, четвертый солдат, сказавший, что он в такие игры не играет, и вышедший из помещения? Я не находил ответа на данный вопрос. В такой ситуации было бы обидно услышать презрительное: «Что, очко играет?!» Где проходит граница между храбростью, трусостью и благоразумием?

Летом прошли очередные учения, в противоположной стороне от границы с Норвегией. Нас поднял на рассвете зычный голос дежурного:

— Рота, подъем! Тревога!

Все стали бешено вскакивать со своих коек, надевать форму, сапоги и бегом устремляться к оружейной, а затем — в парк к машинам. Когда подбегали с автоматами к парку, из его ворот уже стали выходить первые танки. Их водители могли надеть сапоги и убежать в одном нижнем белье, прихватив только одежду. Ведь для них главное было быстрее завести двигатель, а следом и экипаж прибегал с обмундированием. На повороте танки выдыхали с шумом серое облако несгоревшей солярки и, набирая скорость, уходили в место базирования. Когда очередной танк, мягко пружиня, пробежал рядом, дрожала земля. Меня восхищала и завораживала мощь этой техники, притягивавшей к себе какой-то непонятной красотой и вливавшей в жилы силу.

Учения оказались своеобразные — на проходимость по сопкам. И полк с этой задачей справился. Один лейтенант-танкист потом сказал с гордостью, что теперь проложенные дороги можно наносить на карту. Наш ГТТ тоже поползал по склонам и по болотам, обеспечивая связь. Один крутой склон в самом начале пути мне показался даже безнадежным. Но танки впереди прошли, и мы поползли вверх, вслед за ними. Я открыл люк. Воздух был напоен запахом солярки и свежеразвороченной земли. Он действовал просто опьяняюще.

Только один раз наш механик допустил ошибку, когда гусеничный тягач связи, преодолевая болото, приближался на ровных оборотах двигателя к твердой суше. Но в конце болота водитель слегка газанул, надеясь опереться гусеницами на землю, однако до земли мы не дошли, а тягач, провернув ленты из траков, сел пузом на жижу. Пришлось использовать бревно, цепь, чтобы выбраться из болота, звать на подмогу. Но выбрались. Это был урок. Наверное, и в жизни в непролазные минуты следует выдерживать ровные обороты, не позволять резко газовать, иначе — «сядешь на брюхо».

В ходе этого марша с препятствиями по валунам встало несколько танков. Рвались траки, вылетали из гусеничных лент пальцы, ломались зубцы звездочек. Потом на ленинградский завод был послан офицер за дефицитными запчастями, которые удалось достать благодаря его самоотверженному поступку: на личные деньги он купил несколько бутылок водки, и проблема была решена.

После учения мы драили, отмывали в боксе технику связи. Было приятно видеть, как грязнущие ГТТ и БТР-50 ПУ приобретали благообразный вид. Окончательный лоск и блеск зеленой броне придала солярка, ею вытерли поверхности. Я вдохновился и, переделав ранний стих Маяковского, продекламировал, работая тряпкой, слегка смоченной соляркой. В боксе слова отдавали эхом:

Я сразу смазал краски будня,
Плеснув солярку из стакана.
Я показал на траках танка
косые скулы океана.
На чешуе жестяной рыбы
прочел я зовы новых труб,
А вы ноктюрн сыграть смогли бы
на траках БТР-50 ПУ?

У ребят это вызвало восторг. Просили повторить.

А вскоре произошло событие, потрясшее весь мир. 20 июля 1969 года Нил Армстронг и Эдвин Олдрин ступили на поверхность Луны. Это было поистине мировое, если не вселенское событие, и его нетрадиционно для Советской армии оценил наш замполит капитан Кауфман. Он экстренно собрал весь полк в клубе и взволнованным голосом поведал о том, что человечество впервые оказалось на Луне. Вечером мы в расположении роты с волнением включили телевизор, надеясь скорее услышать подробности в программе «Время». Но, к нашему удивлению, первым был показан сюжет о визите нашей делегации в Польшу. И только затем действительно прошла новость о полете американцев на Луну. Разве так можно?!

Мало сказать, что известие о Луне меня ошеломило. В те дни, когда я видел Луну на небе, в мозгах начинало происходить что-то неладное. Просто не укладывалось, что вот сейчас там, надо мной, по этому белому диску ходят люди. Почти как у А. П. Чехова в юмористическом рассказе «Письмо ученому соседу», в котором соседушка утверждал, что на Луне нельзя жить, потому что люди падали бы на Землю вниз и от туда сыпались бы помои и нечистоты.

Совпадение, но именно 20 июля я получил от деда письмо. На круглом штемпеле черной краской была выбита эта дата, а по окружности — «ЛУОСТАРИ МУРМ. ОБЛ.». В нем 73-летний Глеб Червоненко описывал прозу земной жизни — здоровье и посадку еще весной рассады огурцов и помидор на дачном огороде: «Мы все живы и здоровы, но это относительно. Ты сам знаешь, ведь годы-то над нами сами за себя говорят вернее, приближаемся к финишу, да еще напрямую... Мы часто тебя вспоминаем, а особенно, когда вскапывали огород. Ведь, Вова, ты здорово его обрабатывал, у тебя как-то хорошо и легко получалось. Но, да ладно. Доживем до весны, и ты нам поможешь...» За горло схватила трогательная подпись: «До свидания, целуем тебя крепко. Дедуля (Глебка) и бабуля». Глебкой называл я деда, когда был совсем маленьким. А он помнил это.

Другое письмо было от родителей, которые все лето сидели на дачном участке. Мама явно торопила мое возвращение и высказала намерение к зиме купить мне обувь, спрашивала размер — 42-й или 43-й.

27 июля у моих родителей был юбилей — серебряная свадьба. Я заранее отправил им поздравление в стихах, точнее в виршах:

Скоро праздник в нашем доме,
Смех, веселье, беготня,
Здесь все будут в сборе, кроме...
Но не будет только лишь меня.

Я прошу у «молодых» прощенья,
Что приехать к вам я не могу,
не услышу шумного веселья,
не увижу вас я наяву.

Если бы присутствовал я с вами,
то со всеми поднял бы бокал,
А подняв его, стихами
Много счастья, счастья пожелал.

И еще — добавил бы я просто:
«На серебряный ваш юбилей

Пусть по кругу произносят тосты»,
Крикнул: Горько! Горько! Горячей!

Но сейчас я где-то в Луостари,
в заполярной Печенге служу
И в разлуке папе и маме
Эти строчки теплые пишу.

Дорогие, мама и папа!
Я хочу от души пожелать,
Чтобы свадьбу «золотую»
довелось вам также сыграть!

Чем меньше времени оставалось до конца службы, тем я становился нервнее. Не знаю, почему. В принципе я человек спокойный — таковым, по крайней мере, себя считаю. Но порой могу безрассудно вспылить, если меня уж очень достанут. И вспылить так, что лучше меня не трогать. Где-то в августе, когда до ноябрьского дембеля оставалось всего ничего, я нарвался на наряд вне очереди. После отбоя старшина Масевич направил меня вымещать энергию на исправительные работы в котельную, которая находилась неподалеку от казармы — за зданием клуба. Я стал грузить уголь на тачку и подвозить ее в кочегарку.

Пока я таскал тачки, пришел сам старшина, потом секретчик полка сжигать бумаги. После очередной тачки вижу, что они сидят и играют в карты вместе с кочегаром. Как же так? Масевич дал мне наряд за нарушение устава, а сам, играя в карты, нарушает тот же устав. Это меня так взбесило, что на улице я бросил тачку перед горой угля и пошел в казарму спать. Было уже за полночь, да и спать хотелось. Но не хотелось, чтобы старшина меня снова поднял и вновь направил на уголь. Поэтому я лег в свою кровать, вытянувшись на спину так, чтобы одеяло осталось аккуратно заправлено, будто кровать пустая. Благодаря моей уплощенной худобе это удалось. А на голову, повернутую вбок, я положил подушку, оставив небольшое отверстие для воздуха. Сон в армии приходит мгновенно.

Утром было построение. Старшина удивился, увидев меня в казарме, взявшегося невесть откуда. Оказывается, я заставил его поволноваться до утра. Обнаружив мое отсутствие в котельной, он направился в расположение роты, но там не застал, постель была пуста. А что он еще мог разглядеть в темноте издали? Он подумал, что я рванул в самоволку в Заполярный. Железная логика! Вот уж такой глупостью я никогда не занимался, что мне вообще делать в Заполярном? В таком случае Масевичу надо было поднимать роту и идти на поиски сбежавшего. Но, еще раз подумав, он понял: здесь что-то не так и решил дожидаться утра.

Традиционно я по команде вышел из строя на два шага, развернулся. Мне был объявлен другой наряд, копать траншею под кабель за казармой. Как говорится в армейской шутке о приказе старшины рядовому: «Копать от меня до другого столба». Про себя я снова завелся из-за казавшейся мне несправедливости, но копать стал — нервно, потом все же бросил лопату. Отказался. В итоге я предстал перед дежурным по полку офицером на КПП. Тот, приложив руку к козырьку, приказал мне выполнить приказ. Я ответил на это отрицательно. Тогда он мне сказал примерно следующее:

— Вы понимаете, что за отказ выполнить приказ офицера вам грозит дисбат? Вот сейчас я нажму на кнопку, вызову караул, и вас поведут на губу, а дальше решать будет суд.

При этом он подошел к пульту, демонстративно указывая на эту чертову кнопку. По 1967 году я хорошо помнил этого, тогда еще лейтенанта, предложившего в поезде нам, призывникам, выбрать службу в Печенге в танковом полку. Потом его неоднократно мельком видел на территории части. Он был симпатичный и обаятельный. Сейчас он держал палец у кнопки и смотрел вопросительно на меня. На его лице было написано, что он очень не хочет этого делать, но нажать кнопку он должен.

...И я сломался, подумав: да черт с вами, с этой идиотской кнопкой, траншеей, черт подери этого Масевича с его нарядом; ведь из-за своего упрямства я испорчу сейчас всю свою дальнейшую жизнь; не видать мне МГУ... Я пошел докапывать траншею. Офицер, похоже, сам облегченно вздохнул.

В середине сентября получил письмо от Бухарова из Алма-Аты. По тексту угадывался весь Володька:

«Ты жива еще, моя старушка? Вовик, здравствуй! Ты уж прости меня, грешника азиатского, за столь долгое молчание. Устроился я пока неплохо, поступил на подготовительные в техникум связи, работаю в телевидении, в отделе технического контроля, техник-контролером, оклад 90 руб., 50% квартальные. Короче, если иногда хорошенько подуть в член, то и на эту сумму можно протянуть от полочки до полочки. Я очень много рассказывал тебе об Алма-Ате. Володя, возможно, это просто доармейские впечатления. Но, когда я вернулся домой, мне дико все не понравилось, желобья до жопы и вообще все запустили, испохабили, колхозников понаехало — пруд пруди. Молодежь развращенная, разбалованная, хулиганья до сраки. Короче, хорошего мало, плохого хоть отбавляй.

Ну, что нового у тебя, как живешь? Наверное, дежуришь на узле. Как живут ребята? Давай, Вовик, осталось совсем немного, быстрее кончай службу и приезжай домой. Подберем тебе хорошую серьезную

девушку. Да они сами только узнают, что ты пришел из армии, будут бродить за тобой толпой. Только смотри не жадничай, а то враз на себе женят. Пиши, Вовик, что нового, когда дембель, как живут ребята, передавай всем привет...

Володя, всего невозможно перечислить, короче, привет всей роте, потому что вы все хорошие ребята. Главное, не ссорьтесь между собой. Ты знаешь, раньше я этого не понимал, а теперь понял, что все это было лишнее. И когда начинаю вспоминать такое, мне становится неприятно, ведь мы все выполняем одно и то же. И еще, Володя, узнай, пожалуйста, Миши Алмаза адрес и пришли мне в следующем письме. Только обязательно напиши. До свидания, старина. Пиши. Жду. Твой друг Бухаров. 4.IX.69 г.».

В том сентябре в полк пришла разнарядка на сборы офицеров запаса в Петрозаводск. Найти желающих было трудно. Никто не соглашался. А я подумал, почему бы и не поехать. Планировал: поступлю на истфак и буду освобожден от военной кафедры. Это же здорово! Сколько свободного времени у меня появится! Заодно и Петрозаводск посмотрю. Была и другая причина. Нам так промыли мозги о борьбе двух систем, что я нисколько не сомневался, что война неизбежна и может грянуть в самом ближайшем, совсем недалеком будущем. В таком случае воевать лучше уж офицером, нежели рядовым.

Полковое начальство быстро оформило на меня документы, дали хорошую характеристику. Так я оказался в столице Карелии.

Сборы будущих офицеров запаса проходили при одной из военных частей на окраине города. Обычная казарма с двухъярусными койками. Нас человек тридцать или около того. Большинство — сержанты разных степеней. Я, рядовой, почти исключение. Разнообразные значки на погонах указывали на представителей разного рода войск. Между всеми сразу установились дружественные отношения. Никто не выпячивал себя. Это было приятно.

Первое, в чем пришлось сразу разочароваться, оказалось питание. Его нельзя было сравнить с нашим заполярным пайком в гвардейской части — посиневшее водяное пюре и неприятно пахнущая вареная рыба. Кофе с молоком по утрам вообще не было, а мясо?

Второе разочарование оказалось более серьезным. Мы были определены под начало младшего лейтенанта запаса. В мае он прошел аналогичные сборы, а в сентябре его уже призвали. Никакие отказы, доводы не помогли. С его слов, сейчас в армии не хватает офицеров, потому призывают с гражданки. Это был для меня настоящий удар под дых. Еще бы! Вернуться в Москву, чтобы быть призванным вскоре на два года в армию в звании офицера. Прощай, истфак! Размечтался! Почему

я тогда не учел вульгарную армейскую поговорку, услышанную еще в карантине от сержанта для тех, кто пытался хитрить?

Начались обычные занятия, которые временами прерывались выходом на поля для уборки капусты. Надо сказать, такая работа никого не смущала. Никто из нас не роптал, что погода была уже на грани заморозков, что рукам сначала было холодно из-за мокрых холодных кочанов. Наоборот, все были рады продышаться и, более того, уборку капусты превратили в азартную игру. Мы, как кавалеристы, вооруженные не саблями, а длинными ножами, ухарски размахивая ими, подрубали шейки кочанов и шаг за шагом продвигались вперед по своим грядкам. Кто первый? Было жарко, покрасневшие руки уже горели от прилива крови. Не скучать помогал задорный сержант из Мурманска, балагур, кладезь анекдотов, всех смешивший. Было весело.

Я подружился с сержантом из роты разведки Валерой Захаровым, замечательным парнем — простым, добродушным, веселым, улыбочивым. Меня всегда тянуло именно к таким. В своем полку Валера прославился во время учений. С разведгруппой он незаметно проник на территорию условного «противника» и доставил «языка». При захвате полагали, что это очень ценный «язык» — как-никак генерал. Скрутили, кляп — в рот, и к своим с толстым бочонком в генеральском мундире. Когда кляп вынули, услышали отборнейший русский мат без каких-либо связок, а также угрозы в адрес разведчиков. Генерал оказался проверяющим. Но ребят все же отметили. Навыки Валеры как разведчика один раз я прочувствовал в реальной обстановке.

А дело было так. Поняв всю опасность получения звания офицера запаса, я решил во что бы то ни стало сборы не закончить. Способ подсказал один из участников сбора, который, перемахнув через забор, пошел в самоволку, но в Петрозаводске его задержал патруль, в результате он оказался на дивизионной губе. Об этом нам сообщили на следующий день с угрозой, что в таком случае нам сборы не будут зачтены.

Я понял, что в самоволку надо обязательно ходить. Подсознательно сформировалась программа. Во-первых, следует посмотреть Петрозаводск. Во-вторых, надо побывать в книжных магазинах, купить книги по истории. В-третьих, сплавать в Кижы — музей деревянного зодчества. В-четвертых, сходить в кино. Просто так попасть на губу и столь рано было нерационально. И в один из выходных я и еще один друг вместе с Валерой Захаровым направились в кинотеатр. Посмотрели с удовольствием какой-то фильм. А когда он закончился и мы с густой толпой направились к единственному выходу, который находился на нашей правой стороне, Валера тихо сказал:

— Слева — патруль! Быстрее на выход!

Трое патрульных с красными повязками нас заметили и стали также энергично пробираться в нашу сторону, но мешала плотная масса выходящих людей. Все происходило молча. Здесь решали минуты. Мы выбежали из кинотеатра первыми. Валера, как опытный разведчик, хладнокровно скомандовал:

— Слушай меня! Делай как я!

А дальше наша троица рванула вперед. Сзади слышался топот сапог. Они не отставали. Мелькали какие-то проулки, заборы, через которые мы перескакивали. Валера менял все время направление, ориентируясь на ходу: то налево, то направо, то назад. Наконец, перемахнув через очередную ограду, мы оказались в пустом дворе большого дома с аркой, с видом на улицу. Топота патруля сзади уже не было. Здесь Валера дал последнюю команду:

— Выходим спокойно! — и мы вышли на многолюдный проспект, мысленно перерезав финишную ленточку. Я взглянул на Захарова с восхищением и уважением. Вот это профессионал! Вот это наша военная разведка!

В конце октября — начале ноября в Петрозаводск пришли весточки из Москвы, сначала письмо от отца. Он сообщал, что мама сидит на больничном, у нее гипертония, бабушка лежала с сердечным приступом, но уже стала ходить, сестра Аля находится в роддоме и ждет ребенка. Дедушка и он сам «крепятся». Пятидесятилетний отец явно с гордостью писал, что он теперь работает в аппарате РСУ ХОЗУ заместителем главного инженера, но в Истре. Также сообщал, что из двухэтажных барачков, стоящих напротив дома, стали выселять в Тушино; будут строить дом, и теперь из окон не будет виден парк. Не менее важная новость: начали строить станцию метро «Щукинская».

Затем пришла открытка от мужа Али — Николая Стрельцова. Он извещал, что 28 октября у них родился сын Сергей, а я стал дядей, что меня все ждут дома.

Между тем в выходной я решил сплывать в Кижы. Никогда там не бывал. Составить компанию предложил одному младшему сержанту (может быть, и напрасно, откровенно провокационно). И тот запросто согласился. И мы направились на пристань. Шли по центру города, не скрываясь. Мне было уже все равно. На противоположной стороне одной из улиц опять появился патруль. Бежать было бессмысленно. Напарник мой было задержался, но я ему шепнул, чтобы он не обращал внимания. Патруль странным образом нас даже не окликнул, не остановил, и мы спокойно прошествовали дальше. Каково же было мое удивление, когда буквально через десяток метров слева на здании

появилась таблица «Штаб дивизии». Тут все и разъяснилось. У патруля не было сомнений, что у нас имеются увольнительные в город. Иначе какими же идиотами надо быть, чтобы, будучи в самоволке, проходить рядом со штабом?! Но мы-то не знали, что мы — идиоты!

Пришли на пристань, у которой на приколе стояли прогулочные катера и теплоходы. Оказалось, конец навигации на Онежском озере. До Кижей ничего не плывет. На обратном пути зашли в книжный магазин, где я купил прекрасный альбом с черно-белыми фотографиями о пригородных дворцах Ленинграда. Хоть не напрасно прогулялись.

Один раз вечером толпа будущих офицеров запаса собралась в клуб на танцы. Быть белой вороной не хотелось, и я увязался с этой компанией. Может быть, и патруль придет. Первый раз за много лет танцевал с девушками. Некоторые были даже симпатичные, ну и что из этого? Потом в казарме прошло обсуждение, кто с кем танцевал.

Затем произошло странное событие. У меня на ноге появилась натертость, которая стала кровоточить. В медсанчасти ее упорно смазывали, но ранка не заживала. Стало больно ходить. Тогда меня направили в госпиталь, где осмотрели ногу и определили, что это язва. Решили госпитализировать, с чем я с радостью согласился.

Чистая палата, нормальное питание, можно читать, можно дремать. На сборы офицеров уж точно не хотелось. Но язва не проходила, на удивление докторов. Думаю, это сработала защитная функция нервной системы. Правда, процедуры немного помогли и с хождением в сапогах я вполне стал справляться. Последнее обстоятельство очень ценилось в госпитале, так как в это время на его территории строились гаражи, а рабочих рук не хватало. Поправившихся врачи не горели желанием выписывать в положенный срок, а выздоровевшие и сами не горели желанием вернуться в свою часть. Интересы здесь с двух сторон совпадали. К этим интересам присоединился и мой интерес задержаться до окончания сборов запаса и не сдать экзамены. Надо было выиграть время, чтобы эти сборы мне не зачли.

Ежедневно после завтрака, надев телогрейки и полугрязные штаны, рабочая бригада выдвигалась на стройку. Я в качестве подсобного рабочего таскал тяжелые носилки с раствором или мусором. Ребята крановщики и такелажники занимались установкой плит, каменщики вели кирпичную кладку. Температура колебалась, иногда падая в минус. Но днем тепло, и стройка продолжалась. Временами выпадал снег, который таял.

Я отписал домой, что пока меня рано ждть, так как оказался в госпитале из-за ноги, но все уже зажило. Родители забеспокоились, прислали встревоженное письмо. Пришлось успокоить.

В госпитале было комфортно, но мысли об истории меня и здесь не покидали. Прочитал роман С. Д. Скляренко «Святослав». А однажды утром в выходной в субботу даже пришло вдохновение, уводящее мыслями в Москву. Его засвидетельствовал листок в клетку с пометкой: «Утро, 25 октября 1969». На нем записано мое стихотворение «Покровский собор»:

Златою малою главой
Покров-собор вознесся в облака,
Где в вышине царит покой.
За тридцать верст видна его глава.
А зодчий, сôздавший сей храм,
Когда работа близилась к концу,
Взобрался по строительным лесам
К главе собора и кресту.
Края земли, лесов, покой,
Внизу избушки мелкие, река
Петляла лентою кривой —
Предстало все пред взглядом старика.

Уж правда это или сон?
В Москве, вблизи Кремля-святыни
Сей чудо-храм воздвигнул он —
Он, зодчий Барма, сын России.

Вложил все силы, знанья и уменье,
Все мастерство и совершенство дара.
И засверкали грубые каменья
В прекрасных формах близ Пожара.

Его всегда одна мысль волновала,
Томила, мучила и жгла,
Чтоб ратная народа слава
Застыла в камне на века.

Народ изгнал татар-монголов,
Народ, штурмуя, взял Казань,
Чтоб никогда сыны монголов
Не смели жечь Москву, Рязань.

С годами мысль оделась в камень,
И взмыли в небо девять глав.
Они горят — народных сердец пламень
В них отразился и застыл в веках.

В самом конце ноября меня выписали, и я явился к начальнику сборов. Тот сообщил, что сборы прошли успешно, все демобилизованы еще в ноябре, направлены по домам. Начальник попросил военный билет, чтобы проставить в нем прохождение сборов, но я категорически отказался:

— Билет не дам, так как сборы не прошел, был в госпитале, о чем имеется справка. Не имеете права!

Мой ответ его удивил, но возразить он ничего не мог. Только спокойно сообщил, что в таком случае он не может оформить документ об окончании мною службы и мне придется возвращаться в свою часть, в Луостари, откуда меня в Петрозаводск и прислали. Такая концовка сборов меня даже обрадовала. В часть — так в часть. Надо же искупать свою глупость. Главное, я точно не офицер запаса, которого могут призвать на службу через короткий срок, в любой момент из-за нехватки кадров.

Я прибыл в роту связи и свалился как снег на голову старшине Мавсевичу. Он растерялся, так как все мои документы из Петрозаводска шли почтой, а меня надо было ставить на довольствие. Ребят моего призыва в роте не осталось, кроме Витьки Баранникова. Все были отправлены домой в ноябре. В полку задерживались лишь особо «отличившиеся» военнотружачие, находившиеся на особом счету у начальства. Таковых обычно отправляли на основании самого последнего распоряжения по Министерству обороны. Потому их в армии и звали «декабристами». Так 144 года спустя после декабрьского восстания в Петербурге я был незаслуженно причислен к декабристам. Ротный капитан Козырев не знал, что со мной делать: ставить на радиостанцию дежурить не получалось, так как все дежурства расписаны, если только в наряд, дневалить.

Наконец министр обороны маршал Гречко 4 декабря 1969 года издал приказ об увольнении всех, кто отслужил свой срок, чтобы никого в частях не осталось до Нового года. И вскоре мы с Баранниковым оказались темной заполярной ночью на станции в Печенге среди гудящей, как улей, толпы людей в морской и солдатской форме. Яркий прожектор во тьме освещал эту взбудораженную темную массу на белом снегу у поезда. Набились в вагон, как сельди в бочку. Ни о каких местах и речи быть не могло. Был занят весь проход. Возбужденный отъездом, я даже не стремился занять сидячее место, а стоял с другими у окна. Спать абсолютно не хотелось. Поезд тронулся. За стеклом медленно задвигался едва различимый во мраке заполярный пейзаж с чахлой растительностью и с укутанными снегом сопками.

Миновали станцию «Луостари» с огнями одиноких фонарей, отчетливо сиявших в чистейшем заполярном воздухе. За окнами зависла

ночная белесая тьма. На ум невольно пришли незатейливые слова армейской песни, сочиненной неизвестным поэтом Фокшано-Гданьского полка:

Прощай, комбат и физзарядка, туалет!
И не пойду я больше строем на обед.
Мне мама родная нальет стакан вина,
И на гражданке мне не нужен старшина.

А поезд мчится, колесики стучат.
В ночном тумане уплывает наша часть.
Вот скрылся плац за Генеральскою горой.
Мы отслужили, а теперь спешим домой!

За два года я точно понял, что армия не моя стихия. Не полюбил казарму с ее ядовито-зелеными стенами, марш, плац. Армейская грубость, где мат в качестве связки слов в предложении, мне претила. А эта форма? С какой радостью сброшу ее в Москве. Мне даже казалось, что, если форма прирастет к коже, то сдирать буду ее вместе с кожей. Но уж если придется воевать, я буду воевать за свою землю, как отец. И это были не пустые слова. В мирное же время военная служба не для меня.

— Пошли, я нашел в соседнем вагоне свободные места в купе, — появился Витька Баранников, отсутствие которого я не заметил. Как оказалось, его уже давно не было рядом. Я представил купейный вагон с чистыми простынями, на которых дрыхнет в столь поздний час чистое офицерство и гражданское население, представил, как разматываю свои пропитанные потом портянки...

— Знаешь, Витя, я, пожалуй, не пойду! Иди один. Я не хочу спать.

— Да ты что? — сильно удивился Баранников. — Так до Мурманска и будешь стоять?

Вместо ответа я кивнул. И мне действительно не хотелось спать в эту последнюю необыкновенную ночь, когда свершается то, чего с такой надеждой ждал все эти томительно бесконечные два года. Хотелось распрощаться с Заполярьем. Посекундно, поминутно поезд увозил меня в другую жизнь. Баранников ушел, а я так и простоял до Мурманска. На вокзале в военной кассе мы оформили билеты на московский поезд, теперь уже нормальный плацкарт.

После армии

Двое суток спустя поезд прибыл в Москву утром на Ленинградский вокзал. С Витькой мы распрощались. Он поехал на Курский, брать билеты до Орла.

С дембельским чемоданчиком я вышел на конечной остановке троллейбуса, на площади Курчатова. Шел по знакомой улице к дому и не мог поверить в реальность происходящего. Мне буквально казалось, что до дома не дойду, обязательно что-нибудь случится. Вот прямо сейчас с неба упадет кирпич на голову, на меня рухнет забор или еще что-нибудь произойдет. Но дошел до дома без приключений, взбежал на пятый этаж. Звонок в дверь... и тишина! Все на работе. А что ты еще ожидал? Простоял какое-то время, раздумывая, что делать. Позвонил соседу Николаю Васильевичу, оставил чемодан. Надо ехать к бабуле и дедуле. Хотел купить конфеты в ближайшем магазине, но их не оказалось. Дефицит. Поэтому за ними направился в центр Москвы в кондитерский на Пушкинскую. Там уж они точно будут продаваться. Да и хотелось почувствовать Москву. Почувствовал: выйдя из метро «Проспект Маркса», сходу наткнулся на военный патруль из трех человек.

— Почему не по форме одеты? — строго спросил офицер с красной повязкой.

— Как не по форме? — сильно удивился я; не хватало, чтобы замели в комендатуру из-за ерунды.

— Шапка не та, — пояснил он.

— Так это же заполярная!

После проверки документов меня отпустили. С красочной коробкой шоколадных конфет поехал в Ховрино, но с первого раза найти квартиру маминых родителей не смог. Дом номер 51 по улице Онежской точно их, а номер квартиры забыл. Два раза попадал не туда. Потом все же повезло. Встреча была радостной. Но первый вопрос, очевидно, мучавший бабулю два года, меня сразил:

— Ну, как? Много девок обманул?

От неожиданности я опешил. Что это: шутка или всерьез? Но, не дожидаясь ответа, она заключила утвердительно:

— Так им и надо!

В непривычно уютной обстановке с вкусным домашним обедом сиделся у стариков до вечера, рассказывал об армии. Когда вернулся домой, меня уже ждали. Родителям о моем приезде сообщил сосед, передав им чемодан. Дома! Наконец-то дома!!!

На удивление мамы в армии я не закурил — «Там же все курят!»

На следующий день отправился на Красную Пресню. Нас предупредили, что в военкомат надо прийти в военной форме, иначе завернут. Там предъявил документы, поставили на воинский учет. Все! Я свободен и смогу носить гражданскую одежду! Честно говоря, армейская форма, тяжелые сапоги мне надоели. В легких ботинках я просто летал.

Что дали мне два года службы в армии? Меня научили стрелять из автомата Калашникова, пистолета Макарова, бросать ручную гранату, работать на радиостанциях, обращаться с полевым телефонным аппаратом. Я привык, как говорилось в присяге, переносить трудности и тяготы армейской жизни, быть непривередливым в еде, не бояться любой работы, ценить мирную жизнь на гражданке, которой меня лишили, ценить сон и тепло, свободное время. В своих мечтах я представлял, что, когда вернусь в Москву, наемся до отвала, сяду на тахту, укутаюсь во все теплое, возьму в руки книжку и буду читать, читать, читать... В Заполярье я закалился, еще бы — выбегать утром на зарядку в мороз в гимнастерке, а после бани идти распаренным с непокрытой головой. Стал увереннее чувствовать себя в жизни. Даже с чувством некоторого превосходства смотрел теперь на тех, кто не служил в армии, гордясь этой службой.

Съездил к сестре Але, на свадьбе которой мне не удалось побывать. Она жила с мужем на улице Дурова. Познакомился с ее супругом Николаем Стрельцовым, открытым, отзывчивым парнем. Когда приехал, Аля готовилась купать сынишку Сережу. Она доверила его подержать мне. Мой племянник оказался веселым, жизнерадостным мальчуганом. Он любил купаться и при виде ванночки с водой стал радостно дрыгать ножками, да так, что я боялся его уронить, пока нес к воде. Даже позабавился. Я любил малышей.

Наступал 1970 год, на который возлагались большие надежды. Но сначала надо было месяц отдохнуть и привыкнуть к новой жизни без ежедневной команды «Рота, подъем!», без ночных дежурств на радиоузле, без нарядов. Обзвонил друзей и знакомых. Новый год встречал у школьного друга Володи Кислякова в компании его старшей сестры, ее мужа, еще одного моего школьного товарища Гены Севастьянова. Неожиданно пришла и Наташа Калугина. Все они учились уже на 3-м курсе МИФИ. Мы не виделись со времени окончания школы. Она мне и раньше очень нравилась (ощущал взаимность), о ней я думал в армии, но никаких планов на ближайшее будущее не строил, понимая, что в первую очередь надо поступить на истфак МГУ и учиться.

Когда я вошел, Наташа уютно сидела в кресле, поджав под себя ноги. Сердце предательски екнуло. За праздничным столом было весело, все рассказывали разные забавные истории. Я живописал армейские будни, поездку на уборку урожая, Витьку Баранникова. На вопрос о будущем сказал, что хочу быть археологом, учиться на историческом факультете Московского университета. И тут Наташа, повторив давние слова моей мамы, несколько осуждающе заметила:

— Володя, истории так мало получают!

Такого удара обухом по голове не ожидал. И от кого? Было чувство, что меня предали, хотя в общем-то она была реалистична и сказала правду. Но я никогда не думал о деньгах, даже не интересовался, сколько зарабатывают историки и археологи. Главное было работать по этой специальности. Другое не интересовало.

Потом я проводил Наташу домой, благо она жила неподалеку, на Живописной улице. Но слова, произнесенные ею, никак не выходили из головы. На ум приходило наставление Бухара опасаться девушек с карими глазами, они, мол, хитрые. В конечном итоге эта фраза о зарплате меня отрезвила. Я встретился с Наташей 8 Марта. Мы побродили по заснеженным переулкам нашего района. На прощанье я подарил ей фотоальбом «Кижичи», который мне самому нравился. В нем оставил ей посвящение, очередной свой «стиш», в котором обращался к ней как другу, веря в нашу долгую дружбу. Но были и иные слова:

Мне было грустно, когда ты
сачков-историков бранила.
Хочу, чтоб, прочитав стихи,
нас, бедных, все же пощадила.
Хочу, чтоб книга увела
Тебя душою в мир предальний
и сердце физика зажгла
любовью к старине печальной.

Далее не помню. Писал что-то о Карелии, о лесном крае. А заканчивалось незамысловатыми строками:

Здесь красота лесной природы,
резные маковки церквей
поют историю народа,
культуру давних-давних дней.

Больше я Наташе не звонил, как и она мне.

Весна 1970 года. В реставраторы

После армии, дабы заработать деньги, я снова начал работать радиомонтажником, но на закрытом предприятии, где в большом цеху паял разные блоки для военных. Возобновил посещение лекций по литературе и русскому языку для поступающих в МГУ. Но продолжил одновременно занятия по тем же предметам и у Зинаиды Ивановны Ряжской. Из ветхого деревянного дома рядом с метро «Парк культуры» она переехала в новостройку в район Сетуни. Частного преподавателя

английского языка мне рекомендовал Паша Митяев. Два раза в неделю ездил к молодой «англичанке», связанной с газетой «Moscow news». Занимался переводом листков с информационными сообщениями, разбирали грамматику. Преподавание для нее было дополнительным заработком, так как они с мужем и ребенком только что купили кооперативную квартиру. Мои пять рублей за занятие для них было существенным подспорьем.

Вскоре я удачно сменил место работы. На платных подготовительных курсах в МГУ по истории СССР познакомился с Сергеем Демидовым* моего года рождения. Он тоже демобилизовался, устроился в Научно-исследовательскую проектную мастерскую Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината (НИПМ ВПНРК), занимающуюся разработкой проектов восстановления памятников архитектуры.

— Нам нужны чертежники. У тебя как с черчением? — спросил Сергей.

— В школе было четыре и пять.

— Приходи!

Архитектуру я полюбил еще в школьные годы. Может быть, от отца-строителя что-то передалось. К этому времени я даже сделал из спичек макет деревянной Спасо-Преображенской церкви в Кижях. Для нее еще в армии во время ночного дежурства на радиоузле заготавливал из спичечных коробков лемех для покрытия глав.

В Андроников монастырь (название совпадало с моим отчеством — случайность?) я захватил макет Кижского храма — дать понять, что архитектура мне не чужда. Руководитель мастерской Лев Артурович Давид, взглянув на макет, только спросил: «Сколько вам платят на производстве?» Я назвал сумму. «Столько же и здесь будете получать».

Я попал в распоряжение двух Ольг — архитекторов Ольги Ивановны Осьмовой и Ольги Владимировны Череватой, чьи столы размещались на первом этаже перегороденного восьмерика Архангельской церкви монастыря. Первая Ольга занималась усадьбой Кузьминки, вторая — парком Лефортово и памятниками на Куликовом поле. Работа состояла в обмерах, копировании и составлении чертежей.

Неоднократно я выезжал в Кузьминки, где под руководством Ольги Ивановны Осьмовой делал зондажи на фасаде церкви Влахернской

---

* Ныне Сергей Васильевич Демидов известный архитектор-реставратор, руководитель Патриаршего архитектурно-реставрационного центра Троице-Сергиевой лавры, федеральный архитектор Министерства культуры РФ по Костромской области.

иконы Божьей Матери и ванного домика, вычерчивал рустовку этого домика.

Один из моих первых «подвигов» заключался в калькировании огромной, около 2×3 м, «синьки» (т.е. некачественной светокопии) плана Лефортовского парка. Ползая по кальке, вычерчивал контуры дорожек, прудов, строений и все без исключения мелкие деревца. Подписывавший эту кальку Лев Артурович возгласом оценил мой титанический труд. Следует отметить, что О.В. Череватой удалось получить данный план с трудом на короткое время после писем в разные инстанции. Парк относился к Московскому военному округу, примыкал к Екатерининскому дворцу — зданию Бронетанковой академии. Директором парка был полковник, которому эта должность крайне надоела. К тому же в парке часто случались всякие происшествия. Смеясь, он нам поведал, что однажды на командно-штабных учениях на вопрос руководителя: «Товарищ подполковник, куда будем наносить ядерный удар?», не задумываясь, ответил: «По парку МВО, товарищ генерал!»

В том же парке архитектор предприняла попытку найти остатки так называемой «кашкады» со стороны Екатерининского дворца. Выделенные мне двое солдат выкопали шурф у гаражей на глубину более двух метров, но ничего не нашли. Через много лет я побывал в отреставрированном Лефортовском парке. Стало понятно, что мы копали на месте засыпанного пруда. В Лефортово в небольших раскрытиях на газонах обнаруживались старые дорожки с покрытием из кирпичной крошки. Работа оказалась интересной.

Во время поездки на Куликово поле я познакомился с художником Семеном, которому предстояло разработать проект памятных знаков, обозначающих места расположения войск Дмитрия Донского. От него услышал восторженный рассказ о плавании на байдарке по Белому морю к Соловкам и по сооруженным монахами каналам Большого Соловецкого острова. Он восхищался необычной валунной крепостью, соборами, природой. Тогда у меня и появилась мечта побывать на Соловках. По истечении времени я прихожу к выводу, что, если человеком овладеет какая-то мечта, очень сильная мечта, то рано или поздно она сбудется.

Вступительные экзамены в МГУ

Мои усилия и одержимость не пропали даром. В августе 1970 года по четырем предметам я набрал 18 баллов, что было достаточно для производственника, поступил на дневное отделение исторического факультета МГУ. Конкурс был 20 человек на место. Однако эту радость

слегка на какое-то время омрачали воспоминания об экзамене по литературе и русскому языку. Литературу надо было сдавать усатому мужчине средних лет, разбор предложения — молодой женщине. Вопросы по литературе мне достались приемлемые, первый — о прозе Пушкина. Я стал готовиться, исписывая лист текстом. Одна моя предшественница лихо отвечала преподавателю, тараторя, как пулемет. Я даже ей позавидовал. Думал, пятак ей обеспечен. Но она вылетела с треском после комментария: «Этот учебник я выучил наизусть!» Экзаменатор явно требовал нетрадиционного подхода к ответу. Я начал с отрывка из «Евгения Онегина», о том, как поэт высказывает предположение, что со временем он может изменить своей лире и «унизиться до презренной прозы». Преподаватель перестал скучать и оживился. В его глазах я увидел одобрение. Это меня воодушевило, и я довольно бодро и со знанием повестей продолжил ответ. Не дослушав до конца, он остановил и попросил отвечать на второй вопрос, кажется, о Маяковском. И его он также выслушал с одобрением. Я понял, что могу получить пять. Оставался экзамен по русскому языку.

Я несколько не сомневался в том, что легко сделаю разбор предложения, поскольку «набил руку». С Зинаидой Ивановной мы разбирали такие громоздкие конструкции с подлежащими, сказуемыми, подчинением и сочинением, сложными причастными и деепричастными оборотами, что экзаменационный вопрос мне показался несложным. Однако женщина-экзаменатор отвергла ответ: «Вы ошиблись!» На мои возражения и обоснования своей правоты последовало без объяснения категоричное возражение: «Вы не знаете!» Я стал настаивать, но безрезультатно. И здесь к нашему столу подошел первый экзаменатор по литературе. Он явно наблюдал со стороны за нашим спором и решил вмешаться. «Мы с ним разберемся!» — сказал он и забрал листок с разбором предложения. Преподавательница успела ухватиться пальцами правой руки за нижний край листка: «Он не знает!» — начала она. «Мы разберемся!» — повторил мужчина и потянул листок на себя, но женщина сжала пальцами бумагу еще крепче: «Позвольте!» Тогда преподаватель резко дернул листок, в результате у его коллеги остался малый угловой клочок бумаги. Мужчина подвел меня к своему столу и попросил подождать.

После освобождения от очередного абитуриента он стал выслушивать мой ответ. Я снова стал пересказывать свой вариант структуры предложения, но взгляд его был отстраненным. Потом он сказал твердо: «Вы ошиблись. Четыре!» Мои возражения приняты не были. Он подал для ознакомления мое сочинение. В нем не оказалось ни одного исправления. Листы были чистые. В самом низу, под последней

строкой красными чернилами было выведено: «Тема раскрыта». Рядом почему-то стояла оценка 4. На апелляцию не пошел.

Двух пятерок по истории и языку оказалось достаточно для зачисления в студенты. Помню, долго не вывешивали списки зачисленных на истфак. Списки были составлены, но требовалась подпись декана. Не выдержал и пошел в приемную комиссию, объяснил ситуацию, что я работаю и мне нужно знать результат. Остаться в Москве или ехать в командировку. Девушка скрылась за ширмой, а вынырнув наружу, объявила о моем зачислении.

Я настолько устал за эти годы от попыток поступить в МГУ, что встретил это известие крайне спокойно, словно рядовое событие в моей жизни. Наверное, такое чувство должны испытывать альпинисты, которые наконец-то взобрались на вершину, покорив гору и легли на лед распластавшись. Они не кричат от счастья, потому что сил просто нет. Все силы до последней капли отданы заветной цели. Их просто не осталось для эмоций.

Выйдя из здания истфака, я, словно замороженный, прошелся по улице Горького, заглянул в Столешников переулок в небольшой магазинчик или киоск с изображением аиста и гроздей винограда. Там продавали в разлив молдавское вино. Выпив без особого энтузиазма полстакана сладкой желтоватой жидкости с небольшим количеством градусов, сделал небольшой крюк до Пушкинской площади и поехал домой. Так своеобразно отметил свое поступление в лучший вуз страны. Но душа после этого оттаяла только несколько дней спустя.

Моя «детская мечта» осуществилась. Временами я вспоминаю о крае рокового листка с разбором предложения, оставшемся в зажатых пальцах женщины, принимавшей экзамен по русскому языку и явно желавшей меня «завалить». По сути, мою археологическую судьбу решил этот ничтожный клочок бумаги весом всего в один грамм.

2018–2020 гг.

Вместо эпилога

Мои дорогие родители оказались все же не правы. Иногда детские мечты сбываются, делая человека счастливым. Это подтверждает вся моя последующая жизнь, наполненная буднями археологических экспедиций, раскопок, поисками исторических документов в архивах, их анализом, неожиданными, радостными открытиями. При этом, вопреки идеалистическим представлениям, наука оказалась не тихим храмом, а полем битвы, где порой на грани выживания самого ученого схлестываются в ожесточенной схватке разные идеи и концепции. И в итоге торжествует историческая правда. Смело могу сказать, что такая борьба идей, абсолютно вредная для здоровья, обогащает саму науку, научную жизнь, делает ее более яркой.

Не прав оказался и знакомый отца по работе, утверждавший, что я не смогу писать книги. Смог, и не одну. При этом они писались как-то сами собой. Возможно, этому способствовал образ жизни без сигарет и водки, а также упорство в достижении цели, унаследованное от предков-старообрядцев. Одна тема приходила на смену другой без напряжений. И мне не стыдно за свои научные труды и популярные студии, посвященные Великому Новгороду, древней Новгородской земле и Соловецкому монастырю. Все они публиковались только тогда, когда я считал их полностью законченными.

В своей первой книге «Лето в Новгороде. Из Варяг в Греки на байдарке» (1994) я рассказал о буднях Новгородской археологической экспедиции 1972 года и о походе с друзьями-однокурсниками Валерой Перхавко и Аликом Боганцевым в 1973 году на байдарке по участку исторического пути по рекам Каспле, Западной Двине, Усвяче, что было сделано в его истории и отечественной археологии впервые.

В популярной книге «А погост Жабна пуст...» (1994) повествуется об исследовании новгородской Жабенской волости, которая, как и Великий Новгород, делилась на концы, о поисках селищ, оставшихся

от исчезнувших деревень писцовых книг XV–XVII веков, о структуре расселения с начала 1-го тысячелетия нашей эры по XX век включительно. Наглядно стала видна вся многовековая, нескончаемая трагедия русской деревни начиная с эпохи Ивана Грозного.

В «Очерках истории и археологии средневекового Новгорода» (1994) был представлен иной взгляд на ряд важнейших проблем прошлого первой столицы Русского государства. Нет возможности их все здесь перечислить.

Учебное пособие для начальной школы «Древняя Новгородская земля. Введение в историю Отечества» (1998) в популярной форме доходчиво раскрывает жизнь столицы Новгородской республики, колыбели России, погружает юного читателя в средневековый мир новгородцев.

Затем были книги о Головленковой тюрьме Соловецкого монастыря (2000), раскопках городища Варварина Гора (2003) на Валдае, «История келейной застройки Соловецкого монастыря» (2011), «Государево богомолье — Соловецкий монастырь» (2013), «Крепость Соловецкого монастыря» (2020). Две книги посвящены изданию материалов архива известного архитектора-реставратора П. Д. Барановского о Соловецком монастыре и его раскопках Смоленской ротонды XII века. Хочется надеяться, что перечисленные работы еще сослужат службу тем, кто хочет погрузиться в гущу проблем истории, археологии, зодчества Древней Руси и узнать для себя новое.

Исходной точкой всех перечисленных работ были, конечно, занятия в археологическом кружке ГИМ, первые доклады, участие в качестве землекопа в раскопках стоянки Черная Гора под Рязанью. Повезло мне и в МГУ с замечательными преподавателями, моими Учителями — Валентином Лаврентьевичем Яниным и Даниилом Антоновичем Андусиным. Повезло и после с работой в реставрационном комбинате, наконец с аспирантурой и последующим устройством в Институте археологии Академии наук СССР — мечте любого археолога.

К сожалению, у других кружковцев, «птенцов гнезда» Ирины Константиновны Цветковой судьба сложилась не столь удачно. Моему другу Паше Митяеву вначале очень повезло. После окончания кафедры археологии МГУ в 1972 году у него была любимая работа до полной самоотдачи в Хорезмской археологической экспедиции Института этнографии Академии наук, прекрасный сплоченный коллектив друзей-единомышленников. Там же он обрел жену, которая родила ему дочку. Но в конце 1970-х годов произошла нелепая трагедия. Во время одной из встреч с друзьями в московской квартире он эксцентрично устроился на подоконнике у распахнутого окна. Что произошло дальше, никто

так и понял. Возможно, Павлу стало плохо. Он вывалился из окна спиной назад на глазах у всех, упал с высокого этажа. На его похоронах я не был, о них узнал через несколько дней случайно. Говорили, что мне звонили и сообщили о гибели Паши. Подозреваю, что трубку в мое отсутствие взяла мать, которая, видимо, пожалев меня, ничего не сообщила. Позже она неоднократно задавала вопрос: «А как Паша?» На него я коротко откровенно врал: «Нормально!» У меня бы не хватало сил рассказать жуткую горестную правду, которая бы меня и задушила.

Володя Стогов не стал даже пытаться поступать в МГУ, где был дикий конкурс. Он окончил истфак Педагогического института, долго работал в Государственном историческом музее, сопровождая летом экспедиции Цветковой. Но археологом он так и не стал. Потом Стогов перешел в Музей народов Востока, а в 1990-е с лихими комсомольцами организовывал какие-то выставки. Он постоянно ездил на раскопки от ГИМ, в частности на Куликово поле. Не женился. Собственно археология как наука Володю не привлекла. Для него была важна околоэкспедиционная жизнь с посиделками, песнями под гитару и винными возлияниями. Последнее преждевременно его и сгубило в начале 2000-х годов.

Связь со своими дворовыми и школьными ховринскими товарищами я потерял еще после переезда из Ховрино в начале 8-го класса. Но я их постоянно вспоминал, помнил их лица, словно расставание состоялось недавно. Воспоминания находились внутри меня, никуда не уходя, время от времени прокручиваясь в сознании. В моей памяти ребята так и остались вечно юными, бесконечно мне дорогими, наверное, потому, что целый период жизни в «Чикаго» был одним из самых счастливейших и беззаботных в моей жизни.

Из этого далекого социалистического ховринского детства почему-то перед глазами встает одна и та же картина. Раннее солнечное и слегка прохладное летнее утро. Мне пять лет. Я в рубашечке с короткими рукавами, в коротких штанишках на помочах, в сандаликах выхожу на высокое крыльцо нашего дома. Напротив через дорогу мама, совсем молодая, развешивает на веревках стираное белье. Увидев меня, она приветливо улыбается. А за домами уютного поселка стремительно несет свои воды наша речка Лихоборка, на берегу которой раскинулось поле, сплошь покрытое золотистыми головками одуванчиков, трепещущими на ветру. Как жаль, что это золотое поле и речку «Амазонку» помнят уже считанные люди. Их с каждым годом становится все меньше...

Об авторе

1970–1975 гг. Учеба на истфаке МГУ, кафедра археологии.

1975–1978 гг. Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат (ВПНРК) Министерства культуры СССР. Должность – архитектор.

1978–1981 гг. Очная аспирантура кафедры археологии истфака МГУ.

1982 г. Защита кандидатской диссертации «Социальная топография Новгорода XIV–XV вв. (по материалам Неревского раскопа 1951–1962 гг.)». Научный руководитель В.Л. Янин.

1982–1984 гг. Институт культуры Министерства культуры СССР. Должность – старший научный сотрудник.

С 1984 г. по настоящее время – Институт археологии Академии наук (ИА РАН). Старший научный сотрудник отдела славяно-русской археологии, затем отдела археологии Московской Руси. Научный редактор раздела статей журнала «Советская археология» (1984–1989 гг.); член научного совета по полевым исследованиям ИА РАН (2009–2012 гг.).

Экспедиционная деятельность: 1972–2016 гг. (Подмосковье, Тула, Волоколамск, Новгород, Новгородская земля, Соловки).

Автор более 200 научных публикаций.

Член Экспертного совета Фонда по сохранению и развитию Соловецкого архипелага (с 2018 г.).

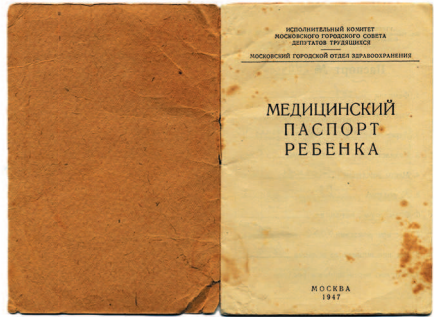
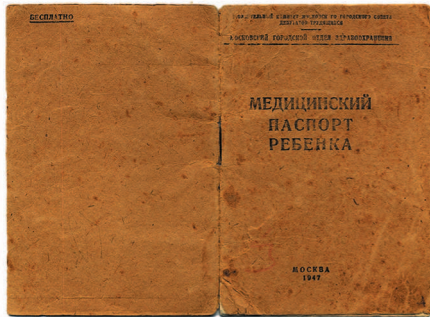
Премия Митрополита Макария за монографию «Государево богомолье – Соловецкий монастырь» (2015); Серебряная памятная медаль Макариевского Фонда «200 лет со дня рождения митрополита Макария (Булгакова)» (2016); Диплом Центра изучения истории фортификации за монографию «Крепость Соловецкого монастыря: История, зодчество, археология» (2021).

1. Это моя родина — Москва послевоенная, район Черкизово. Улица с двухэтажными домами. Брусчатка и асфальт на окраинах тогда были редкостью. Фото из интернета

2. Москва послевоенная. Район Черкизово, Страховская улица. Двухэтажный деревянный дом, очень похожий на дом, где жила моя мама Валентина с родителями — Глебом Борисовичем и Марией Митрофановной Червоненко. Только в их доме было иное размещение входа со двора и окон с торца. Фото из интернета

УТВЕРЖАЮ:
Зав. Московского
отдела здравоохранения

Дата выдачи паспорта 1/2 чис.,
октябрь мес. 1948 год

Каким учреждением выдан
Роддом № 26

Паспорт № 2404

1. Фамилия Бурда
Имя, отчество мальчик

2. Адрес Сергиевская Стрелковская ул.
дом № 14, 3

3. Родился 23/9 чис. сентября мес. 1948 год

4. Место рождения Москва-4

5. № роддома 26

6. Роды: норм., патологич.

7. Вес при рождении 4050 рост. 52

8. Вес при выписке из роддома 4030

9. Болезни, перенесенные в роддоме

10. Сведения о семье

	Год рождения	Состояние здоровья	Профессия	С образованием
Мать				
Отец				
Другие дети				

Исполнительный врач Т. В. Гусев
М. П.

15. Предварительные прививки
а) Иммунитет

Возраст	Дата	Наименование прививки	Доза	Наименование учреждения	Подпись врача
1	23.09.48	ВСК	3	Роддом № 26	[Signature]

Прививки (объемы, р.)
I
II
III

16. Наименование детских заболеваний

Возраст	Дата	Наименование болезни	Доза	Наименование учреждения	Подпись врача
		Корь			
		Дифтерия			

17. Туберкулезные пробы

Возраст	Дата	Наименование пробы	Результат	Наименование учреждения	Подпись врача
		р. Манту			
		р. Манди			

РОДИТЕЛИ!

Храните эту книжку. Она облегчит Вам и врачу наблюдение за состоянием здоровья и правильным развитием Вашего ребенка.

При посещениях ребенка консультации, поликлиники, детской поликлиники, больницы и др. детских учреждений — предъявите эту книжку.

Регулярно посещайте детскую консультацию. Здесь вы получите все необходимые указания, как вырастить здорового, крепкого ребенка.

Правильное грудное вскармливание — основа здоровья ребенка. До 5-6 месяцев кормите ребенка только грудным молоком, по часам, согласно указанной схеме.

Не отлучайте ребенка от груди до года. На отлучение ребенка летом от груди, дайте ему ребенку испитый год.

Бережливое отношение к ребенку на свежем воздухе в течение всего года. Это укрепляет ребенка и предохраняет его от многих болезней.

Берегите ребенка от заразных болезней. По указанной карте давайте ребенку своевременно профилактические прививки.

Вып. 1000.
Изд. МОЗ РСФСР, г. Москва, М.

3. Рожденный 23 сентября 1948 года в Союзе Советских Социалистических Республик. Москва, роддом № 26. Медицинский паспорт ребенка от Московского городского отдела здравоохранения — свидетельство о рождении москвича первого поколения, гражданина СССР. Вместо имени было записано «мальчик», так как родители в тот момент имени не придумали

4. Мальчику Вове 3 месяца и 10 дней. Первый в жизни фотопортрет в радостный новогодний праздник. 2 января 1949 года. Москва, Черкизово, Страховская ул., дом 5, кв. 3

5. Первый общесемейный фотопортрет Буровых на фоне нарядной новогодней елки с многочисленными игрушками. Слева направо: папа Андрон, дочка Аля, мама Валя, сын Вова. 2 января 1949 года

6. Родители отца — Андрей Иванович и Марфа Буровы — крестьяне-старообрядцы подмосковной деревни Радованье Куровского района. Без даты

7. Деревня Радованье, 1974 год. Снимок перед родительским домом. Сестры отца и родственники. Слева направо: Матрена Андреевна, двое внуков Анфисы Андреевны, Анфиса Андреевна, Васюша (Василиса Андреевна), Виктор Гурский с женой Дарьей Андреевной, Виталий — зять Анфисы, физик-ядерщик, сотрудник Института атомной энергии им. Курчатова, лауреат Государственной премии. На заднем плане дубы, посаженные Андреем Ивановичем Буровым в год женитьбы

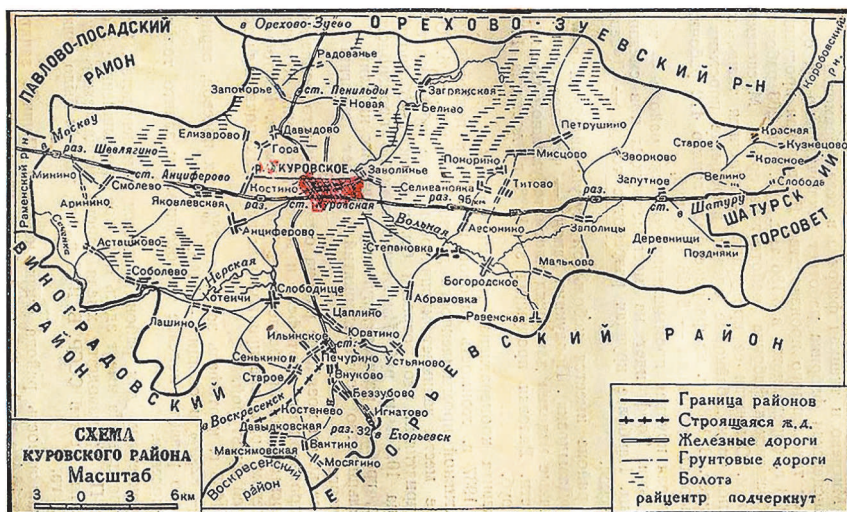

8. Деревня Радованье — родина отца в центре поля и в окружении болот и лесов. Карта Подмосковья Шуберта, 1860 год

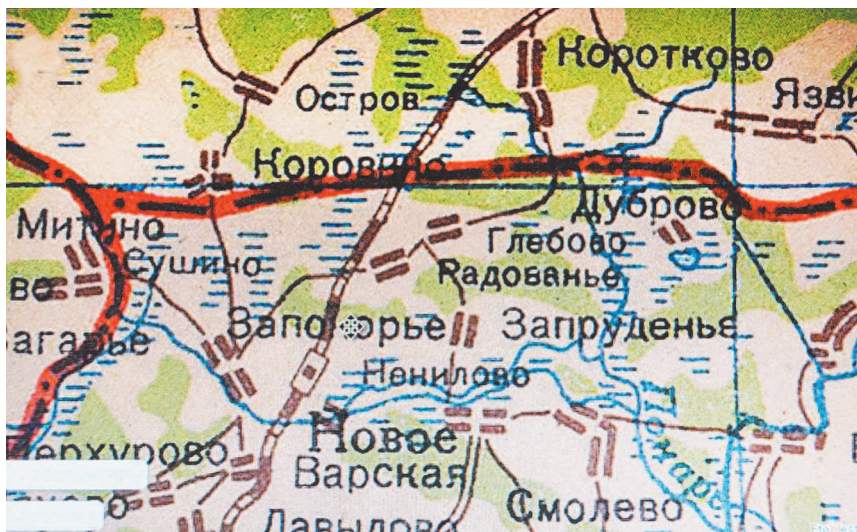

9. Гуслицы — куст старообрядческих поселений на востоке Подмосковья. Фото из интернета

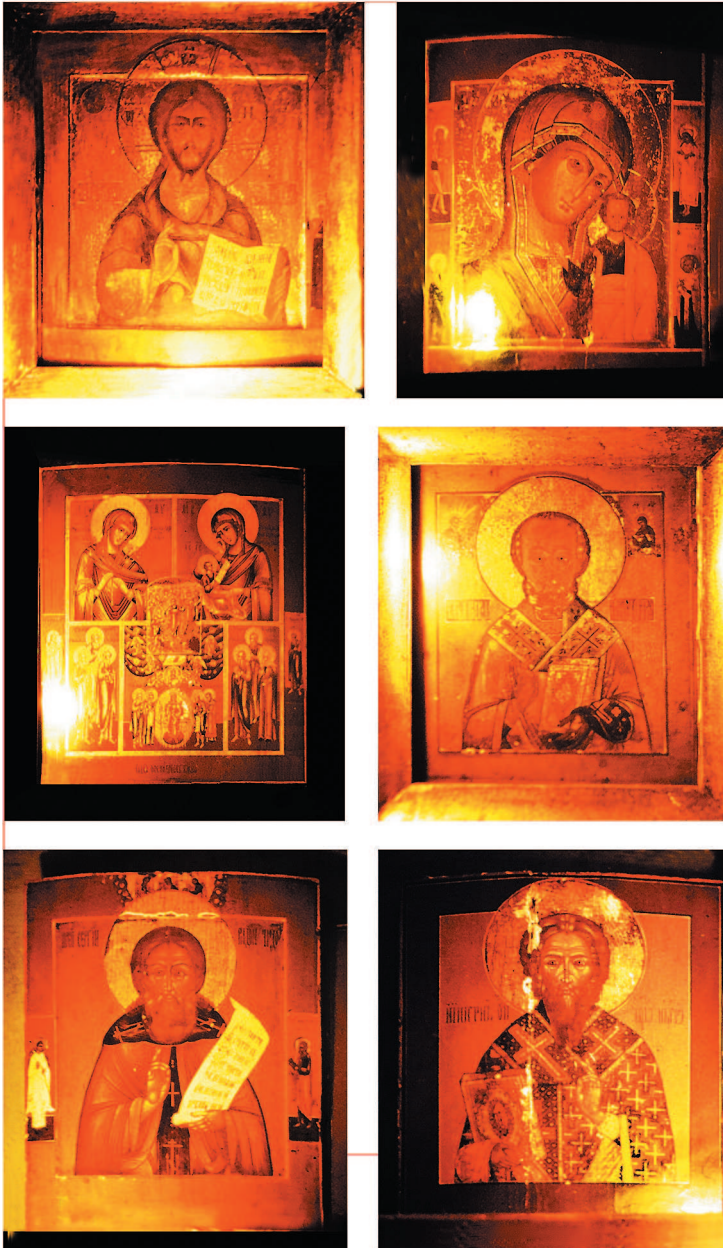

10. Схема Куровского района, образованного в 1929 году. Деревня Радованье располагалась на его севере у границы с Орехово-Зуевским районом.
Фото из интернета

11. Фрагмент карты Подмосковья 1939 года. Деревня Радованье — в северной части Куровского района. К этому времени вблизи Радованья прошла железная дорога Большого кольца Московской железной дороги. Фото из интернета

12. Некоторые старообрядческие иконы в доме Буровых в деревне Радованье. Фото В.А. Бурова, середина 1970-х годов. У каждого члена семьи была своя икона. На полях изображали святых — небесных покровителей. Все до одной иконы (около 20 шт.) были украдены в бандитские 1990-е годы; будьте вы прокляты, нелюди!

Простари все

отран, соблнчтост!

С. С. С. Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

СВИДЕТЕЛЬСТВО

ЭЛЕКТРО-МЕХАНИЧЕСКАЯ школа Учебного Отряда КБФ
настоящим свидетельствует, что Сгуров

Андрон Андреевич

окончил полный теоретический курс школы в объеме
рядового котельного машиниста
и выпущен по первому разряду, выполнив все требования,
предъявленные программами по нижеследующим предметам:

Специальные предметы	1.	<u>физика</u>	•	<u>отлично</u>	•
	2.	<u>пар-котл.</u>	•	<u>отлично</u>	•
	3.	<u>вспом-мех.</u>	•	<u>отлично</u>	•
	4.	<u>мастерские</u>	•	<u>хорошо</u>	•
	5.	<u>кабинеты</u>	•	<u>отлично</u>	•
		Политические предметы	•	<u>отлично</u>	•
		Русский язык	•	<u>хорошо</u>	•
		Математика	•	<u>отлично</u>	•
		Строевая подготовка и уставы	•	<u>отлично</u>	•
		Стрелковое дело	•	<u>отлично</u>	•
		В-Морское дело	•	<u>отлично</u>	•
		Дисциплина	•	<u>отлично</u>	•

Вышеизложенное подписано с подлинными документами, копии удостоверены

Основание: Акт Комиссии № 4 от 3/IX 1938 г.
утвержденный Командиром Учебного Отряда КБФ.

Начальник школы

Военком школы

Прм. И.на. по учебно-строевой части

З. Сентафра 1938 г.

№ 481
гор. Кронштадт.

Типография Соединения - Г-250838

13. Свидетельство об окончании отцом электромеханической школы Учебного отряда Красно-Балтийского флота в Кронштадте в первый год призыва в армию. Присвоена квалификация рядового котельного машиниста. 3 сентября 1938 года

14. Краснофлотец Андрон Буров (слева) и его друг Миша Хмаров. 1939 год. Фотография, присланная домой родителям из Кронштадта. На бескозырках надпись: «КРАСНОЗНАМЕННЫЙ БАЛТФЛОТ»

*15. Братья Андрон (справа) и Аника Буровы. 12 января 1940 года.
До начала войны оставалось полтора года*

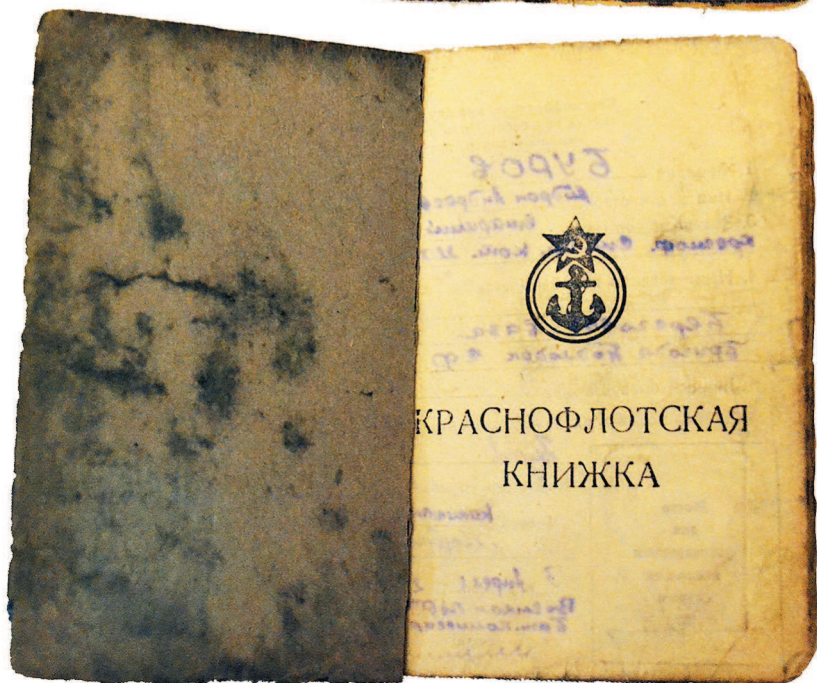
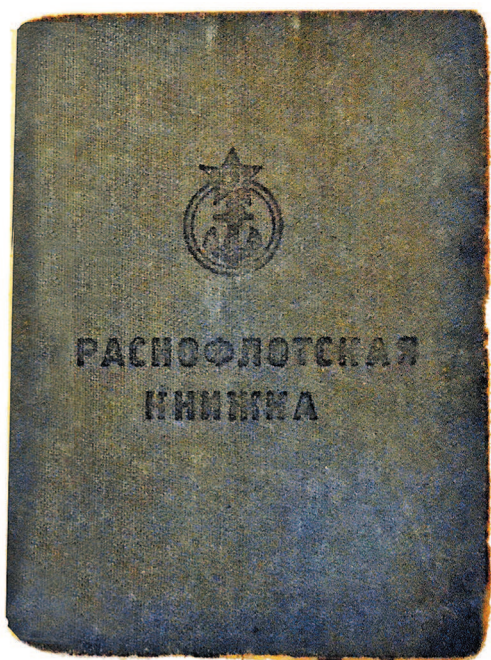
*16. Братья Андрон (справа) и Панфил Буровы. 16 июня 1941 года.
За 6 дней до войны*

17. Андрон Буров (справа) с другом по службе Саней. 21 февраля 1942 года

18. Краснофлотская книжка старшего краснофлотца, теперь уже старшего специалиста котельного машиниста Бурова Андрона Андреевича: 1 — обложка и титульный лист. Выдана в апреле 1942 года во время нахождения на Береговой базе бригады подводных лодок Северного флота [в Полярном]

Краснофлотскую книжку иметь всегда при себе. Не имеющих книжек — задерживать

1. Фамилия Буров

2. Имя и отчество Андрон Андреевич

3. Звание и должность Старший красноф. Ст. Ст. Кот. Машин

4. Наименование корабля (части) Береговая база Бригада Подлодок 89

5. Личный боевой номер _____

Личная подпись владельца книжки Буров

Командир корабля (части) Капитан 1-го ранга Мокруш

3. Апрель 1942 г.
Востком 01877
Бат. Коллегар
(Место печати)

I. Общие сведения

1. Номер военно-учетной специальности 69

2. Грамотность и общее образование (если окончил техникум, рабфак или ВУЗ, то указать его название) 5 классов

3. Национальность Русский

4. Год рождения 1917

5. Год призыва (указать также — нормальный или досрочный призыв) 1938
Апрель

6. Каким военкоматом призван г. Москва Гражданский РК

7. Специальность до призыва токарь

8. Место рождения и постоянного жительства. Домашний адрес, фамилия, имя и отчество жены или родителей Москва, Обл. Куровской Р-н, дер. Подольские, дом №34
Буров Андрей Иванович

9. Группа крови по Янскому _____

2/ 13077

Примечание. Общие сведения записываются на корабле (части). Сведения о групповой принадлежности крови вносятся санитарной частью.

4

II. Прохождение службы

Наименование корабля (части, подразделения) занимаемая должность и звание	Месяц и число	№ и год призыва	Расписка командира корабля (части)
<u>Ст. Ст. Кот. Маш.</u>	<u>11 / 3</u>	<u>1942 / 015</u>	<u>Мокруш</u>

5

IV. Вещевое			имущество			
Наименование вещей	Количество		ВРЕМЯ			
	Выдано	Сдано	Выдачи		Сдачи	
			Год	Месяц и число	Год	Месяц и число
И. Белье						
Рубахи нательные хлопчатобумажные трикотажные (тельняжки)	3					
Кальсоны						
Трусы темносиние . . . . . <i>Резинки с Вязкой</i>	1					
Полотенца х/бум.	2					
Платки носовые	3					
Портянки летние	2					
Носки х/бум.	1					

IV. Вещевое			имущество			
Наименование вещей	Количество		ВРЕМЯ			
	Выдано	Сдано	Выдачи		Сдачи	
			Год	Месяц и число	Год	Месяц и число
III. Обувь						
Сапоги яловые						
Ботинки яловые или хромовые	1 шт					
Стельки вкладные войлочные к кожаной обуви	1 шт					
IV. Теплые вещи						
Шапка—ушанка	1					
Наушники полушерстяные						
Галстук х/бум.	1					
Рубаха теплая	1					
Кальсоны теплое	1					

IV. Вещество						
Наименование вещей	Количество		ВРЕМЯ			
			Выдачи		Сдачи	
	Выдано	Сдан	Год	Месяц и число	Год	Месяц и число
Перчатки зимние . . .	1					
Варежки теплые . . .						
Носки полушерстяные	1					
Портянки теплые . . .						
Свитер полушерстяной	1					
Шаровары ватные . .						
Валенки						
Полушубки						
Подшвы войлочные и валенкам						
Подшлемник полушерстяной						

IV. Вещество						
Наименование вещей	Количество		ВРЕМЯ			
			Выдачи		Сдачи	
	Выдано	Сдан	Год	Месяц и число	Год	Месяц и число
V. Постельные принадлежности.						
Наволочки подушечные верхние	3					
Наволочки подушечные нижние	1					
Простыни	3					
Одеяло байковое . . .	1					
Наволочка тюфячная .	1					
<i>Занавески</i>	2					
<i>Сидушки</i>	1					
<i>Полотенца</i>	1					
<i>Подушечки</i>	2					

Описание подвига или заслуг

Тов. Буров находится на Береговой базе с первых дней Отечественной войны в должности котельного машиниста, за весь этот период он отдавал все свои силы и знания на лучшее обеспечение подводных лодок дистиллированной водой. Существующий в котельной дистиллятор по своей производительности не мог обеспечить потребное количество дистиллированной воды подводными лодками. С целью получения большего количества воды и экономии топлива тов. Буров предложил весьма оригинальный способ получения дистиллированной воды и в большом количестве. Он предложил использовать конденсат отработанного пара отопительного бойлера. Технический анализ полученной дистиллированной воды таким образом дал отличный результат. Реализуя предложение тов. Бузова получили возможность ежедневно получать дистиллированную воду в количестве 15 тонн. Это мероприятие дало также большую экономию топлива, сэкономившее в 147 тонн. По инициативе тов. Бузова был установлен специальный бак на 4 тонны для предварительного подогрева воды питающей котель, что так же сократило ежедневный расход топлива от 600-700 кг. Вся рационализаторская работа тов. Бузова была направлена на лучшее и быстрее обеспечение подводных лодок и экономии дорогостоящего топлива. Всей своей работой тов. Буров способствовал боевым успехам нашей бригады.

19. Представление к медали «За боевые заслуги» котельного машиниста 3-го класса Береговой службы Базы подводных лодок Северного флота А. А. Бузова. 30 мая 1945 года. Документ хранится в Военно-историческом архиве Министерства обороны (г. Подольск). Медаль №2804008

За оборону Советского Заполярья

За победу над Германией в Великой Отечественной войне
1941 - 1945 гг

20 лет Победы

30 лет Победы

40 лет Победы

50 лет Победы

50 лет Вооруженным силам СССР

60 лет Вооруженным силам СССР

70 лет Вооруженным силам СССР

25 лет Победы

Орден Победы. 1985 г.

Ветеран Краснознаменного Северного флота

Ветеран труда

Отличник Министерства Строительства СССР

21. Юбилейные и трудовые награды Бурова Андрона Андреевича

ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ!

В №024349.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

ЗА УЧАСТИЕ В ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЕ

СОВЕТСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ

*Ст. красноармейца Буров
Андрон Андреевич*

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР от 5 декабря 1944 года

НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ

**„ЗА ОБОРОНУ
СОВЕТСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ“**

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР МЕДАЛЬ „ЗА ОБОРОНУ
СОВЕТСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ“ ВРУЧЕНА
30 апреля 1945 года.

*Командир батальона
Инженерный корпус
Высок В. В. Виль*
М. П. *30 апреля 1945 г.*

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг.“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗА УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

*Старший красноармеец
Буров*

Андрон Андреевич

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР от 9 мая 1945 года

НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ

**„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“**

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР МЕДАЛЬ ВРУЧЕНА
04 мая 1945 г.

*Командир батальона
Инженерный корпус
Высок В. В. Виль*
М. П. *04 мая 1945 г.*
врученного медали)

22. Удостоверения к медалям за участие в Великой Отечественной войне Бурова Андрона Андреевича

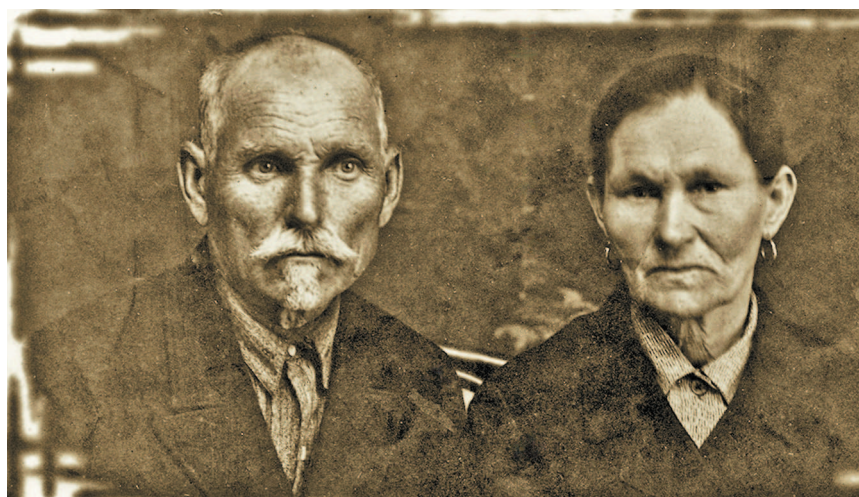

23. Андрон Андреевич Буров на строительстве пятиэтажного дома по адресу Москва, 2-й Щукинский проезд, д. 2 (ныне ул. Маршала Новикова), там, где мы жили с ноября 1962 г., и в домашней обстановке в Ховрино. Начало 1960-х годов

24. Село Владимировка на реке Ахтуба к юго-востоку от Парицына — родина мамы. Фрагмент карты 1913 года

25. Прадед и прабабушка по материнской линии — Панжевы Митрофан Андреевич и его жена Параскева Спиридоновна. Митрофан — купец астраханский, родом из крестьян, имевший в селе Владимировка на реке Ахтуба каменный двухэтажный дом, магазины и коммивояжеров. После 1917 г. отдал все магазины советской власти. Остался директором в одном из них. Был принципиальным, честным человеком, давал в долг

28. Мария Митрофановна Панжева (крайняя слева) с сестрами Анной, Антониной и подругой. 17 января 1929 года (дата подписана карандашом)

29. Мария Митрофановна Панжева (вторая слева — в самом центре) с сестрами Анной, Антониной и подругой. Снимок 5 декабря 1937 года. Астрахань (дата подписана карандашом на обороте)

30. Родители мамы — Мария Митрофановна и Глеб Борисович Червоненко.
Фото 1927 года и 17 января 1929 года (даты подписаны карандашом
на обороте)

31. Родители мамы — Мария Митрофановна и Глеб Борисович Червоненко.
Без даты

В Ы П И С Ь

из хранящейся в Архивном Отделении Царицынского
 Губернского Подотдела Записей, Актов Гражданского
 состояния, Метрической книги *Михаило-Архангельской*
 церкви *слободы Владимировки*
 за тысяча *восемьсот девятнадцать*
лет 1895 год
 часть 1-я, о родившихся.

1.	№ статьи по метрической книге	№ <i>101</i>
2.	Время рождения (месяц и число)	<i>31го августа</i>
3.	Имя, и фамилия родившегося	<i>Глеб Борисович Червоненко</i>
4.	Звание, имена, отчества и фамилии родителей	<i>Крестьяне Борис Стефанович и Александра Емельяновна Червоненко</i>

32-1. Выписка из метрической книги Михаило-Архангельской церкви слободы Владимировка о рождении моего деда, Глеба Борисовича Червоненко 31 августа 1895 года по старому стилю. Лицевая сторона документа от 18 января 1926 года. Указаны его родители, мои прадед и прабабушка — крестьяне Борис Стефанович и Александра Емельяновна Червоненко. Можно предположить, что справка понадобилась Глебу для подтверждения своего крестьянского происхождения перед органами советской власти

5. Имена, отчества и фамилии свидетелей (восприемников)	Петр Алекс. еевич Циру- лин и Анастасия Стефановна Червоненко
6. Особые примечания	—
Выпись эта с записью в книге верна и выдана гражданину <i>Глебу Борисовичу Червоненко</i>	
г. <i>Петропавловка Владимировск. вол.</i> 1926 года <i>18</i> / <i>1</i> дня	
<p><i>Глебович</i> <i>село Петропавловка</i></p> <p>Заведующий Архивным Отделением</p> <p>Архивариус</p> <p><i>С. С. С.</i></p> <p>13-59-20</p>	

32-2. Обратная сторона документа. Вместо термина «восприемники» (т. е. крестные) указаны «свидетели» по советской терминологии — тетя Глеба Анастасия Стефановна Червоненко и Петр Алексеевич Цирулин. Названо место проживания Глеба Борисовича Червоненко на 18 января 1926 года — село Петропавловка Владимировской волости. В прямоугольном штампе проставлено последующее время выдачи паспорта, 1933 год

Свидѣтельство.

Ученикъ Владимировскаго двухъ класснаго сельскаго М. Н. П. училища *Червоненко Глебомъ Борисовичемъ, сына крестьянина слободы Владимировки Царевскаго уезда, Астраханской губернии, родившійся 1895 года, августа 31го дня, православнаго вероисповѣданія,*
 поступившій въ училище *14 сентября* года 1910 г.
 на испытаніи при окончаніи курса училища оказалъ успѣхи:

У сего

по Закону Божію	5
„ русскому и славянскимъ языкамъ	4
„ ариѳметикѣ и геометріи	4
„ исторіи	5
„ географіи	4
„ естествознанію	4
„ черченію	4
„ чистописанію и рисованію	4

А потому и выдано ему это СВИДѢТЕЛЬСТВО съ правомъ на льготу, установленную пунктомъ 3 ст. 56 Устава о воинск. повин.

Сентября 14го дня 1910 г.

Почетный Блюститель

*Завѣдывающій училищемъ в. Копыловъ
 Законодатель Александръ Я. Александровъ*

Преподаватель:

Н. Александровъ

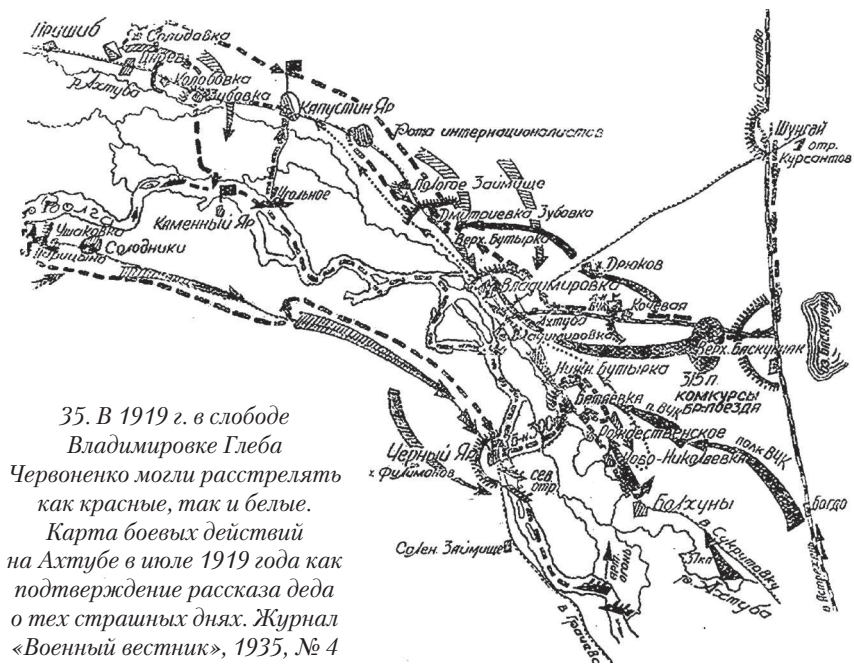
у сего

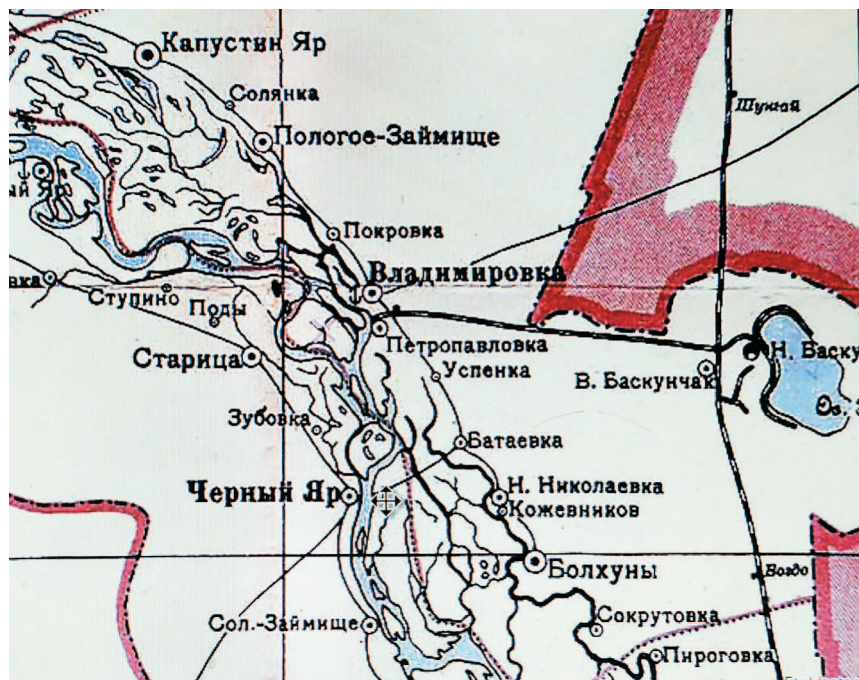
33. Свидетельство об окончании двухклассного (с пятилетним сроком обучения) сельского училища Глебом Борисовичем Червоненко в слободе Владимировка Царевского уезда Астраханской губернии. От 14 сентября 1910 года

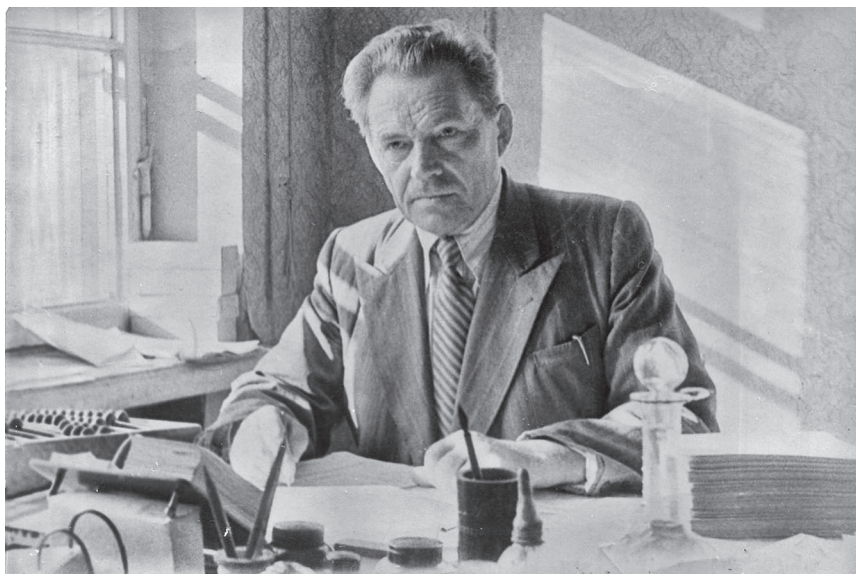

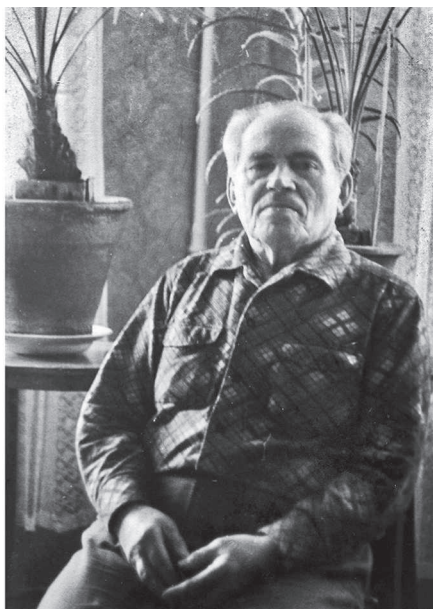
35. В 1919 г. в слободе Владимировке Глеба Червоненко могли расстрелять как красные, так и белые.
Карта боевых действий на Ахтубе в шеле 1919 года как подтверждение рассказа деда о тех страшных днях. Журнал «Военный вестник», 1935, № 4

36. Слобода Владимировка и село Петропавловка в низовьях Волги на реке Ахтуба по сторонам железнодорожной ветки. Фрагмент карты 1931 года

37. Бухгалтер Глеб Борисович Червоненко в рабочем кабинете филиала завода 311 ННФС (Москва). Слева у окна счёты — главный инструмент бухгалтеров того времени. 7 октября 1956 года

38. Глеб Борисович Червоненко. Фото разных лет. 1950-е годы и май 1967 года

39. Бабушка Мария Митрофановна до донца жизни оставалась домохозяйкой. Из-за социального происхождения ее нигде не принимали на работу. Май 1967 года. Ховрино. Москва. Рядом портрет бабушки без даты

1924 г. Село Владимировка

1928 г. Астрахань

40. Мама — Валентина Червоненко в 3 года и в 7 лет вместе со старшей сестрой Галей

41. Родные сестры: Валентина (справа) и Галя Червоненко. Август 1938 года

42. Галя Червоненко, мамина родная сестра. 22 января 1941 года, 21 год. Участник войны, санитарка. Умерла в 1943 году от рака крови

1939 г. Сокольники

3 ноября 1940 г.

1942 г.

11 сентября 1940 г.

43. Валентина Глебовна Червоненко. Снимки разных лет. Работница Московского электролампового завода (МЭЛЗ), откатчица-электровакуумщица. Либералы, не врите, что при социализме женщины были плохо одеты и не следили за собой

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

Отдел Актов Гражданского Состояния

Паспорт выдан 2 августа 1944 г.
30 лет м.п. в Москве

РСФСР

ЮРКИНСКИЙ

Сельский Совет
депутатов трудящихся
Орехово-Зуевского района,
Московской области

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

№ 6

23 июля 1944 г.

№

Гр. Буров
(фамилия)

Андрей
(имя)

Андреевич
(отчество)

ср-ка Червоненко
(фамилия)

Валентина
(имя)

Тимофеевна
(отчество)

вступили в брак, о чем в книге записей актов гражданского состояния

о браке Бурова Тимофеевны 23 июля однажды
девятнадцатого сентября 1944 года
(прописью и цифрами год, число и месяц)
произведена соответствующая запись

Буров
(он)

(фамилия после заключения брака)

Бурова
(она)

бюро ЗАГС

Handwritten signature

Делопроизводитель

Handwritten signature

44. Ветхая бумага — свидетельство о браке А. А. Бурова и В. Г. Червоненко от 23 июля 1944 года. Регистрация в Юркинском сельском совете депутатов трудящихся Орехово-Зуевского района Московской области прошла формально без присутствия жениха и невесты. Брат отца Панфил отнес их паспорта в сельсовет и получил этот документ

Без даты

1944 г. Свадебное фото

45. Андрон Буров во время побывок в Москве и Валентина Червоненко.
На ленте бескозырки надпись: «ПОДВОДНЫЕ СИЛЫ»

46. Москва, завод 632, лаборатория газоразрядных ламп.
Руководитель С. В. Борисов с сотрудницами. Валентина Бурова в среднем ряду
вторая слева. 1945 год. Сотрудники-мужчины еще не вернулись с фронта

47. Русско-еврейская свадьба подруги мамы Тоси родом из Рязани с Изей Ямпольским. Валентина в первом ряду вторая слева. Антонина — за ней, она положила руку на плечо мамы. Андрон стоит отдельно в самом верху, в центре. 2 января 1949 года. На основании совпадения дат догадываюсь, что в тот же день тот же фотограф сделал домашние снимки нашей семьи

48. Валентина Глебовна Бурова, откачница-электовакуумщица. Официальное фото с заводской доски почета. Без даты. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

49. Светотехнический завод в Ховрино, на который мама перешла, так как ей отказали в полагающейся ранней пенсии за вредное производство, хотя она десятилетиями работала со ртутью. 1968 – начало 1969 года

Начало 1960-х годов

Середина 1970-х годов

50. Андрон Андреевич и Валентина Глебовна Буровы дома

Вова Буров, без даты

Аля Бурова, 2 января 1949 г.

Вова и Аля Буровы, Хоста, 1951 г.

Валентина и Андрон Буровы.
Хоста, октябрь

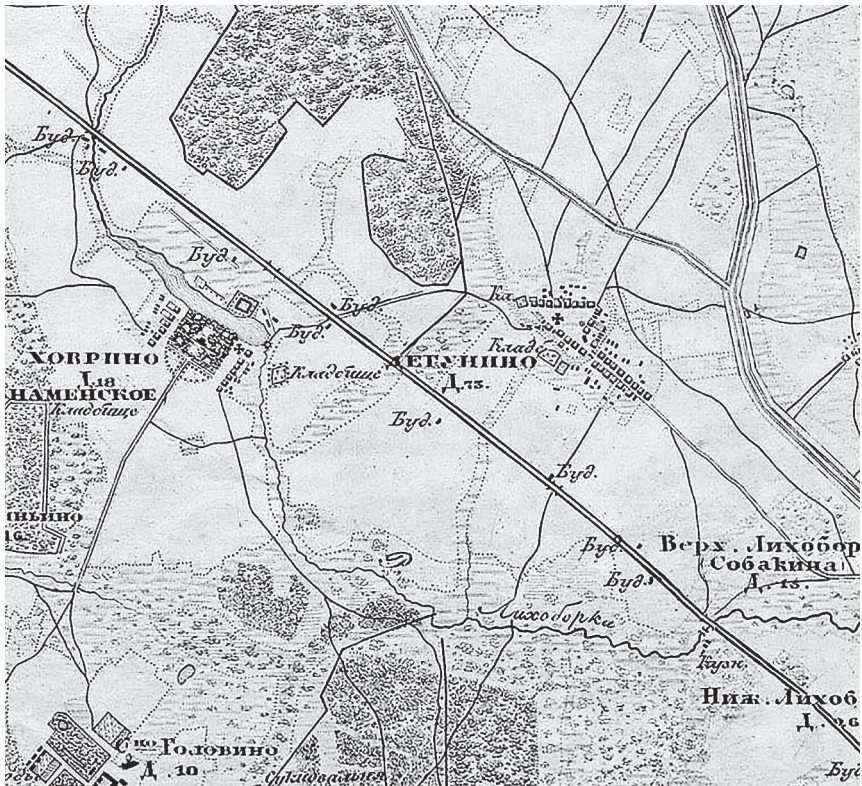

52. Открытка, отправленная мамой родителям из Хосты. На обороте надпись карандашом: «А Вовик целый час спрашивал, а почему мальчик без штанишек и льет водичку». 1951 год

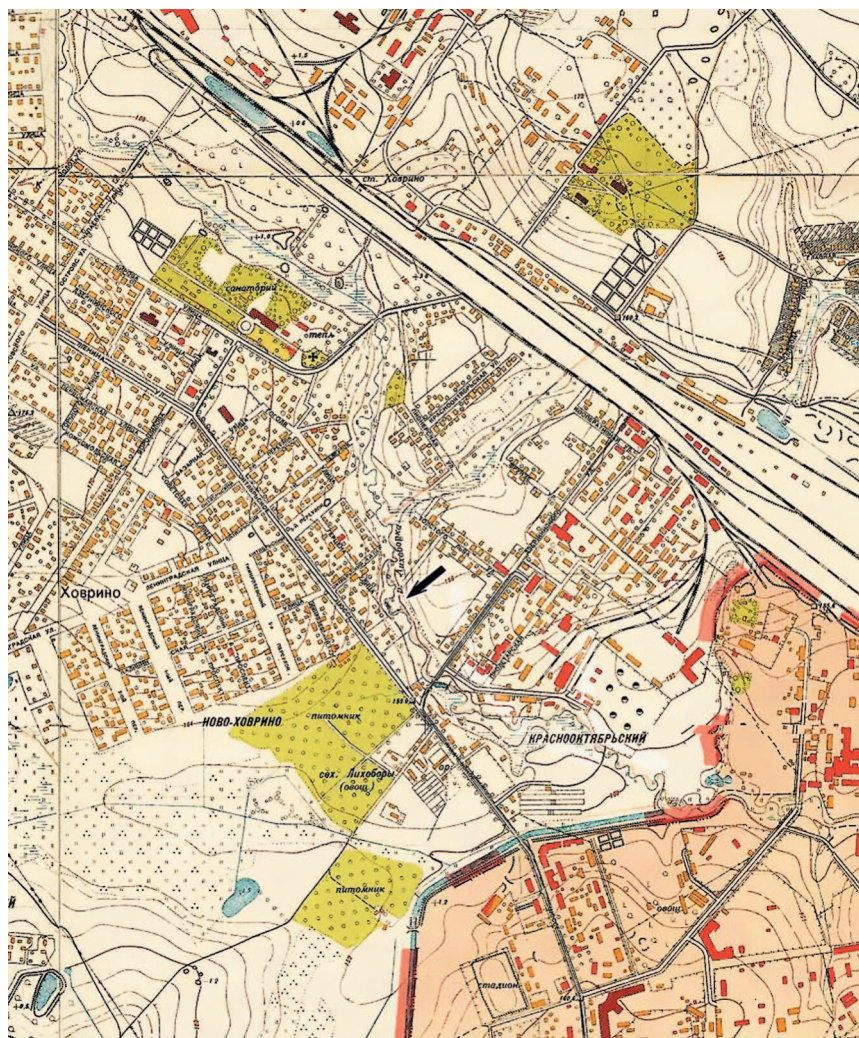

53. Усадьба Ховрино на дороге из сельца Головино в Химки к востоку от трассы Москва — Петербург на карте 1849 года. Спустя 85 лет на месте речки Химка возведут Химкинское водохранилище с речным вокзалом. Москва станет портом пяти морей

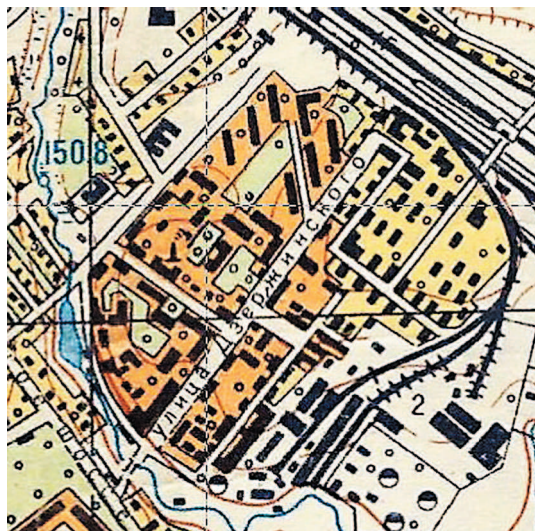
54. Фрагмент карты 1878 года. В то время на левом берегу реки Лихоборка, вплоть до Николаевской (Октябрьской) железной дороги размещались поля. Название Ховрино тогда относилось только к усадьбе у искусственного пруда на реке Лихоборке. На месте станций «1-й» и «2-й Пост» стояли будки дорожных обходчиков

55. Фрагмент карты Москвы (закрашено розовым цветом) и окрестностей. Издание Мосгоргеотреста 1952 года. Ховрино и Ново-Ховрино. Участок поля на северном левом берегу речки Лихоборки на месте будущего поселка строителей показан незастроенным. В это время там размещался лагерь для немецких военнопленных. Наш дом 1952 года постройки был поставлен рядом с лагерем, напротив речной излучины (место отмечено стрелкой)

56. План застройки поселка
Краснооктябрьского
к северо-востоку от реки
Лихоборки 1968 года.
Никакого пруда или
расширения русла
не существовало. Это лишь
свидетельство того, что
топосъемка осуществлялась
весной. Ребятня в это
время сооружала
плоты, чтобы кататься
в половодье. Увеличенный
фрагмент карты Москвы
и окрестностей

57. Ховрино, «2-й Пост», бывший городок строителей, именуемый в народе «Чикаго». Единственное двухэтажное здание, сохранившееся из всех домов городка начала 1950-х годов. В нем сначала были милиция, сберкасса, буфет и библиотека. На месте нашего уничтоженного дома № 2 выстится многоэтажка (справа). Фото 11 апреля 2021 года. Во время фотосъемки в объективе оказался круг с крестиком, словно моя материализовавшаяся душевная боль

58. Ховрино, «2-й Пост». Мы с сестрой сфотографированы на фоне ныне единственного сохранившегося двухэтажного здания бывшего городка строителей. Скверик у соседнего дома. 1952 год

59. Ховрино, «2-й Пост», бывший городок строителей — «Чикаго». В скверике сохранился бывший фонтан, в котором когда-то в прозрачной воде плавали золотые рыбки. Ныне он засыпан землей и превращен в клумбу. Фото 11 апреля 2021 года

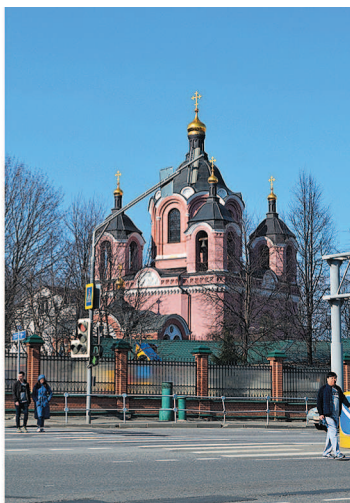

*60. Ховрино, «2-й Пост», бывший городок строителей — «Чикаго».
Пятиэтажные дома — ранее общежития строителей.
На первом этаже размещался клуб, а сейчас магазин «Пятерочка»*

*61. Ховрино, «2-й Пост». Бывший клуб завода «Моссельмаш».
В 1950-е и 1960-е годы он всегда был заполнен до отказа зрителями.
Центр культурной жизни поселка. 11 апреля 2021 года*

*62. Ховрино, «1-й Пост». Усадьба Грачёвка. Краснокирпичная церковь во имя иконы Знамения Божией Матери. В советское время храм стоял без куполов. Ныне он восстановлен, реставрирован.
Фото 1960-х годов из интернета и 11 апреля 2021 года*

*63. Ховрино, «1-й Пост». Усадьба Грачёвка всегда была в хорошем состоянии. В господском доме находился и до сих пор работает санаторий. Южный фасад.
11 апреля 2021 года*

64. Чудом оставшиеся
две ивы из густого
обрамления вымощенного
бульжником
Лихоборского шоссе
(ныне Онежская улица),
ведущего из усадьбы
Михалково в усадьбу
Грачёвка.
11 апреля 2021 года

65. Всей семьей голосуем за партию Ленина и Сталина. Ховрино, «2-й Пост».
Избирательный пункт в поселковом клубе при общежитии. Без даты

27 июня 1954 г.

14 сентября 1954 г.

66. Ховрино, «2-й Пост». С сестрой Алей у дома на фоне черемухи, у которой очень вязкие черные плоды. Вся одежда сшита мамой. На снимке два ангелочка, но за несколько минут до этого была страшная ссора. Аля в свой День рождения: «Я пошла в школу»

67. 1 сентября 1955 года. Ховрино, «2-й Пост». Это был радостный праздник. Слева направо: Вова Буров пошел в 1-й класс; Аля Бурова, ученица 2-го класса; Маша Карпухина пошла в 1-й класс. Крайняя справа — Тома Скубенко — девочка без костей, дворовая гимнастка. Дворик дома. Сзади беседка. Фото сделал отец Маши, сосед, майор в отставке. Их квартира № 3 располагалась рядом с нашей квартирой № 2 на 1-м этаже

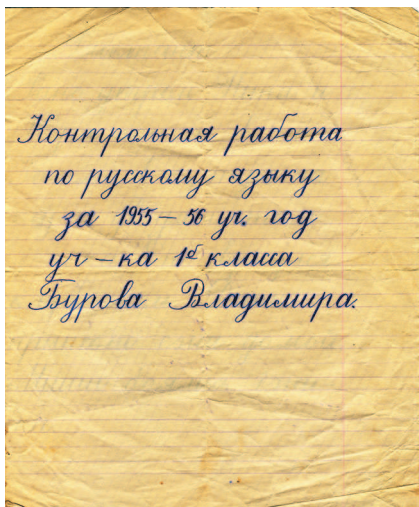

68. 1 сентября 1955 года. Ховрино, «2-й Пост». В компании Маши Карпухиной и ее брата, пятилетнего Юры. Первый раз — в первый класс. Фото майора Карпухина

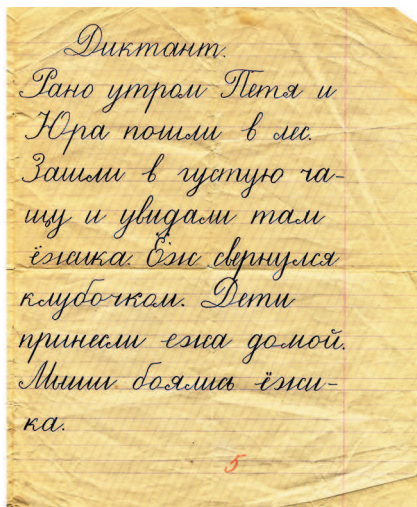

69. Ховрино, «2-й Пост». Здание бывшей школы № 41 Октябрьской железной дороги. Школа построена в 1954 году.
Ныне — Колледж предпринимательства № 11. Фото 11 апреля 2021 года

Контрольная работа
по русскому языку
за 1955 - 56 уч. год
уч - ка 1^е класса
Бурова Владимира.

Диктант.
Рано утром Петя и
Юра пошли в лес.
Зашли в густую ча-
щу и увидели там
гнездо. Там свернувся
кубочком. Дети
принесли его домой.
Миши боялись гнез-
ка.

5

70. В первом классе учительница Серафима Степановна Померанцева научила нас чистописанию

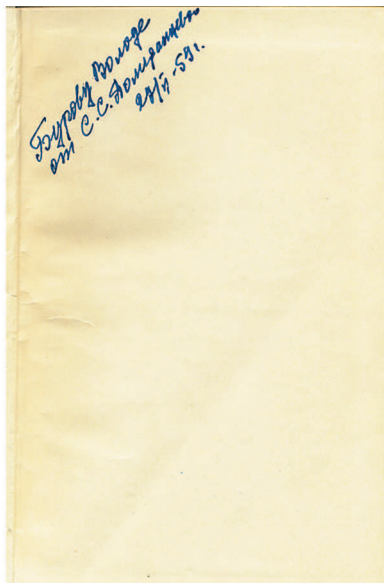
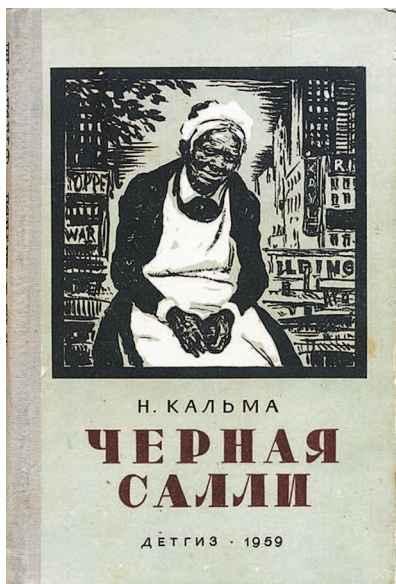

71. 1 июня 1956 года. Мы с сестрой перешли во 2-й и 3-й классы. Аля уже пионерка. Оба одеты в образцовую и вполне удобную форму советского школьника и школьницы тех лет. Снимок сделан в обширном дворе школы № 41 Октябрьской железной дороги. На заднем плане — дома частной застройки

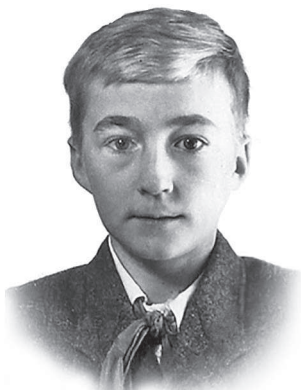

72. Судя по пятизначному номеру, такие красивые похвальные листы в 1950-е годы получили десятки тысяч учеников школ, находящихся в ведомости Министерства путей сообщения СССР

73. Личный подарок учительницы начальных классов Серафимы Степановны Померанцевой по окончанию 4-го класса. Книга, посвященная борьбе американских негров за свои права, оказалась достаточно скучной. Но она важна как память о первой учительнице

Пионер

Комсомолец

74. Этапы школьной жизни

75. Выпускной 4Б класс школы № 41 Октябрьской железной дороги вместе с учительницей Серафимой Степановной Померанцевой. 12 мая 1959 года. В. Буров в нижнем ряду пятый слева. Справа от меня с пышным белым бантом Люда Поликова, которая мне очень нравилась

Алёшин

Асс Люда

Асс Таня

Бикина

Бобков

Воронин

Галямшин

Горелов

Горетова

Дюжиков

Есипов

Желтобрюхов

Корчигина

Кулешова

Кульдяпина

Лазарев

Ляликов

Медведев

Мухин

Поздняк

Полшкова

Романенко

Сергеева

Симонова

Сокол

Сочин

Стрмова

Федотов

Харитонов

Хренова

76. Ребята 4Б класса, которых до сих пор помню по фамилиям.
Никогда не забывал

77. В 1960–1970-е годы увлечение марками было почти всеобщее. Они были красочные и вполне сопоставимы с иллюстрациями учебников истории. Наборы марок в позднем домашнем классе

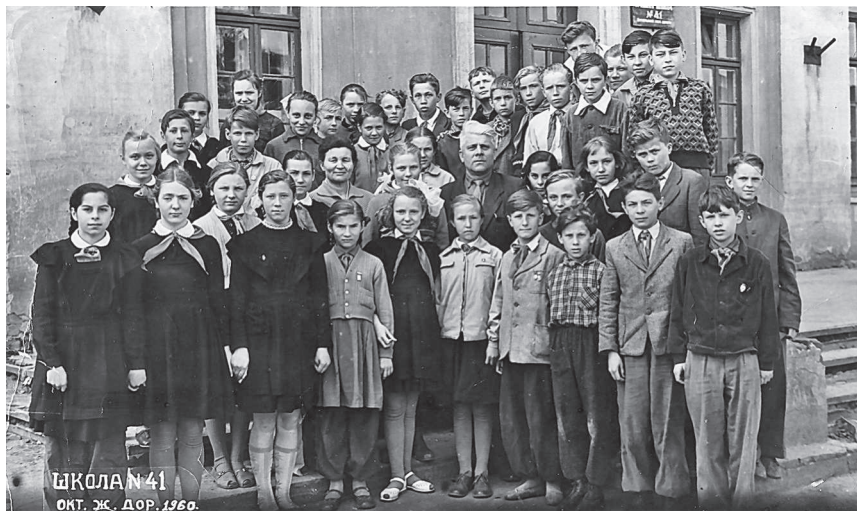

78. Этикетки спичечных коробков собирались как на улицах Ховрино, так и приобретались в магазине «Детский мир». Страницы альбома 1959 года с распределением по темам. Первая классификация

79. В СССР 1 Мая был действительно праздником всех трудящихся. На улицах царил всеобщее радостное настроение. Рядом со станцией метро «Лермонтовская» собирались работники Московского электролампового завода (МЭЛЗ), на котором работала мама, чтобы сформировать колонны для прохождения по Красной площади. Наша семья в полном составе. На верхнем снимке мы все четверо слева, на нижнем снимке отец с мамой и сестрой справа, я слева в руках с цветком

80. 5Б класс. 23 мая 1960 года. Фото на память вместе с первой учительницей Серафимой Степановной Померанцевой и учителем математики Леонидом Федоровичем Шалаевым. Володя Буров в верхнем ряду четвертый слева

81. Обложка программы концерта, посвященного юбилею Пионерской организации имени В. И. Ленина, который состоялся 17 мая 1962 года в Московском Кремле, во Дворце Съездов. Память о том концерте, на который я был делегирован от школы № 41 в год своего последнего пребывания в пионерии

82. С другом Колей
Сорокиным по дороге
домой в Ховрино
из Третьяковской
галереи. Фото на фоне
Московского Кремля,
который вызывал у нас
чувство гордости. Фото
Николая Бобкова.
Без даты

83. Веселый старший отряд в пионерлагере «Голубое» под Крюково.
В. Буров крайний справа в нижнем ряду. 1962 год

*84. Дом 5 по улице Дзержинского (ныне Солнечногорская), в котором, в угловой квартире 76 на третьем этаже (слева) мы прожили с 1959 по 1962 год.
Фото 11 апреля 2021 года*

85. Ворота в усадьбу Михáлково с двумя башнями псевдоготического стиля. Справа бывший клуб ткацкой фабрики имени рабочего-революционера Петра Алексева. Сама фабрика в советский период благополучно работала, а ныне на ее месте построен жилой комплекс. 11 апреля 2021 года

86. Усадьба Михáлково. Башня, стена и корпус. На огороженной территории находился детский городок с разнообразными играми

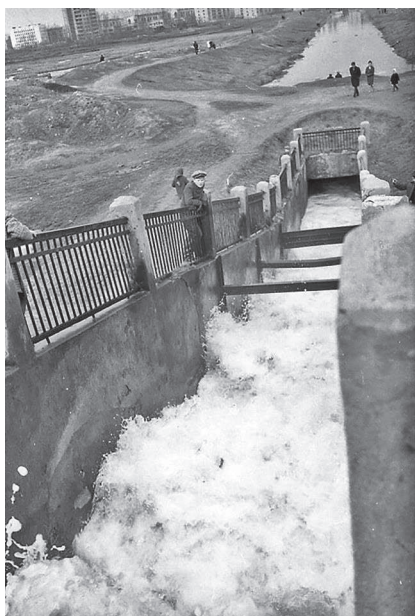

87. Пруд в усадьбе Михáлково

88. Головинский пруд с реставрированной кирпичной беседкой, которая в наше время всегда стояла полуразрушенной и заброшенной. 11 апреля 2021 года

89. Бурлящий водопад на Головинском пруду в 1970-е годы (фото из интернета) и современное состояние — снимок сделан 11 апреля 2021 года

90. Головинский канал, на берегах которого в начале 1960-х годов мы проводили летние каникулы — загорали на его левом берегу, купались в его чистой воде, переплывая на противоположный берег. По каналу проходила границы Москвы и области. Левый берег относился к Подмосквовью, правый — уже Москва. Ныне канал представляет жалкое зрелище. Фото 1970-х годов из интернета и современное, 11 апреля 2021 года

91. На левобережье Головинского канала располагалось обширное болото, ныне застроенное блочными домами. Фото 1970-х годов из интернета

92. Впервые на Черном море вместе с сестрой Алей. Август 1963 года. Тогда народа на пляже было мало, море чистейшее, а Лазаревское представляло собой тихий зеленый благословенный поселок. Люди не ходили по головам. Даже не верится, что это был не сон!

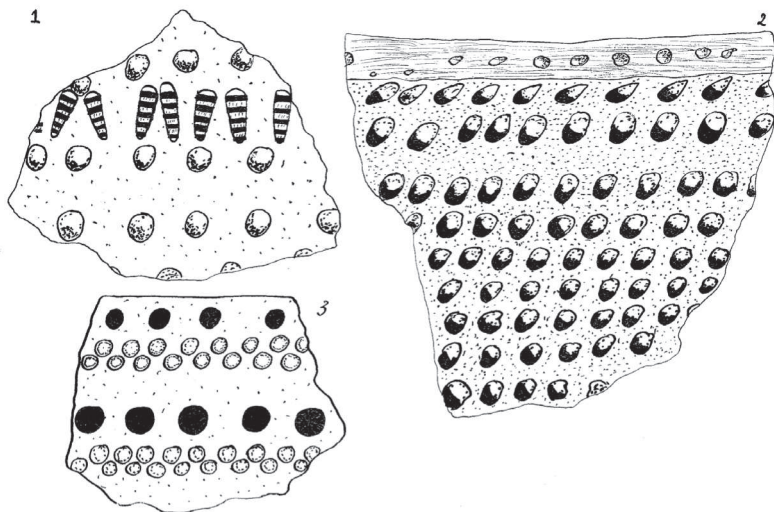

93. В ноябре 1962 года семья переехала из Ховрино на 2-й Щукинский проезд рядом с Институтом атомной энергии имени Курчатова.
Вид с балкона 5-го этажа на двухэтажные бараки.
Справа — край школы № 722, в которой я учился с 8-го по 11-й класс

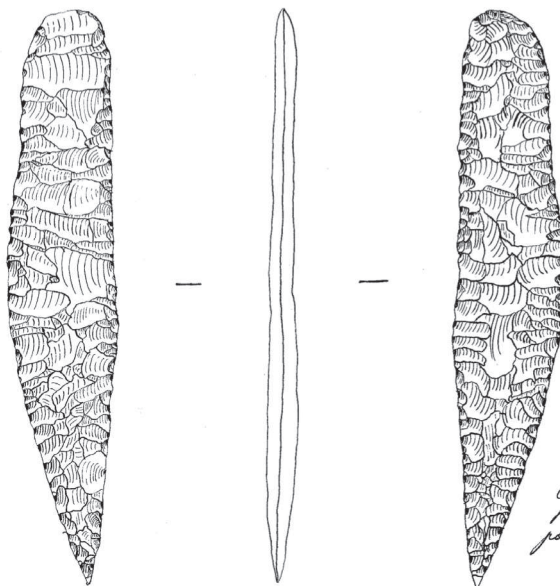

94. Общее фото после окончания 8-го класса школы № 722 г. Москвы.
1963 год. Застывшая на заднем плане пионерка с нами не училась.
В. Буров в предпоследнем третьем ряду, второй справа

1 - ялгато-уфелклатая керашика; 2 - ялгатая керашика, ^{1963г.}
 Стоянка Черная гора
 3 - ялгатая керашика ^{1963г.}
 Стасе-Кленковенко р.-ка
 Дзугаевск. обл.
 раскопки Цветковой

Стоянка Черная гора
 Стасе-Кленковенко
 р.-ка Дзугаевск. обл.
 раскопки Цветковой
 1963г.
 Кикташ (Красная)

95. Рисунки находок с неолитической стоянки Черная Гора под Рязанью, выполненные на занятиях археологического кружка при Кабинете школьника в Государственном историческом музее под руководством Ирины Константиновны Цветковой. 1963 год

96. Деревня Фомино Спасо-Клепиковского района Рязанской области — место расквартирования археологической экспедиции под руководством И. К. Цветковой. Вид на центральную часть с крыши школы. 1964–1965 годы

97. Деревня Фомино. Здание начальной школы, где проживала археологическая экспедиция. Мои друзья — Павел Митяев (слева) и Володя Стогов. 1964 год

98. Неолитическая стоянка Черная Гора на берегу озерного расширения реки Пра. Раскопки археологической экспедиции Государственного исторического музея под руководством И. К. Цветковой. Рабочие — студенты-антропологи биологического факультета МГУ и члены археологического кружка Кабинета школьника ГИМ. Вид с юга, 1964 год. Фото И. К. Цветковой

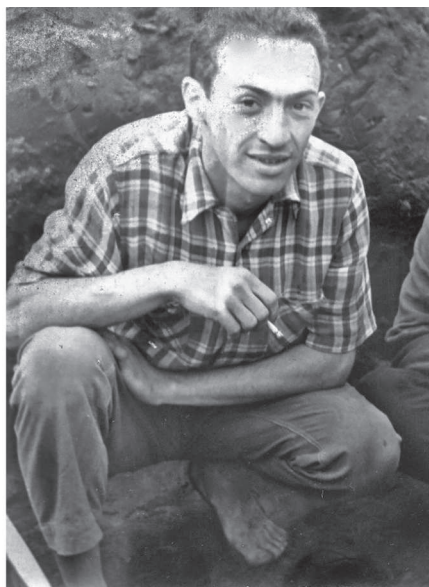
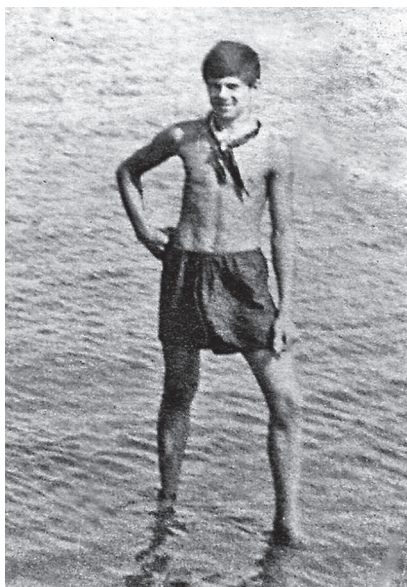

99. Раскопки стоянки Черная Гора. Общий вид с востока, 1964 год. Фото И. К. Цветковой (архив Института археологии РАН)

100. Три друга, участники раскопок стоянки Черная Гора на берегу реки Пра.
Слева направо: Павел Митяев, Володя Стогов, Володя Буров.
На мне шляпа, подвергшаяся испытанию дождями.
Мне говорили, что в ней я похож на киноактера Вицина

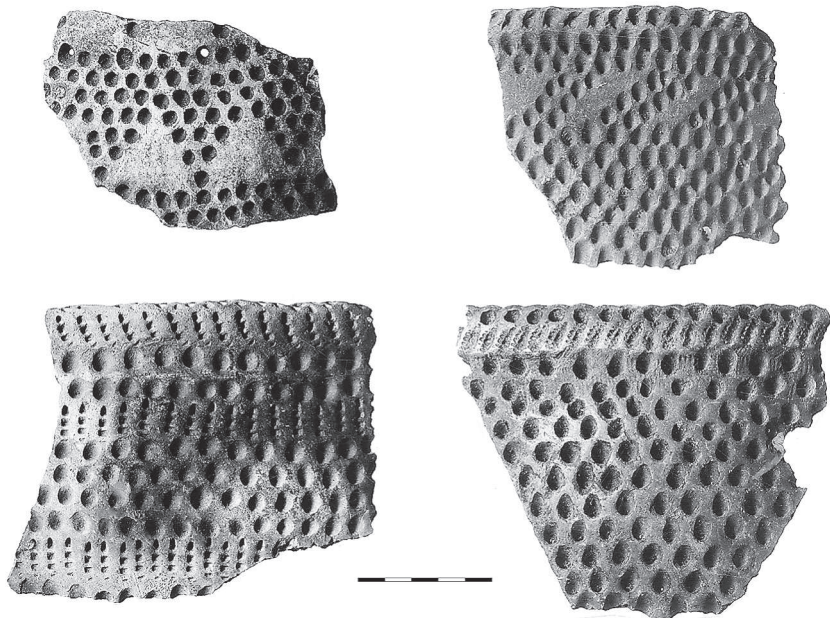

101. Стоянка Черная Гора. 1964 год. Озорной, хулиганистый Васька
Огульчанский и его жертва студент биофака МГУ Эдик, уже без часов

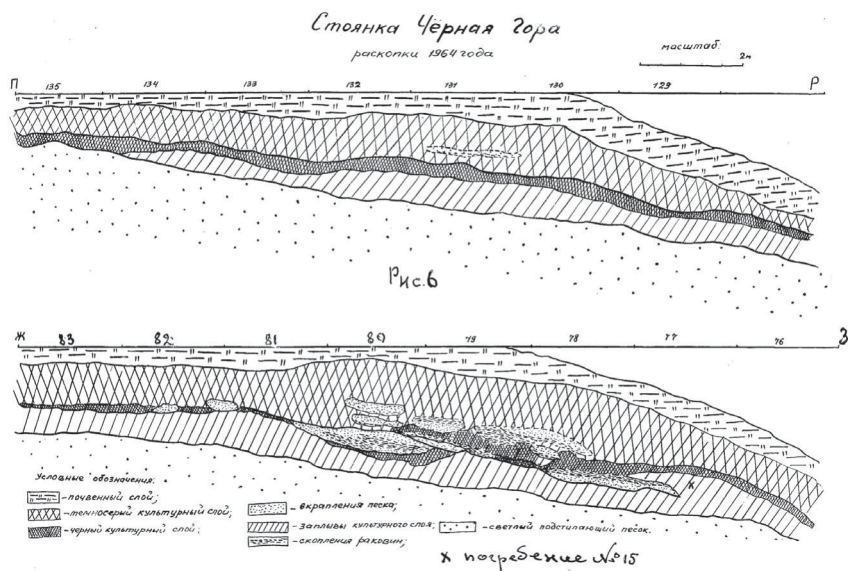

102. Находки из кремня и кости, выявленные в 1964 году участниками раскопок стоянки Черная Гора. По материалам научного отчета И. К. Цветковой (архив Института археологии РАН)

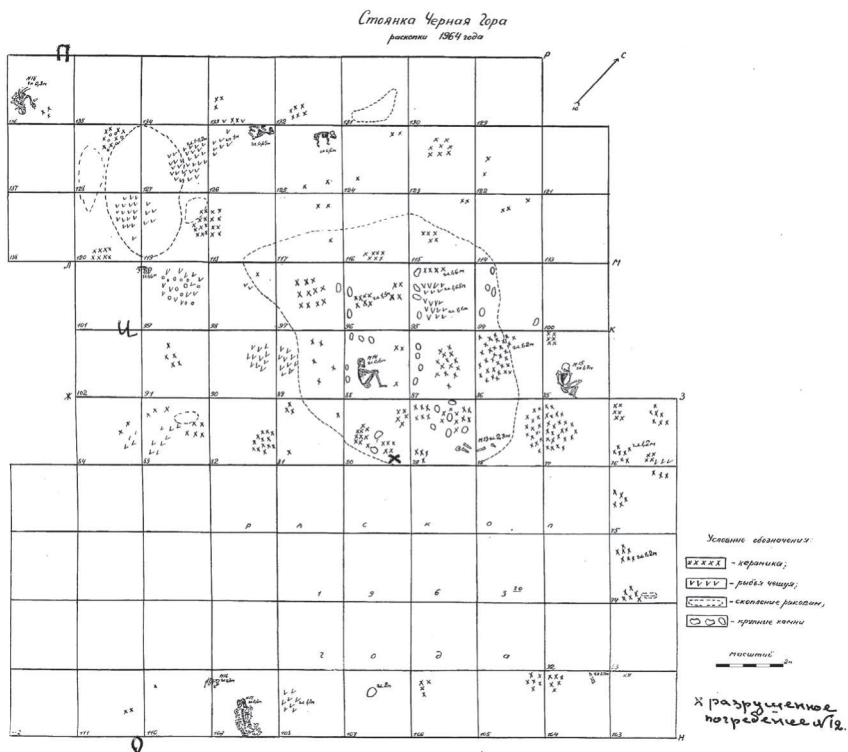

103. Стоянка Черная Гора. Фрагменты глиняных горшков рязанской культуры с ямочно-ребричатым орнаментом, выявленные в 1964 году. По материалам научного отчета И. К. Цветковой (архив Института археологии РАН)

104. Стоянка Черная Гора. Чертеж профилей раскопа 1964 года. Из отчета И. К. Цветковой (архив Института археологии РАН)

105. Стоянка Черная Гора. Общий план раскопки 1964 года.
 Из отчета И. К. Цветковой (архив Института археологии РАН)

*106. Раскопки
стоянки Черная
Гора. Краевед
из Касимова
А.И. Китайцев
и начальник
экспедиции
И.К. Цветкова.
1965 год*

107. Стоянка Черная Гора. Момент раскопок. Прохладно, дождь. 1965 год

108. Некоторые из находок из камня и кости, выявленных в 1965 году участниками раскопок стоянки Черная Гора. По материалам научного отчета И. К. Цветковой (архив Института археологии РАН)

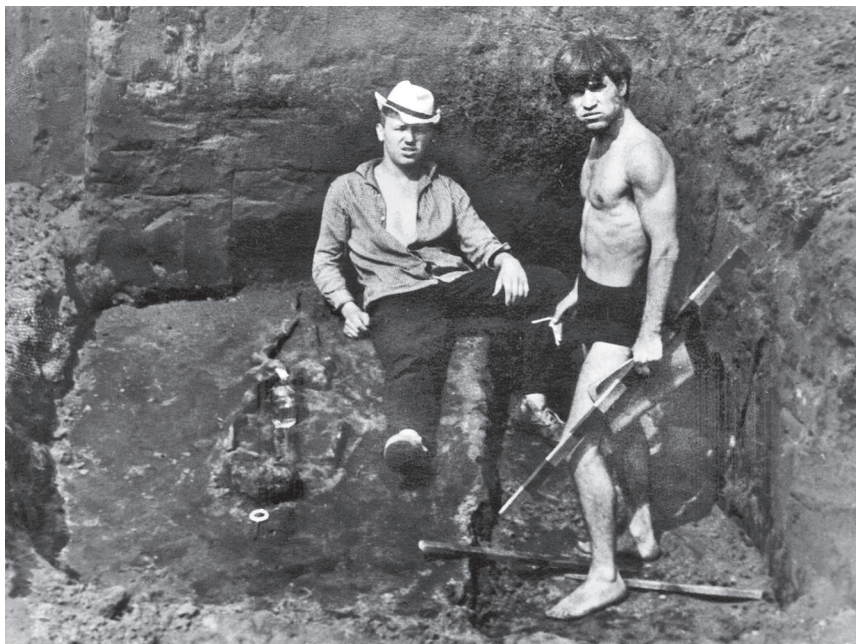

Черная Гора
 раскопки 1965 г.
 погребение № 19

МАСШТАБ - 1:10

109. Стоянка Черная Гора. Раскопки И. К. Цветковой погребения № 19.
 Консервация развала черепа. 1965 год

110. Стоянка Черная Гора. Рядом с раскопанным погребением. Павел Митяев (слева) и художник Серафим Голофеев. 1965 год

111. Черная Гора. Рыбный улов. 1965 год

112. Стоянка Черная Гора. Установка щита после завершения раскопок. 1965 год

113. Общий вид стоянки Черная Гора на берегу озерного расширения реки Пра. Вид с востока. 1965 год. Фото И.К. Цветковой из научного отчета (архив Института археологии РАН)

„... Читайте,

завидуйте,

я гражданин

Советского

Союза“.

В. Маяковский

„Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть всякий молодой человек, всякая молодая девушка“.

В. И. ЛЕНИН.

В памятный день получения
первого советского паспорта
тов. Буров

Владислав Андронович

от Управления охраны общественного
порядка

Московского городского Исполкома
Совета депутатов трудящихся

9/III 1964 г. Типогр. им. Воровского Зак. 3022

Получив советский паспорт, носи и береги его, как честь свою, а честь свою береги смолodu.

Помни, что героическая история нашей партии является вдохновенным примером беззаветного служения коммунистов своему народу.

Иди твердо по пути к коммунизму.

Учись и строй, как завещал великий ЛЕНИН.

Укрепляй могущество своей Родины, строго соблюдай советские законы, дисциплину труда, честно относись к общественному долгу.

Береги народное добро, как свою жизнь. Уважай нормы социалистического общежития, пресекай малейшее нарушение общественного порядка, помогай всем, кто укрепляет его.

Всегда горячо откликайся на зов партии. Не забывай, что в этом комсомол и молодежь снискали к себе любовь народа.

Борись за новые успехи в хозяйственном, культурном и государственном строительстве.

114. Осенью 1964 года мне был вручен паспорт с вкладьшем-прокламацией — высокопарными назидательными наставлениями. Так грубовато осуществлялось патриотическое воспитание в СССР

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
о присвоении квалификации**

Настоящее свидетельство выдано .....

Бурову
(фамилия)
Владимиру Андроновичу
(имя и отчество)

родившегося в м.г.г. **23** сентября 1948 года,

в том, что он обучался в **722**

средней школе
(полное наименование школы)

Краснопресненского р-на
(место ее нахождения)
г. Москвы

и окончил..... в **1966** году полный курс
производственного обучения по профессии
(специальности) .....

радиомонтажника

Решением Квалификационной комиссии

№ **3393**

(наименование предприятия, строительства, совхоза, колхоза,

транспортной и др. организаций)

от **19** марта 1966 года

Бурову В. А.
(фамилия и инициалы)

присвоена профессия (специальность).....

радиомонтажника

и установлен **3-й** разряд.

Председатель **С. Я. М.**
Квалификационной комиссии
Директор школы

Б № **432503**

Выдано **29** июня 1966 г.

Гознак. 1966 г.

115. В 1966 году, накануне окончания средней школы № 722 Краснопресненского района Москвы, школьникам было вручено удостоверение радиомонтажника 3-го разряда. Для работы оно в дальнейшем пригодилось только мне и определило специализацию армейской срочной службы

116. Выпускники 11А класса школы № 722 г. Москвы. 1966 год

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

Москва, Красная площадь, 1/2.

ГМФ з. 88

Телефон секретариата Б 8-70-06

Телефон бухгалтерии Б 1-47-91

5. мая 1970 г.

Исх. №
на В/ЛБ

СПРАВКА

Дана БУРОВУ Владимиру для представления на Исторический факультет МГУ.

БУРОВ Владимир принимал активное участие в работе археологического кружка в течение 3-х лет при Кабинете Школьника Государственного Исторического музея.

За время работы в кружке он подготовил следующие доклады:

1. "Торговля славян IX-XIII вв."
2. "Земледелие и скотоводство у славян в IX-XIII вв."
3. "Палеолитическая стоянка Мальта".
4. "Жилища неолитической стоянки Болодары".
5. Отчет об археологической экспедиции на стоянке Черная Гора 1964 г.

В 1964-1965 г.г. принимал участие в археологических экспедициях ГИМ на стоянке Черная Гора, которые проводились под руководством кандидата исторических наук И. Цветковой. Он также принимал участие в разведке неолитической стоянки Дунькина гора. 2 раза принимал участие в однодневных археологических экспедициях, которые были организованы Кабинетом Школьника ГИМ.

БУРОВ В. 2 раза был премирован дирекцией ГИМ за хорошую работу в археологических экспедициях, доклады и помощь 1-му отделу ГИМ в реэкспозиции.

Директор Государственного Исторического музея *В. Вержбицкий* / В. Вержбицкий /

Руководитель археологического кружка, кандидат истор. наук *И. Цветкова* / И. Цветкова /

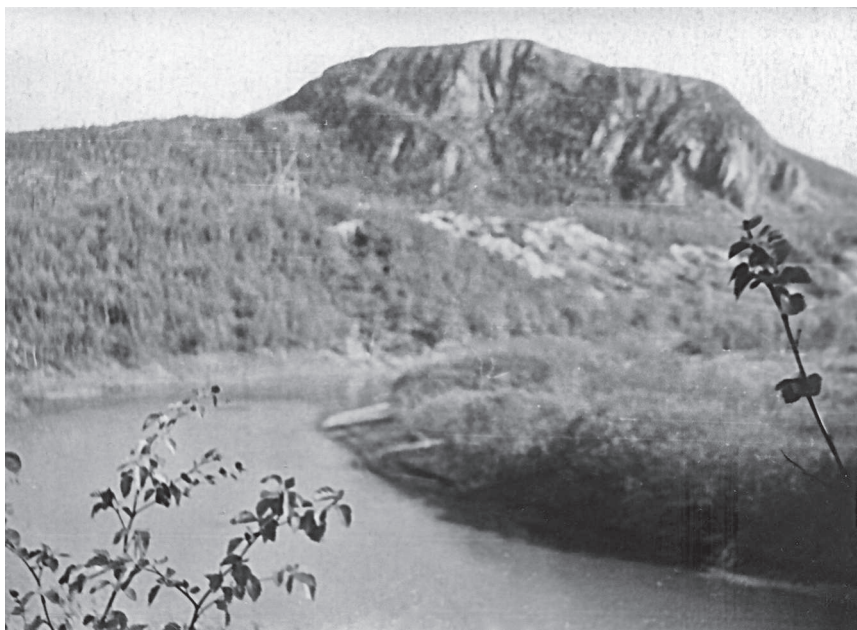
Зав. Школьным Кабинетом *В. Краснова* / В. Краснова /

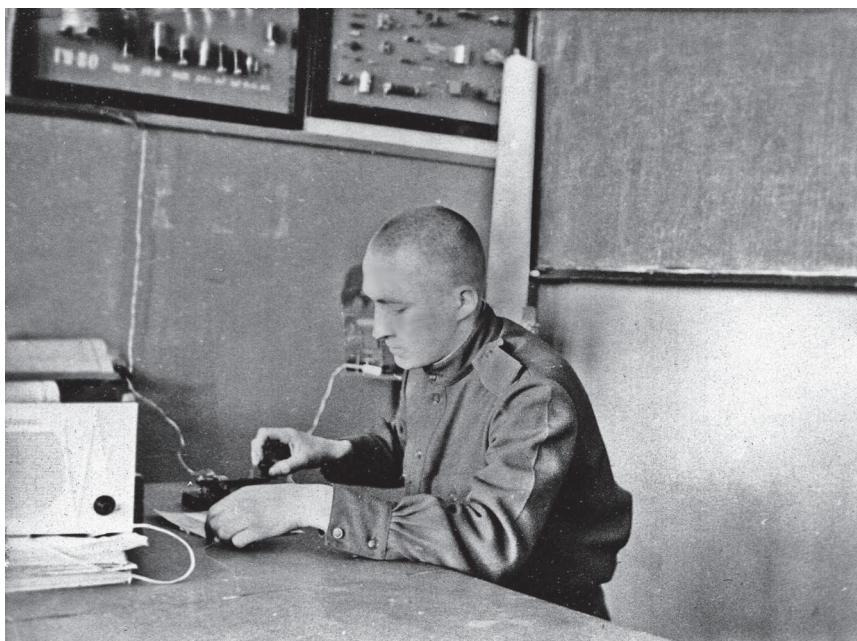

118. Где-то между Печенгой и городом Заполярный на границе с Норвегией, членом НАТО. Здесь я служил с 1967 по 1969 год. Снимки автора из открытого кузова армейской машины

119. Генеральская сопка на реке Печенге рядом с полком. 1969 год. Снимок автора

120. Занятие в радиоклассе. Выстукиваю азбуку Морзе. Луостари. 1968 год

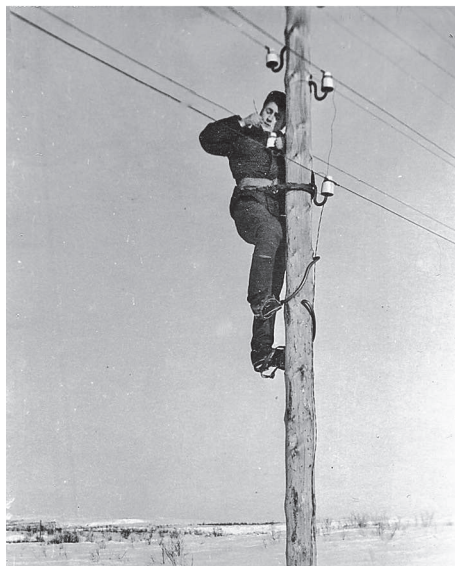

121. *Рядовой Витя Баранников из города Орла — радиотехник, ас в своем деле. Луостари. 1969 год. Единственный и, к сожалению, нечеткий снимок*

122. *Весна. Делаю вид, что закалился. Луостари. 1969 год*

123. Радист должен быть и телефонистом. Луостари. 1969 год

124. Заполярный — ближайший город армейской мечты. 1969 год

*125. Связисты-старики гвардейского Фокшано-Гданьского полка.
Луостари. 1969 год*

*126. Гвардии рядовой Заполярья
В. Буров. 1969 год*